ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Российский литературный журнал

Издается с октября 1933 года

2011 сентябрь 5 *октябрь*

Учредители:
Правительство Хабаровского края,

Союз писателей Российской Федерации.

Главный редактор:
Вячеслав СУКАЧЕВ

Редакционная коллегия:

Н.Н. Дьякова,
Н. Б. Зимина,
Ю. Н. Кабанков,
Л. И. Миланич,
Н. Д. Наволочкин,
А. В. Николашина,
Н. В. Семченко,
В. В. Сукачёв,
Н. А. Тарасов,
Г. П. Якунина.

Издатель:
Государственное учреждение культуры «Редакция журнала «Дальний Восток»

ХАБАРОВСК
2011

Содержание

ПРОЗА
Сергей ЯН. Страна отцовских грез, *повесть* 3
Татьяна СЕРГЕЕВА. «Шляпа», *рассказ* 67
Иван ЗОРИН. Три рассказа 77

ПОЭЗИЯ
Николай КАРПОВ. Жизнь светла и строга 57
Валерий ЧЕРКЕСОВ. Оберег 62
Елена СУПРАНОВА. Сколько на свете чудес 72
Николай ШАМСУТДИНОВ. Урок милосердия 86
Вадим ВОЕВОДИН. Городской романс 93

ОКНО В ПРИРОДУ
Олег ВОРОНОЙ. Повесть о жар-звере 96

ОЧЕРК, ПУБЛИЦИСТИКА
Виктор РЕМИЗОВСКИЙ. Сахалинский гамбит, *дневник одной экспедиции* 104

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ
Галина ЯКУНИНА. Василий Бесконвойный, *перечитывая Василия Шукшина* 156

КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО
Владимир МАРАТКАНОВ. Огненных дел мастер, *очерк* 180

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ
Геннадий СТРУНАЧЁВ-ОТРОК. Путями Витуса Беринга и Алексея Чирикова, *исторический очерк* 185

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ
Сергей ФЕОКТИСТОВ. Золотая просека, *документальная повесть* 198

ОБЩАЯ ТЕТРАДЬ
Евгений ГОНЧАРОВ. Китайские сказки иноземца 221
Игорь ОЛЬХОВСКИЙ. Притяжение Святого Ионы, *история одного путешествия* 227

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
Виктор ЧЕТВЕРГОВ. «Да здравствуют летящие, летящие на свет!» 235

АВТОРЫ НОМЕРА 237

© «Дальний Восток»

Сергей ЯН

СТРАНА ОТЦОВСКИХ ГРЁЗ

Повесть

Моим родителям — отцу Ян Дюн Хо
и матери Чан Бок Сун

По тоненькой ниточке
В небо отправил письмо.
Сорок лет сторожу облака,
А ответа все нет…

ПРЕДИСЛОВИЕ

Две родины, два мира, Восток и Запад в одном... Все это — мы, поколение корейцев, родившихся на Сахалине после окончания Второй мировой войны. Земля, чужая для наших отцов, стала нашей родиной, отчим домом. Здесь живут наши дети.

Но невольная ностальгия, переданная от родителей, необъяснимо гложет наши сердца, заставляя в неясной печали обращать свои взоры к Корее... Какая она, Родина моего отца? Страна его грез, его Шамбала. Страна, в которую он так и не попал, скончавшись от непосильной работы и болезней задолго до перестройки. Сахалин — бывшая территория Японии, куда его насильно привезли добывать уголь в шахтах, где он прожил тридцать девять лет, так и не стал для него родным. В первые послевоенные годы отец с нетерпением ждал отправки в Корею, однако холодная война и железный занавес внесли свои жестокие коррективы в его жизнь.

В то время, когда я старательно пел в школьном хоре: «…другой такой страны не знаю...», ему выдали вид на жительство, и стал мой отец человеком без гражданства — человеком без Родины. Во времена «хрущевской оттепели» он искал своих близких в Южной Корее через международный Красный Крест, обращался в правительство СССР, но самое «свободное и справедливое общество на земле» не позволило ему увидеться с родными. МИД СССР имел честь сообщить о том, что дипломатических отношений между Республикой Корея и Советским Союзом нет, тем самым давая понять, что нет возможности помочь найти людей в несуществующей стране. Бдительные товарищи из «соответствующих» органов посоветовали

ему не проявлять излишней настойчивости в этих поисках и сосредоточиться на судьбе подрастающих детей.

Это были не просто советы. До сих пор неизвестна судьба людей, открыто изъявивших в 1975 году желание выехать через Японию в Южную Корею. Сначала их поместили в психиатрическую больницу, а потом всех — и взрослых и детей — куда-то депортировали, и их судьба никому неизвестна. Все правильно! Разве может у нормального человека возникнуть желание уехать из самой свободной и прогрессивной державы в капиталистическую Корею?

После Сеульской олимпиады, почти через десять лет после кончины отца, мы неоднократно пытались отыскать своих родственников в Корее, но тщетно. Во время последней войны на Корейском полуострове армия Ким Ир Сена, «Великого вождя» корейских коммунистов, поддерживаемая советскими инструкторами, военной техникой и дивизиями китайских «добровольцев», не жалея никого, дважды смерчем пронеслась по Южной Корее. Возможно, что все наши родные погибли в трагической, бессмысленной бойне, закончившейся разделом некогда единой страны на два враждебных государства. На родине отца, в Пусане, так и не дождались весточки о нем его родители, сестра и братья. До сих пор им неизвестна судьба моего отца. Еще один безвинный человек, неведомо зачем унесенный войной на чужбину, слезинка в море человеческих страданий, жертва политических амбиций «вершителей судеб» мира.

...Помню, как я смотрел первые телемосты «Сеул — Южно-Сахалинск».

— Омони! Омма! — кричали на весь мир сквозь полувековое ожидание наши седовласые старики.

— Мама! Мама! Это я! Ваш сын...

— Да, ты мой сын! Ты мой сын! — доносился из-за моря слабый старческий голос.

— Как вы жили без меня? Простите меня, мама, — и земной поклон, и рыдания…

Слезы, горе и радость одновременно. Я не мог досмотреть до конца ни одного телемоста. Я их ждал, смотрел — и не видел. Тогда всем нам хотелось только одного: чтобы наконец-то встретились все разлученные на земле люди. Мы не были готовы к новым, грядущим расставаниям.

Потом встречали первые самолеты из Кореи и провожали на Родину стариков. Мне некого было провожать, но я вместе со всеми стоял, держась за холодные металлические прутья ограды аэропорта, и смотрел, смотрел... В каждом голосе, зовущем родных, мне слышался голос отца. В каждом старике, улетающем в Корею, я узнавал его облик. Вот он, сутулясь, поднимается по шатким ступеням трапа, оборачивается и со счастливой улыбкой машет мне рукой…

— Идите домой, я скоро вернусь, — кричит он. Нет, это не он. Отец был повыше…

Сколько их таких, не доживших до этих счастливых дней...

Минуло десять лет перестройки. Многие мои друзья уже неоднократно летали в Корею. Некоторые из них переселились туда навсегда, а я все как-то не решался вот так «просто» получить визу, сесть в самолет и праздным туристом сойти по трапу на землю, о которой мечтал отец. Но всему есть начало и есть конец. Сегодня нас, чьи родители покоятся в сахалинской земле, в организованном порядке направляют в Корею для знакомства с исторической Родиной. Захватив с собой горсть земли с холодной отцовской могилы, в страну его мечты летит старший сын...

Какая она, страна отцовских грез?

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
РЕСПУБЛИКА КОРЕЯ

ВСТРЕЧА

20.11.96 г.

Наше путешествие в Корею началось ноябрьским ветреным днем с холодного «накопителя» в международном секторе Южно-Сахалинского аэропорта. Три часа, проведенные в темном, продуваемом сквозняками помещении, отобьют охоту к заграничным поездкам любому, отнюдь не избалованному изысканным сервисом сахалинцу. Кроме нас, восьмидесяти восьми «туристов», направляющихся в Корею под эгидой Красного Креста Кореи и Общества разделенных семей, посадки в самолет ждут еще сорок-пятьдесят человек. Это бизнесмены с неумолкающими телефонами, шумные и суетливые «челноки», чуть подвыпившие рыбаки — сменный экипаж краболова и группа молодых людей, отправляющихся на историческую родину в поисках средств к существованию.

После утомительного ожидания уютный салон «Боинга» корейской авиакомпании кажется раем. Ровный гул двигателей, небольшой разбег — и вот уже под нами родной сахалинский ландшафт, прошитый черными строчками дорог. Сопки, речки и озера — все белое, искристое. На снегу от деревьев — прозрачные тени-штрихи. Долго летим над побережьем Японии, затем круто поворачиваем на запад. Пушистые горы облаков плывут по морю, словно айсберги. Белопенные хвосты от темных точек и черточек судов кажутся росчерками падающих метеоритов в темно-синем ночном небе. Еще немного, и вот из-под редких кучевых облаков, словно воспоминание, стремительно наплывает земля...

Здравствуй, Корея! Не своя и не чужая, долгожданная и незнакомая страна. Каждое мгновение приближает меня к тебе, заставляя учащенно биться сердце. Я представляю рядом с собой отца и чувствую в горле горький ком от невольно набегающих слез.

Вся Корея в огнях: яркие, сверкающие букеты огней в долинах и на побережье, тоненькие светящиеся паутинки в ущельях. После полутемного, едва освещаемого по ночам Южно-Сахалинска это кажется сказочной феерией. Наконец, в сияющем мареве огней появляется Сеул. Томительно тянутся секунды еще миг, и мы — на земле.

Историческая родина встречает меня прохладным, проходящим проливным дождем. По крытому трапу спускаемся к автобусу, где для нас приготовлены дежурные зонтики, и уже через несколько минут входим в просторное здание аэровокзала. На удивление быстро получаем багаж и проходим паспортный контроль.

Невозможно описать шок, который я испытал, получив в багажном отделении распотрошенную сумку. Кроме водки и кое-каких мелочей, исчезло самое главное: пакет с документами отца, его фотографии и узелочек с землей. Морозным ноябрьским днем руками (так подсказали старики) набрал несколько горстей холодной земли с отцовской могилы на старом кладбище. При японцах это был пригородный район Тойехары (Южно-Сахалинск), и, когда говорили о человеке, что он переехал в Осаву, всем становилось понятно, что больше они его не увидят. Дома долго сушил комочки земли на радиаторе отопления, лелея в душе мечту, довезти и рассыпать ее если не в родной деревне отца, то хотя бы на территории ближайшего буддийского храма, попросив монахов помолиться за его многострадальную душу. Моя миссия внезапно закончилась в багажном отделении нашего аэропорта.

Иногда мне снится тот человек без лица, который крутился возле груженных чемоданами тележек. Еще несколько человек недосчитались своих вещей. Почему-то все уверены, что случилось это не в Корее.

В Сеуле — семь вечера, разница с Сахалином — два часа. Получив нагрудные знаки со своими фамилиями, именами и номерами телефонов сопровождающих нас гидов (чтобы мы не потерялись), на двух огромных автобусах едем в гостиницу. Сквозь пелену дождя сияют разноцветные буквы и иероглифы рекламы, сверкают витрины магазинов, гирляндами огней светятся заправочные станции и мастерские. Вот бы нам на Сахалин хотя бы тысячную долю этого сияния!

«Ramada Olytnpia Hotel» — так называется «наша» гостиница. У входа встречает швейцар в высокой каракулевой шапке и в сером драповом пальто с каракулевым воротником. Электронное табло показывает двенадцать градусов тепла — в Корее поздняя осень. В вестибюле, выстроившись в две шеренги, улыбаются и кланяются юные девушки в униформе желто-голубого цвета. Оставив у стойки администратора вещи и верхнюю одежду, шумной толпой направляемся на ужин в ресторан, находящийся чуть дальше по коридору. В уютном ярко освещенном зале стоят массивные столы, накрытые темно-зелеными скатертями. На столах — изящные миниатюрные вазочки с красными цветами. Рис в маленьких чашечках с металлическими крышками, темно-коричневые жареные грибы, кимча малинового цвета, суп из ракушек вместе со створками раковин и крупицами песка. На маленькой газовой плитке сковорода с выпуклым сферическим дном и скворчащим мясом. Холодная вода в тонких высоких стаканах, соевые приправы.

Так или примерно так кормили нас все последующие дни, соблюдая определенную очередность: утром — завтрак в западном стиле (вестерн), обед — в одном из ресторанов города, ужин — в отеле. На десерт почти всегда подавали фрукты, а вместо чая — рисовый отвар. Только один раз весь день был посвящен японской кухне. Сидя на теплых соломенных циновках за длинными низенькими столиками, мы съели по кусочку рыбы с зеленью и запили все чашечкой бульона. Быть корейцем — для желудка приятнее. Как говорит мне Миша, мой компаньон по номеру: «На полный желудок и душе легче летать».

Стандартный двухместный номер отеля deluxe «Олимпия» обходится Красному Кресту примерно в сто долларов за сутки. На столе — визитные карточки отеля и телефонные справочники, в углу — бар-холодильник. В шкафу мы обнаружили моток ворсистой веревки. По мнению Миши, на случай эвакуации. На какой свет он будет эвакуироваться с девятого этажа по веревке длиной в девять метров, я не уточнял. На всякий случай мы предусмотрительно подергали крюк под окном, проверили на прочность. Больше всего нас (какой спрос с провинциалов, живущих в условиях веерного отключения от всех благ цивилизации) удивил способ экономии электроэнергии: пока не положишь в специальный карманчик бирочку от ключа, номер обесточен. У нас экономят проще и надежней: отключают рубильником или кнопочкой энергоснабжение всего района, и никаких затрат.

Утомленные перелетом, разморенные ужином и горячим душем, удобно расположившись в креслах, мы принялись за изучение путеводителя, из которого узнали, что в двенадцатимиллионном Сеуле, занимающем площадь свыше двух тысяч квадратных километров, таких гостиниц, как наша «Олимпия», около полусотни, а всех отелей, наверное, более двухсот. Река Хан (Ханган) делит город на две почти равные части, связанные между собой девятнадцатью мостами. Несколько районов города представляют собой деловые, коммерческие и культурные центры. Это Центральный Сеул (Central Seoul), Итевон (Itaevon), Июдо (Youido) и Вондон (Vongdong). Кроме того, выяснили, что самый удобный и дешевый вид транспорта в городе — это метро, а также ознакомились со списком фирменных блюд нашего ресторана.

Через час, несмотря на категорический запрет руководителя группы, мы сняли с пиджаков нагрудные знаки и, приняв, насколько это было возможно, вид обычных местных жителей, вышли в город. Находиться в столице Кореи и сидеть весь вечер в отеле? Нет, это не для нас. Дождь давно закончился, и вечерний город встречает нас ласковым теплым (по меркам Сахалина) ветром. По залитым светом улицам несутся навстречу друг другу нескончаемые потоки блестящих машин. Вспыхивают, мигают, переливаются разноцветные огни реклам. На кронах деревьев и декоративных кустах мерцают тысячи новогодних гирлянд. Горят фонари, освещая стоянки машин, переулки и подъезды домов (может, потому и темно у нас, что у них так светло?). На тротуарах — горы товаров. Нет решеток на окнах! Одинокие прохожие в переулках не боятся нас и охотно вступают в разговор. Когда в последний раз вы без опаски гуляли по Южно-Сахалинску после десяти часов вечера? Вот и я не помню.

Вернулись в отель во втором часу ночи. Не спится. Убиваем время, изучая прейскурант бара-холодильника. Цены — волосы дыбом. Бутылка виски в номере стоит тридцать пять долларов, банка пива — восемь. Смириться с окружающей действительностью нам помогли соседи и водка из Мишиных запасов.

СЕУЛ — КЕНДЖУ

21.11.96 г.

Взбираясь на пологие спины путепроводов, ныряя в желтые провалы тоннелей, наш автобус важно, словно кит, плывет по широким городским магистралям. Тротуары заполнены студентами, школьниками и пожилыми мужчинами в выглаженных костюмах. Женщин мало, и их туалеты особого внимания не привлекают.

Красивые здания, ухоженные газоны, чистые площади и скверы. Крутые скальные склоны холмов обтянуты металлической сеткой. Магазины, банки, офисы всевозможных компаний, рекламные щиты, автобусные остановки — все непривычное, незнакомое, только успевай смотреть. Яркое освещение тоннелей, какие-то иероглифы и дорожная информация на балках путепроводов и машины, машины, машины…

Внезапно город обрывается и начинаются теплицы. Их, покрытых черной и прозрачной пленкой, бесчисленное множество. В промежутках между блоками теплиц — аккуратные рисовые чеки с золотисто-желтыми снопиками соломы. В лепестках дорожных развязок — огороды и огородики. Вдали, по узеньким грунтовым дорогам, ползут мини-трактора, видны одинокие фигурки людей на полях, маленькие грузовики у невысоких складских помещений. Города, поселки и поля словно вытекают из ущелий невысоких, покрытых лесом гор.

Программа нашего пребывания на исторической родине начинается с экскурсии на всемирно известный завод LG. Всемирно известные концерны Самсон (читай Самсунг) и LG являются предметом гордости населения Кореи. (Могли бы Газпром или ВАЗ, выпускающий «Жигули», стать визитной карточкой России?). Хождение по стерильно чистым цехам и выставочным залам, приветственные речи и лекция об истории создания корпорации с демонстрацией достижений заводской науки завершаются вкусным обедом в одной из шести заводских столовых. Корейцы всегда любили хорошо поесть. Чтобы отведать полюбившееся блюдо, они готовы ехать за десятки километров. Но больше, чем есть, корейцы любят петь. Поют здесь все. В каждом квартале любого города есть несколько баров караоке. В тенистых беседках многочисленных парков по выходным дням по всей Корее поют старики.

Все дальше и дальше на юг: мимо городов, поселков, зеленых лугов и полей. С каждым километром становится теплее. Природные условия Кореи очень специфичны. Климат страны, расположенной на одной широте с центральной частью Средиземного моря, не столь благоприятный, как кажется на первый взгляд. Тайфуны и циклоны — здесь обычное явление. Весной и осенью — перепад температур между севером и югом страны составляет до двадцати градусов. Шестьдесят пять процентов территории занимают горы и возвышенности. Теплые и холодные течения Японского и Желтого морей в сочетании с влажным климатом создали причудливый растительный мир. На сопках рядом растут вишни и березы, дубы и магнолии, корейский кедр и апельсин. Многое здесь напоминает нашу сахалинскую осень.

Изменился язык, особенно в столичном округе. Теперь он интонационно совсем не похож на язык наших родителей. Произношение, на мой взгляд, приближается к японскому языку. Говорят, это внедрялось намеренно, чтобы не было стрессов. Человек, как объясняют здешние психологи, первоначально реагирует не на смысл и содержание фразы, а на интонацию. Нам бы их заботы!

На улице — семнадцать градусов тепла. На небе — ни облачка. А у нас на Сахалине уже лежит снег... Почему-то все хорошее постоянно достается другим (философское наблюдение).

Через час, минуя крупнейший промышленный центр Кореи город Тэгу, подъезжаем к конечному пункту нашего путешествия — небольшому городу Кенджу в провинции Кенсанпукто (Северный Кенсан). На протяжении девятисот лет (до 935 года) город был столицей государства Силла, очагом расцвета корейской культуры и науки. Старинные буддийские храмы, захоронения царей эпохи Силла, каменная обсерватория Чхом-сондэ (башня звезд), национальный музей, пещерный храм Сок-курам — вот далеко не полный перечень достопримечательностей древней столицы.

На юго-восточной окраине города стоит пятизвездочный супер де люкс «Kolon Hotel» — наше «пристанище» на ближайшие три дня. Красивый вестибюль, уютный кафетерий, несколько ресторанов в японском, американском и европейском стилях, ночной бар, сауны, бассейны, массажные кабинеты, зимний сад, казино и конференц-зал — это не все, что здесь есть. За ужином нас развлекают красивыми танцами девушки в разноцветных национальных костюмах. Огромные расписные веера в их руках трепещут, как крылья гигантских бабочек. Всматриваясь в плавные движения девичьих рук, вслушиваясь в чарующие ритмы барабанов, я невольно вспоминаю отца. Жаль, что он не дожил до этих дней. В последние годы его жизни мы понимали друг друга с полуслова. Сейчас я уже догоняю его по возрасту, и образ отца в моей памяти становится все светлее и светлее.

...Помню пронзительно-щемящее, трепетное ощущение счастья, которое охватывало меня, когда мы, братья и сестры, шумной компанией, с детьми, женами и мужьями, собирались на выходные дни у родителей в нашем маленьком деревянном доме. Осознание скоротечности этого счастья, предчувствие необратимых потерь, которых еще не испытала наша семья, заставляло каждого пристально вглядываться в мельчайшую деталь нашего бытия, дорожа и наслаждаясь каждым часом, каждым мгновением. В зале звучали мамины любимые японские мелодии. Шум, беготня, крики детей заполняли все углы нашего старого дома. Женщины на кухне что-то постоянно мыли и готовили. Мужская половина семьи под предлогом ремонта очередного сарая или парника неизменно сбегала в небольшой дворик или огород. Там, в тени строений, под ленивый

стук молотков и бульканье пива, разливаемого в большие эмалированные кружки, мужчины предавались неспешным беседам. Ужинали по очереди: сначала мужчины, затем женщины и дети. Нередко по памятным дням домой заносили длинный деревянный щит, который устанавливался на невысоких козелках. Наша многочисленная семья, с детьми и внуками, с трудом умещалась за этим импровизированным столом. Чуть погодя из комнаты в кухню вплывала струйка синего сигаретного дыма. Это после очередного приступа кашля курил отец. Счастливо улыбаясь, скорее по привычке, ворчала на расшалившихся внуков мама, а после уединялась с сестрами в маленькой комнатушке. Там они о чем-то шептались, чем-то делились друг с другом, что-то примеряли. А мы, оккупировав летнюю кухню, предавались праздным разговорам или играли в маджонг.

Этот теплый, незабываемый свет домашнего очага, чуть приправленный горьковатым дымком скоротечного времени, навсегда остался в моей памяти, в моей душе...

Странное чувство не покидает меня. Все время кажется, что я уже был здесь когда-то, видел эти дома с изогнутыми, словно крылья чаек над морским прибоем, крышами, и эти квадратики полей до боли знакомы и одновременно незнакомы мне. Словно после долгих лет странствий я вернулся в родительский дом и увидел, что там живут другие люди. Все переделано, переставлено по-другому, и только такие неприметные постороннему взгляду детали, как камень у крыльца или щербинка в чуть покосившемся наличнике, подтверждают, что это действительно он, наш дом. Хочется войти, прикоснуться к родным стенам, но почему-то страшно. Боишься разочароваться и потерять ту искорку, которая была передана тебе отцом, которая согревала и вела тебя по жизни.

ПРОШЛОЕ

22.11.96 г.

Раннее утро... Тихие шаги. На кухне зажегся свет. Осторожно хлопнула дверца печи, в топке затрещали дрова. Скоро станет тепло.

«Шурр, шурр» — это мама моет рис.

Через стенку, в комнате, натужно закашлял отец. Лежу на полу под толстым ватным одеялом. Чуть шевельнешься и сразу чувствуешь ползущие по ногам противные змейки холодного воздуха. Мороз разрисовал окна пушистыми белыми цветами. Если долго дышать на стекло, откроется маленький черный глазок, через который можно разглядеть одинокую лиственницу у чуть покосившейся калитки, сугробы снега, колодец с воротом и соседский дом под огромной снежной шапкой. Из кухни доносятся привычные, успокаивающие звуки: деловитый стук ножа, пение чайника на плите. По всему дому разносится аппетитный запах. Интересно, что же она там готовит? Через секунду, переминаясь с ноги на ногу, стою у печки. Из открытой духовки веет густым теплом. Мама смотрит на меня и понимающе улыбается. Из комнаты выходит отец — значит, скоро сядем завтракать. Терпеть уже нет сил. С разбегу ныряю в стоящие у порога теплые отцовские валенки и, накинув на плечи старенький ватник, бегу по скрипучей снежной тропинке через двор в пристройку. За стеной сарая ворочается и тяжело вздыхает наша кормилица Марта.

Это самая красивая корова на свете, в белых носочках и с широкой белой полосой вдоль спины. Забегаю в сарай и вижу, как она грустно смотрит на меня огромными глазами, обрамленными длинными, загнутыми кверху ресницами. Скоро у нее родится теленок, и мы снова будем с молоком. Ласково и осторожно погладив Марту по белой звездочке на лбу, я выхожу во двор. На улице морозно, звездно и темно...

Беспечное детство.
Каждый день — ожидание чуда.
О, светлый подарок судьбы.

После завтрака едем в крупнейший промышленный центр Кореи город Ульсан.

...Где-то в окрестностях этого города родился наш дядя Ким. Какие-то узы, прочнее кровных, родственных, связали его с моим отцом и нашей семьей. Маленький, юркий, удачливый во всех делах крепыш, он являлся полной противоположностью отцу, который к тому же был старше его на одиннадцать лет. «Енчери» — так по имени называл его отец, а дядя Ким называл отца «мебу», что означает степень родства — «муж старшей сестры». При этом все знали, что в действительности он не приходится братом нашей маме. Для нас он был «Кинсан-одисан», а наши дети называли его между собой «страшный дядя». В далеком 1953 году, когда тяжелая травма на семь месяцев уложила отца на больничную койку, он спас от голода нашу семью. Дядя Ким появлялся у нас, как добрый ангел, принося с собой конфеты, продукты и деньги. Потом, ослепительно сверкнув золотой коронкой, снова исчезал на одну-две недели. Отца выписали из больницы, нашу семью отправили на поселение в колхоз, и мы с ним долго не виделись.

Судьба забросила дядю Кима в далекий северный леспромхоз, в поселок Оноры, где он надеялся обрести семейное счастье. В первое послевоенное десятилетие на Сахалине почти не было девушек-кореянок. Жениться без проблем могли только состоятельные или очень привлекательные молодые люди. В 1956 году тридцатилетний Кинсан-одисан, бесплатно отработав три года у своего бедствующего многодетного знакомого, женился на его четырнадцатилетней дочери. Он стал для девушки отцом, старшим братом, а затем и мужем в одном лице. Через два года у них появился первый ребенок, наследник фамилии. А как же любовь? Строго соблюдаемые конфуцианские нормы поведения и пуританские нравы не давали никому права судить о взаимоотношениях в семье. Все знали, что любовь и семья — совершенно разные явления.

Через много лет, вырастив троих детей, уже в зрелом возрасте она уйдет от него к другому, более молодому и состоятельному человеку. Внешне он перенесет это совершенно спокойно. Мужчины будут размышлять о женской неблагодарности и глупости, ну а поселковые женщины станут подыскивать ему новую жену. Через два года дядя Ким сойдется с другой женщиной, которая и проводит его в последний путь. Лишь однажды, в годовщину смерти моего отца, он в порыве откровенности расскажет мне, тогда уже тридцатилетнему, о своих чувствах, о своей обиде и муках одиночества.

В 1963 году семья дяди Кима из далеких Онор переехала в поселок Хомутово, где заканчивалось строительство Южно-Сахалинского аэропорта. И снова, как когда-то, почти каждую неделю он появлялся в нашем доме. После кончины родителей я, к своему стыду, редко навещал его. А весной 1989 года в Корее нашелся его родной дядя, у которого он после трагической, скоропостижной смерти родителей воспитывался с малолетства. Как он радовался и волновался, получив вызов из Ульсана, но ему не суждено было увидеть родную землю. Внезапно дядю Кима сразила болезнь, и через два месяца он скончался от рака. На тумбочке у кровати остались заграничный паспорт и билет на самолет до Кореи...

Днем — экскурсия в местный университет. Перед центральным входом — небольшая площадь, мощенная гранитными кирпичиками. В актовом зале идет церемония вручения дипломов выпускницам факультета домашних хозяек. Вместе с ними выходим на площадь. Вспышки фотоаппаратов, поздравления, песни. На девушках — нарядные национальные платья, скромные украшения и минимум косметики на лицах. Ношение по праздникам национальных костюмов в Корее не является чем-то необычным. Зашел в университетский детский сад. Малыши в одинаковых желто-зеленых курточках, с одинаковым выражением любопытства на личиках выглядят, как цыплята. Галдят, шумят, бегают, но стоит воспитательнице сделать замечание — сразу наступает тишина. Здесь культ преподавателей. Их почитают почти как родителей. Если хотят выказать уважение человеку, то называют его «Сонсенним», то есть учитель.

...Время стерло из памяти имя немолодой женщины, научившей меня читать и писать на русском. Мне говорили, что иероглифы я стал рисовать с пяти лет, но я этого уже не помню. Учительница строго следила за моим произношением и правописанием, а в морозные зимние дни провожала меня, маленького шестилетнего первоклассника, до самого дома. Начальная четырехлетняя школа колхоза «Светлый путь», где мы с сестрой Катериной проучились три года, размещалась в обыкновенном бревенчатом доме. Большая кирпичная печь-трехколенка делила внутреннее пространство дома на две неравные части. В маленькой — служившей зимой раздевалкой, стоял обычный кухонный стол с чайником и металлическими кружками, накрытыми белым вафельным полотенцем. Около печки лежали всегда аккуратно сложенные дрова. В большой комнате, за теплой печной трубой, в два ряда стояли восемь парт. В первом от окна ряду сидели мы, трое первоклашек, за нами — четверо второклассников. Во втором ряду, на самой последней парте, с трудом умещалась высокая, почти взрослая, как нам тогда казалось, ученица четвертого класса. Еще два пацана и девчонка составляли третий класс. Одна на всю школу учительница, раздав всем задания, обычно присаживалась за пустую парту и о чем-то шепталась с пионеркой-старшеклассницей. Кроме того, она заведовала колхозной библиотекой, занимавшей две этажерки у дальней стены, и исполняла обязанности секретаря правления колхоза. Наша учительница была единственным представителем советской интеллигенции в колхозе, если не считать грубого, шумного, всегда будто пьяного ветеринара, который лечил коров, лошадей и колхозников. Его невежество, распутица и наводнение привели к смерти моего третьего брата Витю — Суери, прожившего на этой земле чуть меньше года. Где-то там, в лесах между Очепухой

и Долинкой, осталась его маленькая забытая могила. В тот год мама, оставаясь дома одна с двумя младшими детьми Володей и Олей, часто плакала. Придя из школы, я старался сразу убежать на улицу и там, за огородом у ручья, просил кого-то о том, чтобы, вернувшись домой, застать живого Суери. Тогда все в доме стало бы по-прежнему...

Все без исключения ученики пели в школьном хоре и участвовали в художественной самодеятельности. По праздникам мы выступали перед своими родителями в комнате колхозного правления, находившегося в таком же доме, напротив школы, через единственную в деревне улицу. В маленьком сарае возле конюшни тарахтела колхозная электростанция, состоящая из старенького двигателя с генератором. Зимой свет в жилые дома подавался ровно на два часа в сутки. В это время мы обычно готовили уроки и читали книги, а потом вместе с мамой рано ложились спать.

Каждую зиму отец тайком, с молчаливого согласия председателя, уезжал на заработки в леспромхоз валить лес. В конце марта — начале апреля он внезапно появлялся дома, чуточку незнакомый, заросший, с гостинцами в руках. На следующий день, пошептавшись с мамой, отец шел к председателю колхоза платить дань. Через четыре года председатель помог нашей семье полулегально ночью на неизвестно откуда взявшейся автомашине-полуторке уехать из колхоза, выписав совершенно безвозмездно какие-то справки, которые впоследствии послужили основанием для получения родителями вида на жительство для лиц без гражданства.

Осенью, по первому морозу, к нашему дому подъезжала подвода, с которой выгружали два-три мешка картошки, мешок серой муки, четверть туши свиньи, пол-ящика рыбных консервов и несколько килограммов мятых, липких конфет. Это было все, что выдавали моим родителям на заработанные летом трудодни. Мы, пацаны, сопровождали эту подводу по всем дворам.

Как же звали ее, мою первую учительницу, выправившую мой японско-корейский диалект, которым мы пользовались дома, на литературный русский язык? Потом была восьмилетняя школа в поселке Христофоровка с добрым, любимым всеми директором Майей Петровной. Строгую, всегда красиво одетую учительницу русского языка мы между собой называли «гусыней» и порицали ее, как нам казалось, за излишние придирки и строгость, и совершенно напрасно. Единственного в школе учителя-мужчину звали Иваном Алексеевичем. Мне везло на хороших добрых учителей. Их было немало в моей жизни. Безжалостное время стирает из памяти имена, оставляя в душе светлый собирательный образ доброго наставника — Учителя...

Ужинаем в уютном банкетном зале корейского ресторана, на втором этаже отеля. На белоснежных скатертях изысканно выделяются темно-зеленые салфетки и красные декоративные вазы с желтыми цветами. Замечаем на столе незнакомые блюда. Оказывается, мы вкушаем лотос, салат из бамбука и картофель кубиками, который оказался совершенно безвкусным. Была еще жареная рыба-тунец, ярко-красная от перца кимча, но, как оказалось, не горькая и очень вкусная, традиционная рисовая каша, соевый суп, тубу, по бутылке пива на каждого и бутылка двадцатипятиградусной корейской водки соджу на четверых.

После ужина все собрались небольшими компаниями в номерах и продолжили застолье. Местная водка супротив нашей оказалась слабовата. Через час, когда мы

потихоньку сбежали от своих новых друзей, в отеле уже вовсю чувствовалось, что гуляют наши.

Осенней ноябрьской ночью по ярко освещенной аллее мы возвращались в «Kolon Ho1e1» в пригороде Кенджу на юго-востоке Кореи. И здесь мне почему-то не верилось, что этой же ночью у нас, на Сахалине, обязательно кого-то ограбят или убьют. Что люди лягут спать в холодных и темных квартирах, без особых надежд и иллюзий вглядываясь в неясное будущее. Сахалинские города превратились в каменные джунгли, где с наступлением темноты начинается охота на случайных прохожих. Однако завтра по многолетней привычке верить каждому печатному слову мы снова выберем себе лидеров из бывшей партийной номенклатуры и снова, уже в который раз, будем ждать настоящих преобразований. Ждать и с неосознанной тоской мечтать о своем «светлом» прошлом. Номенклатурный социализм в России незаметно оформился в номенклатурный капитализм. Одно небо, одни звезды и такая разная жизнь.

СТРАНА УТРЕННЕЙ СВЕЖЕСТИ

23.11.96 г.

Утром довольно прохладно, не более пяти градусов тепла, зато днем обещают за двадцать. Почему-то у них если что пообещают, то обязательно выполнят. У нас же, как повелось, случается все наоборот. «Страна утренней свежести» — так назвал Корею Марко Поло. Точнее не скажешь.

Наш гид обменял наши доллары на воны (местные дензнаки) по какому-то льготному для нас курсу. Хождение по магазинам — основной вид отдыха сахалинцев в любой стране. Наступит ли время, когда за подарками будут приезжать к нам, в Россию? Нас снова везут на какой-то завод. Мне бы в музей или картинную галерею. Очень хочется увидеть изделия прикладного искусства и старинные картины, выполненные способом монохромной живописи, о которых мне рассказывала мама. Хорошо бы подробнее ознакомиться с историей Кореи, поэзией. С религией все понятно. Вечерами над городом одни кресты.

Ближе к вечеру (наконец-то) нас везут к древним курганам, в которых похоронены корейские цари (ваны) эпохи Силла (Shilla).

В научном мире нет единого мнения о происхождении корейцев. Одни считают, что полуостров издревле был заселен «северными» этническими группами, говорившими на тибето-китайских или палеоазиатских языках. Другие отстаивают теорию «южного этногенеза», связанного с группами, говорившими на малайско-полинезийских языках.

В книге «Древний Чосон» (Чосон — одно из названий Кореи) Ю. Бутин пишет: «По этническому составу Чосона можно сделать вывод, что основу населения этого государства составили племена алтайской семьи Е и МЭК, причем Е обитали в его восточных районах, а МЭК в западных. Бесспорно то, что во втором тысячелетии до нашей эры (примерно четыре тысячи лет назад) на полуострове уже сложился основной хозяйственно-культурный облик национального древнего государства».

Первоначально полуостров населяли племена хан на юге, племена окчо, е и мэк — в центральной и северной частях. Территория первых корейских государств простиралась до Бакайского залива. Поздняя столица древней Кореи — это город Вангомсон (город Кайнин — нынешний Китай). Местонахождение легендарного города Асадаль, первой столицы государства Чосон, пока неизвестно.

Буддизм в сочетании с верой в духов и культом предков способствовал возникновению и проникновению на полуостров в более поздний период Чань-буддизма. Китайский буддизм направления Чан в сочетании с элементами местного шаманизма преобразовался в Корее в Сон-буддизм. Не зная основ учения Дзен (именно под таким названием он стал известен на Западе), иногда очень трудно понять душевные порывы корейца или японца. Сон (Дзен) настолько естественно вписывается в их духовные потребности, что многие корейцы на Сахалине и не подозревают, что следуют традициям и канонам этого учения.

...Ах, этот таинственно-неуловимый, призрачный, как дым костра в холодном октябрьском небе, загадочный Дзен-буддизм — секрет моего детства, моей юности. Наша с мамой страшная тайна. Видимо, только так, заручившись моим словом, она могла передать мне, пионеру, материалисту и безбожнику, основы этой философии. Буддийские притчи, сказки о божественном искусстве владения мечом кендо, — настолько увлекали меня, что я готов был слушать их часами. Адепты ниндзюцу, воинствующего направления дзен, по словам матери, были практически неуязвимы в бою. Они тенью скользили среди врагов, оставляя за собой бездыханные тела. Стихи — хайку, которые сочиняли воины в ночь перед боем или казнью, навсегда пленили мое воображение.

Завтра облаком стану,
Плывущим рядом с луной
В призрачном мире грез.

Дзен-буддизм — это память о моей матери Окамото Фукуэ, принявшей в замужестве корейское имя Чан Бок Сун.

Классические корейские стихи сиджо (как и японские хайку) — это образ жизни, духовное слияние человека с вещами и явлениями окружающего мира.

Задремал, над удочками сидя, пробудился — месяц в небе блещет.
Через мост Нефритовый над речкой с посохом бамбуковым иду.
И шагов моих прозрачный звук только птицам, спящим в гнездах, снится.
(Пак Ин Но, перевод А. Жовтиса)

Не только стихи, но и все корейское искусство пронизаны духом Сон-буддизма. Очень колоритны корейские сказки, пословицы, поговорки. Меня всегда поражало, что мой отец и его друзья (в основном не очень грамотные люди) в разговоре часто применяли пословицы, читали за столом стихи и рассказывали парадоксальные истории (сейчас я понимаю, что это были коаны). Особенно яркие изречения мы, тогда еще школьники, по настоянию мамы заучивали наизусть. Они остались в моей памяти до сих пор.

«Прежде, чем стать ученым — стань человеком. Хакча твеги джоне ингани твера».

«Человек без Родины — хуже бездомной собаки. Нара омнын сарамын чип омнын кэман мотхада».

«И вороне рад, если она прилетела с родной стороны. Камагвидо нэ ттань камагвирамион пангапта».

Жаль, что в ту далекую пору мы недостаточно внимательно вслушивались в эти слова. Многое забыто, и многое упущено навсегда. Об этом очень мудро

говорит еще одна корейская пословица: «Только вырастив своих детей, откроешь себе душу родителей».

Мне кажется, что восточному человеку трудно понять или принять суровое христианство или ислам с их раз и навсегда установленными строгими запретами и обрядами, отделяющими простого человека от Бога целым сонмом посредников-служителей. Буддизм — вера человека в свое предназначение.

Буддизм иногда называют религией без Бога. Это скорее философское учение, чем религия. Буддой (просветленным) может стать каждый. Поиск гармонии с окружающим миром, духовное совершенство, достижение состояния просветления (сатори) — вот истинные цели приверженцев Дзен-буддизма. Через сатори возникает озарение, новый взгляд на жизнь, новое отношение к действительности.

«У них не было храмов, но у них было какое-то насущное, живое и беспредельное единение с Целым Вселенной; у них не было веры, зато было твердое знание, что, когда восполнится их земная радость до пределов земной природы, тогда наступит для них, и для живущих, и для умерших, еще большее расширение соприкосновения с Целым Вселенной» (Ф. М. Достоевский). Может, это и есть Дзен-буддизм?

По канонам одного из четырех древних течений буддийской религии Бонпо, первый Будда появился на земле восемнадцать тысяч лет назад. Звали его Тонпа Щенраб. Он прожил восемьдесят два года и оставил после себя Великое Учение, влияние которого продлится еще двенадцать тысяч лет. Всего за тридцать тысяч лет на земле проявятся (родятся) тысяча два пророка (Будды). Предыдущий Будда (Гаутама) пришел к нам две тысячи пятьсот с лишним лет назад. Имя следующего Будды — Майтрейя. Оно означает любовь.

По индийским источникам, Буддой стал сын царя небольшого государства в предгорьях Гималаев. Мальчика звали Сидхарта. Впоследствии, став аскетом, он взял себе имя Гаутама. Достижение единства человека с природой, с миром, которое возможно лишь через изменение и совершенствование его духовной сущности, в этом, наверное, смысл озарения Будды.

«Будьте сами своими светильниками, — скажет он на смертном ложе. — Сам человек совершает зло, сам оскверняет себя. И не совершает зла и очищает себя тоже человек. И чистота, и скверна внутри тебя». Через сострадание и любовь можно выйти в бессмертие новой сущности, чувствуя как самого себя каждую травинку, каждое дерево, каждого человека...

Современные корейцы совершают по праздникам обряды поклонения святым духам (свадьбы, праздники урожая, Новый год). Похороны человека проводятся по буддийскому обряду. При всем этом в Корее имеет большое влияние католическая церковь. Корейцев вообще отличает веротерпимость. В стране мирно сосуществуют буддийские и индуистские храмы, христианские церкви. Дзен — это больше философия, чем религия, потому что сочетает в себе невозможное: монотеизм (теория единого Бога) и политеизм, существование Бога в образе великой пустоты Нечто и существование Бога в человеке (совесть, душа), а также полное отрицание Бога. Созерцание, поиск совершенства и истины — вот основа этой религии-философии.

А вот типичная корейская сказка.

В деревне Едон у черной свиньи родился белоголовый поросенок. Это было настолько необычно, что свинья решила повезти своего детеныша в столицу к государю. По пути они остановились на ночлег в деревне Хадон. Проснувшись утром, свинья была потрясена, увидев, что все поросята в этой деревне белого-

ловые. Пришлось ей со стыдом возвращаться в Едон». Когда говорят о свинье из деревни Едон, все знают, о чем идет речь.

...Где вы теперь, таинственные и желанные сказки нашего счастливого детства? В какие миры, в какие сны вы ушли от нас, оставив в душе яркий и неуловимый след, подобный росчерку метеорита в черном августовском небе. Морозными зимними вечерами мы закутывались в толстые ватные одеяла и под привычные песни ветра и шорох снега в черных провалах окон, затаив дыхание, слушали сказания о великих мудрецах, далеких странах и волшебных феях с алмазных гор. Темные колышущиеся тени от желтого язычка пламени керосиновой лампы расцветали на стенах диковинными цветами, оборачивались свирепыми демонами. Помните тот причудливый мир, который жил, смеялся, пел и умирал на стене, созданный тенями от наших детских пальцев и рук?

Иногда, перед сном, мы рассказывали друг другу наивные, но от этого не менее страшные небылицы о каких-то синих пятнах на стенах, о потерянных мертвецами кольцах, об отрубленной руке на гремящей цепи. Потом, напуганные, долго не могли заснуть, со страхом вслушиваясь в загадочные шорохи спящего дома. Где вы теперь, сказки нашего детства…

До настоящего времени обнаружено шестьдесят семь курганов эпохи Силла (приблизительно первое тысячелетие нашей эры). На этом захоронении их двадцать три. Курган представляет собой насыпной холм из камней, скрепленных между собой минеральным вяжущим веществом, покрытый тонким слоем растительного грунта. Высота курганов от пятнадцати до двадцати трех метров. Встречаются двуглавые курганы, в которых хоронили царя вместе с царицей. В одном из таких курганов обустроен вход и произведен срез кургана по вертикали. Верхнее покрытие, толщиной в несколько метров, сохранено. В центре основания кургана, в специальной нише, находятся останки царя, его золотое оружие и украшения. Отдельно выставлены на обозрение корона, керамическая посуда, черепки с иероглифами, остатки истлевшей одежды.

Бродим вокруг курганов. На ветках редких деревьев поют птицы, спешат по своим делам хлопотливые белки. Неярко светит осеннее солнце. Старик собирает со склонов сухую траву и листья. Неужели так было всегда? Прошло полторы тысячи лет. И каждую осень старик собирает сухие листья, и каждую весну зеленеет трава на склонах.

ХРАМ ПУЛЬГУКСА

Комплекс буддийских храмов эпохи Силла Пульгукса (Bulguksa) — священная земля для всех корейцев. Каждый человек, живущий в Корее, хотя бы раз в жизни побывал здесь. Со всей страны приезжают сюда студенты и школьники старших классов для изучения истории религии и государства.

Именно сюда вез я землю с могилы отца. Отсюда до родины моего отца всего девяносто километров. Час с небольшим езды на такси. Сегодняшней ночью я увижу тебя, Пусан.

Проходим по широкой аллее. Под ногами камни, выложенные тысячу шестьсот лет назад. Шестьдесят четыре поколения людей приходили сюда, и каждый желал

счастья себе и своим детям. Может быть, и мой далекий предок бывал здесь и также мечтал, молился и верил.

Над ручейком, вытекающим из небольшого пруда, перекинут горбатый мостик. Чуть шероховатые перила блестят от прикосновений миллионов ладоней. В пруду — лотос и водоросли, среди которых плавают разноцветные карпы величиной с небольшую горбушу. С мостика открывается вид на великолепное воздушное здание с огромной традиционно изогнутой крышей. Трудно найти слова, чтобы описать гармонию этого храма, настолько естественно он вписан в окружающий ландшафт. Его можно слушать, как музыку. Он как аккорд, высокая звенящая нота. К огромным воротам ведут массивные каменные лестницы, по которым никто не ходит. Каждая лестница имеет свое наименование. Ступени с восточной стороны называются «Мост в Лазоревых Облаках». Западная нижняя лестница «Мост в Райский Дворец» («Енхваке»), верхняя — «Мост Семи Драгоценностей» («Чильбоке»). Говорят, что в прежние времена храм опоясывал заполненный водой канал, по которому плавали лодки, перевозящие паломников. Наверное, поэтому лестницы именуются мостами.

По преданиям, именно по этим каменным ступеням поднимаются на небо души усопших. Каждая лестница символизирует небесные ворота, через которые необходимо пройти душе, прежде чем она войдет в небесную обитель. По второй, более короткой лестнице поднимаются души, одолевшие первую. В период военных действий храм неоднократно разрушался. В двенадцатом веке это были монголы, в середине шестнадцатого — японцы. Цоколь и ступени сохранились в первозданном виде, а кровля и большая часть стен реставрированы.

Обойдя храм, мы попадаем в огромные ворота, за которыми небольшая площадь и действующая более полутора тысяч лет буддийская церковь. По обеим сторонам ворот безмолвно стоят исполинские статуи персонажей буддийских притч. Ворота символизируют вход в чистилище, где происходит окончательный отбор праведных душ. Маленькие измученные человечки корчатся в бесконечных страданиях за свои земные грехи у ног двух страшных демонов. Другие каменные исполины держат в руках музыкальные инструменты. Под их аккомпанемент танцуют люди, удостоенные небесной обители. Глаза их широко распахнуты от радости и неземного наслаждения.

Древнюю площадь украшают две башни-пагоды высотой около девяти метров каждая. Первая, украшенная четырьмя лестницами и массивными прямоугольными колоннами, покрыта тончайшей резьбой и опоясана балюстрадой. Она называется «Таботхап» («Изобилие драгоценностей»). Другая, со строгими формами и изогнутыми карнизами, именуется «Соккатхаб», что означает «Ступа с останками Будды Шакьямуни». Рассказывают, что в давние времена у основания пагоды «Изобилие драгоценностей» стояли четыре каменных льва. Два из них были увезены иноземцами, и их дальнейшая судьба неизвестна. Ходят слухи, что в начале XX века кто-то видел этих львов в одном из токийских ресторанов.

В юности мне довелось услышать от мамы историю мастера, создавшего эти изумительные шедевры камнерезного искусства. Молодого каменотеса по указу царя, разлучив с молодой красавицей женой, привезли сюда из западного района Кореи, славящегося своими мастерами. Все свои силы, душу и талант вложил он в создание пагод, увидев в этом свое земное предназначение. Через год истосковавшаяся жена приехала повидаться с мужем, но строгие стражники не пустили ее на территорию строящегося храма. Видя страдания молодой женщины, один из окрестных крестьян посоветовал ей пойти к расположенному рядом озеру, в водах которого отражались строящаяся пагода и фигу-

ры работающих там людей. Долго бродила красавица Асане (так звали жену каменотеса) вдоль берега озера. Но где бы она ни находилась, в зеркале воды отражалась лишь одна пагода. Второй башни, на которой работал ее муж, не было видно. Изо дня в день вглядывалась Асане в зеркальную водную гладь. Постепенно образы в воде стали для нее большей реальностью, чем окружающий мир. И вот однажды увидев у пагоды отражение своего мужа, она с радостным криком метнулась к нему и утонула в глубокой воде.

Молодой каменотес, до которого дошли слухи о красавице, ищущей своего мужа, кинулся на ее поиски, но все было тщетно. Все свободное от работы время он бродил вокруг озера, громко окликая ее по имени, пока однажды не увидел в воде светлый облик любимой жены. Он бросился к ней, но на дне озера оказался лишь огромный каменный валун. Безутешный муж решил увековечить в нем образ своей любимой. Целый год он высекал статую из валуна, а когда закончил, то оказалось, что он сотворил в камне образ Будды. Рассказывают, что если долго смотреть на статую Будды высеченную в камне, стоящую у озера, то можно увидеть просвечивающий сквозь него облик печальной молодой женщины. И назвали это озеро «Енчхи», что означает «Небесное явление Будды во исполнение последней воли усопших». Пульгукса — священный для всех корейцев храм, священная земля.

Специально приглашенный на экскурсию преподаватель из университета посоветовал всем нам, независимо от вероисповедания, отрешиться от всего суетного и с самыми заветными, светлыми мыслями войти в храм. «Бог един. На небе ли, на земле или в душе человека. Бог, каким бы именем его ни назвать, есть совершенство, искренность, совесть и познание», — сказал он.

Через каменную, мощенную тысячу лет назад площадь подхожу к храму. В глубине — исполинское изваяние сидящего Будды, одного из трех самых древних на земле. Держа в руке подаренную трость из красного дерева и опираясь на плечо сына, у храма стоит старичок из нашей группы. По его впалым, морщинистым щекам текут слезы.

— Можно ли мне войти в храм? — спросил я проходящего мимо монаха.

— Двери в Храмы, как и двери к Истине, открыты всем, — ответил он.

Сняв обувь, поднимаемся с другом по скользким, отполированным до блеска деревянным ступеням. Проходим вглубь, к изваянию. Опускаюсь на колени, и вдруг нахлынуло:

- вспомнил отца, пришедшего зимой с работы в стареньком ватнике и больших резиновых сапогах. Мы, дети, бежим встречать его, замерзшего и худого, у дверей. Берем отца за руки, как нас постоянно учила мама, и лицо его светлеет... Он достает из сумки бутерброд, остатки скудного обеда и отдает младшим: «Заяц в лесу передал»;

- вспомнил отца, крутящего по ночам ручки старенького «Рекорда» в надежде услышать что-либо о родных. В то время Сеульское радио вело специальные передачи на Сахалин, но сквозь шум и треск помех, создаваемых глушащими радиоволны станциями, были слышны лишь обрывки фраз и мелодий. «Тише, дети спят», — говорит ему мама;

- вспомнил отца, хромающего после страшной травмы, полученной на работе. Высокий, нескладный, с бутылочкой молока в руке, он катит впереди себя летнюю коляску с единственным при его жизни внуком Андрейкой (внучки были не в счет);

- вспомнил отца уже пенсионера по инвалидности. Не желая быть никому обузой, больной, он, вопреки нашим доводам, работает на огороде;

- вспомнил отца, умирающего от рака. В глазах боль и страдание, а под подушкой лежат конфеты — гостинцы внучкам.

Как плакали мои маленькие дочери и племянницы, уткнувшись мокрыми личиками в холодный подоконник, как вздрагивали их худенькие плечи, когда по заснеженной, заполненной людьми улице в строгом черном костюме, под печальный реквием духового оркестра, в темно-красном гробу уплывал от них навсегда их любимый дедушка. Тогда мне казалось, что я никогда больше не буду смеяться. Время лечит все...

Он был самым обычным человеком, так рано скончавшийся мой отец. Малограмотный, любивший шумные застолья, он всю жизнь работал землекопом и ничем, казалось бы, не выделялся среди своих товарищей и односельчан. Ничем, кроме высокого, в сто девяносто сантиметров роста и непомерной доброты, от которой иногда страдала его семья. Он приносил домой бездомных щенков и на последние деньги покупал нам елочные игрушки и сладости. В доме часто жили какие-то знакомые отца, которые брали у него деньги в долг, а затем надолго исчезали. Порой он корил себя за это, но ничего не мог поделать с собой. К нам постоянно приходили гости. Отец всех встречал, провожал, угощал. Никто не уходил от него обиженным. Он отдавал людям все, что имел, все, что ни попросят.

Отец почти не рассказывал нам о своем прошлом. Лишь за несколько дней до смерти, глядя сквозь замерзшее окно в неодолимую даль, он неожиданно для нас стал увлеченно говорить о своем детстве, родителях и вдруг замолчал, сказав только: «...Хоть бы одним глазом, хоть бы одной ногой...» Звездной, морозной январской ночью, не сказав ни слова, ушел от нас (наверное, в страну своих грез) наш многострадальный отец. Проводить его в последний путь пришли сотни людей. Через восемь лет тихо угасла еще не старая мама.

Все самое хорошее, самое светлое и доброе, что живет во мне, — это от мамы. Она научила меня видеть прекрасное и не бояться иметь свое мнение. Она открыла мне пленительный мир поэзии, литературы и музыки. Дзен-буддизм, стихи танку, история Японии и Кореи, основы искусства аранжировки цветов, рисунки тушью. Казалось, нет на свете того, о чем не знала бы моя мама. В ее руках обычный лист бумаги превращался в маленький домик или забавного зверя. Из охапки веточек и цветов получался красивый букет. Как-то необыкновенно чарующе звучали в ее устах слова «оригами» и «икебана». Помню маленькое чудо — карликовое дерево бонсаи, которое до переезда в колхоз росло у нас в доме в специальной нише, рядом с цветами и изречениями Конфуция.

Споры о произведениях Максима Горького, которого она читала в оригинале и в переводе на японский язык, красивые песни, тяжелый труд на приусадебном участке и работа прачкой в областной больнице, уход за коровой и многое другое — все это наша красивая, строгая, добрая, умная мама.

В памятном старшему поколению сорок пятом году ей исполнилось семнадцать лет. Позади были девять классов японской школы: по тем временам почти недостижимый, особенно для девочек, уровень образования. Затем — год работы на «трудовом фронте» по мобилизации. Этот год, проведенный

вдали от дома на изнурительной работе по переработке рыбы с тремя выходными в месяц и двенадцатичасовым рабочим днем, стал тяжелым испытанием для юной девушки из обеспеченной интеллигентной семьи. Он явился как бы прологом всей ее будущей жизни. Не успев эвакуироваться, она осталась навсегда на этом острове, где прошли ее детство и юность. На острове, который внезапно стал чужим в непонятной и страшной стране. Оказавшись в новой языковой среде, она за два года в совершенстве освоила корейский язык. Русский же давался ей с гораздо большим трудом: она говорила по-русски с явным японским акцентом. Стиль письма и орфография также были далеки от совершенства, однако Шолохова и Толстого мама читала в оригинале. В послевоенные годы на Сахалине было много корейских политработников, присланных из Казахстана, а позже из Северной Кореи. На какое-то время маму увлекли коммунистические идеи, но социалистические реалии тех лет быстро погасили ее пыл. Впоследствии, усмотрев мою излишнюю политическую активность, она с изрядной долей юмора рассказывала мне о своих идейных исканиях.

Всепоглощающей была ее страсть к чтению. В комнате родителей стопками лежали книги и журналы на русском, корейском и японском языках. Я любил рассматривать толстые глянцевые журналы, наполненные паутинками иероглифов, рекламой невиданных товаров и фотографиями полуобнаженных красивых женщин. В них была сосредоточена другая, далекая и загадочная жизнь. Какими-то сложными путями: через друзей в общественных организациях, через японское посольство, в посылках маминых сестер попадали к нам в дом произведения великого Басе, Кензабуро Оэ, Мисима, переводы Толстого и Достоевского.

Другая ее страсть — это музыка и песни. В доме никогда не умолкало радио, настроенное на токийскую волну. Все самые важные новости о событиях в стране и за рубежом мы узнавали сначала от мамы, а уже потом из газет и телевидения, зачастую в совершенно другой интерпретации. Мы часто спорили с ней по этому поводу, и эти споры, по всей вероятности, формировали наш разум. К маме часто приходили односельчане — писать и переводить письма, совершенствовать японский язык. В нашем поселке с ней считались, ее уважали. История религии, история государства Силла, сегунат Токугава, кодекс самурайской чести «Бусидо», биография глухого Бетховена, основы музыкальной грамоты — обо всем этом и многом другом я узнал от мамы. Ее знания, интеллект и духовность были решающими факторами в формировании моего мировоззрения. Вместе с ней мы учили и пели песни, сочиняли и переводили танку и хокку, ходили в кино и театр. Иногда украдкой от отца, считавшего все это развлечениями, «которым надо знать меру». Помните историю маленькой японской девочки, умирающей от лейкемии? Мы всей семьей делали для нее бумажные журавлики. Целые стаи журавлей, раскачиваясь на тонких ниточках, долго летали под потолком нашего дома. Нужно было смастерить миллион журавликов... Девочка умерла... Мама плакала, и все мы плакали вместе с ней.

Она не могла работать преподавателем или переводчиком. Отсутствие гражданства и общественная деятельность по поиску родственников налагали запрет на интеллектуальный труд. Ей оставалась тяжелая работа на приусадебном участке, рынок с постоянными унижениями, работа прачки, уход за детьми и нужда. А как прекрасно все складывалось вначале...

Однажды, листая у сестры страницы старого фотоальбома, я увидел пожелтевшую от времени фотографию. В парке, на фоне деревьев, стоит красивая стройная девушка. Светлая блузка с короткими рукавами, узкая талия перетянута ремешком, в руках маленькая желтая сумочка. Неужели это моя мама? Тогда ей было двадцать три, а значит, и мне уже исполнилось три года. А вот еще одна фотография. Счастливая сестра под белой фатой. Рядом с припухшими, заплаканными глазами еще молодая женщина. Маме здесь всего сорок два. Сейчас я старше, чем она на той фотографии, а ведь тогда она казалась нам уже старой. Реализовала ли себя в этой жизни мама? Зачлись ли там, в иной реальности, восемь детей, рожденных и воспитанных ею? Оправдали ли мы ее надежды?

Мы не смогли похоронить маму рядом с отцом — незадолго до ее кончины старое кладбище в Южно-Сахалинске закрыли. Место в ограде, рядом с холмиком, так и осталось пустым.

Вся жизнь,
Как взмах крыла,
Как след звезды.
Как капелька росы
Сверкнула
И пропала вмиг,
Оставив след
на нежных лепестках.
И — боль, и свет…

Мне все чаще кажется, что светлые добрые души родителей наших где-то здесь, рядом с нами, в нас. Нет-нет, да и проглянет мамин образ, ее взгляд, интонация речи в одной из сестер. И брат с годами все более походит на отца. Иногда мне хочется, чтобы их души, вознагражденные за все земные страдания, ничего не ведая о наших проблемах, бедах и грехах, унеслись далеко-далеко от нас, в тихую небесную обитель...

Папоротник рву,
Кукушка года считает,
Улитка с трудом заползла
На ладонь лопуха.
Все, как в детстве моем,
Только волосы в инее белом.
Все, как было тогда,
Только мама ушла...
Давно...

Кланяюсь трижды, как учил меня, старшего, отец. В голове мелькают мысли о семье, детях, братьях и сестрах. Страх от отчаяния — вдруг кого-то забыл. «Пусть всем будет хорошо. Счастья и благополучия детям, родным и друзьям... Счастья всем... И пусть будут счастливы все существа во всех мирах…»

Встал, отошел в сторону, в горле — ком. Чуть дальше — монах в оранжевой накидке. Не помню, как подошел, посмотрел в глаза и неожиданно для себя, путая корейские и русские слова, стал сбивчиво рассказывать об отце, детях, семье. Он все понял. «Подойди к столу. Запиши в книгу имена всех родных своих по мужской

линии, начиная от отца. И здесь сто дней будут молиться за них, — сказал он и добавил: — Ищи и найдешь. Судьбы людские никому неведомы, и благополучие твое и детей твоих в неведомых руках Провидения». Как мог, коряво записал в книгу имена родственников своих и место их проживания — Сахалин. Потом, вспомнив, снял табличку с груди и старательно переписал в книгу корейские буквы — свое имя. Сколько времени прошло? Быть может, секунда, а может, целая жизнь... Сотни людей стоят внизу. Смотрят, переговариваются. На глазах у многих слезы... Впервые после потери узелка с землей почувствовал себя свободным. Я прощаю тебя, человек без лица. Твой Бог — тебе судья...

Выбери путь и начни с себя — примерно так звучит одна из истин буддизма. А разве не об этом говорил Иисус Христос: «Не придет царство Божие приметным способом, и не скажут: вот оно здесь или вот оно там. Ибо царствие Божие внутри нас». Смысл человеческой жизни, по учению Будды, это духовное совершенство, справедливость, добро и милосердие. Все дороги ведут к Храму, но любая из них может закончиться тупиком. Все зависит от нас...

Интересна судьба храмового колокола, возвещающего начало Нового года по лунному календарю. Оказывается, здесь мы видим только его копию. В шестнадцатом веке, во время первой оккупации Кореи, оригинал хотели вывезти из страны японцы. Они погрузили колокол на корабль, но не успели отплыть от берега, как море расступилось, колокол упал с палубы и разбился о скалы. В ту же секунду волны, с ревом обрушившиеся на корабль, разнесли его в щепки. Осколки колокола до сих пор лежат на дне моря у берегов Кореи, недалеко от города Ульсана.

Эта красивая легенда имеет свое современное продолжение. В семидесятые годы в течение нескольких лет пытались поднять со дна моря осколки древнего колокола. Однако попытки эти не увенчались успехом. Каждый раз этому что-то мешало. То внезапно рвался трос, то шторм сбрасывал в море уже поднятый фрагмент, то не оказывалось осколка там, где его фиксировали приборы.

Рядом с храмом Пульгукса находится еще одно чудо света — пещерный храм Соккурам. Гранитная статуя Будды, находящегося в состоянии сатори, была создана в середине восьмого века и является объектом паломничества верующих всех стран Востока. К сожалению, этот храм не входил в программу наших экскурсий. В автобусе непривычно тихо, все задумчивы, молчат. Руководитель группы с микрофоном подходит к каждому и расспрашивает о родителях, семье. Фамилии и названия городов звучат разные, а судьбы родителей наших почти все одинаковы.

Ужинаем в японском ресторане, сидя на полу за низенькими столиками. На стенах рисунки тушью, загадочные иероглифы, матово светящиеся бра.

...Ночное такси. Сумасшедшая гонка по улицам Пусана. Все море до самого горизонта в ярких огнях. Тысяча судов. Кладбище «Объединенных наций», парк «Иондусан», районы Кванбоктон и Нампхводон. А где располагался раньше пригород Донне? Случайный полицейский неопределенно махнул рукой в сторону от моря. В компьютере полицейского управления сведений о жителях бывшего пригорода нет. Долгая дорога в отель... Прости меня, отец...

На полу под большим одеялом
Горячий речной валун,
Укрытый старым пальто.
Со звезд с темноты забежишь,
Хлопнет дверь, словно гром,
Снежинки иголками в спину,
А следом невидимый кто-то,
Страшный, тысячеглазый...

Скорее в постель,
Ногами к теплому камню.
Под крики сестер, морозной рукою
Чьей-то, коснувшись спины,
Затихаешь.
Потом еще долго дрожишь,
Засыпая
Под стоны стропил,
Под шорох мышей,
Под шепот старого дома.
Ощущая, как дарит тепло
Камень, что с речки принес
Вечно простывший отец.

ЭКСКУРСИЯ В МУЗЕЙ

24.11.96 г.

Современная Корея — это неповторимая смесь старого и нового. Незримое веяние Древнего Востока, сохранившееся в тихих буддийских храмах, старинных королевских дворцах и самобытной чарующей музыке, естественно сочетается с небоскребами, заводами-гигантами и современным укладом жизни людей. Страна известного всему миру Чосонского белого фарфора и селадона нефритового цвета с подглазурной резьбой. Страна свершившегося экономического чуда, древних праздников, суеверий и полуфеодальных обычаев. Она как волшебное зеркало наших ожиданий, в котором каждый видит то, что хотел бы увидеть.

Поток автомашин, несмотря на воскресный день, не уменьшился. На скоростных магистралях место больших рефрижераторов и грузовиков заняли легковые машины и автобусы с туристами и школьниками. На склонах придорожных сопок, на небольших, не более десяти-пятнадцати квадратных метров, площадках видны полутораметровые искусственные холмики. Это своеобразные семейные кладбища. В тяжелые времена государство продавало такие участки всем желающим. Сегодня иметь семейное кладбище очень престижно. Уходим с магистрали и по извилистой бетонированной дороге поднимаемся на вершину невысокой горы. Здесь находится комплекс сооружений, именуемый Мемориалом Победы.

В центре мемориала — гигантская двойная стела, символизирующая крылья. Вокруг — скульптурные композиции, фонтаны, площадки для отдыха. Комплекс занимает несколько квадратных километров. На небольшой возвышенности — несколько огромных корпусов музея истории становления корейского государства и круговой панорамный кинозал. На многочисленных мониторах мелькают кадры кинохроники начала XX века, военного и послевоенного периодов. В кинотеатре идет беспрерывная демонстрация фильмов о городах Кореи, ее животном и растительном мирах.

Отдельно — экспозиция восковых фигур. На подиуме, как живые, стоят герои Сопротивления и политические деятели в натуральную величину. На каждом табличка с указанием имени, даты рождения и смерти. Несколько панорам битв времен монголо-корейской и японско-корейской войн. Статуи, бюсты и памятники. Небольшая экспозиция о древней Корее; макет деревянного корабля двухтысячелетней давности, на котором уходили в походы корейские цари-ваны. Прямоугольные паруса, складывающиеся мачты. На носу — огромный бивень неведомого зверя, на корме — голова мифического дракона, из пасти которого полыхает огонь.

Экспонаты, отображающие время оккупации Кореи Японией (1910–1945 гг.), тюремные камеры в натуральную величину. Если посмотреть в глазок, можно увидеть объемное изображение обстановки, орудия пыток, муляжи отрубленных голов.

Мемориал Победы и памяти о погибших строился на народные деньги. Несколько лет шел сбор средств, затем, с 1974 по 1982 годы, велось строительство. Официальное открытие мемориала состоялось 15 августа 1983 года в присутствии парламентской делегации Японии, которая от имени своей страны принесла извинения корейскому народу за причиненные страдания.

До Сеула движемся в плотном потоке машин. Не видел ни одного водителя с сигаретой. Курение и пользование за рулем сотовым телефоном жестко пресекаются полицией. Заправки и стоянки — через каждые десять-пятнадцать километров нашего пятисоткилометрового пути. Сервис отменный: музыкальные киоски, автоматы с сигаретами и кофе, магазинчики, чистые туалеты, беседки и аллеи со скамейками.

От нашего отеля до оптового круглосуточного рынка «Дондемун» в центре Сеула ехать на такси пятнадцать минут. Место сбора всей группы — небольшая третьеразрядная гостиница «Дэва» — своим внешним видом не внушает надежд на особый комфорт. На улице прохладно, и мы греемся в скромном вестибюле. Из полуоткрытой двери, ведущей в ресторан, перекрывая привычный (корейцы имеют обыкновение громко разговаривать за обедом) гам, доносится сочный «многоэтажный» русский мат. Наши! Молодые русские парни и девушки обедают в компании сахалинских и местных корейцев такого же возраста. В наше время, когда все одеваются примерно одинаково, пренебрежение к местным нормам поведения и мат являются одними из главных отличительных признаков россиян за пределами своей страны. Россияне с особой гордостью, к месту и не к месту, применяют мат и, как ни странно, претендуют при этом на свою особую духовность.

Напротив отеля, через улицу, на стенах вывески на русском: «Фирма “Стимул”», «Фирма “Глория”», «Фирма “Роскор”». В толпе прохожих иногда мелькают лица сахалинских корейцев, которых сразу видно по показной раскованности, которая часто на поверку оказывается прикрытием собственной неуверенности. Иногда можно услышать обрывки русской речи. Идти и плевать на тротуар может только «русский» или «китайский» кореец. Недавно приехавшего в страну сахалинского корейца не перепутаешь с местным, так же, как русского с немцем или французом. В многочисленных кафе работают официантками молодые кореянки с Сахалина. В одном из них повстречали знакомую женщину из Анивы. Работает в Корее третий месяц. Жалованье шестьсот долларов за вычетом затрат на питание и комнату на двоих в гостинице, которые компенсирует хозяин. К этому плюсуются бесправие и унижения, которые ничем не компенсировать. Она так и не присела за наш столик. Разговаривала на ходу, оглядываясь на хозяина, сидящего с кем-то в глубине зала за кадушкой с пальмой. Мы, быстро попрощавшись, вышли на улицу.

В подземном переходе указатели: стрелка прямо — «Фирма “Андрей”», стрелка вправо — «Фирма “Хорошо”». Налево — оптовый магазин «Глория». Рядом, через квартал, один из крупнейших в Азии оптовый рынок «Дондемун» — основная цель нашего визита в этот район. В свой отель возвращаемся к ужину. Оставаться в городе нельзя. Во-первых, три раза в день нас пересчитывают по головам, и отсутствие кого-либо вызывает у сопровождающих легкую панику и приравнивается чуть ли не к побегу. Во-вторых, приличный ужин с выпивкой в рядовом ресторане стоит около сорока долларов. В уличных палатках у рынка цены, конечно, на порядок ниже, но пробовать что-либо там я так и не решился. Слишком уж непривычные запахи.

Потом я решил прокатиться на такси по вечернему Сеулу. Таксист оказался очень любознательным и словоохотливым человеком. Я ему, как мог, рассказал о Сахалине, о нашей жизни. Он в ответ поведал мне о своей семье, о детях. Вместе

посетовали на высокие налоги и цены на бензин. Мистер Ким (опять Ким!) два часа возил меня по городу, знакомя с достопримечательностями столицы. Я ставил на карте галочки и крестики, что-то записывал и одновременно старался смотреть по сторонам, чтобы ничего не упустить. Иногда мы останавливались, высаживая попутных пассажиров, которых он брал по «наводке» диспетчера на стоянках, и минут пять-десять бродили по скверам у магазинов, театров и отелей.

Простились с мистером Кимом как хорошие друзья. От моих денег он категорически отказался. (Поразительный случай! Мне так никто и не поверил). Чужая жизнь мимолетно коснулась меня, оставив ощущение искренности, доброты, и умчалась навсегда в сверкающие просторы ночного мегаполиса. Спасибо тебе, мистер Ким. Не сомневайся, я в точности выполню данное тебе обещание, покатаю тебя, как ты хотел, по ночному Южно-Сахалинску, если надумаешь приехать на Сахалин.

Вернулся я в номер с ощущением, что побывал на празднике. За годы перестройки отвык от больших городов, обилия света, неспешного, несуетливого ритма жизни, от искренности и доброжелательности. Для меня более привычны решетки на окнах, замки и запоры, воровство и грабеж. За последние два года только моих родственников грабили три раза. Грабителей, конечно, не нашли. Самое страшное, что мы уже почти равнодушно воспринимаем ежедневную информацию о количестве убитых и раненых на наших улицах. С телевизионных экранов опытные наставники в милицейских мундирах дают советы, как обезопасить себя в ночном городе. Цитирую дословно: «Ходите по освещенной стороне улицы, ближе к проезжей части, подальше от темных переулков». Если иметь в виду, что в Южно-Сахалинске «хорошо» освещены только улица Ленина в центре и Коммунистический проспект, то получается, что все остальные пешеходные коммуникации заняты врагом и ходить там можно только на свой страх и риск.

Трудно представить себе, чтобы здравомыслящий человек мог выйти ночью просто погулять с женой или дочерью по темным улицам Южно-Сахалинска. Для нас — нормально тщательное запирание двери своего автомобиля, даже если всего на минуту нужно заскочить в магазин за сигаретами. Неужели так будет всегда? Нормальное человеческое существование представляется мне праздником!!! А как иначе воспринимать непонятную мне сеульскую жизнь, где никто никого не боится, где сурово карают преступников независимо от того, кем они были до этого — дворниками или президентами, где люди просто гуляют по ночным улицам.

Почему здесь, в Корее, все по-другому? Почему так доброжелательны таможенники, полицейские, таксисты и продавцы? Почему так светло на улицах? Почему в стране, не имеющей ни одной нефтяной или газовой скважины, все настолько газифицировано, что наши «челноки» возят отсюда газовые баллоны и с выгодой для себя их реализуют? Где и по какой цене корейцы берут этот газ?

НАМДЕМУН

25.11.96 г.

Пожилые люди, устав от экскурсий, вечерами отдыхают (читай — спят). Молодежь, не зная языка, не рискует далеко удаляться от отеля, но каждому хочется привести домой сувениры и подарки. Ура! Нам продлили на один час время пребывания на известном не только в Корее рынке «Намдемун», что в самом центре столицы, совсем рядом с железнодорожным вокзалом. У самого рынка в маленьком магазинчике за десять минут проверили мое зрение и подобрали очки. Все удовольствие обошлось в десять долларов. Теперь я могу разглядеть каждую мелочь.

Рынок занимает целый городской квартал. С севера на юг его пересекают четыре улицы, с востока на запад — две. В дневное время они закрыты для движения транспорта. Прилавки, лотки — прямо на улице, но основная торговля идет внутри помещений, причем каждый подъем на этаж снижает цену и увеличивает скидки. Горы фруктов, овощей, семян. Кажется, здесь выставлено все, что растет на земле. Под навесами переливаются, искрятся меховые изделия из шкурок пушных зверей со всего света. В маленьких аптеках и кафе груды корней женьшеня самых разных размеров. Заспиртованный женьшень продается в красивых стеклянных банках. Тут же, под разноцветными навесами, жарятся каштаны, рыба, мясо. Рестораны, кафе, цветные палатки на один-два столика заполнены клиентами. Мне кажется, что в Корее никто дома не обедает.

Что можно делать на вещевом рынке целых три часа? Бесцельно бродил по рядам. Разговаривал с продавцами «за жизнь», пил с ними кофе. Приходить сюда с неопределенной целью, просто для того, чтобы купить что-то — бесполезно. Глаза разбегаются. Нужно точно знать, что ты хочешь. Приобрел себе портфель (уговорил меня красноречивый продавец, оказывается, с его слов, без этого портфеля моя дальнейшая жизнь будет совершенно лишена смысла) и семена корейской капусты — бечу, которые, по словам другого продавца, самое выгодное вложение средств (всего-то на десять баксов), совершенных когда-либо мною. Он говорил о нескольких десятиграммовых пакетиках так, будто речь шла о покупке загородного дома или как минимум новой машины. К назначенному времени небольшой группой мы выбрались из этого муравейника, а еще через полчаса группа добровольцев-спасателей кинулась искать заблудившихся. К счастью, нашлись все.

Сегодняшняя культурная программа заключается в посещении одного из крупнейших кинотеатров Сеула, состоящего из двух больших и нескольких маленьких зрительных залов, а также развлекательного центра, супермаркета, кафетерия и музея современного искусства. Смотрим исторический боевик с элементами восточной мистики. Зал заполнен студентами и школьниками старших классов. Сюжет фильма не помню. За два часа просыпался всего три раза на одну-две минуты из-за аплодисментов.

В автобусе новый гид, мистер Чан довольно натурально пародирует наш храп (результат наших ночных вылазок в город), утверждая, что он заглушал реплики героев. Кроме того, он красочно изобразил самоубийство режиссера, который, по словам Чана, специально приехал посмотреть реакцию иностранцев на его фильм. По его версии, увидев нас спящими, он понял, что прожил свою жизнь напрасно и застрелился прямо в зале.

Экскурсия по ночному Сеулу превзошла все ожидания. Мегаполис, до самого горизонта переливающийся миллионами огней, огромен и прекрасен. Магистрали и мосты вычерчены красными и желтыми линиями. Переливающиеся огни вычерчивают контуры всех общественных зданий и офисов крупных фирм. Над городом — сияющее марево огней. На смотровых площадках возле Сеульской телебашни, несмотря на позднее время, многолюдно. В чуть освещенных беседках целуются влюбленные парочки. Вход на территорию телестудии свободный. У дверей здания стоит одинокий полицейский.

Наше пребывание в Корее совпало с обнаружением на восточном побережье страны северокорейской подводной лодки. В связи с проникновением в глубь территории двадцати шести террористов по всей стране приняты особые меры предосторожности. Не знаю, что это за «особые» меры, но полицейские в городе встречаются лишь изредка, а военных мы не видели ни разу. На улицах много иностранцев: европейцы, африканцы и даже арабы в своих белых одеяниях. Документы никто не проверяет, в отелях паспорта не требуют. Нужно всего лишь назвать себя и заплатить. К концу нашего пребывания всех террористов из Северной Кореи

арестовали, кроме нескольких фанатично преданных коммунистическим идеям бойцов, которые предпочли застрелиться…

Звонко гуси кричат,
В облаках надо мной пролетая,
Унося за собой
Холода запоздалой весны...
Звонко гуси кричат,
В облаках надо мной пролетая,
Унося за собой
Желтых листьев прощальные сны...

ДО СВИДАНИЯ, СЕУЛ...

26.11.96 г.

Прощальная утренняя свежесть... Еще ночью под ногами кое-где шуршала листва, а сейчас на тротуарах уже нет ни одного листочка. Проехали по красивому вантовому мосту через реку Ханган прямо к очередной местной достопримечательности, шестидесятитрехэтажному небоскребику высотой всего лишь в двести метров. На шестьдесят третий этаж поднимаемся на скоростном лифте. Вдоль огромных застекленных проемов через каждые два-три метра установлены стационарные бинокли. Бросив в прорезь двести вон, можешь в течение двух минут любоваться городом с высоты птичьего полета. Набрали сувениров, полюбовались панорамой городских кварталов. Воздух над городом настолько прозрачен, что видно все до самого горизонта.

В подвальных помещениях гигантские аквариумы с экзотическими морскими животными и рыбой. Мурены в керамических трубах, морские коньки висят в воде друг против друга, моллюски, разноцветные рыбки среди разноцветных кораллов, осьминоги и кальмары. По каменистому дну ползают крабы с метровыми клешнями и огромные омары. Над ними быстро проносятся косяки серебристой рыбы. Вдоль стенок в зеленоватой воде струятся разноцветные змеи. Волшебный мир, полный таинственной красоты.

Два часа длился торжественный прощальный ужин, во время которого руководство Красного Креста произносило соответствующие моменту речи. Наши старейшины поблагодарили их за прием и организацию поездки. Невозможно переоценить вклад Красного Креста Кореи и Общества разделенных семей, которые с помощью Японии, взявшей на себя финансирование многих проектов, касающихся сахалинских корейцев, устраивают одиноких сахалинцев в дома престарелых, помогают родственникам найти друг друга. На очереди строительство жилья для первого поколения сахалинских корейцев. Говорят, что существуют два варианта: первый — возведение домов в окрестностях Сеула, второй — на Сахалине. Оба варианта имеют свои преимущества и недостатки. По первому варианту уже ведутся проектные работы и выделен земельный участок. Второй вариант детально не проработан из-за отсутствия гарантий и интереса со стороны России. Не решен вопрос и с теми, кто не хочет уезжать из России. По официальным сведениям, таких людей не менее половины среди пожилого поколения, не говоря уже о молодежи. Людям, родившимся и долго живущим в России, будет трудно адаптироваться к новым условиям. Не каждый в возрасте старше пятидесяти решится начать жизнь с нуля.

Если в ближайшее время наметится хотя бы малейшее изменение в лучшую сторону, появится какая-то надежда на уменьшение преступности, то, наверное, многие останутся в России навсегда. Ведь не секрет, что старики уезжают с Сахалина не из-за куска хлеба или чашки риса, а в поисках безопасности, надежности и порядка. Им, одиноким и старым, значительно труднее пережить отсутствие тепла и электроэнергии, задержки в выплате и без того скудных пенсий.

На память об этой поездке руководство Красного Креста подарило всем наручные часы. Прощальный ужин мы продолжили в номере отеля. Обменивались адресами, номерами телефонов, приглашали друг друга в гости, хотя все прекрасно понимали, что за некоторым исключением встречи будут только случайными.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

27.11.96 г.

Ранним утром уезжаем в аэропорт.

Прощай, Корея! Страна отцовских грез, его несбыточная мечта, его Родина. Долгими зимними вечерами он рассказывал нам о твоей теплой земле, о твоих мандариновых и вишневых садах, о тиграх, живущих на невысоких сопках, о танцующих журавлях. Наша детская фантазия буйными красками дополняла этот сказочный образ. Через семнадцать лет после кончины отца с поклоном от него приехал старший сын. Его покорили твои широкие магистрали, красивые города, сказочные храмы, отзывчивые, доброжелательные люди. Но его Родина осталась там, где под метровыми сугробами снега, в холодной сахалинской земле, покоится прах родителей. Может быть, я еще вернусь сюда, но все уже будет не так, все будет по-другому…

Приснилось: снегопад в Пусане
Морозом серебрит мои виски…
А это умирают, опадая,
Азалии цветущей лепестки...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
КОРЕЙСКАЯ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА

ВЛАДИВОСТОК — ПХЕНЬЯН

12.10.97 г.

Вялотекущая война с баулами, начавшаяся за два месяца до поездки в Корейскую Народно-Демократическую Республику, внезапно обострилась и в день отлета закончилась моей полной капитуляцией в аэропорту Южно-Сахалинска. Отныне на ближайшую пару недель я в плену у этих тюков, сумок и саквояжей.

Прилетев во Владивосток, наша группа из пятидесяти двух человек в ожидании авиалайнера из Северной Кореи остановилась на ночлег в городе Артеме. Ночь, проведенная в дорогом, но холодном и без всяких удобств номере гостиницы «Светлана», казалась нескончаемой. Стены, крашеный пол, оклеенное полосками белой бумаги окно — все источало холод. Ледяные радиаторы словно высасывали тепло из наших тел, чтобы окончательно не замерзнуть самим. Даже проверенное временем универсальное российское лекарство, употребляемое с перцем при простудах, почти не согревало нас. Постояльцы тенями бродили вокруг гостиницы в поисках «удобств», так как все туалеты были закрыты. Утренние гигиенические процедуры свелись к обтиранию лица полотенцем, смоченным минеральной водой. Утром все побежали греться в магазины, в которых было все же чуть теплее, чем на улице или в гостинице.

Беспокойная бабушка, видимо, намеревается скупить в Артеме все продукты с целью обеспечения ими своих родственников в Корее. В результате наш багаж пополнился еще двумя огромными баулами.

В семь часов вечера после утомительного ожидания в переполненном пассажирами здании Владивостокского аэровокзала и прохождения таможенного контроля мы наконец оказываемся на борту корейского авиалайнера ИЛ-18. У входа с вежливой улыбкой нас встречают красивые приветливые стюардессы и, все наоборот, суровые летчики.

Зная, что в России эти самолеты давно не летают, я с опаской оглядываю салон. После долгих конвульсий и судорог, пробежав по бетонке положенные метры, наш самолет оторвался от земли и взял курс на Пхеньян. До самой столицы Северной Кореи летим в кромешной темноте. Над нами — темно-бирюзовое небо с проблесками звезд, под нами — непроглядная чернота.

Столичный аэропорт удивил нас своими малыми размерами, а также отсутствием пассажиров и самолетов. На стояночных площадках сиротливо мерзли два АНа и один ИЛ. В здании аэровокзала, кроме нас и нескольких человек обслуживающего персонала, никого нет. Когда нас рассадили в холодные автобусы, огни в окнах погасли и аэропорт погрузился во тьму. До Пхеньяна — ни одной встречной машины, и прямо у въезда в город — контрольно-пропускной пункт.

Нас поселили в полутемном огромном отеле в центре столицы. Номера чистые, из удобств в наличии красивый термос с горячей водой, огромная кровать, телевизор и свеча. Умыться негде, из кранов невнятное шипение. Оказалось, что подача воды и электроэнергии нормируется (по два часа утром и вечером). Нас этим не удивишь, мы на Сахалине тоже живем в условиях веерного отключения от всего.

ВСТРЕЧА С ПРОШЛЫМ

13.10.97 г.

В тишину хрустально-прозрачного утра, в приоткрытую балконную дверь врываются звонкие детские голоса. По тротуарам, распевая революционные песни, маленькими колоннами шагают школьники в темно-синей форме с красными галстуками, надетыми поверх светлых сорочек, оттеняющих загорелые лица.

По «сложившейся здесь традиции» едем возлагать цветы к гигантскому тридцатиметровому памятнику основателю Трудовой Партии Кореи, вождю корейского народа и всего прогрессивного человечества товарищу Ким Ир Сену. Есть что-то гипнотическое в перечне званий вождя, в этих полузабытых атрибутах нашей молодости. В них как бы сконцентрированы наши ожидания «светлого будущего» и последующий крах этих надежд.

Скульптурная композиция на площади перед музеем Революции поражает и подавляет монументальностью и размахом. Маленькими букашками, почти наполовину меньше высоты его ботинка, стоим у ног великого вождя, титана, почти что бога. Над площадью гулко разносятся торжественно-траурные слова, тихо звучит музыка, и мы, выстроившись в две шеренги, склоняем головы в ритуальном поклоне. Одна за другой к памятнику подходят колонны солдат, школьников, студентов. Вновь из невидимых динамиков разносятся траурные слова, звучит скорбная музыка.

Наши поклоны и слова «благодарности вождю» не что иное, как дань коммунистическому монстру, плата за предоставленную возможность встречи с живущими здесь родственниками. Минут двадцать бродим вокруг красивого газона с цветами, фотографируемся и через весь город едем к могилам предков покойного генерального секретаря ТПК КНДР, верховного главнокомандующего КНА, президента КНДР товарища Ким Ир Сена. Именно так и в такой последовательности необходимо величать его в разговорах. Можно и по-простому: «Великий Вождь» или «Отец Нации».

Обращение «товарищ» употребляется обязательно и повсеместно. Даже в магазинах приходится обращаться к продавцам не иначе, как «товарищ девушка». Товарищ водитель, товарищ переводчик, товарищ гид — для нас это привычно. Возможно, и в России мы все снова скоро станем «товарищами». Ностальгия по «развитому социализму» вечным огнем полыхает в наших душах. Мы до сих пор думаем, говорим и даже мечтаем о прошлом, и не только потому, что оно было идеальным. Прошлое — это значительная часть нашей жизни, наша молодость, наши идеалы, наши ошибки, наша память. Прошлое — это то, каким бы мы хотели видеть прожитое.

...Помню, как накануне праздника Первого мая в красном уголке нашего ДРСУ (Дорожного ремонтно-строительного управления) собирался весь «трудовой коллектив». На сцене за длинным столом сидели руководители предприятия, секретари партийных и комсомольских организаций, председатель профкома и передовики производства. Выбирали почетный президиум в составе членов политбюро ЦК КПСС во главе с Генеральным... Председателем Президиума... верным последователем... Все, стоя, громко аплодировали. Затем по шпаргалке зачитывался доклад, и начиналось главное действие: оглашение праздничного приказа с выдачей премий, почетных грамот и благодарностей с занесением и без занесения в личное дело. В столовой накрывался праздничный обед...

А на следующее утро мама гладила девочкам банты. К маленьким красным флажкам и березовым веточкам с едва распустившимися нежными листочками привязывали разноцветные шары. Взявшись за руки, мы вливались в людской поток и шли к месту сбора нашей колонны. «Утро красит нежным цветом...» — неслось из многочисленных динамиков вдоль красочных улиц. Приветствия, музыка и, конечно же, непременные сто грамм из плоских фляжек и бутылочек. «Да здравствует Первое мая — день Международной солидарности трудящихся!» Звонкоголосое детское УРА, многократным эхом отражаясь от стен домов, срывает с крыш и подоконников стаи голубей. По площади идут школьники. Дружинники с красными повязками на рукавах, шеренги солдат и милиционеров в оцеплении. Все проходы между домами перекрыты грузовиками и автобусами, которые украшены плакатами и лозунгами. «Кипучая..., могучая...», «Мир. Труд. Май...» Как давно это было. Мне кажется, что те дни были не самыми худшими в нашей жизни. Нет, это не ностальгия! Это просто воспоминания о нашей жизни, где правда и ложь, искрен-

ность и двуличие настолько переплелись, что порой трудно отделить их друг от друга...

Проезжаем по городским улицам, обрамленным шеренгами стройных деревьев, мимо чистых, аккуратных домов, в которых, по словам гида, проживают обычные трудящиеся столицы. На асфальтированных и мощенных камнем улицах — ни соринки. Редкие прохожие не обращают на наш автобус никакого внимания. На перекрестках четкими отточенными жестами, дублируя светофоры, регулируют движение хрупкие девушки в армейской форме и начищенных до блеска черных сапожках.

По красивой широкой аллее, окантованной шарами декоративных хвойных кустов, подходим к двухметровым холмикам. Перед ними бронзовые бюсты бабушки и дедушки великого вождя. Чуть дальше, метрах в тридцати, находится захоронение его родителей. Опять музыка, торжественные слова гида о том, что сахалинцы пришли почтить память предков великого сына корейского народа, и снова общий поклон. Вообще мы кланяемся чуть ли ни ежедневно, а порой и по несколько раз в день. Каждая экскурсия начинается и заканчивается поклоном бюсту, памятнику или портрету вождя всего прогрессивного человечества.

За невысокой каменной оградой с белой деревянной калиткой стоит дом, в котором родился Ким Ир Сен. Небольшое приземистое строение, крытое рисовой соломой, сарайчик и маленькая хозяйственная пристройка. Раздвижные двери дома открыты. Две миниатюрные комнаты, кухонный очаг, соломенные циновки на деревянном полу, глиняные горшки на рассохшихся полках, деревянный ткацкий станок, нехитрая крестьянская утварь. Побродили вокруг дома, попили воды из «священного» для всей Кореи колодца. Скрипучий ворот, тяжелая деревянная бадья на цепи, бамбуковый ковшик и пластиковые кружки на срубе. Вода действительно холодная и вкусная. Посидели в резной беседке, увитой стеблями вьющихся растений. Потом поднялись на вершину невысокой, прилегающей к дому сопки, с которой открывается прекрасный вид на реку Тедон и город Пхеньян. Именно здесь, согласно современной легенде, юный Ким Ир Сен дал клятву верности служения народу.

Из пояснений гида мы узнаем, что отец, дед, бабушка и мать будущего вождя были верными, стойкими борцами за освобождение народа и в таком же духе воспитали своего гениального сына и внука. Наверное, не случайно биографии всех коммунистических вождей похожи одна на другую, как кирзовые сапоги. Все, что я слышал о Ленине, Сталине или Мао, можно смело отнести к Ким Ир Сену и наоборот.

Через час, ближе к обеду, едем в гости к столичным школьникам. Прекрасно понимая, что перед нами образцово-показательный Дворец пионеров, мы все равно не могли скрыть своего изумления и восхищения. Это был, действительно, настоящий дворец, начиненный хрусталем и золотом, эскалаторами и электроникой. Высоченные лепные потолки, уютный кафетерий, фонтаны, сувенирные прилавки с изделиями юных мастеров, мраморные колонны, лестницы, гранитные стены. У дверей пионерским салютом нас встретила худенькая школьница и чистым звонким голосом заученно отрапортовала об истории создания дворца, об отеческой заботе партии и правительства, о достижениях в учебе, творчестве и патриотическом воспитании молодого поколения. Затем она провела нас по роскошным залам, которые, видимо, из прирожденной скромности называла комнатами для занятий и классами.

В огромном, не менее чем на две-три тысячи мест, концертном зале слушали и смотрели выступления юных талантов. Полуторачасовой концерт с танцами, песнями и революционно-патриотическими номерами, исполненными на высочайшем профессиональном уровне, пролетел как один миг. Юные музыканты исполняли произведения Свиридова и Чайковского. Маленький школьник, окруженный бесчисленным

количеством всевозможных барабанов, в течение трех минут создавал на них такие сложнейшие ритмы, что мы буквально затаили дыхание. В ярких национальных костюмах летали над сценой юные танцовщицы и, взмахивая огромными веерами, сплетались в причудливые узоры. Бурно приветствовались военно-патриотические композиции со стрельбой, танцами, акробатическими номерами. Зрители, в основном военнослужащие и школьники, вставали и овациями сопровождали каждое упоминание о великом руководителе Ким Чен Ире. Дворцы и хижины, вожди и раболепствующий народ, «Мерседесы» и запряженные волами повозки. Нищета и твердое убеждение в справедливости существующего порядка.

...Я узнаю себя в этих загорелых восторженных детях. С каким трепетом, какой гордостью я стоял в почетном карауле у большой красной урны в день всенародных выборов. В соседнем классе шел концерт художественной самодеятельности, а в коридоре змеилась очередь к выездному буфету. Жители поселка в чистых ватниках и вымытых сапогах важно выходили из кабинок, задернутых красными шторами, держа перед собой бюллетени, и бросали их в прорези избирательных урн.

Это был год, когда Юрий Гагарин совершил первый в истории человечества полет в космос. Казалось, совсем скоро у нас начнется красивая, сытая, вечная жизнь. Только чуть-чуть потерпеть. Только догнать Америку по мясу, молоку, металлу. В трехлитровых жестяных бидонах мы несли в школу молоко и под бдительным оком звеньевых сливали его в мерные ведра. (Через несколько лет мне сказали, что все молоко, целых три бочки, вылили в ручей. Скисло — не приехала машина). В следующий раз каждый нес по десятку куриных яиц. У нас не было кур, и мама покупала яйца у соседей. Потом мы носили в школу корма, по пять килограммов сена на ученика. Макулатура, металлолом, картошка, старые учебники — что только мы ни собирали. И все время нам казалось, что еще немного, и мы все изменим, что будущее зависит только от нас. Нашему энтузиазму, нашей гордости не было предела. Нам повезло — мы жили в самой светлой, самой свободной, самой могучей стране на этой планете. Наши руководители были самыми умными, самыми честными, самыми уважаемыми людьми во всем мире. Они не боялись говорить правду и на всех континентах помогали рабочим в борьбе против эксплуататоров. Нас любили и на нас надеялись. Мы помогали всем угнетенным народам. Может, мы хотели быть такими и верили в это?..

Вечером праздно шатаемся по отелю. За окнами пустынный притихший город. Пойти некуда и нельзя. Убиваем время хождением в гости из номера в номер и ожиданием подачи горячей воды.

ИДЕОЛОГИЯ

14.10.97 г.

Утренняя программа началась с посещения музея корейской революции, расположенного на возвышенности Мансу. Это окраина Пхеньяна. Перед музеем на фоне фрески с изображением горы Пекту стоит гигантская статуя вождя. Гора Пектусан является символом корейской революции. Именно там зародились первые партизанские отряды. По обе стороны от вождя скульптурные композиции:

под огромными развевающимися каменными знаменами безудержно несутся вперед колонны людей в солдатских бушлатах и крестьянских одеждах. Их взоры устремлены вдаль, на лицах отчаянность и решимость.

В огромном двухэтажном здании с гранитными колоннами более девяноста залов, в которых висят хрустальные люстры весом в тонну каждая. Красочная диорама изображает героическую битву бойцов КНА (Корейская Народная Армия) за высоту 1211. Изрешеченные пулями обгорелые красные знамена, взрывы гранат, раненые бойцы и безудержный порыв к победе. Еще одна диорама изображает исторический победный бой в Похчонбо, проведенный под гениальным командованием товарища Ким Ир Сена.

Вся жизнь, каждый шаг, каждое слово великого вождя всех народов с момента рождения до самой смерти старательно отражены в документах, фотографиях, макетах и газетных вырезках. Одежда, награды, именное оружие, плакаты, сборники речей и изречений, целый зал с трудами великого вождя. Посетители, в основном школьники, студенты и военнослужащие, внимательно изучают документы, рассказывающие о социалистическом строительстве, коллективизации и индустриализации страны. Они подолгу стоят у макетов, делая записи в тетрадках.

За два часа мы пробежали двадцать пять залов, осталось еще около семидесяти. Вообще вся атмосфера в стране напоминает СССР в шестидесятые годы: те же лозунги, музеи, прилавки магазинов и даже мелодии патриотических песен.

В первые дни я постоянно интересовался у гида содержанием плакатов и транспарантов. Потом сам стал переводить ему надписи на красном кумаче: «Народ и партия едины», «Партия — ум, честь и совесть народа», «Да здравствует непобедимая народная армия», «Рабочие всего мира, объединяйтесь» и так далее. К нашему счастью, руководители поездки посчитали достаточным ограничить наше знакомство с жизнедеятельностью великого сына корейского народа двадцатью пятью залами. В противном случае мы имели реальную возможность заблудиться в бесчисленных переходах, остаться здесь до скончания наших дней.

Психология коммунистических вождей, видимо, сродни психологии египетских фараонов. То же неуемное желание обессмертить и увековечить себя в камне.

Социализм и монументализм — едины! Революционные деятели никак не хотят после смерти лежать на рядовых кладбищах вместе со своим народом. И жить, как живет народ, тоже не желают. Действительно, это особые люди — самые честные, самые мудрые, самые справедливые, самые…. Как ни странно, КНДР так же, как и Россия, претендует на исключительную духовность своего народа и особую историческую миссию. Видимо, историческая миссия и особая духовность как-то неразрывно связаны уровнем жизни и наполнением прилавков магазинов.

***

Пхеньянский концертный зал переполнен, зрители сидят в проходах. Половина присутствующих на концерте — люди в советской военной форме, но, как выяснилось позже, не все они военные. Те, кто с погонами на плечах, — это милиция, со знаками отличия в петлицах — армия. Ну, а если форма из хорошей ткани и вообще без всяких знаков опознавания — это партийные работники или местный КГБ.

Концерт начался, как у нас в «старые добрые времена», хоровым исполнением песен о вожде, партии и революции. Затем — народные танцы, песни о Родине, военно-патриотические композиции, и все сначала. Оглушительные овации сопровождали каждое появление на экране в глубине сцены Великого вождя и Великого руководителя, отца и сына. Шок! Никогда не испытывал ничего подобного по

уровню идеологического и психологического воздействия. Вошел в зал человеком, а вышел роботом, начиненным патриотизмом и преданностью партии. Сейчас бы нам в руки лопаты или винтовки и, построившись в нескончаемые колонны, с песнями идти строить самое передовое общество на земле — коммунизм. Лишь потом вспомнил, что были в концертной программе необыкновенно красивые народные танцы с веерами и барабанами. Нельзя сказать, что здесь нет других песен или другой музыки. В салоне нашего автобуса ежедневно звучали очень мелодичные, на мой взгляд, песни о любви, родине и природе.

Я ощущаю себя в Корее так, словно фантастическая машина времени перенесла меня в мое далекое прошлое. Как знакома и понятна их гордость за свои достижения, за уважаемого во всем мире вождя. Я заранее могу предсказать, какие слова произнесет гид, что он ответит на мой вопрос. Здесь узнаваемо все: наши песни, наши идеи, наши концерты и телепередачи. Мне кажется, я легко вписался бы в эту жизнь. Нам привычно говорить одно, думать другое, делать все наоборот. Их мечты — это наши несбывшиеся надежды!

Вечер проводим в номере за «рюмкой чая». Кстати, чай мы привезли с собой, поскольку здесь его в продаже нет. В столице две программы телевидения. Одна — вечерняя, постоянная, другая — почти неуловима. За время нашего пребывания в Корее довелось «поймать» ее всего лишь один раз. Уровень передач соответствует сахалинским стандартам начала семидесятых годов. Начинается программа в шесть часов вечера выпуском новостей, затем обзор достижений народного хозяйства, встреча с партийными работниками, небольшой концерт или фильм, снова новости и окончание передач в одиннадцать часов вечера.

...Помню, в шестьдесят третьем году у нас в поселке появился первый телевизор, купленный на собранные односельчанами деньги. Его установили в доме одинокого старика, жившего на Заречной улице. Единственная комната в деревянном строении с двумя окнами, заманчиво мигающим долгими вечерами голубым светом сразу стала местом паломничества всех окрестных детей. В шесть часов всегда шумная, суетливая ватага мальчишек и девчонок, затаив дыхание, смотрела мультики. После новостей наше место занимали женщины, для которых художественные фильмы были чуть ли ни единственной отрадой их нелегкой жизни, окном в новый, неведомый им ранее мир. До появления телевизора мы помнили наизусть все просмотренные фильмы: «Тарзан», «Бродяга», «Господин 420», «Веселые ребята», «Свинарка и пастух», «Чапаев».

Через полтора года, переждав невообразимую очередь, на деньги, вырученные от продажи свиньи, родители приобрели заветный телевизор «Рекорд» для нашей семьи, для того «чтобы дети не чувствовали себя ущемленными и больше времени находились дома». Помните черно-белые наивные «голубые огоньки», эстрадные концерты Миансаровой, Великановой, Хиля, Кобзона... Песни нашей юности: «По переулкам бродит лето...», «Московских окон негасимый свет...», «Я люблю тебя, жизнь...»

Живу между морем и небом.
Надо мной облака и птицы,
Подо мной киты и кораллы,
А я между небом и морем.
Не взлететь, не уплыть...
А жаль...

Ежедневно, включая выходной день, у спортивного комплекса перед нашей гостиницей маршируют, поют и бегают сотни школьников. Алые стяги, описывая разнообразные фигуры, рвут воздух. Звонкие голоса выкрикивают лозунги, шеренги образуют причудливые узоры. Идет подготовка к очередному пролетарскому празднику — Дню рождения великого кормчего.

ЗАПАДНОМОРСКИЙ ШЛЮЗ

15.10.97 г.

Горы пищи. Четвертый день отщипываю от всего по кусочку. Во рту — пожар, даже пиво не спасает. Отъедаюсь по утрам: в повидло и масло перец не кладут. Слышал анекдот на эту тему:

В корейский ресторан заходит русский турист. Изучает меню. Все блюда с перцем. Подзывает официанта, спрашивает:

— Есть куриное яйцо?

— Есть, — отвечает официант.

— Сварите вкрутую два яйца, — заказывает турист.

Проходит полчаса, час. Голодный турист забегает на кухню.

— Неужели трудно сварить яйца? — кричит он.

— Яйца давно сварились, — отвечает повар, — не знаем, как засунуть внутрь перец.

Сегодня наша первая поездка в провинцию. Едем осматривать плотину у города Нампхо, что в семидесяти километрах от Пхеньяна. От ровной бетонированной дороги до самых сопок аккуратные рисовые чеки; местами рис скошен, увязан в маленькие снопики и сложен в невысокие стожки. На возвышенных местах, куда нельзя по каналам протянуть воду, из красновато-оранжевой почвы торчат золотистые стебли кукурузы. Ярко-зеленые плантации кимчи и лука, как заплатки на желтых рисовых полях. На этом фоне по красным дорожкам тянут повозки красные буйволы. И земля, и транспаранты, и флажки на капотах изредка встречающихся машин, и даже буйволы окрашены в революционный цвет.

Все видимое пространство, кроме отвесных скал, обработано. На склонах сопок растут плодовые деревья: яблони, хурма. Ближе к морю — огромные квадраты, залитые водой, — там выпаривается соль. Не пойму, как можно голодать и получать гуманитарную помощь при таком обилии полей и садов. С другой стороны, чему тут удивляться — мы в России до сих пор получаем гуманитарную продовольственную помощь из развитых стран.

Все деревни построены по типовым проектам. В центре, на небольшой площади с памятником или бюстом великого вождя, стоит здание администрации. Перед памятником великому вождю трибуна для приема парада или проведения митинга, по бокам от трибуны несколько скамеек для почетных гостей. Повсеместно плакаты и щиты с изречениями великого отца нации и не менее великого его сына — руководителя великой страны. Вдоль дорог, на стенах домов и даже на отвесных, с первого взгляда неприступных, скалах висят транспаранты с лозунгами, прославляющими партию и социализм. Может, напомнить: «Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи!» или «Народ и партия — едины».

Развалюх с выбитыми окнами, деревянных изб с перекошенными заборами и непролазно-грязных улиц нет вообще. На белых стенах висят гирлянды ярко-красного перца, на красных черепичных крышах сохнет фасоль. Деревеньки обне-

сены невысокими каменными заборами. Несмотря на наши просьбы, ни в одном селе мы так и не остановились — видимо, не положено.

По обочинам дорог поодиночке и группами бредут люди. Изредка прошумит встречная грузовая машина, плотно облепленная со всех сторон пассажирами. Протягивая в руках сигареты, голосуют пешеходы в «китайских» куртках и тапочках. Много людей, одетых в форменное военное обмундирование без знаков различия. Телогрейки и резиновые сапоги темно-серых тонов напоминают послевоенный гардероб наших родителей.

На границах административных районов, на подъездах к городам стоят стационарные контрольно-пропускные пункты. Дорога перегораживается переносными металлическими заборчиками, и молодые ребята в военной форме проверяют документы. Рейсового междугороднего автобусного сообщения нет. Люди целыми семьями бредут от деревни к деревне, пешком преодолевая несколько десятков километров. Говорят, что на посещение районного центра или столицы требуются специальные разрешения.

В городах много велосипедистов, даже в Пхеньяне, где есть метро, трамвайные и троллейбусные маршруты. Почти все работы в стране ведутся вручную. Вручную скашивают рис, роют каналы, дробят камни, укладывают бетон, строят огромные здания. Лишь изредка можно увидеть небольшой трактор китайского производства или старенький советский ГАЗик и ЗИЛ. Однажды мимо нас прошла целая колонна из трех КАМАЗов. По проселочным дорогам сонно бредут массивные буйволы, запряженные в повозки. То здесь, то там видны одинокие фигурки людей, в основном детей и старушек, собирающих колоски риса или початки кукурузы с убранных кооперативных полей. Редко-редко промелькнет дом в чисто восточном стиле с традиционно изогнутой крышей. Даже в столице таких зданий почти нет. Это результат американской бомбардировки, которая в буквальном смысле сровняла город с землей, и коммунистической идеологии, которая отказалась от прошлого архитектурного наследия.

По широкой автостраде, венчающей гребень плотины, доехали до шлюза и остановились на маленьком островке с маяком и смотровой площадкой. Отсюда открывается прекрасный вид: яркая, буйная, многокрасочная растительность прибрежных скал в сочетании с бирюзовым небом, переходящим у горизонта в ослепительное темно-синее море. Недалеко от устья реки, за дамбой, прибрежные жители копаются в иле, собирая ракушки и другую живность. По другую сторону дамбы стоят сети — ставники. Рыбаки в маленьких лодках, звонко шлепая по воде широкими веслами, похожими на огромные ласты, загоняют в них рыбу. Легкий бриз, ослепительное солнце, теплая погода. Что еще нужно измученному постоянными дождями и тайфунами сахалинцу, который почти весь год не снимает верхней одежды в тоскливом ожидании лета. Местная природа, чистый воздух, не по-осеннему теплые дни и яркое солнце — все это вызывает в нас восторженные чувства, которые, однако, быстро угасают при виде голодных детей. Девочку, стоявшую у плотины вместе с родителями, мы угостили жвачкой, конфетами и отдали всю мелочь, имевшуюся в карманах. Для нее несколько талов (так именуются доллары) — несметное богатство. Два-три доллара — месячная заработная плата рабочего в Корее. Она долго махала худенькой рукой вслед уходящему автобусу.

Симпатичная стройная девушка-гид рассказывает нам о героизме народа, о заботе и руководящей роли партии в строительстве этого гигантского сооружения. Красивые изящные девушки встречают нас у каждой достопримечательности, в каждом музее, у каждого памятника. Юные девушки в национальных платьях — дегори — работают в сувенирных магазинах, ресторанах, гостиницах. Все прекрасно поют и танцуют, говорят на двух-трех языках. Среди прохожих таких не встретишь.

Мои наблюдения позволяют сделать вывод о том, что женщины любой страны на севере красивее, чем на юге, и рыба с северных морей вкуснее.

Белая дуга плотины исчезает в сизой дымке горизонта. На отвесных серовато-синих скалах непонятным образом прижились живописные пурпурно-желтые и зеленые островки деревьев. На берегу у подножия сопок опрятные белые домики. Райский уголок! В таких местах люди должны жить свободно, счастливо, красиво. С чувством восхищения и легкой грусти смотрю вокруг, стараясь запечатлеть в памяти каждую мелочь. Я знаю, что вижу это, наверное, в первый и последний раз...

***

Дети в Корее удивительно приветливы, вежливы и скромны. Они постоянно чем-то заняты: собирают колоски, подметают улицы, маршируют с флагами, посещают музеи, с тяжелыми сумками или рюкзаками бредут с родителями по обочинам дорог. На них, не по сезону легко одетых, невозможно смотреть без боли. При каждом удобном случае наши женщины отдавали детям все, что могли. (Удобный случай — это когда сопровождающие нас товарищи делают вид, что ничего не видят). Когда закончились съестные припасы, женщины снимали с себя и отдавали шарфы, шапочки, платки и никогда не жалели об этом. Наш гид очень старался не замечать нарушений, и мы были благодарны ему за это.

Нам до слез, до боли знакомо босоногое, голодное и все равно счастливое детство, полное смутных надежд и ожидания чего-то волшебного, загадочного. Мечты о сказочных дворцах, изысканных манерах, красивой одежде и обязательно сытной и вкусной еде.

...Метрах в ста, за ветхими домиками и огородами с цветущей картошкой, проходила железная дорога. Нас неудержимо влекло туда, и, несмотря на строгие запреты взрослых, мы тайком сбегали через колючую проволоку к пахнущим смолой и мазутом шпалам. Приложив к горячему от солнца рельсу стриженую голову, я напряженно вслушивался в черную глубину металла, надеясь первым услышать гул приближающегося поезда. «Идет!» — испуганно и радостно вскрикивал кто-то, и мы кубарем скатывались с насыпи. Ребята чуть постарше считали высшим шиком сидеть на рельсах до последнего мгновения, чтобы затем неспешным шагом спуститься в кювет. Как мы боялись за них, завидуя их смелости и отваге! Вскоре из-за поворота, натужно пыхтя, появлялся паровоз с длинной цепочкой товарных вагонов и шлейфом густого черного дыма. С ужасным грохотом состав проносился мимо нас, а мы, оглушенные, снова кидались к рельсам слушать затихающие звуки уходящего поезда. По ночам из трубы паровоза вылетали ярко-красные снопы искр. Как-то осенью у соседей загорелся стог сена. На следующий день пришли строгие люди в мундирах и длинной металлической лентой измерили расстояние от железной дороги до соседской изгороди. Корову пришлось сдать на мясокомбинат. Сено в то время нигде не продавалось, да и денег на его покупку у соседей не было. Тетя Нина, обняв корову за шею, долго плакала. Вместе с ней плакала и корова. Я помню, как из ее красивых глаз текли крупные слезы.

Иногда паровоз тащил пассажирские вагоны. Из открытых окон доносились обрывки мелодий и разговоров, выглядывали красиво одетые пассажиры. Нам казалось, что это неземные существа из другой реаль-

ности. Изредка мы находили на насыпи красивые фантики. Однажды огромный усатый моряк бросил нам из тамбура целый кулек с вкусными шоколадными конфетами. Каждому досталось несколько штук. О, как мы были счастливы! В другой раз вылетевшая из окна бутылка разбила голову моему другу Саше, и его положили в городскую больницу. Через день мама купила каждому по жестяной баночке красивых разноцветных леденцов. Эти баночки потом долго служили нам битами для игры в классики.... Счастливое, беззаботное время...

Вечером сидели в своем номере на четырнадцатом этаже отеля «Чанг Ван Сан». Пили привезенную из России водку и, закусывая копченой горбушей и ветчиной, говорили о жизни. Вспомнили, как из камеры хранения в аэропорту Владивостока у нашей бабушки пропали вещи и солидный кусок копченой грудинки, припасенный как раз для таких застолий.

В Корее из номеров, оставляемых нами на несколько суток, ни у кого ничего не пропадало, даже если постояльцы забывали закрыть двери на замок. В России постоянные кражи уже никого не удивляют.

МАВЗОЛЕЙ

16.10.97 г.

Внеочередной пункт нашей программы, награда нашей группе за примерное поведение от сопровождающих — посещение мавзолея товарища Ким Ир Сена, вождя корейской революции. Для нас, как объяснил гид, это большая честь и доверие. Не знаю, сможем ли оправдать...

На площади, размером с приличный городской квартал, размещен целый комплекс зданий, включая бывший президентский дворец. Высокие красивые ворота охраняются солдатами в парадной советской форме. Вокруг — скверы и фонтаны, а по периметру — широкий канал с водой. Резко стемнело, и разразился настоящий тропический ливень — в пяти шагах ничего не видно. Несмотря на проливной дождь, очередь желающих увидеть вождя не уменьшается.

Посещаемость народом революционных памятников, музеев и кладбищ просто поразительна. Вся история страны сведена к темному дореволюционному прошлому и светлому настоящему: социализму, построенному под мудрым руководством партии. Монументы и памятники в честь революции возведены в ранг национальных святынь. Все, как было у нас, только с учетом особенностей восточного послушания и покорности судьбе. Нас как гостей подвезли к крытой галерее и поставили в начало очереди.

Вслед за группой студентов мы спускаемся на эскалаторе куда-то вниз. По встречному эскалатору из мавзолея поднимаются военные. В небольшой комнате всех перестраивают в колонну по два человека, и движущийся тротуар — горизонтальный эскалатор — везет нас по длинному, ярко освещенному тоннелю. По встречной полосе, разделенной от нас широким парапетом, едут рабочие и школьники старших классов. У некоторых женщин на глазах слезы. Через поворот еще один эскалатор. В очередном коридоре нас по одному пропускают через металлоискатель. Затем на движущейся дорожке маленькие щеточки промывают посетителям подошвы. И еще в небольшом агрегате, снаружи похожем на контейнер, струей воздуха с нас сдунули пыль и пропустили через какое-то излучение. Теперь поднимаемся наверх. Мрамор, золото, хрусталь. Сияние такое, что слепит

глаза. Наконец, после получасовых блужданий в подземелье, останавливаемся перед каменными с позолотой дверьми внутри бывшего президентского дворца, ныне мавзолея. Входим. В центре огромного зала на возвышении стоит прозрачный саркофаг с телом вождя. Четверо часовых по углам возвышения больше похожи на изваяния. Звучит, как ни странно, знакомая, чуть замедленная мелодия песни «Из-за острова на стрежень...», украшенная элементами восточной музыки.

Группами по пять человек подходим к саркофагу. По знаку сопровождающего останавливаемся у ног, кланяемся, переходим налево, смотрим, снова кланяемся и переходим на другую сторону. Последний поклон. Из зала выходим через другие двери. Было ли там еще что-то, кроме саркофага, — не помню. Говорят, что тело товарища Ким Ир Сена бальзамировали российские ученые. И здесь мы впереди «планеты всей». Действительно, Ким Ир Сен в саркофаге выглядит «живее» часовых, стоящих вокруг него.

В смежном зале в стеклянных витринах сверкают сотни орденов, медалей и других наград, полученных великим вождем и учителем за свою долгую революционную жизнь более чем из ста стран. Знаки отличия и ордена Болгарии, Кубы, Германии, Польши — всех без исключения стран социалистического лагеря. Награды из Азии, Африки, Америки. По ним можно изучать политическую географию мира. Его заслуги перед народом и правительством СССР отмечены тремя орденами Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени и десятками медалей. Разве наши награды не признание нами заслуг вождя корейских коммунистов?

Потом нас привезли в детский сад. Выставка картин, показательный урок по знанию биографии вождя, небольшой концерт юных дарований. Мы вместе с ними водили хороводы и даже приняли участие в небольших соревнованиях. Надолго запомнились сияющие, доверчивые глаза и трогательные ладошки детей...

...Скоростная автострада, по которой одиноко бежит наш автобус, построена с учетом всех современных требований. Развязки в разных уровнях, разделительная полоса со светоотражающей пленкой на столбиках пикетов, эстакады, тоннели, красивые мосты. Стрелка спидометра качается у отметки сто километров в час. За окном проносятся желтые убранные рисовые поля, сады, многоцветные сопки и серые стены монолитных скал. Современная скоростная автострада, на которой нет машин...

В Северной Корее третий год неурожай. В прошедшие два года непрерывно шли дожди и все посевы погубило наводнение. В этом году засуха. Каналы и реки обмелели. За лето дождь прошел всего два раза. Гуманитарная помощь, поступающая из Китая, Японии и Таиланда, позволяет лишь не допустить массового голода в стране. Об этом нас заранее предупредили и извинились за возможно скудный и непривычный рацион питания. Вопреки ожиданиям, еды было вволю, правда, качество риса оставляло желать лучшего. Если нас, «туристов», кормили таким рисом, можно представить, чем питается население. Впрочем, нам не надо долго рассказывать о колхозно-кооперативных, социалистических трудностях. Мы сами родом оттуда.

...В ноябре 1953 года нашу семью выселили из Южно-Сахалинска и отправили в колхоз. Шел снег. Кроме одежды, что была на нас, разрешили взять с собой два небольших узла с одеялами и посудой, узелок с рисом и два маленьких фанерных чемодана. Все, что родители не успели раздать соседям, осталось в пустом доме. Когда подъехал маленький трактор с тележкой, один на пять семей, мы уже сидели на узлах. Быстро закинули вещи, потом, потеснив уже сидевших на узлах людей, разместились на тележке сами. Так началась долгая одиссея нашей семьи. На перевале бушевала метель, стало темнеть. Мужчины, указывая дорогу, по двое бежали впереди трактора. Я, укутанный во всевозможные платки,

сквозь маленькую щелочку с интересом следил за блестящей стальной гусеницей и незаметно уснул. Проснулся уже на деревянных нарах, покрытых слоем пушистой соломы.

Как мы не умерли с голоду в ту зиму, знают лишь Бог и мои родители. Мамины платья и отрезы, бережно сохраненные в заветном чемодане еще с войны, отец обменял у офицеров из воинской части на несколько мешков картошки и бочку соленой горбуши. Тайком, ночами, преодолевая расстояние в шесть километров, перенес он на себе продукты и спрятал их под полом. Почти всю зиму мы ели мороженую картошку, перловую кашу и соленую рыбу. Но до весны все равно не хватило.

В конце декабря в наш колхоз на санях привезли полтора десятка семей спецпереселенцев с материка — украинцев и русских. Мы боялись их и поставили на дверях запоры. Через неделю к нам неожиданно зашла русская соседка и попросила маму не выбрасывать картофельные очистки. Мы подумали, что они привезли поросенка и, удивившись их запасливости, все рассказали отцу. Родители долго говорили между собой, а утром отец отнес соседям полмешка картошки. Еще полмешка отнес украинцам. Через несколько дней страшный бородатый дед в огромных сапогах принес нам буханку черного домашнего хлеба. Я не помню, чтобы до этого случая мы ели хлеб. Вот так вместе мы и выжили. Ближе к весне картошку не чистили, варили в мундире. Наконец сошел снег. Появились дикоросы, рыба, дорога в соседнее село. Жизнь продолжалась....

Уже в сумерках, проехав город Хенсан, подъезжаем к отелю у небольшого пригородного поселка с домами в чисто восточном архитектурном стиле. Наших женщин, изрядно измученных отсутствием горячей воды в гостиничных номерах столицы, очень обрадовали уютные теплые комнаты.

Вечером гид пригласил всех на дискотеку. Большой полутемный зал с ярко освещенной стойкой бара. По периметру стоят невысокие столики с креслами, на подиуме музыкальный центр. В середине зала, под аккомпанемент аккордеона поют и танцуют, а точнее, водят хороводы группа парней и девушек. Происходящее в зале напоминало наши «деревенские» посиделки.

...На окраине поселка, у разрушенного деревянного здания, принадлежавшего когда-то воинской части, была ровная бетонная площадка, размером шесть на шесть метров, известная всем как «пятачок». С одной стороны площадки, возле чудом сохранившейся стены, лежали в беспорядке сваленные друг на друга бетонные блоки. С другой, смежной, росло несколько берез и какие-то колючие кусты. На противоположной стороне простиралась так называемая «поляна», используемая жителями в утренние часы как место сбора коров. Чтобы ненароком не наступить на «мины» (коровьи лепешки), ходить по поляне нужно было очень осторожно.

Летними вечерами, собираясь на «пятачке», молодежь пела и танцевала. Нам, тринадцатилетним пацанам, доверяли разжигать и поддерживать около площадки большой костер. Под аккомпанемент аккордеона и гитары наши девчонки вместе со «взрослыми» танцевали модный твист и выходящий из моды вальс-бостон.

Чуть позже уже все вместе водили хороводы, играли в «ручеек» и какие-то другие, позабытые мной игры, крутили бутылку из-под водки и целовались. Иногда под смех и крики возмущенных девушек подвыпившие парни

пели «матерщинные» частушки. Но чаще всего до поздней ночи на пятачке звучали тревожные, волнующие песни: «Там вдали за рекой...», «Я не знаю, где встретиться нам придется с тобой. Глобус крутится-вертится...», «Сиреневый туман...». Наши звонкие голоса, украшенные гитарными аккордами и минорными переливами аккордеона, улетали к домам, далеким сопкам, звездам. Мы были искренними, наивными и восторженными...

Слегка разогревшись местным пивом, попросили бармена включить музыкальный центр. Нашлись записи российских песен и даже ламбада. После вальса посетители потихонечку стали покидать дискотеку, а после ламбады в нашем исполнении в зале, кроме нас, остались только несколько самых стойких отдыхающих молодых передовиков производства, награжденных путевками выходного дня.

ГОРА МОЯНСАН

17. 10. 97 г.

Шестой день в Корее начался осмотром экспозиции подарков, полученных великим руководителем Ким Чен Иром и его отцом, великим вождем Ким Ир Сеном. На берегу небольшой речушки, у подножья живописных гор, стоят два огромных здания, разделенных между собой зелеными газонами. Массивные двери из монолитных каменных плит открываются легким нажатием руки. Великолепная внутренняя отделка, роскошные хрустальные люстры.

Надев на обувь специальные чехлы из плотной ткани, мы с опаской скользим по сверкающему белизной мраморному полу. В экспозиции подарков — больше всего произведений живописи, скульптуры и прикладного искусства. Десятки сверкающих пузатыми боками самоваров. Здесь и большие двухведерные и очень маленькие, всего на одну кружку воды. Поражают воображение украшенные тончайшей резьбой бивни моржей, слонов и даже мамонта. Множество изделий из красного и черного дерева, мореного дуба, золота, стекла, хрусталя и коралла. Богатейшей палитрой оттенков и нюансов в изделиях искусных мастеров можно любоваться часами. Среди даров — трехметровые фарфоровые вазы, расписанные индийскими и китайскими мастерами, чеканка из Пакистана, сине-белая посуда из Гжели, японские ширмы из рисовой бумаги, нэцке, деревянная статуэтка жирафа из Южной Африки.

Дмитрий Язов, последний министр обороны СССР, подарил сыну великого вождя золотую саблю с памятной скромной надписью «Вождю мирового пролетариата от Д. Язова», российское общество «Память» — огромный, в рост человека, двуручный меч, фракция КПРФ Госдумы России презентовала саблю в позолоченных ножнах с самоцветами. Меня поразило пристрастие наших политиков к холодному оружию.

В книге отзывов лидер российских коммунистов написал: «У Вас построено общество, к подобию которого мы стремились и стремимся все годы». Кто-то из руководства КПРФ подарил великому руководителю Ким Чен Иру небольшой бронзовый бюст Ленина. Неужели эти бюсты еще кто-то изготавливает или это из старых партийных запасов?

В одном из залов, как живой, стоит сам Ким Ир Сен в натуральную величину. Черный костюм, белая сорочка, пристальный взгляд через большие роговые очки. Каждый волосок на руке как настоящий. Это подарок китайского народа к годовщине смерти Великого вождя. Местные женщины уходят из зала в слезах, мы ограничиваемся общим поклоном.

В уютном уголке леса, на берегу речушки, русло которой усеяно огромными валунами, нас ожидает обед. В маленьких жаровнях тлеют угли, вьется сизый дымок. Официантки в красных спортивных костюмах расстилают на земле длинные белые скатерти, расставляют стаканы и тарелки с закусками. Тихо журчит вода, огибая камни, ярко светит солнце. От разлапистых кедров на поляне — длинные пятнистые тени. Выше по течению реки дымок костра и несколько человек у черной легковой машины. И мы догадываемся, кто они... Поднимаем тосты за дружбу, за процветание стран. На жаровнях, исходя аппетитным запахом, готовится мясо. Поем разрешенные корейские песни, потом переходим на русские. Под аккомпанемент импровизированного шумового оркестра из наполненных камешками бутылок из-под пива и крышек от кастрюль с воодушевлением танцуют наши бабушки и семидесятилетние деды.

Полчаса езды по хорошей дороге — и мы у подножия горы Моянсан, вершину которой нам предстоит покорить. Тысяча девятьсот метров над уровнем моря, а от подножия всего полтора километра. Поднимаемся вдоль русла кристально чистой речушки, и с каждым метром нашему взору открываются невообразимо красивые виды. Желто-красно-зелено-оранжевым цветом мерцают листья деревьев и кустов. По синим скалам струится прозрачно-изумрудная вода. Срываясь со скал, она расцветает у подножия водопадов семицветной радугой. На нашем пути их девять. Последний девяностометровый водопад находится у самой вершины горы. На крутых подъемах в скале вырублены ступени, а на самых отвесных местах установлены металлические лестницы с перилами.

Карабкаемся наверх изо всех сил. По качающимся канатным мостикам несколько раз пересекаем горную речку, на четвереньках ползем под нависшими над тропой громадными валунами. Задыхаясь от невыразимого восторга и недостатка воздуха в легких, мы постепенно приближаемся к вершине. Не всем под силу такая прогулка. До предпоследней беседки добирается всего двадцать человек. А на самую вершину к началу девятого водопада поднимается только двенадцать. Последним приходит семидесятишестилетний дед. По местному преданию, тому, кто взойдет на вершину горы, предстоит долгая жизнь.

С наслаждением искупались в холодном горном ручье. Вода настолько мягкая, что тело будто смазали кремом. Полчаса на отдых, и начинается спуск. Оказывается, идти вниз по крутым склонам нисколько не легче, чем взбираться наверх. Все потерявшиеся уже в автобусе и аплодисментами встречают каждого спустившегося с горы. В отель возвратились в сумерках. После ужина засыпаю под торжественные оратории о нынешнем вожде народа, великом руководителе Ким Чен Ире. Наиболее употребляемые в песнях слова — это Тянгун (вождь) и Мансе (ура).

РАЗДЕЛЕННЫЕ СЕМЬИ

18.10.97 г.

От вчерашней усталости нет и следа. Проснувшись в седьмом часу утра, иду прогуляться по поселку. Не успел отойти от гостиницы и приблизиться к первым постройкам, как услышал: «Сонним! Сонним!» (что означает — «гость»). Запыхавшийся человек в военной форме без знаков различия торопливо объясняет мне, что дальше идти нельзя. Запретная зона!

Нельзя, так нельзя. Угощаю его сигаретой — не отказывается. Стоим — курим. При этом он все время пытается закрыть что-то спиной. Что-то — состоит из приземистых зданий казарменного типа и марширующих на плацу солдат. Ну, этим-то

как раз нас и не удивишь. На Сахалине почти в каждом поселке воинские части — пограничная зона! А к запретам на передвижение нас приучали с детства.

...Перед денежной реформой 1961 года мы жили в поселке Лиственничное Ново-Александровского района. Раз в три месяца мои родители, как лица без гражданства должны были регистрироваться в районном отделе милиции. Потом, по мере развития социалистической демократии, этот срок увеличили до шести месяцев, а впоследствии — до одного года. В период расцвета развитого социализма регистрация корейцев (иностранцев других национальностей, постоянно проживающих на Сахалине, практически не было) производилась раз в два года, стала привычной и не воспринималась как ущемление прав. Поколение наших родителей, родившееся в оккупированной Корее, было трудолюбивым, покорным и законопослушным.

Неграмотный отец брал меня с собой в отдел милиции или ОВиР (Отдел виз и регистрации иностранцев и лиц без гражданства), чтобы заполнять анкеты. Сколько заполненных детским почерком листков убытия и прибытия хранится в архивах области, никому неведомо. Существовали многочисленные типовые ответы, которых следовало придерживаться неукоснительно. В графе «откуда прибыл» полагалось писать: «Освобожден Советской Армией на Сахалине», а в графе «цель приезда» — «Прибыл на постоянное жительство». Естественно, что родственников за границей у прибывших по вербовке и мобилизованных японцами на принудительные работы людей не было, иначе процедура регистрации усложнялась многократно. Через неделю паспорт с отметкой о регистрации выдавался на руки владельцу.

Абсурдность ситуации заключалась в том, что между поселком и районным центром находилось другое административное образование — город Южно-Сахалинск. На въезд в город требовалось специальное разрешение, за которым приходилось ехать в тот же районный центр по единственной дороге, проходящей через город, в который без этого разрешения нельзя въезжать лицам без гражданства. В то время граждан СССР среди корейцев почти не было, поэтому «снятие» нарушителей паспортного режима с автобусов и поездов было обычным явлением. Хочешь отличиться по службе — проверь паспорт у любого взрослого корейца, выходящего из автобуса на вокзале, или иди на рынок, где поселковые женщины продают овощи и зелень.

Надо сказать, что наш участковый милиционер был человеком по-своему добрым и никого понапрасну не тревожил. Время от времени какие-то люди собирали деньги среди жителей поселка на подарки милиционеру и председателю поссовета. Но были и другие, пунктуально соблюдающие закон, и тогда штраф был неминуем. Спасало то, что для многих представителей закона все корейцы были на одно лицо. Поэтому, при необходимости всегда можно было взять паспорт СССР напрокат. Запрет на передвижение сохранялся до конца девяностых годов...

До завтрака брожу вокруг отеля по красивой гранитной набережной. Разноцветные сопки на том берегу, под ногами ярко-желтые листья сапрана, рыбак на надувной лодке поймал большую рыбу и коротеньким веслом бьет ее по голове. У самых ног стрекочут черно-белые сороки. Свежесть осеннего утра и ласковые лучи солнца поднимают мое настроение.

В городе Анджу, куда мы отправляемся после завтрака, двенадцать человек из нашей группы встретятся сегодня со своими родственниками из близлежащих городов и сел. Бабушка в ожидании встречи с восьмидесятипятилетней матерью, кажется, похудела от волнения и уже в который раз с нетерпением смотрит на настенные часы в вестибюле отеля.

Со дня расставания прошло тридцать пять лет. Теперь ей самой уже шестьдесят пять. Три года назад ей, приехавшей по такой же путевке в Северную Корею, не разрешили встретиться с престарелой матерью из-за траура, объявленного в связи с кончиной Ким Ир Сена. Инфаркт, случившийся с ней, и сложности с получением визы отложили встречу еще на долгие дни. Как увязываются встречи членов разрозненных семей с трауром, обычному уму не понять. Высокая политика и государственная необходимость — тайна за семью печатями.

Почти сто лет продолжается трагедия корейцев. В начале двадцатого века Япония аннексировала Корею на долгих тридцать пять лет. Сорок пять лет не могли встретиться с родными забытые всеми сахалинские корейцы. В 1937 году депортированы российские корейцы, проживавшие на Дальнем Востоке с конца девятнадцатого века. В холодном октябре сто восемьдесят пять тысяч человек погрузили в товарные вагоны и через всю Сибирь перевезли в заснеженные казахские степи. По сорок человек в вагонах, по три состава в сутки. Умерших складывали к стенам вагона, чтобы живым было теплее. Так мертвые спасали живых. На забытых пустынных полустанках остались торопливые безымянные могилы.

В 1945 году по решению СССР и США Корея была разделена на два государства по тридцать восьмой параллели. Разделили, провели роковую черту по горам и рекам, городам и поселкам, судьбам и душам людей...

Минуя два контрольно-пропускных пункта, подъезжаем к маленькой пригородной гостинице, расположенной на невысоком холме. Двадцать — тридцать человек, нарядно одетых по меркам полвека находящейся на полувоенном положении страны, с волнением всматриваются в окна подъезжающего автобуса. Все вокруг пронизано ощущением ожидания и какой-то тревоги. Открывается дверь. Приветственные возгласы, объятия, рыдания и вдруг — тишина. Молчат, всматриваются друг в друга, сквозь морщины и годы ожидания узнавая родные черты. И только рука в руке — не разорвать.

Наша бабушка наконец-то встретила свою старенькую маму. Стоят, обнявшись. Обе хрупкие, сухонькие, очень похожие — не различить, лишь волосы у матери белее. Узнав историю жизни этой маленькой энергичной женщины, многие были бы потрясены.

В далекой провинции на юге корейского полуострова, в селении среди водопадов и отвесных скал, жила очаровательная девушка, дочь богатых родителей. Пришло время, и она без памяти влюбилась в стройного красивого юношу из бедной крестьянской семьи. Такие банальные, вечные истории случаются во все времена на всех континентах и никого ничему они не учат. Юноше нравилась девушка, но он был честолюбив, и были у него свои взгляды на эту жизнь. Любой другой на его месте, наверно, воспользовался бы представившейся возможностью спастись от нужды. Он же не хотел быть сытым слугой в доме своей жены или бедным зятем в своем собственном доме. Красота и ум — страшное сочетание.

У богатых свои причуды. Родители девушки были уязвлены столь длительным непонятным и неприличным, на их взгляд, сопротивлением молодого человека. Капризы единственной дочери могут свести с ума любого отца. Желая счастья своей любимой дочери, родители вознамерились непременно поженить их. Втайне от нее они дали юноше деньги

на дальнейшее образование и уговорили его жениться. После официальной церемонии и обильного застолья новоявленный муж внезапно исчез вместе с деньгами, а рыдающая жена, следуя строгим конфуцианским правилам того времени, перешла жить в убогую хижину свекра.

Не женой и не вдовой прожила она четыре года в тяжелом, непривычном крестьянском труде. Вернуться к родителям она не смела, такое опозорило бы их фамилию на тысячу ли. Братья, видя непомерные страдания сестры, решили найти и примерно наказать сбежавшего мужа, пребывающего по слухам где-то в Японии. Через два месяца упорных поисков им удалось обнаружить беглеца в Токио, где он заканчивал свое образование в высшей школе. Братья доставили сопротивлявшегося студента к жене, ожидавшей его в маленькой квартире на окраине города, и стали ждать ее скорого суда. Женское сердце не подвластно разуму. Годы испытаний не прошли даром для супружеской четы. Взаимная любовь и страсть вспыхнули с такой силой, что теперь братьям приходилось буквально отрывать их друг от друга, чтобы блудный муж мог сдать выпускные экзамены.

Через определенное природой время у них родилась дочь, которую в годовалом возрасте, в 1936 году, они привезли на Сахалин. Девочка росла, не зная нужды, прилежно посещала школу, играла с младшими братьями и сестрами, и неизвестно, как сложилась бы ее судьба, если бы ни начавшаяся война. Каждому человеку и радость и горе даются в равной пропорции, а потом через призму времени они так перемешиваются, что становятся неразличимы.

В один из летних дней всех детей и женщин шахтерского поселка погрузили на открытые железнодорожные платформы и увезли в сторону Тойехары — нынешнего Южно-Сахалинска. Погода была плохая, бомбардировщики не летали, и до Тойехары семья добралась за сутки с небольшим без особых происшествий. Ходили слухи, что несколькими днями раньше такой же состав с беженцам с севера попал под обстрел. А еще знающие утверждали, что на подходе к городу русские высадили десант. Вот и верь после этого слухам и знающим людям. Северян разместили в привокзальной гостинице. Из-за нехватки мест несколько семей, в том числе и родных девочки, утром следующего дня отправили в товарном вагоне в Отомари (город Корсаков). Через полчаса после отправки состава вокзал разбомбили, и здание гостиницы было разрушено. Погибло много односельчан. В Корсакове они опоздали на судно, которое должно было вывезти их в Японию, но, как оказалось, и тут им повезло. Транспорт с беженцами на подходе к острову Хоккайдо потопила неизвестная подводная лодка. Ни одного человека не осталось в живых.

Через месяц нашелся ее отец. В поисках семьи через порт Маока (ныне Холмск) он попал в Японию, а затем вернулся на Сахалин, чтобы продолжить поиски. Сойдя с трапа парохода, на первой же улице Корсакова (тогда Отомари) он встретил свою дочь. Жизненные коллизии почти всегда неожиданней любых надуманных сюжетов. После капитуляции Японии по разнарядке советских властей семью отправили на жительство в Поронайский район. Надо ли описывать нужду послевоенных лет? Старшая дочь наравне со взрослыми стойко переносила все тяготы новой жизни. За два года настойчивая девочка экстерном окончила четыре класса корейской школы, мечтала стать врачом, но жизнь распорядилась по-своему. Ей пришлось оставить школу и заняться домашним хозяйством,

чтобы помочь родителям прокормить семью. В шестнадцатилетнем возрасте, по обычаям тех лет, девочку выдали замуж. Через год пропал без вести отец, работавший в одном из леспромхозов. Вся ответственность за судьбы детей легла на плечи жены и старшей дочери. Не имея возможности получить в СССР образование, сестра и трое братьев уедут в Северную Корею для продолжения учебы в университете имени Ким Ир Сена, а через год вслед за детьми уедет мама.

На далекой островной земле эта женщина останется совсем одна с парализованным мужем и тремя детьми на руках. Еще трое старших умерли в младенчестве после тяжелой болезни. Восемнадцать лет жизни посвятит она уходу за неподвижно лежащим больным человеком, всю свою молодость и зрелые женские годы. Годы ярости и страдания, отчаяния и смирения, ревности и жалости, ненависти и любви. Чтобы прокормить семью и поднять на ноги троих детей, маленькая хрупкая женщина устроится на работу в строительную бригаду, успевая содержать хозяйство с огородом и всевозможной домашней живностью. От непосильной мужской работы страшно болели руки и не разгибалась спина. Однажды она упала с наспех сколоченных лесов на бочки с гашеной известью. Тяжелая травма позвоночника надолго приковала ее к больничной койке. Несовершеннолетние дети, старшему из которых исполнилось тринадцать лет, носили в больницу передачи, присматривали за скотиной, варили себе и матери еду, прилежно посещали школу.

Было все: и одинокие холодные вечера, полные безысходного отчаяния, и праздники с почетными грамотами и красивым словами. Но не они придавали ей силы. На этой земле держало ее неодолимое стремление вырастить детей, спасти мужа и увидеть маму. Какие душевные силы позволили ей совершить этот подвиг? Спросите у нее. «Что тут особенного, все так живут»,— ответит она. Даже сейчас, в преклонном возрасте, она работает, чтобы помочь братьям и сестре, живущим в Корее. Сегодня сбывается ее мечта. Через тридцать пять лет она встречается со своей мамой, и только четыре часа им отпущено на эту встречу…

Уже в который раз нас приглашают в автобус. Медленно отъезжаем, оставив их, бесконечно счастливых и несчастных, на маленьком пятачке земли посреди огромного мира. За отдельную плату им предоставят одноместный номер, где они, наконец, останутся «наедине».

Шестидесятипятилетняя дочь накинет на маму заранее купленную, бережно сохраненную теплую куртку и пуховый платок. Забыв обо всем на свете, держась одной рукой за сморщенную, сухую руку матери, она станет что-то искать в баулах, наконец достанет тщательно сложенные среди белья несколько стодолларовых купюр и разложит их по карманам мамы, чтобы при случайном обыске не забрали все сразу. Вся белая и, как ребенок, маленькая мама со счастливыми слезами на глазах терпеливо примерит все обновы, изредка интересуясь ценами и по-детски удивляясь результатам каких-то своих нехитрых подсчетов. Она старательно попробует все, чем будет угощать ее дочь, десятки раз переспрашивая о здоровье внуков.

За несколько минут они расскажут друг другу о себе, об общих знакомых и бывших соседях, с ужасом осознавая, что говорить-то, в сущности, не о чем. Все понятно без слов. И заплачет дочь, припав к руке матери, а старая мать, почти невесомой рукой лаская ее поседевшие волосы, будет отрешенно вглядываться в какую-то неодолимую, одной ей известную даль… Так и выйдут они, заплаканные, взявшись за руки, из стеклянных дверей гостиницы и молча шагнут навстречу вечной разлуке…

Огромен мир,
но нет нигде земли,
где встретиться могли бы
мать и дочь…
Быть может — в небесах
все по-иному…

Долго махала невесомой рукой мать вслед автобусу, навсегда увозящему от нее седую дочь. Ровный гул двигателя автобуса прерывается всхлипами и тяжелыми вздохами. Неужели уже все прошло. А не приснилась ли встреча?

Вечность смотрит в окно
Серебристыми льдинками звезд…
Все смешалось во мне,
То ли сон, то ли явь — не пойму.
Может, прожил я жизнь,
Или жизнь лишь пригрезилась мне…
Серебристой звездой
На холодном, туманном окне…

В Северной Корее — «оттепель», слабый ветерок перемен. Приметы нового появляются, как маленькие зеленые ростки на растрескавшейся бетонной дороге, ведущей к старым казармам. Может, с годами вырастут здесь красивые деревья, а, может, завтра безжалостный каток раздавит слабые всходы. И тогда снова день и ночь будут маршировать по дороге колонны революционных солдат.

В городах и поселках открываются рынки, изредка на улицах встречаются киоски и торговые палатки. В магазинах — пусть пока валютных — появились товары на витринах и бойкие молодые люди, скупающие талы — инвалютные воны. В городах довольно часто встречаются машины западного производства. Как сказал в частной беседе один из гидов, в Корее изучают опыт китайской «перестройки». У них с Китаем давно сложились «особые отношения». Местные жители, имеющие там родственников, могут почти свободно посещать их по частным визам, тогда как на аналогичную поездку в Россию установлен пятидесятилетний возрастной ценз.

ПХЕНЬЯН — ВОНСАН

19.10.97 г.

В центре Пхеньяна, у гранитных ступеней набережной реки Потхон, среди фонтанов и скверов с геометрически вычерченными формами, высится гигантский шпиль, увенчанный десятиметровым каменным факелом. Это монумент идее Чучхе (идее революционного преобразования Кореи). Основание монумента возле гранитных каменных дверей облицовано разноцветными мраморными плитками, на которых выгравированы золоченые надписи с наименованием страны-производителя. Белая с голубыми прожилками плитка прибыла из Сибири — подарок советских людей дружественному корейскому народу. Красно-белая плитка прислана чилийскими революционерами еще в бытность Сальвадора Альенде. Плитки из Грузии, Армении, Египта, Германии, Венгрии, Пакистана — всего из ста четырех стран мира. Идея Чучхе — решающий вклад Трудовой партии Кореи в сокровищницу революционных научных идей — принята трудящимися всех передовых стран.

После краткой лекции об истории создания монумента на скоростном лифте поднялись на обзорную площадку, находящуюся на высоте сто шестьдесят метров. Это самая высокая точка города. Отсюда видна вся столица — от охватывающих ее полукольцом невысоких сопок до полей и лесных массивов на другой стороне горизонта.

Нашли глазами «нашу» гостиницу, рядом — ледовый дворец спорта, потом идет здание цирка с сияющим куполом, еще дальше, за городом, на возвышенности — Тесонсанское мемориальное кладбище революционеров. За рекой в сиянии струй двухсотпятидесятиметровых фонтанов, бьющих из середины реки, стоит народный дворец образования, правее — целый комплекс зданий в восточном стиле. У пирса замерли разноцветные прогулочные катера и лодки. Немного в стороне уникальное, как сказал наш гид, произведение архитектуры — крытый футбольный стадион. Пирамидой возвышается над городом гостиница в сто тридцать этажей — самое высокое здание в Азии. Еще одно приметное сооружение — копия нашего Дворца съездов в Москве. Монумент Чхонлима — взмывающий в небо крылатый конь, и чуть правее — памятник в честь основания Трудовой партии Кореи, следующий пункт нашей утренней программы. Налюбовавшись окрестностями, минут сорок простояли на довольно свежем утреннем ветру. Из-за отключения электроэнергии лифт не работал.

Три огромные вздымающиеся руки на каменном диске, диаметром двадцать и высотой два метра, опоясанные широкой бетонной лентой с надписями и барельефами, и есть монумент в честь основания Трудовой партии Кореи. Руки, держащие маленькую косу, молот и кисть, по замыслу создателей памятника, олицетворяют собой единство рабочих, крестьян и интеллигенции. Замкнутое вокруг них кольцо — это забота партии о сплочении народа. В отличие от учения Ленина, где интеллигенция является лишь прослойкой, в учении Ким Ир Сена она выступает как отдельный, самостоятельный субъект революционного процесса. Все остальное — на свое усмотрение. Несмотря на воскресный день, осмотреть памятник пришли сотни людей. Художественная ценность монументального ансамбля, на мой взгляд, близка к нулю, но, видимо, сильны партийные чувства у народа...

Совершенно очевидно, что вся современная история Кореи, как было и у нас, сводится к истории развития партии. Партийные съезды воспринимаются корейцами как исторические вехи.

> *...Исторические семнадцатый, двадцатый, двадцать второй съезды КПСС, отчетные доклады о «неуклонном повышении жизненного уровня народа и укреплении социалистической демократии», вечный аграрный (читай — продовольственный) вопрос... Я помнил наизусть даты проведения съездов и принятые на них решения. «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!» К такому-то году — бесплатный проезд, бесплатный хлеб, спички. К двухтысячному году полностью решить в СССР жилищную проблему — это уже из программы М. Горбачева. Жизнь оказалась сложнее всех партийных решений и не пошла по указанному съездами курсу...*

В полдень мы уже на пути к Вонсану, крупному портовому городу на берегу Японского, или, как здесь считают, Восточного моря Кореи. Пять часов езды от столицы с двухчасовым отдыхом в придорожном мотеле. Кроме красивого пейзажа, вокруг нет ничего интересного, если не считать откормленную, сидящую на цепи возле будки собаку у придорожного мотеля, охраняемую человеком в полувоенной форме. Еще одну собаку повстречали в Вонсане. Худая черная дворняжка, чуть пошатываясь, брела по тротуару по своим собачьим делам. Последняя здешняя до-

стопримечательность — пчелиные улья на террасе отвесной скалы, выдолбленные из целой колоды и накрытые остроконечными соломенными крышами.

В сувенирном магазинчике, на втором этаже мотеля, торговали сушеным кальмаром, ампулами с медвежьей желчью, пивом и «змеиной» водкой. В прозрачном кубе, в чуть желтоватом растворе спирта, причудливо колышутся изогнутые почти полуметровые змеи. С торцевой стороны куба — небольшой краник. Целебные свойства этого традиционного восточного напитка известны с давних времен. Змеи, медвежья желчь, панты, порошки из когтей и костей тигра, сушеный трепанг — вот перечень ингредиентов, наиболее часто используемых при изготовлении народных лекарственных средств. До этого столетия большим спросом пользовались лекарства с добавлением порошка из нефрита. Целебные свойства этого камня известны на Востоке каждому.

Ровная асфальтированная дорога, плавно огибая сопки, проходит через десяток тоннелей и бесчисленное количество мостов. Неповторимую гармонию создают отвесные стального цвета скалы с островками кленов и кедров, глубокие каньоны с извилистыми ленточками бурлящих речек и старинная мелодия «Ариран», льющаяся из динамиков автобуса. В памяти сразу же всплывают антикварные офорты корейских художников.

Вот и цель нашего сегодняшнего путешествия — утонувший в зелени портовый город Вонсан на берегу лазурного залива. К гостинице подъехали в сумерках. Наш автобус сразу окружили взволнованные, заждавшиеся родственники. Большой галдящей толпой вваливаемся из темноты в чуть освещенный вестибюль. После шумных приветствий, слез и объятий собравшиеся разбились на небольшие группы, и потекли между ними задушевные разговоры о житейских разностях: кто-то умер, не дождавшись встречи, кто-то женился, выучились дети.… Ну, о чем могут говорить люди, не видевшие друг друга тридцать лет? Вспоминают годы совместной жизни на Сахалине, знакомятся с внуками и племянниками. Радостные, печальные, трогательные, незабываемые встречи. Без них впечатления о Корее были бы неверными и неполными.

Купив в баре местную водку и сладости, мы поднимаемся в гости к бабушке и застаем ее прямо сияющей от счастья. У нее в номере гостят брат и сестра со своими детьми. «Дети» — это три очаровательные девушки, двадцати, восемнадцати и четырнадцати лет. Они просто покорили нас своей непосредственностью, наивностью и чистотой помыслов. Самая младшая из сестер исполнила несколько песен. После окончания школы она собирается в армию, чтобы потом, если повезет, попасть на эстраду. Другого пути, видимо, нет. Старшие работают вместе с отцом, получая ежемесячно сто сорок местных вон на двоих. Для сведения: килограмм риса на рынке стоит пятьдесят вон.

Два вечера в Вонсане мы общались с девушками: ходили в бар — место, практически недоступное для них ранее, бродили вокруг отеля, разговаривали и часто смеялись над моим произношением. Платья и костюмы, привезенные нами, оказались девочкам впору. Они, счастливые, без конца примеряли их, вернувшись домой ночью, после нашей первой встречи. Юность прекрасна тем, что предстоящие заботы ее нисколько не волнуют. Как ни странно, в тяжелейших условиях дети растут добрыми и любознательными. Им неведомы обычные детские развлечения. Они не смотрят телевизор, не ходят на дискотеки. В шесть часов вечера, экономя электроэнергию, свечи и дефицитный керосин, все ужинают и ложатся спать. Их — таких трогательно-наивных и приветливых, живущих на грани выживания и не понимающих этого, лишенных даже маленьких благ цивилизации, жалко до слез. Так хотелось увезти хотя бы одну из них к двум нашим девочкам домой на Сахалин, чтобы как-то устроить ее судьбу. Но это, к сожалению, невозможно.

В течение месяца они считали дни до приезда тети из России. Дело даже не в двух-трех сотнях подаренных им долларов, на которые можно будет жить целый год. На всю жизнь им запомнится общение с людьми из другой страны, из другого мира. Дома долгими вечерами дети будут смаковать подробности этой встречи. В школе они сразу окажутся в центре внимания, и им будут страшно завидовать. На второй день девочки с гордостью угощали нас хурмой и лепешками из риса, который привезла им тетя. В семидесятые годы мы, будучи школьниками, точно так же ждали приезда родственников из Японии.

...Это был визит одной из первых неофициальных делегаций, составленной в основном из японских граждан, чьи родственники жили на Сахалине. Официальная версия трехдневного пребывания японцев — посещение могил родственников в родительский день. О приезде в составе делегации своей младшей сестры мама узнала из передачи токийского радио.

С самого утра к гостинице «Сахалин» стали собираться местные японцы и корейцы, желающие передать письма родным и хоть что-то узнать об их судьбе. Автобусы с делегацией где-то задержались, но в вестибюль гостиницы, конечно, никого не пустили. Когда перед зданием собралось человек пятьдесят, подошли милиционеры и попросили всех разойтись, чтобы освободить тротуар для движения пешеходов, которых, кстати, в этот час не было вообще. Потом они начали проверку документов, и напуганные люди (некоторые приехали из близлежащих городов и поселков) перешли на другую сторону улицы Ленина. Но и там их попросили не собираться большими группами, и все разошлись по два-три человека вдоль улицы с интервалом в несколько метров, старательно изображая беспечных зевак. Несколько смельчаков спряталось за торцевой стеной гостиницы, и время от времени кто-либо из них осторожно выглядывал из-за угла.

Уже ближе к обеду подъехал большой новенький автобус. Мама, быстро перебежав дорогу, в одном из его окон увидела младшую сестру. Прикладывая ладони к стеклу, они что-то кричали друг другу, но в общем шуме ничего нельзя было услышать. Милиционеры и дружинники, выстроившись в две шеренги, создали живой коридор, по которому японцы проходили в вестибюль. По пути многие успевали сказать несколько слов своим родным. Чуть позже из гостиницы вышел человек, который попросил всех разойтись по домам и не мешать отдыху иностранных гостей.

Мы с мамой знали расписанную по минутам программу их поездки. Успев до оцепления пройти на городское кладбище, мы спрятались за густыми кустами малины. Там, возле захоронений японских граждан, после двадцатилетней разлуки почти украдкой моя мама встретилась со своей младшей сестрой. Целый час они стояли, обнявшись, и плакали, вытирая слезы мокрыми платками. Разговаривая друг с другом, они время от времени хлопали меня по плечу и прижимали к себе. Элегантно одетый человек, поговорив немного с представительным японцем, не стал нас тревожить. Хорошие люди есть везде. На следующий день, вечером, нас пропустили в гостиницу, и мама смогла побыть со своей сестрой еще целых два часа. Как мало нужно человеку, чтобы стать счастливым. Всего два часа свидания после двадцатилетней разлуки…

Судьба раскидала корейцев по всей планете. До сих пор разлучены дети и родители, братья и сестры. Никак не могут они найти друг друга в этом стран-

ном мире. Неужели приюты при церквях, бесплатный билет на самолет до Сеула и казарменная жизнь вдали от внуков — это все, что заслужили наши старики. Неужели это и есть долгожданное возвращение на Родину?

КЫМГАНСАН

20.10.97 г.

Восход солнца встречаю на балконе. Аккуратные белые домики среди высоких зеленых деревьев. Редкие прохожие, пустые причалы, два-три рыболовецких судна, пограничный катер и огромное малиновое солнце, поднимающееся из тяжелой глади темного моря.

Сегодня у нас долгожданная поездка на Кымгансан (наверное, все слышали сказку о феях с Алмазных гор) — знаменитый во всей Азии горный массив, находящийся в пятидесяти километрах к югу от города Вонсана. На небольшом полустанке в автобус садится специально приглашенная девушка-гид и до самого подножия одной из гор рассказывает нам легенды о Кымгансане, о рождении песни «Доради» и сама поет старинные песни.

Поднимаемся вверх по широкой, местами бетонированной тропинке. Металлические мостики, каскад водопадов, красивые беседки и обзорные площадки. За час до последнего семидесятиметрового водопада без особых усилий добралось семь человек, включая корреспондента одного из столичных журналов, который сопровождал нас по всей стране. Самые отчаянные искупались в маленькой заводи у водопада. Согласно древней легенде (в Корее почти каждое приметное место, река или скала, или старое дерево имеют собственную историю и сопутствующую легенду), им теперь предстоит долгая, до ста лет жизнь. Все корейские легенды завершаются счастливым концом, и все обещают долголетие и здоровье. Вода — ледяная. Получаешь неописуемое наслаждение, когда по мокрым скользким камням торопливо выползаешь на берег и чувствуешь, как не по-осеннему жаркое солнце согревает тело.

Прощай, Кымгансан — драгоценная жемчужина, сверкающий бриллиант в ожерелье гор, овеянный легендами символ Кореи. О тебе сложены сотни песен, написаны тысячи картин. Каждый человек, шаг за шагом поднимаясь к твоей вершине, очищается от всего будничного, серого, вспоминает самых дорогих сердцу людей, самые счастливые мгновения жизни. Тебя нельзя покорить. По твоим тропам нужно идти и созерцать. Самое сильное потрясение — это старик в беседке, всю жизнь пишущий один и тот же горный пейзаж с водопадом. Предлагая свои картины, он говорил: «Посмотрите, они все такие разные». Сколько мудрости в его словах. Природа постаралась собрать здесь все самое красивое, и каждый найдет в этих местах уголок, похожий на заветное место своей Родины. Видимо, прав был отец, когда много лет назад, видя наш детский восторг от сахалинской природы, говорил: «Вы еще не видели Кымгансан».

После восхождения на вершину в роскошном загородном ресторане на берегу изумительно красивой лагуны нас ожидает праздничный обед. О сваи нависшего над водой белокаменного здания чуть слышно бьется волна. На белом песке причудливые черные тени прибрежных скал. У маленького острова посреди лагуны, в серебристо-голубой воде замерли разноцветные катера. Вдали скользит красно-белый парус. Сотнями бликов отражается на лепном потолке яркое солнце. Под старинные национальные мелодии подают деликатесы: говядину, птицу, устрицы в соусе. Все кладется на решетки специальной жаровни, и каждый сам готовит себе лакомство. Юные официантки, порхая по залу, разносят водку, пиво, фрукты. Они вместе с нами

поют и танцуют. Через три часа, сытые и утомленные, мы возвращаемся в Вонсан. От ужина все отказались. Довольная бабушка угощает нас приторно-сладкой хурмой и рассказывает нам очередную древнюю корейскую легенду.

...В стародавние времена в глухих горных провинциях Кореи соблюдался жестокий обычай, обусловленный суровыми реалиями полуголодного существования. Престарелых, немощных родителей сыновья уносили далеко от селения к священной горе и оставляли их там на верную гибель. Нарушившего этот обычай ожидала смертная казнь.

Староста небольшой деревни, у которого отец сам ушел к священной горе, никак не мог решиться отнести туда свою мать. За несколько ночей, скрываясь от односельчан, он выдолбил в скале под домом большой погреб. После совершения обряда провожания, когда все разошлись по домам, сын спрятал мать в погребе, где она прожила несколько лет, лишь изредка по ночам тайком выбираясь на улицу.

Однажды пришла беда. Свирепый, могучий царь соседней страны пригрозил захватить провинцию и истребить всех ее жителей. Чтобы отвратить беду, нужно было решить задачу, заданную коварным тираном: из двух кобылиц, связанных родственными узами и похожих друг на друга, как две капли воды, нужно было определить старшую. Шло время, но никто в провинции не мог помочь своему правителю. В один из последних дней во дворец явился староста отдаленной деревни и сказал: «Вели загнать лошадей в конюшню, где только одни ясли, и через день пусть им дадут овса. Лошадь, которая будет подталкивать овес к другой и, фыркая, подолгу смотреть на соседку, и есть старшая, потому что она мать, а любая мать старается накормить свое дитя». Правитель последовал совету и спас провинцию от разорения. Прославляя на весь свет мудрость старости, правитель долго не отпускал его домой, предлагая поместья и должности при дворе. В конце концов староста вынужден был признаться, что дома в подвале умирает от голода его престарелая мать, которая и подсказала решение задачи.

Правитель, увидев седую женщину, спасшую его жизнь и честь, поклонился ей в ноги. С тех пор в этой провинции никогда больше не уносили старых людей к священной горе. Их опыт и мудрость привели к процветанию, а сами старики были окружены почетом и уважением.

РЫНОК

21.10.97 г.

На следующий день маленькой, в пять человек, группой под началом неутомимой бабушки направляемся на поиски центрального столичного рынка. Без посещения рынка ни одна поездка в другую страну не может считаться полностью завершенной. Подземные переходы, редкие, похожие, как близнецы, безликие магазины. На тротуаре — шустрые, неопределенного возраста старушки с клетчатыми дерматиновыми сумками и молодые люди с быстрыми глазами, шепотом предлагающие поменять валюту. Стоящие возле них милиционеры отрешенно смотрят вдаль, стараясь ничего не замечать.

В узких воротах — людской водоворот. Протискиваемся на территорию рынка. Площадь, огороженная высоким забором, битком забита людьми. Шумит, колышет-

ся, струится длинный, зигзагообразный людской поток, образуя у стен небольшие заторы. Продавцы сидят прямо на земле, подстелив под себя бамбуковые циновки. Их скудный товар тут же на невысоких, сантиметров сорок, столиках и ящиках. Привычные для нашего глаза настоящие прилавки сиротливо стоят в три ряда у самой дальней стены. Там торгуют текстильными изделиями и неаппетитными на вид фруктами.

Достаточно прогуляться вдоль одного ряда, чтобы увидеть весь ассортимент товара на рынке: зелень, красный молотый перец, редька, перец в стручках, корейская капуста — бечу — и несъедобные на первый взгляд пирожки. Чуть дальше на пыльной тряпке лежат ржавые искривленные бывшие в употреблении гвозди, старые батарейки от фонариков, сломанные ручные часы, куски проволоки, обрезки труб и перегоревшие (!) электрические лампочки. Хурма, лапша, старая посуда, алюминиевые ложки не первой свежести, жареные каштаны, в самом углу на клеенке кусок постной потемневшей свинины. Изредка встречается рис в полотняных мешочках и некрасивые в оспинах яблоки. Шустрые пареньки что-то предлагают шепотом, оглядываются, уводят покупателей. Тут же, прямо у наших ног, сидя на корточках, быстро орудуя палочками, обедает семья. Время от времени мерный гул рынка перекрывается трелями милицейских свистков. Все действо до боли напоминает наши послевоенные базары. Нищета проглядывает во всем: скудном ассортименте, качестве продуктов, одежде покупателей и продавцов. Но для местных жителей и это — огромный шаг к свободе, к самостоятельности. Еще пару лет назад о торговле на рынках не могло быть и речи. Поражает полное отсутствие гигиены. Грязь почти такая, как на наших сахалинских рынках. Впервые в Корее мы попали на столь неприглядное и непривычное в смысле запахов место. Вторично посетить рынок я бы не решился. И не только потому, что нас постоянно предупреждали о карманниках, и не потому, что санитарные условия были далеки от идеальных. Больно смотреть на бедствующих людей.

...Мне было пять лет. Наша семья жила в большом деревянном доме по улице Сахалинской недалеко от железнодорожного переезда. К нам подселили большую русскую женщину с ребенком моего возраста. Ее звали тетя Нина, имени девочки я не помню. Вспоминаются лишь огромные, в пол-лица, совершенно синие глаза и смешные веснушки на ее лице. Я почти не говорил по-русски, а она не знала японского языка, но это не мешало нашей дружбе, нашему общению, и мы прекрасно понимали друг друга.

За переездом находился базар — неизвестное загадочное место, куда заходить нам строго запрещалось. Для пущего страха, а может, это случалось в действительности, взрослые рассказывали, что там крадут детей и продают их цыганам и, мало того, даже съедают их. Несмотря на страх быть съеденными, нас постоянно и неудержимо влекло туда, ведь уже на подступах к воротам было столько интересного. Торгующие мороженым киоски, где, если повезет, ближе к вечеру можно купить за десять копеек (тогда еще старыми деньгами) хрустящий пустой вафельный стаканчик; прилавки с вертикально стоящими малиновыми колбами, где за пятьдесят копеек можно было попить сладкой, бьющей в нос газированной воды. Газированная вода без сиропа также стоила десять копеек. Воду, водку и семечки продавали в больших граненых стаканах. Прямо на земле, на брезентовых лоскутах, лежали старые гвозди, косы, топоры, которые, как мне тогда казалось, никто не покупал. У самого переезда стоял одноногий, страшный бородатый шарманщик

с попугаем на плече. Попугай был пестрый, красивый, прикованный за ногу толстой желтой цепочкой. Мы были уверены, что цепь из чистого золота. По команде старика попугай доставал из продолговатого ящика белые, свернутые в несколько раз бумажки с предсказаниями судьбы. Судьба стоила ровно полтинник и, судя по спросу, нравилась всем без исключения. По крайней мере, никто бумажки на землю не бросал. Недалеко от шарманщика на подушечках сидела толстая цыганка, кормившая грудью ребенка. Она перебирала в руках засаленные карты, складывала веером и отгоняла ими назойливых мух. А еще чуть дальше, совсем рядом с рельсами, расположились нищие, изувеченные войной люди, — безногие, безрукие, со страшными, обожженными лицами. Перед каждым на земле лежала засаленная фуражка или пилотка.

Не помню, кто нас надоумил, но мы повадились дразнить нищих. «Кодики, попрошайки», — кричали мы, показывая языки, и сразу убегали, едва кто-нибудь из них делал движение в нашу сторону. Так повторялось два дня, до тех пор, пока за этим занятием нас не застал отец. Ох, и здорово попало мне. Ближе к вечеру он повел меня к убогим извиняться. Я подходил к каждому и на ломаном русском просил прощения за неправильное поведение. «Простите меня… Простите меня… Простите меня, пожалуйста…» Мне было не так стыдно, как страшно. Я боялся смотреть на обрубки ног, на страшные тележки и грязные, заросшие загорелые лица. На одежде у многих блестели начищенные ордена и медали. Некоторые что-то отвечали, жали мне руку, другие смотрели на отца, наливавшего водку в жестяные, неизвестно откуда появившиеся кружки. Вечером за столом мама сказала: «Бедным и убогим быть не стыдно, стыдно разглядывать бедность». В наказание за проступок я должен был выучить эти слова наизусть…

Потолкавшись на рынке минут сорок, с трудом выбираемся на чистую, в обрамлении еще зеленых деревьев улицу, и уже знакомой дорогой возвращаемся в гостиницу.

У фонтана древняя старушка выкапывает из газона какие-то корешки и, тщательно отряхнув, складывает их в холщовую сумочку. У ледового дворца маршируют школьники. Пробегает стайка худеньких смешливых девушек. По широкой улице, обгоняя трамваи, несутся черные «Мерседесы». Лозунги на стенах домов провозглашают единство партии и народа, совместно построивших самое справедливое общество на земле — социализм.

ГРАНИЦА. ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ

22.10.97 г.

Выставка достижений народного хозяйства не оставила никакого впечатления. Павильоны, плакаты, товары, которых нет в магазинах, показное изобилие фруктов и риса. Чуть ли ни самый выдающийся экспонат — огромная шестидесятикилограммовая тыква. Макеты заводов, портреты вождей, все безлико, как было раньше у нас на ВДНХ в Москве.

Всего три часа езды, и вот она — тридцать восьмая параллель — незаживающая рана на теле многострадальной страны, пережившей и междоусобные войны, и столетнее татаро-монгольское иго, разделенная в 1953 году по решению

ООН (читай — США и СССР) на два государства. Только зарубежная диаспора и с недавних пор корейцы Сахалина служат связующим звеном между простыми людьми одной разделенной на две части страны. Объединение — единственная мечта и надежда народа Северной Кореи на нормальную жизнь. Об этом говорят, об этом поют, лишь на это надеются. Ну, а пока соотечественники с юга подразделены в сознании северян на две категории: забитый, голодный, обездоленный, бесправный народ и марионеточная клика, управляемая из-за океана. Называют их здесь не иначе, как «южнокорейские собаки» — более точного перевода не получается. Собака в Корее не является символом благородства и преданности. Назвать человека собакой — значит, оскорбить его.

В центре бывшей демилитаризированной зоны до сих пор сохранены здания казарменного типа, в которых проходили в 1953 году переговоры о перемирии. По зданию — каждой воюющей стороне, и еще одно — для рабочих встреч. Эта часть Кореи радиусом десять километров не знала артобстрела и бомбардировок. Через невысокие двустворчатые двери входим в зал, предназначенный для совместных заседаний. Широкий длинный стол под белой скатертью, обтянутые белыми чехлами стулья, два микрофона. С разрешения лейтенанта-гида я посидел на стуле, где некогда восседал представитель ООН — американский генерал. На стороне КНДР присел семидесятилетний дед с Сахалина.

Проехав арку с массивными «тюремными» воротами, стоящими посреди чистого поля, пару шлагбаумов, прикованных к столбам огромными замками, останавливаемся на холме у трехэтажного каменного здания. Вдоль дорожек с чисто выбеленными бордюрами — портреты, транспаранты и прочая наглядная агитация, чуть дальше, на пятачке, — Доска Почета: бравые парни, отличники боевой и политической подготовки. Типичная советская, образцово-показательная пограничная застава.

Метрах в тридцати — несколько бараков, похожих на склады, дальше — стройка: металлические крашеные колонны, оранжевые каски рабочих в оконных проемах. Догадываюсь, что там уже Южная Корея. Между бараками, друг против друга — разделенные невысоким бордюром пограничники КНДР в кирзовых сапогах и советской военной форме и пограничники Республики Корея в синих мундирах под белыми касками. Оружия в руках нет, лишь у каждого на поясе расстегнутая кобура.

Сама граница — невысокий бетонный бордюр, соединяющий середины стен шести бараков. Три из них, окрашенные в синий цвет, принадлежат южанам, остальные, белые, — северянам. Входим в белый барак, пройдя вдоль стены, пересекаем границу, проходящую по шнуру микрофона, который разделяет стол, стоящий поперек здания. У дверей — северокорейские пограничники, в окна заглядывают военные из Южной Кореи. Сплошной абсурд. По словам гида, если южанин заговорит с пограничником, то первому грозит дома восьмилетнее тюремное заключение. То же самое о северянах говорили мне прошлой осенью на юге полуострова. Отсюда до двенадцатимиллионного Сеула всего пятьдесят километров — сорок минут езды! Даже не верится, что так близко раскинулся современный мегаполис, в котором ночью светло, как днем, круглосуточно работают рынки, магазины, рестораны, где в любое время суток много прохожих.

***

Мощенная камнем набережная, синее зеркало воды, широкие аллеи древнего парка, ручей, горбатый мостик, маленький пруд с карпами. Мы на территории

старинного буддийского монастыря начала второго тысячелетия. «Революция открыла двери монастыря и освободила одурманенных религией людей. Сейчас это охраняемый государством музейный комплекс», — объясняет нам гид.

В глубине парка, на возвышенности, — высокие резные ворота на деревянных колоннах и маленькая площадь с пагодой, окруженная тремя деревянными зданиями с раздвижными на полстены дверьми. В каждом — изваяние Будды и сотен его воплощений. Стены в росписях, перед постаментом — столик и ящик для пожертвований. На дне прозрачного ящика — несколько монет. По словам гида, лишь немногочисленная категория отсталых, одурманенных людей приходит сюда молиться. Остальные, озаренные светом великого учения Маркса — Ленина — Ким Ир Сена, не нуждаются в религии, и социалистическое государство сохраняет все это как культурно-историческую реликвию. Так печально: дороги без машин, магазины без товаров, храмы без верующих…

В гостинице нас ожидают корреспонденты столичных газет. Мы совершенно искренне благодарим всех жителей Кореи за гостеприимство, восхищаемся чистотой их городов, воспитанностью детей и изумительной красотой природы. А еще за оставшиеся два дня успели сходить в зоопарк с огромными слонами и белыми носорогами. Съездили на захоронение первого царя государства Когуре (приблизительно двенадцатый век нашей эры). Восхищались старинными росписями на стенах гробниц, смотрели в суровые лица бородатых древних воинов, держащих за поводья могучих коней, охраняющих высокие курганы с могилами царей.

Недолгий прощальный ужин завершился раздачей сувениров гидам, водителям и персоналу гостиницы. Все, до предела переполненные впечатлениями от двухнедельной поездки по стране, мечтают теперь только о доме. Утром двадцать шестого октября, возложив двухсотдолларовый венок к памятнику великому вождю, едем в аэропорт.

Прощай, Корея! Встретившись с тобой, я вернулся в свое прошлое, окунулся в атмосферу далекого детства и юности. Я пытался беспристрастно всмотреться в твои сегодняшние ценности, в твою жизнь, чтобы… понять свое прошлое и настоящее.

Прощай, Корея! Окажусь ли я еще раз на твоей прекрасной, гостеприимной земле, полной страданий, отчаяния и надежды…

От сердца к сердцу,
От звезды к звезде,
Мне кажется, мосты я не достроюˆ…
Так быстро опадает спелый лист,
И первые морозы сковали льдом
Растущую луну на дальнем озере,
Где радуга цвела, качаясь на волне
Под шепот облаков,
Плывущих в глубине мерцающей воды.
Уже ничто не может растопить
Пьянящий иней на моих висках…
Из инея достроюˆ я мосты
От сердца к сердцу,
От мечты к мечте.

Николай КАРПОВ

Жизнь светла и строга

На кладбище

Я и снисхождения не стою,
Я и равновесья не достиг.
Где-то здесь, под каменной плитою,
Сирый прах родителей моих.
Опадают с ясеней соцветья,
За крестами — вечности оскал.
Я здесь не был два десятилетья
И могилу близких не сыскал...
На душе и сумрачно, и нище,
Хоть она не полностью мертва.
Ухожу со старого кладбища,
Как «Иван, не помнящий родства...»

Берегиня

Ночь короткою была,
Словно молния блеснула:
«Мимоходом обняла
И всю жизнь перевернула...»
С той поры она во мне
В глубине души таится
И является во сне,
Словно редкостная птица.
Там, где было для двоих
От объятий нежных тесно,
Мы испили краткий миг
Сладкой близости телесной.
Простыня была бела,
Пахла запахом дурмана.
А потом она ушла
В окружении тумана.
И сказала в ранний час —
Миг, когда прощался с нею:
«Если все отвергнут вас —
Приезжайте, обогрею...»

В деревне

Здесь жизнь идет привычным кругом,
Не изменяясь ни на миг.
Опять туман над ближним лугом,
Как сновидение, возник.
То опускался слоем белым,
То поднимался не спеша,
Как расстающаяся с телом
В прощальной горести душа...

«Жизнь прожить — не поле перейти...» —
Вспомнилось присловие старинное.
Но сейчас, уже в конце пути,
Вижу я, что поле было минное...
И зимой, когда белым-бело,
Иль весной, когда вокруг все зелено,
Где-то душу в клочья порвало
И по свету белому развеяло...

В больнице

Когда февральские метели
Снег наметали у дверей,
Ко мне в палату залетели
Синицы — души дочерей.
И я, согретый их любовью,
Уснул в спокойном забытьи,
Как будто в яви к изголовью
Склонились дочери мои.

Как подарок от Бога
Принимаю покой.
Плавно вьется дорога
Над зеленой рекой.
Ни печали, ни боли
Нет в помине давно.
Я спокоен, как поле,
Где убрали зерно.

Утренний пейзаж

Наблюдаю спозаранку
На ветру из-под руки
Серебристую изнанку
Листьев ивы у реки,
Где над чистой гладью водной
В резкой свежести утра
Свет струится благородный
От рыбацкого костра,
Где, меня спасая снова
Утешеньем от обид,
Образ Коли Старшинова
Тихо с удочкой сидит...

Внуку Алеше

На участке песчаных земель,
Обиходив, как скажет наука,
Голубую аянскую ель
Я взращу для любимого внука.
Чтоб он видел в своем далеке:
Вне привычных законов и правил
Дед стоит в голубом пиджачке, —
Попеченьем его не оставил...

Все небо омыто дождем
И свежими красками блещет,
И мы, просветленные, ждем,
Что в нас в унисон затрепещет
Надежда, что все позади —
Обиды, размолвки и ссоры,
И как облака, впереди
Златые возвысятся горы,
Что раю подобны на взгляд
И строятся ввысь в одночасье,
И нам в утешенье сулят
Хотя бы покой и согласье...

Она сказала…

Как будто солнышко в зените —
Так стало чисто и тепло.
Она сказала мне: «Звоните...»
Спокойно, звонко и светло.
И я открылся к жизни новой,
Да не решусь никак начать,
Где будет голос родниковый
Мне дивной музыкой звучать;
Будить забытые соблазны,
Что не угасли до конца,
И рисовать овал прекрасный
Ее восточного лица...

Чтоб отогнать дурные вести
И обрести покой души,
Куплю себе я медный крестик
На все последние гроши,
Чтоб истребил во мне безверье,
Казалось, вбитое навек,
Помог поверить, что не зверь я,
А лишь заблудший человек.

В степи

Не ощущая вымокших одежд,
Подхваченный стихиею земною
Иду в дожде, и воздух чист и свеж,
И видно далеко за пеленою.
Я благодарен сущему всему,
Природе и ее великолепью.
Теперь Судьбу бесстрашно я приму,
Как сын грозы, грохочущей над степью.

Жизнь светла и строга,
В ней редка благодать.
Ищешь «образ врага»,
Чтоб себя оправдать.
В предрассветную рань
Ото сна пробудись,
Возле зеркала встань
И получше вглядись!

В конце дороги

В конце дороги неуместны
Очковтирательство и лесть.
Предстать пред Богом надо честно —
Таким, каков ты, грешный, есть.
Не в этом суть, что Он все видит —
Твою Судьбу и твой позор,
И что напрасно не обидит,
Свершая Высший Приговор.
А в том, чтоб ты сказал открыто,
Последней правды не тая,
Что натворил ты в бездне быта
И на высотах бытия.
Чтоб со своим прощаясь веком,
Не украшая ничего,
Ты оставался Человеком —
Посильным образом Его...

Валерий ЧЕРКЕСОВ

Оберег

Соль. 17 лет

Чтобы сходить с Галкой
на «скачки» в Первомайский парк
и купить ей сливочное мороженое
в хрустящем вафельном стаканчике,
а перед этим раздавить с друзьями
бутылку «тридцать третьего» портвейна,
надо разгрузить
пульман соли в речном порту.
Совок из листовой жести
был тяжеленным,
руки гудели
и не разгибалась спина,
а кристаллики белые,
растворившись от пота,
жгли царапины, ссадины
так, что хотелось плакать.
Но зато вечером
Как сладки были губы…
А поваренную соль
рыбаки ждали на Сахалине.

«Барыня»

Бабушка стала сутулиться,
когда ей не было и пятидесяти,
а после ее
и вовсе в пояснице перекосило.
Говорила:
— Разве может человек такое вынести?!
С девчоночества копала, жала,
тяжеленные мешки носила,
тягала и лиственничные шпалы,
когда твой дед был путейцем, —

вся страна тогда воевала:
кто в окопе,
кто в поле —
и умели надеяться.
А пенсию, вишь, я не заслужила —
какие-то нищенские копейки,
словно барыней проходила,
а не в сапожищах и телогрейке.

Рыбалка. 2007

В тихой зейской протоке
под покровом сумерек
ставим китайскую сеть-паутинку,
сквозь ячейки которой
не проскользнет даже окурок,
и через час
уже в кромешной темноте,
чертыхаясь,
выпутываем десятка два ельцов
величиной чуть больше пальца.

— Какая-никая, а уха! —
говорит, вздыхая, друг детства,
с которым полвека назад
в этой же протоке однажды
на удочку, вырезанную из тальника,
с поплавком из еловой коры,
на леску из суровых ниток,
к которой был привязан
единственный имевшийся у нас
стальной крючок,
поймали мы полуторакилограммового сазана,
будто бы отлитого из червонного золота…

На Зейском море

Выплывают из глубины
миражами былого погосты,
и поселок, как призрачный остров,
закачался на гребне волны.
Голоса… Или плещет вода?
Слышу —
Спрашивают или молят:
В светлом будущем нас кто-то помнит?..
Вот такое во мне… навсегда…

Старая фотография

Почему я гляжу исподлобья
пятилетний? В матроску одет.
Вон и бабушка улыбается,
и лукаво прищурился дед.

Смотрит мама немного устало,
но красивая все равно!
Нету бабушки, дедушки нету...
Мама старенькая давно.

Силюсь вспомнить — ну чем недоволен
тот мальчишка на фото?
А он
будто знает какую-то тайну
и, что я — это, он удивлен.

Притягивало кладбище мальчишек
черемухою рясной, крупной — словно
картечины на кисточках чернели.
Сорвешь — и сладость наполняла рот,
язык вязала, если наедались
от пуза.
А старинные надгробья,
когда в войну играли, превращались
в подобия японских укреплений.
— Ура! — кричали и метали камни,
старались по крестам попасть.

Теперь
на месте этом — гаражи...
Приехав
на Родину, я прихожу сюда
зачем-то и стою подолгу подле
черемухи засохшей.
Может, помнит
она друзей: Серегу, Сашку, Тольку,
которых нет уже на свете этом.
Возможно, что меня она узнала,
простила за побитые кресты.

Филологи

Александру Урманову

1

Бывшая преподаватель литературы
Благовещенского педагогического университета,
в раздрайные 90-е
переквалифицировавшаяся
в эксперта агентства недвижимости
с красивым названием «Итака»,
во сне
часто читает студентам лекции
по творчеству Данте
и, просыпаясь в шикарной квартире,
приобретенной на проценты
от удачно прокрученной купли-продажи,
долго не может понять —
в раю она или аду...

2

Кандидат филологических наук
Борис Афанасьевич Лебедев
предпочитал водке
плодово-ягодное вино,
«Анапу», «Вермут» и прочую бормотуху,
не отказывался и от дармового коньяка,
вздыхая, мол, в данное время
любовь к «звездочкам»
не совпадает
с его материальными возможностями.

Он говорил, что был бы счастлив
остаться в российской словесности
хотя бы сноской, набранной нонпарелью,
в каком-нибудь учебнике по литературе.

— Хотя бы сноской, хотя бы сноской! —
повторяю я, поседевший,
с обреченностью каторжанина
вновь и вновь
склоняясь над чистым листом бумаги.

Заявление

В связи с временным
пребыванием на земле
прошу относиться повнимательней
особенно к видимой части меня,
которая называется телом.
Оно болезненно чувствительно
к всяческим проявлениям человеческого внимания:
толчкам, тычкам и прочим любезностям.
А что касается той части,
самонадеянно названной мною
легким шелестом камыша,
то о ней можете не заботиться:
душе и положено
страдать, болеть, плакать,
иначе она скукожится, как осенний лист,
и станет никому не нужна,
даже мне...

Амурский берег — детства оберег.
Он спас меня, когда неосторожно
заплыл к плотам — и свет чуть не померк,
но берег мель придвинул.
Разве можно
забыть песок, ласкающий ступни,
и гальку, щекотавшую подошвы?
Проходят годы, месяцы и дни,
но не страшат ничуть меня они —
есть берег у меня в дали тревожной.

Татьяна СЕРГЕЕВА

ШЛЯПА

Рассказ

Эта прибабахнутая Катерина надоела Юрию Георгиевичу смертельно. Прежде всего за удивительную способность проваливаться сквозь землю: никакие самодеятельные сыщики и профессиональные детективы не могли ее разыскать неделями. Сроки сдачи рукописей поджимали, отовсюду раздавались возмущенные звонки: беспокоились авторы, руководители издательства, трезвонила типография — все было напрасно.

Разыскать ее, дозвониться, совершенно случайно встретить где-нибудь было просто невозможно. Катерина была феноменом. Она всегда производила на Юрия Георгиевича впечатление женщины, свалившейся на его голову с небес… Или всплывшей со дна океана и опутавшей его несчастное тело щупальцами спрута. Она пропадала бесследно, с двумя, а то и тремя толстыми папками рукописей, и возникала словно ниоткуда, когда считала это нужным.

Всегда взъерошенная, небрежно одетая (казалось, она только что вскочила с постели и наспех натянула на себя сброшенную вечером одежду). Брюк она не носила, но ее юбки, прямо скажем, не из самых дешевых, всегда выглядели так, словно только что были вытащены из стиральной машины. Воротнички ее блузок были всегда безукоризненно чистыми — не придерешься, но без малейшего признака общения с утюгом, так же, как и манжеты, из-под которых выглядывали тонкие кисти рук с обгрызенными, как у школьницы, ногтями.

Осенью она ходила в модном оранжевом пальто, на которое постоянно сажала какие-то едкие пятна, которые пыталась неумело выводить с помощью всяких «Ванишей» и прочих гремучих смесей, отчего пятна эти зловеще расползались до неприличных размеров…

Она и свою дорогую шубу не умела носить. Шуба была длинная и тяжелая, Катерина забывала подхватывать ее в общественном транспорте и подметала подолом не только ступени автобуса и эскалатор в метро, но и предоставляла блестящую возможность вытереть об нее ноги всем, кто шел позади…

Косметикой она пользовалась только в ранней молодости, а после того как обожаемый и страстно любимый ею муж сбежал после первого года совместного проживания, она навсегда забыла про губную помаду и тушь для ресниц. Впрочем, ресницы у нее и без туши длинные и черные, да и широко распахнутые, невинные глаза при первом взгляде поражали яркой необыкновенной зеленью, придавая ей сходство с пришельцем из далекой галактики. Самое печальное было в том, что Юрий Георгиевич, человек пунктуальный до педантичности, аккуратный до приступа тошноты у подчиненных, не мог уволить эту Аэлиту, ну, никак не мог — и все.

Умудрившись во времена не столь отдаленные получить диплом этнографа, а затем переквалифицироваться в литературного редактора, она была незаменима: кроме нее, в их небольшой издательской группе при отделении Академии наук этнографической терминологией никто не владел, и, это признавали все коллеги, она была лучшим литературным редактором в их маленькой компании.

Только Катерина умела лихо выуживать здравые мысли и принципиальные идеи из пространных, порой запутанных, многословных и сумбурных рукописей погрязших в своей науке этнографов, только она умела выстроить статью или доклад, а то и целую книгу в стройный ряд четко сформулированных результатов исследований или даже открытий. Авторы были людьми капризными, самоуверенными, порой какой-нибудь доктор наук месяцами не соглашался поменять местами абзацы в своем опусе, считая его совершенным. Катерина умела убеждать. Готовая книга приносила удовлетворение и почет ее создателю, который все заслуги, как правило, приписывал только себе любимому, совершенно забывая о титаническом труде редактора… Впрочем, Катерине даже в голову не приходило обижаться…

В этот раз, опять бесследно исчезнув, она появилась в редакции через три недели после окончания крайних сроков сдачи материала. Как всегда, робко поскреблась в дверь кабинета Юрия Георгиевича и, войдя, с обреченным видом, листочек к листочку, выложила на его стол толстенную приглаженную рукопись. Он открыл папку, перелистал, наметанным глазом выхватил несколько абзацев и понял: в рукописи не только все мысли автора следовали друг за другом в строгом логическом порядке, но даже запятые и многоточия стояли там, где им положено было находиться по правилам русской словесности.

Еще вчера главного редактора преследовало настойчивое желание задушить Катерину при встрече, он давал себе слово уволить ее, как только она появится, но теперь… Теперь, видя перед собой это взлохмаченное, помятое, взъерошенное существо с виноватыми глазами (а самое главное, положив руку на выверенную рукопись, на это ныне абсолютно совершенное авторское творение, которое он не без профессионального содрогания держал в руках месяц назад, не зная, с какой стороны к нему подступиться — настолько оно был коряво, выспренно и нелогично), Юрий Георгиевич чуть не плакал, понимая, что ничего не сможет сделать с этим нелепым явлением из внеземной цивилизации. У главного редактора даже голова заболела.

Прочитав ей очередную нотацию, которую Катерина выслушала с покорным видом, опустив долу виноватые глаза и тяжело вздыхая в тот момент, когда он, переводя дыхание, чтобы продолжить свой обличительный монолог, в очередной раз пригрозил уволить ее, если... и отпустил. Эта нелепая женщина держала его в плену, даже не сознавая этого. Он ненавидел ее, но и себя тоже за свою беспомощность. Но что он мог поделать, если хорошие редакторы нынче перевелись, как динозавры, а блестящий специалист со знанием профессиональной терминологии — ну, это вообще реликтовое растение!..

Катерина все понимала. Мало того, она очень старалась быть дисциплинированной, выдерживать сроки сдачи рукописей и не опаздывать на встречи с авторами, которые досаждали жалобами главного редактора. Авторы редко оценивали по достоинству ее профессиональные качества, зато всегда находили повод, чтобы пожаловаться начальству. Катерина каждый раз обещала себе не подавать Юрию Георгиевичу повода для раздражения. Их неприязнь была взаимной. Она терпеть не могла этого высокомерного, холеного аристократа, всегда гладко выбритого, выглаженного, с ухоженными мягкими руками (женская половина их издательской группы была уверена, что он систематически делает маникюр) и туфлями по последней мужской моде.

В редакции знали, что их начальник давно разведен (да и какая женщина выдержит такого холеного аккуратиста, который, видимо, может и среди ночи поднять жену с постели, чтобы заставить ее поставить носочками на восток сброшенные небрежно тапочки). Но Катерина не могла не признавать организаторских способностей своего начальника, его острого ума и безукоризненной грамотности. А главное, она прекрасно понимала, что любой другой руководитель давно уволил бы ее за недисциплинированность. Прежде, чем Катерина на много лет зацепилась за эту издательскую группу, она вылетала с любого места работы, не проработав на очередном месте службы и одного квартала. Долготерпение своего главного редактора Катерина ценила и, каждый раз появляясь в его кабинете, тщательно скрывала свой панический страх перед увольнением.

Изо всех сил она старалась работать над собой. Иногда она даже чувствовала явный прогресс. Но в тот момент, когда работа двигалась к финалу, и казалось, что на этот раз все закончится блестяще, вдруг случалось что-то неожиданное и глобальное. В прошлый раз, когда она, опоздав всего дней на пять, везла рукописи в редакцию, ее сбила машина. Конечно, она сама виновата: задумавшись, переходила улицу на красный свет. Слава Богу, машина ее только ударила. Катерину отбросило обратно на тротуар, и она сильно приварилась коленом о поребрик.

Перепуганный насмерть водитель, уже немолодой человек, безропотно выслушав ее обличительную тираду, молча погрузил пострадавшую в свой старенький «жигуленок» и отвез в ближайшую больницу. Кости, к счастью, оказались целы. Но связки колена она сильно повредила. Огромная гематома больше недели меняла все цвета радуги от синюшно-красного до зеленого, а опухоль вообще держалась целый месяц.

Катерина еле-еле ковыляла по квартире, продуктами ее снабжала сердобольная соседка, и о визите в редакцию не могло быть и речи. Телефон у нее давно был с определителем номера, и на звонки с работы она просто не отвечала, поскольку никто из коллег не поверил бы в наличие у нее травмы. Когда она, хромая, наконец появилась в кабинете у главного, пришлось молча выслушать очередную проповедь: не демонстрировать же ему свое распухшее желто-зеленое колено.

А на этот раз вообще получилась такая катавасия… С рукописями на бумажном носителе работа была благополучно завершена, оставалась только одна в электронном виде, но там все тоже подходило к финалу, нужен был только последний рывок. И вдруг… Катерина спокойно работала над последними страницами текста, как услышала громкий хлопок, вслед за которым шумно заплескалась вода. Она бросилась в ванную, потом в туалет. Ржавый кран, перекрывающий воду у сливного бачка беспомощно валялся на полу. В потолок била мощная струя, и при самом беглом взгляде на этот фонтан воды Катерина поняла, что пропала. Она бросилась к телефону и, не узнавая собственного голоса, завопила диспетчеру аварийки, что ее заливает, на что услышала хладнокровный ответ.

— Не сочиняйте, дама… Ничего вас не заливает…

Катерина сбивчиво пыталась объяснить, даже поднесла трубку к хлеставшему в потолок фонтану, и только после этого диспетчер сообщила, что она четвертая на очереди и надо ждать…

Она обзвонила соседей, но была середина рабочего дня, где-то даже не откликнулись, где-то мужчины были на работе. В общем, Катерина оказалась предоставленной самой себе. Она бросила на дыру в трубе свою куртку и навалилась на нее всем телом, чтобы закрыть амбразуру. Вода была очень холодная, Катерина промокла и продрогла насквозь. В воде давно плавали и туфли в прихожей, и свалившаяся с вешалки роскошная велюровая шляпа с широкими полями, и палас — в комнате, а самое главное — в воде оказался компьютер, на котором Катерина работала. Она

не успела его выключить и вдруг услышала, как что-то треснуло, потом щелкнули в прихожей автоматические пробки, и Катерина обмерла — рукопись!

Потом приехала аварийка, мастер перекрыл стояк. Несколько часов Катерина убирала последствия наводнения, потом косяком пошли соседи с нижних этажей, которых она залила. Поначалу она просто отдавала им смятые тысячные купюры в том количестве, которые они просили, но купюр было очень скромное количество, а залила она не меньше пяти этажей. Пришлось умиротворять гнев соседей обещаниями обязательно компенсировать их убытки в дальнейшем…

За ремонт крана водопровода она отдала последние деньги. Только глухой ночью она добралась наконец до компьютера и включила его, замирая от страха. Ее кошмарные предчувствия оправдались — текст был уничтожен полностью. Самое страшное состояло в том, что это была не статья, не доклад, а достаточно емкая диссертация на сложную этнографическую тему на основе археологических раскопок. Восстановить проделанную гигантскую работу не было никакой возможности. Надо было начинать все сначала.

Как назло, и автор был очень капризный, с большими амбициями, постоянно торопивший и подгонявший ее. Утром, извиняясь после каждого слова, Катерина ему позвонила и попросила переслать ей по электронной почте исходный материал повторно. Безропотно выслушав все, что думал автор по этому поводу, она вцепилась в повторно присланную работу и просидела над ней несколько дней, не разгибаясь…

Но это был предел: Катерина понимала, что испытывать терпение своего начальника больше невозможно. Получив от него очередную порцию авторских опусов и пару работ на электронном носителе, она отправилась домой, дав себе твердое слово сделать работу вовремя. И наконец она сдержала обещанное. Она забывала есть, только пила кофе в неимоверном количестве. Обиженный холодильник обдавал ее холодом пустых полок, но тащиться в супермаркет, чтобы пополнить запасы продовольствия — значит терять драгоценное время, а ей не хотелось: зная себя, она с ужасом думала, что ей опять могут помешать какие-то непредвиденные обстоятельства, поэтому она покупала всякую мелочь в соседнем ларьке: хлеб, молоко, сыр… Катерина жила на пятом этаже «хрущевки», мусоропровода в которой отродясь не было, и потому у двери прихожей топорщились два полиэтиленовых пакета с накопившимся за эти дни мусором. Поверх них печально покоилась деформированная велюровая шляпа, которая, по нелепой случайности оказавшись на полу, погибла во время наводнения. Катерина очень любила эту шляпу и сокрушенно вздыхала, сожалея о безвозвратной потере.

Наконец дело было сделано, как всегда, качественно, а самое главное, она уложилась в сроки. В приподнятом настроении, очень довольная собой, Катерина стала собираться в редакцию. Тяжелый пакет с выверенными рукописями приятно оттягивал руку, второй рукой она прихватила оба пакета с мусором (надо же было от него избавиться, наконец!), а шляпу она просто нацепила на лоб, чтобы сбросить ее у того же мусоросборника. За это время весна на улице плавно переплыла в лето, было довольно жарко для этого календарного времени.

Избавившись от пакетов, Катерина забыла про шляпу! Более того, она одним пальцем переправила ее со лба на затылок и, подхватив пакет с рукописями, бодрым шагом направилась к остановке автобуса. Автобус по расписанию не пришел, это было обычным делом, и Катерина переместилась на остановку маршрутки. Настроение было великолепное. Никто не обращал внимания на ее нелепый головной убор, про который она сама совершенно забыла. В черной велюровой шляпе под ярким солнцем было довольно жарко, Катерина то и дело сдувала со лба слипшиеся пряди пепельных волос.

Она привычно поскреблась в дверь главного редактора и, услышав его голос, вошла.

— Вот, — сказала она, — выкладывая на его стол свою работу. — Я сделала… — и добавила не без гордости: — Все в срок…

И в первый раз за все время их знакомства Катерина посмотрела прямо в лицо своему начальнику. И испугалась. Он впился в нее взглядом и смотрел так, словно увидел перед собой некое заморское чудо. Катерина даже оглянулась, подумав, что этот пораженный взгляд не имеет к ней отношения.

— Что? — прошептала она, испугавшись.

Главный неожиданно громко сглотнул слюну и произнес:

— Шляпа…

— Почему? — воскликнула Катерина. — Я сделала все вовремя… Почему «шляпа»?!

И слезы обиды фонтаном брызнули у нее из глаз.

Юрий Георгиевич задумчиво покачал головой, все еще не отрывая от нее потрясенного взгляда.

— Шляпа на вас… Ваша шляпа…

— Моя шляпа? — и вдруг она поняла, вспомнила. Сорвала с головы эту жуткую, безнадежно загубленную шляпу и спрятала ее за спиной.

— Я забыла… Я хотела ее выбросить на помойку…

Но главный редактор не услышал ее слов. Он осторожно отодвинул с края стола выверенную рукопись, подошел к Катерине и, крепко сжав холеными пальцами изогнутые поля шляпы, потянул ее к себе. Катерина не выпускала ее из рук и все пыталась спрятать шляпу за своей спиной. Юрий Георгиевич тянул, а она не отпускала.

Наконец, он так сильно дернул несчастный головной убор, что вырвал шляпу из рук Катерины, попытался расправить ее коряво изогнутые поля и осторожно надел ее на взлохмаченную голову своего редактора. Она оторопела, совершенно не понимая, что все это значит. Наклонив голову набок, он долго молчал, не отрывая от нее странного задумчивого взгляда. Он видел ее в первый раз. На него удивленно смотрела женщина потрясающей красоты, с зелеными глазами, опушенными черными ресницами, на голове которой черная велюровая шляпа выглядела, как царская корона…

Елена СУПРАНОВА

Сколько на свете чудес

Что ты, мальчик,
Что ты, Коля?!
Коля, Коля, Коля Волгин.
А я Поля.
Это ль разве не стих?..
Что-то Коля притих,
Смотрит пристально ввысь…
В небеса.
В небе — синь-бирюза.
Да!
Но — закрылись глаза.
Что ты, мальчик,
Что ты, Коля,
Коля Волгин?!
Ой, страшно мне, Коля!..
С рифмы сбилась я…
Санитарка я, Поля!
Коля, Коля, не спишь?
Сколько лет, говоришь?..
Уже двадцать
исполнится в мае…
Ужас, ужас как много!..
Тебя понимаю…
Но на «двадцать» я рифмы
не знаю.
На шинели лежишь.
Молчишь.
Не молчи, Коля-Коля!
Я — Поля!
День звенит…
Ты не брит…
Коля Волгин, старик,
Значит, двадцать исполнится
в мае?..

День — к закату, я слезы
роняю:
Ах, на «двадцать» я рифмы
не знаю!..
Длинный день… Я наплакалась
вволю…
Сколько ж здесь вас, родимых,
на поле!..
В январе мне исполнилось…
Мне семнадцать исполнилось,
Коля!
Медсанбат, принимай!
Коля Волгин, прощай!
Дотащила я мальчика Колю.
День свинцовый — к концу.
Рукой мягкой — к лицу:
Да, седой и не брит…
Трудно рифму найти…
Мне на поле идти…
Ты старик для меня,
мальчик Коля!

Когда мечта за поворотом,
Когда унынье — не в расчет,
Когда еще не связан сроком
И жизнь так медленно течет…
Как мир велик, и много света
В семнадцать, двадцать…
в сорок восемь…
Полон короб. Конец лета.
Спина согнулась. Вот и осень.
День за день, тут да тук…
Бегом, бегом… Бе-гом…
Душно… Сброшен галстук…
Шагом, шагом. Бом, бом, бом…

Последний к изгороди
Жмется снег,
Под ярким солнцем
Истекает.
Бурливый ручеек
Берет разбег;
Лед истончается,

Снег грузно в воду
Оседает…
Еще денек —
Он обязательно истает.

Ах, как лето быстротечно,
Ах, как лето быстротечно.
Взмах и взлет. Взмах и взлет.
Не набравший сил навечно…
Не набравший сил, навечно
Отстает. Отстает.

Журавлиный клин сомкнется.
Птичий клин опять сомкнется.
Маета. Маета.
Только в сердце остается,
Болью в сердце отзовется
Пустота. Пустота.

Ночью звезды так манящи,
Зазывающе манящи.
Ночь зовет. И ведет.
Журавлиный клин летящий,
По волнам мечты скользящий
Все вперед и вперед.

Ах, как лето быстротечно,
Ах, как лето быстротечно.
Взмах и взлет. Взмах и взлет.
Не набравший сил навечно…
Не набравший сил, навечно
Отстает. Отстает.

Такси

Машину развернуло, занесло.
Лед. Крошево из-под колес.
Снег облепил стекло.
Насыпало снежка всерьез.

Заплетены следы пургой.
Был за рулем я королем,
Оборотила зимушка слугой.
Снег не отменишь и рублем.

В мороз ладоням горячо,
Лопатой снег едва отгреб.

Эх, друга б верное плечо —
Машину враз через сугроб!

Зеленый огонек горит.
Да, не удастся отдохнуть…
Фокстрот по радио звучит.
Я продолжаю долгий путь.

Заплетены следы пургой.
Был за рулем я королем,
Оборотила зимушка слугой.
Снег не отменишь и рублем.

Распах этих далей,
Зовущих с собой,
Обласканных тихим,
Несуетным ветром,
Манящим, дразнящим,
Сулящим покой,
Напомнит о личном,
О самом заветном.

Рассыпаться семенем
Редкостных трав,
Заветные дали
Покрыть первоцветом,
Прибавить земле красоты,
При этом узнав
Побольше о личном,
О самом заветном.

В трудах изнемочь,
Отдохнуть у ручья,
О мире задуматься
О многоцветном;
Подумать с усладой:
Во всем этом — я,
И размечтаться о личном,
О самом заветном.

Спит городок.
Вчерашний день перечеркнув,
Внезапно ночь на землю пала.

Луна, сама почти уснув,
За каждым домом черным
Штрихом тени начертала.

Спит городок, уснул на взлете
Муляж огромного планера,
И держит руку на отлете
Мальчишка-планерист в граните,
Небесного лишен обзора.

В прошедшем дне без сожалений
Оставлены заботы и печали,
Забыты свары, прегрешенья.
Дни растянулись в годы…
Солдаты спят, они устали.

Горнист давно не будит горном,
Не беспокоит трубным звуком.
Спит городок, лишь я дозорным.
И я не стану беспокоить,
Нечаянным не потревожу стуком.

За эти пять долгих минут
Мне передумалось немало.
Крик, шум… Как все они орут…
А я… А я стояла и молчала.
Ладони мокрые от слез
К лицу я крепко прижимала.
Я не береза. Это у берез
Толпа кору белесую срывала.
Срывала и топтала, и не впрок
Кора ей для поделок и безделиц.
Толпе — ей все равно и не в урок
Страх одиночества и увядание бел лиц.
Когда вся жизнь: день, ночь
Без приобретений и потерь,
День новый, день вчерашний —
точь-в-точь.
Как важно выглядеть, и кружева
Скрывают зябкость тела, обрамляют.
А я… А я стою едва жива.
Глаза закрою, а открою — засияют.

Иван ЗОРИН

ТРИ РАССКАЗА

СХОДЯЩИЙСЯ РЯД

Было время: в огромной стране стояла весна, на улицах продавали мимозы, а студент Ванечка, умываясь перед зеркалом, делал из волос рожки.

В то воскресное утро отец, упираясь в колени кулаками, долго кашлял, прежде чем вышел на кухню.

«Сходящийся ряд стремится к пределу», — крутил он в левой руке папиросу, а в правой — ручку. Мать готовила, и отцовский голос смешивался с табачным дымом, пыхтением чайника, дребезжавшими от трамваев стеклами окон, сквозь которые сочился запах талого снега. Взгромоздившись на табурет, Ванечка грыз заусенцы, переписывал в тетрадь формулы, а потом, рисуя на стекле свое имя — пар еще не сошел, и оно текло каплями, — слушал, что жизнь — это железная дорога, на которой нельзя изменять расписание. И Ванечка соглашался. Скоро он пойдет к себе, а мать, стоя на цыпочках под дверью, будет шептать, прижимая губы пальцем: «Занимается...»

В свое время отец тоже учился математике, но вместо диплома ему пришлось защищать страну. С фронта он принес осколок, душившую по ночам астму и желание сделать из сына ученого.

Ванечка был поздним ребенком. Расчесывая ему на ночь спутавшиеся локоны, мать, не удержавшись, гладила их мягкой ладонью.

Он отстранялся, ему становилось стыдно.

Но он, и правда, был хорошенький: в темной фланелевой рубашке, с едва пробивавшимся пушком, милыми, доверчивыми глазами. Его мир был черно-белым, как шахматы, он делился на успевающих и тех, кому учеба не впрок. Таким давали списывать, смеялись, как над Гогой, которого тянули за уши благодаря связям. А Ванечка не сомневался, что ему воздастся за аккуратный почерк, за плывшие перед рассветом сумерки, когда, отворотив одеяло, мать трясла за плечо: «Смотри, опоздаешь!»

Казалось, так будет вечно.

Той весной отец умер.

О чем писать дальше? Из любой жизни получится много рассказов.

Ванечка с грехом пополам окончил университет, и для его поезда перевели стрелку. «Приходи, когда угодно, только не опаздывай», — требовал начальник. И Ванечка понял, что много учиться — значит, воздвигать себе тюрьму, что в юности берегут минуты, чтобы потом терять годы. Но он быстро освоился: научился протирать штаны и считать ворон. В кабинетах он подавлял зевки и отводил глаза, а в коридорах все чаще кусал губы. Перебирая дни, как замусоленные четки, Ванечка

привыкал к неделям, изрешеченным столовскими обедами, перед которыми разводил в стакане казенный спирт.

Вечерами, накануне праздников, он горланил на работе застольные песни, а дома на другой день плакал.

К этому времени он окончательно осиротел — в гололедицу, под Рождество, мать сбила машина. После похорон Ванечка не смог вернуться в родную квартиру: слышать рулады канарейки и молчание аквариумных рыб было невыносимо. Он сменял ее быстро и нерасчетливо.

Ванечка сильно похудел и, приходя на могилы родителей, подолгу сидел за оградой, в углу, на грубо сколоченной скамейке, осунувшийся, курил, разминая меж пальцев туго набитый отсыревший табак, всхлипывал, и на его плечах дрожал пыльный, заношенный до дыр плащ.

Тогда же он обратился к Церкви: пытаясь повернуть жизнь, исповедовался батюшкам, про которых думал, что им больше, чем ему, приоткрыта тайна. Но целуя их пухлые запястья, чувствовал в них суровых экзаменаторов, а стать студентом уже не мог.

«Мир — это книга без автора, — в конце концов решил Ванечка. — Кто захочет поставить под ней свое имя?»

Женился он без любви. Днем ругались до седьмого пота, а ночью замерзали, как рыбаки у проруби. «Развод — раз в год», — с деланным безразличием пошутил на суде Ванечка, но на душе у него скребли кошки. С той поры у него рос сын, о котором он вспоминал, только когда бывал пьян. Уставившись мутными глазами, он обещал тогда случайному собеседнику, кивавшему невпопад, разыскать его, будто не знал адреса, и сделать из него человека.

«Ты пойми, — шевелил он непослушным языком, — мальчишке нельзя без отца...» И опять казалось: рельсы кончились, и поезд застрял в тупике. Но для беды всегда найдется запасной путь. Как карточный домик, развалилась страна, и тех, кто считал облака, сменили те, кто считает деньги. Ванечка забился в щель, но повсюду стали искать крайних — кому грош цена.

— Рыба тухнет с головы, — попробовал заикнуться Ванечка в высоком кабинете.

— Зато чистят ее с хвоста, — вытолкали его на улицу, и он понял, что счет предъявляют одни, а платят другие…

На Руси от сумы да от тюрьмы не зарекаются, а черной работой не брезгуют. И Ванечка устроился на рынок, куда в детстве ходил с родителями. «Мама, пойдем...» — капризничал он, дергая за тяжелую сумку, чуть не плача от громких окриков и готовой затоптать толпы.

А теперь круг замкнулся. Железным ошейником.

«Приводя к нелепости, — думал Ванечка, — судьба доказывает свою правоту, как теорему, — от противного...» Прыгая воробышком на лютом морозе, млея от жары на раскаленном, обжигающем ступни асфальте, Ванечка силился разгадать эту теорему.

Но мир — это книга без читателя, кто разберет ее язык?

Ванечка отпустил курчавые бакенбарды, а манеры приобрел заискивающие и одновременно наглые, как у дворовой собаки. Он смеялся неприятным смехом и путался с торговками, пахнущими чесноком, которые звали его «математиком».

Трезвым он теперь бывал редко, а сердился только тогда, когда хвалили чужой талант.

«Тоже мне — сходящийся ряд!» — ворчал он, красный от обиды.

Однажды на рынке он встретил Гогу. Стеснялся, облизывая языком потрескавшиеся губы, пока тот объяснял, что лучше родиться коровой в Индии, чем

свиньей в Аравии, переминался с ноги на ногу, но о помощи не заикнулся. Темы быстро исчерпались, и в повисшем молчании однокашник сунул в ладонь: «Бери, бери, не обеднею...»

В тот день Ванечка резал вены.

Дальнейшее банально. Он уже не работает на рынке и кое-как перебивается, пуская случайных постояльцев. Носит драное пальто, вылинявший шарф, у него немытые, свалявшиеся волосы. Спит он, где попало, и озорники дразнят его «Ванькой-встанькой». Иногда его можно увидеть у книжных лавок.

«Учебники математики, — ловит он за рукав прохожих. — Вашим деткам...»

Ванечка еще не стар, но по утрам видит в тусклом зеркале желтого, изъеденного червями мертвеца. На могилы родителей он больше не ходит — зачем, скоро они и так свидятся, ведь скоро он опять станет веселым, умным мальчиком, с красивым почерком и ангельскими кудрями.

Судьба — опытный голубятник: предлагая летать, гоняет по кругу.

Раз на школьный двор за сыном пришел отец. Сын бросился к забору. На нем резиновые сапожки, за плечами ранец с расстегнутой «молнией». Осень выжимала из неба последние дожди, и Ванечка, вцепившись в железные прутья, похолодел, как камень в луже.

Это был его сын. Но за ним пришел другой.

До прибытия поезда теперь рукой подать, и годы плывут с тупым однообразием. Лишь пронзительной ранней весной, когда на прогалинах кричат птицы, а в воздухе носится запах мимоз, Ванечка, растянувшись в одежде на колючем матраце, видит промелькнувшую дурным сном жизнь, в которой явью были несколько часов того далекого холодного утра, когда отец рассказывал ему про сходящийся ряд.

Отвернувшись к стене, Ванечка ковыряет облупившуюся краску и видит впереди чернеющий предел.

ТЫРИНС-ПРОТЫРИНС

Давыд Кавадраш был художником, но в его присутствии мир казался выцветшим, как полинявшая тряпка. Просыпаясь, он шарил под кроватью, доставая желтую, пылившуюся бумагу, и неряшливо писал: «Ночью мы погружаемся в допустимое безумие, а утром пробуждаемся к разрешенному сумасшествию...»

Кавадраш подрабатывал бакенщиком, круглый год носил засаленный свитер, высокие рыбацкие сапоги и слыл мизантропом. «Свобода, — гремел он цепью, отвязывая нанятую лодку, — это возможность обворовать каждого». Его сторожку на речной пристани обходили стороной, а, когда он скользил мимо с этюдником на плече, сплевывали.

Художником Кавадраш был непризнанным и, когда слышал про успешных, злился: «А, эти, тыринс-протыринс...» Рисовал он преимущественно зимой, когда работы было мало. Долго вынашивал замысел, а когда тот созревал, ставил мольберт, клал рядом с палитрой краюху черного хлеба и, отщипывая от нее, думал, что, Бог даст, закончит картину к ледоходу. Он рисовал по памяти летние пейзажи — горбившиеся на горизонте облака, луну на ущербе, передавал красками крики чаек, дыхание заливных лугов и как, выплескиваясь на берег, свистят сомы. По мере того как работа продвигалась, краюха черствела, уменьшалась и заканчивалась с последним мазком.

Кавадраш в одиночестве рыбачил, молчал в унисон со звездами и варил уху, которую не с кем было разделить.

— Сколько людей вокруг... — разводили на пристани руками.

— Народу много, — кивал он, — поговорить не с кем...

Единственным его собеседником был отец Савелий, приходивший на реку после воскресной службы.

— Вера, — размахивал он руками, будто продолжая церковную проповедь, — позволяет взглянуть на жизнь отстраненно, не привязываясь к ней с животным остервенением, не становясь заложником тела...

— Дело в воображении, — хмыкал Давыд, — одни верят в то, что можно потрогать, другие — в то, что нельзя. И каждые крутят другим у виска...

Покашливая, отец Савелий гладил клочковатую бороду.

— А главное — свобода, — гнул свое Кавадраш. — Свобода от обстоятельств, условностей, от всего на свете, и Бога в том числе...

Отец Савелий резко поднимался.

— Женился бы, что ли, а то совсем рехнешься... — стреляя глазами, он строго отряхивал рясу и выставлял тяжелый нагрудный крест. А когда Давыд целовал, менял гнев на милость: — Пойми, душа, — человек вдвоем — все иначе: на дуэли стреляться — и то лучше, чем в одиночестве застрелиться...

Иногда к Давыду на огонек заворачивали женщины. «Весь мир — один большой тыринс-протыринс... — заводил он свою песнь, разливая по чашкам душистую мяту. — Мир бесцветен, чтобы разглядеть его краски, надо родиться слепым...» В сторожке делалось тихо, как в монашеской келье, и, только отодвинув заслонку в дымоходе, можно было услышать, как доносится карканье ворон, как ветер сдирает кору с деревьев и как вдалеке, точно младенец в купели, плещется река.

Женщины кутались в шаль и больше не возвращались.

Жизнь — это путь к себе. И Кавадраш на свой счет давно не обольщался. В глубине он видел страхи, зависть, тщеславие, гниющие, как горы мусора, обиды, видел жадность, равнодушие и желание первенствовать. «К чему все это? — недоумевал он. — Будто не все умрут?»

Летом отец Савелий много болел и стал плохо ходить. «Умирать начинают с ног, — приговаривал он, растирая ступни пчелиным ядом, — они к земле ближе». Но служил по-прежнему, так что о его недуге не догадывались. После исповеди он приходил особенно печальным. «Бедный Господь! — отворачивался он к реке, и в его голосе сквозила жалость. — Что Он должен выслушивать в молитвах!» Вода раскачивала камыш, над песчаной отмелью хищно носились стрекозы, а бегущие облака складывались в сочувственные лица.

И Кавадраш думал, что каждое учение наполняют собой.

— А ведь мне сегодня семьдесят... — вздохнул однажды отец Савелий.

Высчитывая, сколько ему осталось до этих лет, Кавадраш хотел сказать, что возраст компрометирует — сравнишь мир со скользким безобразным тюленем, а услышишь: «Старый брюзга!»

Но вместо этого улыбнулся:

— Есть старик — убил бы, нет старика — купил бы!

И подарил имениннику картину, похожую на икону. Он нарисовал на ней вещи, не как их видят все, направляя взгляд от себя, а наоборот — выворачивая к себе. В результате то, что было дальше, выглядело больше, и человек на заднем плане казался гигантом по сравнению с церковью. Отец Савелий прослезился:

— В руках Твоих, Господи, мы только краски, которыми Ты рисуешь мировую картину!

— И это далеко не шедевр... — отвернулся Давыд.

Он давно заметил, что, употребляя одни и те же слова, говорит с другими на разных языках. «Мои разговоры — как у мужчины с женщиной», — думал он, так

и не решив, к какому полу причислить себя. Но его непреодолимо тянуло к людям. В рыбацком поселке он за бутылкой вина прислушивался к молчанию мужчин, сплетням женщин и, напитавшись чужой жизнью, прятался в раковину своей.

Другого берега реки не было видно, поэтому Давыд не удивился, когда двое мужчин с полосатым чемоданом, взяв лодку хмурым осенним утром, не вернулись к вечеру. Но в полночь, когда хохотала болотная выпь, погрузил на борт фонарь и отправился на поиски. Он нашел их только на рассвете. В уключинах безжизненно болтались весла, а к носу и корме раскинулись тела, под которыми в утреннем холоде густела кровь. Мертвецы сжимали пистолеты, а между ними лежал чемодан, в котором грудились деньги. Аккуратно перевязанных пачек хватило бы на несколько жизней. Давыд огляделся, вскрыв одну пачку, разбросал купюры, а остальные сгреб в чемодан. Потом вынул нож, пробил днище и, едва успев перешагнуть в свою лодку, налег на весла. Тонущая лодка с набухшими банкнотами быстро скрылась в тумане. Вернувшись в сторожку, Давыд затопил печь, положил на колени мокрый чемодан и, вытянувшись на стуле, долго смотрел на полыхавшие дрова...

На другой день, когда он, насвистывая, возился с прохудившимся бакеном, к нему подошли.

— Вчера двое лодку брали... Не вернули?

Давыд мотнул головой.

— У нас они тоже кое-что взяли...

Его сверлили глазами — Давыд не дрогнул.

— За это шеф шкуру спустит, лучше верни... Давыд пожал плечами:

— А он у вас большой проныра, ваш шеф?

Его взяли за горло:

— И у него железная хватка...

Давыд задохнулся, у него потекли слезы.

— Я и говорю, — тронул он покрасневшую шею, — тыринс-протыринс...

От него отвернулись:

— Похоже, не в себе...

С тех пор Кавадраш пошел в гору. Переехал в город, купил мастерскую. В делах у него появился поверенный, Моисей Яковлевич, ногой открывавший двери модных галерей. «Люди забывчивы, — говорил он, перебирая пуговицы залоснившегося пиджака, — без поддержки имя сходит, как первый снег...»

Кавадраш посмеивался, но деньги давал. И его имя стало на слуху, его фотографии запестрели в журналах. Даже критики, называвшие других живописцев «картинщиками» и «прошлым тысячелетием», были к нему благосклонны, искусствоведы и «нужные люди» толкались в его прихожей. Теперь Кавадраш работал, как машина, — его подстегивали сроки, подгонял Моисей Яковлевич:

— Задаром никто и спички не отдаст... А известность? Почему она должна с неба падать? Все имеет свою цену, даже манна небесная...

Моисей Яковлевич смотрел большими слезящимися глазами, в которых светились тысячелетия скитаний, и Кавадраш думал, что в юности все одинаковые, но с возрастом каждый приближается к своим предкам, которые проступают на школьных фотографиях вместо сверстников.

— Но есть же глаза... — произносил он, обмакивая в краску кисть. — Люди отличат талант от тыринс-протыринс...

— Люди? — поднимал бровь Моисей Яковлевич. — Да им все равно! А золотого тельца хоть потрогать можно!

И опять Кавадраш думал, что любое учение наполняют собой.

Поначалу город представлялся ему человеком, который спросонья ворочается с боку на бок и никак не может удобно устроиться, но вскоре он перестал интересоваться другими, перестал, как зверь, принюхиваться к чужой жизни. «Это дети живут с оглядкой, — разводя краски, щурился он на плывшие в окне облака, — взрослые видят только себя...» Теперь к Давыду было не подступиться, ключ от сердца он носил в кармане на одной связке с ключами от квартиры и машины. Случалось, ему представляли молодых, которым перешли дорогу его деньги, и тогда его мучили угрызения. А ночами снился Моисей Яковлевич. «К вам это, конечно, не относится, — шептал он, выпячивая губы и делаясь похожим на барсука, — но знаменитость можно сделать даже на пустом месте...»

И Кавадраш просыпался в холодном поту.

Дело свое Моисей Яковлевич знал, и Кавадраш вошел в круг избранных, которые делят между собой все премии и говорят только о своих. На пленэре его окружали репортеры, а в подъезде караулили почитатели. Постепенно он привык к сравнению с великими, разрывался между телевидением, презентациями, выставками и уже подумывал нанять молодых художников, которые бы копировали его манеру. Но таких не нашлось — реализм сменила абстракция. «Дружище, зачем портрет — фотоаппарат же есть!» — хлопали его по плечу представители новых течений. И Давыд уже откровенно халтурил, в душе называя себя «мазилкою», стыдился своего ремесленничества. Но инициалы ставил. И тогда за неудачные наброски дрались музеи, а коллекционеры выкладывали за холсты огромные суммы, так что Кавадрашу казалось, будто вместе с ними покупают его самого. Слава о нем облетела край. «Слыхал, — встретили его на реке, — какой известный у тебя однофамилец!» Давыд поморщился, ему захотелось все бросить и вернуться на пристань насовсем, но жизнь — это поезд с билетом в один конец.

Отец Савелий осунулся, стал глуховат, раздражителен и громко кричал, когда ругался со служками.

— Нет старика — купил бы! — крепко обнял его Давыд. И протянул деньги: — На храм...

— Храм не в бревнах, а в ребрах! — покраснев, оттолкнул его отец Савелий.

Бывали у Давыда и дамы. Перед их визитами он заботливо выстригал в ушах волосы и закрашивал предательскую седину. «Возраст компрометирует... — стряхивал он на ковер пепел с дорогих сигар. — Чтобы видеть красоту мира, надо быть слепым...» Женщины восхищенно кивали, а утром, застегивая платье, просили картину.

Одевался Кавадраш в респектабельных салонах, тщательно выбирая костюм, долго вертелся перед зеркалом, зная, что покупает его на один раз. «Положение обязывает!» — улыбался он, а про себя думал, что люди слепы, что они примеряют жизнь тех, кого видят снаружи, а не того, кто живет внутри.

Дни барабанили, как дождь, и Давыд пропускал их через себя, как дырявый зонтик. Раз хмурым осенним утром к нему позвонили. Он ждал журналиста и, отщипнув от краюхи, открыл с мякишем за щекой. На пороге сутулился крепыш с косым шрамом, а за его спиной те, кто приходили к Давыду на пристани. Давыд попробовал захлопнуть дверь, но крепыш просунул ногу.

— Правда, я — тыринс-протыринс? — ухмыльнулся он. — А вот ты, похоже, притыринс... Его подручные взяли Кавадраша за бока.

— Предупреждали же, у шефа железная хватка, — зашипели слева.

— Шкуру спустит, — наступили на ногу справа.

В комнате стояла мертвая тишина, и, только прижав ухо к оконному стеклу, можно было различить, как на бульваре падали исхлестанные дождем ветки, как лаяли спущенные с поводков собаки и как, разбрызгивая лужи, обгоняли свои тени авто.

Крепыш достал пистолет.

— Ты мне должен... — растягивая слова, почесал он рукояткой белевший шрам. — А по счетам платят...

Кавадраш покрылся потом.

— Я верну, — все еще жуя хлеб, зашептал он, не слыша себя. — С процентами...

— А по ним много набежало! — оскалился крепыш. — Можно купить твою жизнь, которая больше ничего не стоит...

Кавадраш широко открыл глаза, точно увидел вылетевшую с глухим выстрелом смерть. Посреди комнаты на картине медленно текла илистая река, над которой кружил нарисованный ветер, и он успел подумать, что его живопись теперь подскочит в цене.

…Было пасмурное, дождливое утро. Сняв рыбацкие сапоги, Кавадраш вытянул ноги к гудевшей печке и, доставая из полосатого чемодана пачку за пачкой, швырял в бушевавшее пламя отсыревшие банкноты...

СТИХИ

Михаил Михолап шагал по набережной канала и не мог понять, что же такое жизнь. Был вечер, его тень крутилась под фонарями, как стрелка часов, а ветер щекотал ноздри.

«Жизнь, — думал Михолап, — жизнь, жизнь...»

Михолап видел прошлое всего на шаг, зато будущее — на два, и боялся прожить свои годы, не разгадав их тайны. А оттого топтался на месте. Его жизнь уже перевалила за середину, и, будто возвращаясь из скучных гостей, он прикидывал выброшенные на ветер слова, из которых не складывалось ни одного предложения, и думал, что прошлое, как отрезанный ломоть, — с кем его съел, неведомо.

Когда-то Михолап окончил факультет ненужных профессий и с тех пор мучился: зачем было столько изучать, чтобы потом старательно забыть. Его начальник — Михолап работал в бюро по продаже лотерейных билетов — гордился книгами, которые не прочитал. «Кто умен — тот дурак!» — приговаривал он, расцветая подсолнухом среди льстивых улыбок, и Михолап, качаясь, как водоросль, согласно кивал.

От воды несло сыростью, Михолап плотнее запахнул пальто и вдруг обнаружил, что стоит посреди двух фонарей, не зная, куда идти. В этой точке его тень раздвоилась, одна потянулась к реке, другая — через улицу, к аптеке, и Михолап громко чихнул. Потом достал сигарету, чиркнул спичкой и, ладонью загораживая огонь от ветра, прикурил.

...Борис Барабаш мертвой хваткой вцепился в чернильную ручку, проскакивая в мыслях нужные повороты, и не мог понять, что же такое смерть. Буквы плясали на неровностях, как телега на ухабах, а ветер трепал бумагу, которую он, прижав пальцами к граниту, то и дело разглаживал ладонью.

«Смерть, — думал Барабаш, — смерть, смерть...»

Он боялся умереть, не успев понять, что это такое.

У Михолапа были свои привычки: он держал грелку в постели, а тапочки под кроватью, на завтрак съедал яйцо всмятку и будням предпочитал воскресенье. Когда у человека на мосту выпал клочок бумаги, оттого что он неловко карабкался на парапет, Михолап бросился вперед, успев схватить его за волосы, на которых

тот повис над ледяной рябью, как Авессалом, запутавшийся кудрями в ветвях. Руки Михолапа слабели, но прежде чем разжались, волосы треснули, и человек сорвался во тьму, оставив в кулаке Михолапа седую прядь.

Вокруг не было ни души. Развернув записку, Михолап прочитал стихи, под ними адрес, показавшийся ему до странности знакомым, и поэтому не удивился, когда ноги привели его к двери, ключ от которой лежал у него в кармане. За ней его встретила женщина, как две капли похожая на его жену, и подросток — вылитый его сын. Он открыл было рот, чтобы рассказать им о случившемся, но не решился. Вместо этого он надел тапочки, положил в постель грелку и с открытым ртом уставился в телевизор.

Так Михаил Михолап стал Борисом Барабашем.

Один человек решил познать мир. Он обложился энциклопедиями, из которых выписывал истины, казавшиеся ему важными, бродил по свету, складывая слова, услышанные во всех его частях, записывал сны, пророчества, молитвы, крики птиц, язык ветра и шепот воды. Он вставлял в свой кроссворд названия рек, городов и пустынь, отделяя их, как запятыми, речами немых и тишиной глухих, следами птиц в воздухе и змей на камнях.

Шли годы, письмена множились, заполняя клетки, оставляя пустым лишь место для разгадки. Временами на человека находило озарение, и тогда он выбрасывал лишнее, оставляя от вороха слов по букве.

А время между тем заполняло его лицо морщинами. Его руки дрожали, а ноги с трудом держали дряблое тело. Он был один во Вселенной, всюду лишний. Но в кроссворде недоставало лишь буквы. Перед смертью он открыл и ее.

На месте, где должна быть разгадка мировой тайны, человек прочитал всего лишь одно имя — свое.

Жить на два дома никого не хватит, и постепенно Михолап прижился в новом месте. Он смотрел чужие сны, а, когда получал письма, отвечал так, чтобы не заподозрили, будто Борис Барабаш умер. О своей прежней семье он вспоминал лишь изредка, когда вдруг замечал, что у жены исчезла с плеча родинка, или видел в зеркале поседевшие виски. Были и другие отличия: его жена слышала, только когда говорила, а барабашевская — говорила, только когда слушала. Но Михолап как и раньше, убеждался, что зубы лучше пересчитывать языком, чем на ладони.

За бывших домашних он не волновался — знал, что его не хватятся.

Каждый бездельничает по-своему, все работы похожи друг на друга. Михолап служил теперь в рекламном бюро, где продавал лотерейные билеты. «Ума палата — божье наказание!» — отпускал шутки начальник, про которого шептались, что он без выгоды даже не плюнет, и, качаясь, как водоросль, Михолап согласно кивал.

На затылке у него не хватало клока волос, и он уже не знал, кто из двоих живет, а кто прыгнул с моста.

Но постепенно плешь перебралась на макушку, слившись с залысинами, сделалась незаметной, и Михолап понял, что люди, как змеи, множество раз становятся другими, входя в одну воду и дважды, и трижды — каждый день.

Прежняя жизнь слезала, как ушибленный ноготь, а под ней все больше проступала чужая судьба. И Михолап все чаще видел перед собой бесконечный тупик. «Чтобы думать о смерти, — успокаивал он себя, — надо твердо стоять на ногах, чтобы размышлять о жизни — нужно быть при смерти». Борис Барабаш стирал себе сам, и Михолап, вынимая белье из стиральной машины, пришивал оторванные «с мясом» пуговицы и развешивал на веревке разнопарные носки.

Время металось по клетке, как попугай, бормоча расхожие истины. В новом воплощении действовали старые законы: Бориса Барабаша не замечали так же, как Михаила Михолапа. По утрам он варил себе кашу, а с женой вел себя, как сапер на

минном поле. И все равно нарывался. Слушая их тихое переругивание, сын упрекал в безденежье, тесной квартирке, мелких, как сыпь, ссорах. Как было объяснить, что виноват не быт, а бытие, пропитанное злом, как гренка бульоном. Каждый говорит с миром на «ры», пока не наденут смирительную рубашку. Михолапу вспоминались окрики матери, за столом бившей по немытым рукам длинной суповой ложкой, мучительное вычесывание непослушных, с колтунами, волос и бесконечная, до стука в висках, зубрежка стихов, которых не понимал. «Ночь. Улица. Фонарь. Аптека. Бессмысленный и тусклый свет. Живи еще хоть четверть века, все будет так, исхода нет...» Школа навязла в зубах, институт засел в печенках. Впрочем, теперь кто-то забирал его воспоминания, как и он сам присваивал память Бориса Барабаша.

Порой ему казалось, что он родился в сорочке, но повитухи ее украли, и счастье, дразня, бежит впереди него с высунутым языком. Оно переставляет местами его будущее, сбивая с пути, и он бредет не по той дороге. У него воровали завтра, подсовывая заплесневевшее вчера, он переживал заново давно изжитое, словно ребенок ел пережеванную кем-то тюрю. Его «сегодня» было «вчера» для Бориса Барабаша, за которым он шел след в след. Но он больше не роптал, что стал им, ведь это будущее ничем не отличается от другого. Михолап чувствовал, что все, могущее с ним случиться, уже произошло, и события будут лишь повторяться, как в дурном сне.

И Михолап все больше ощущал себя чужим. «Возлюбить ближнего, как себя, значит, и себя возлюбить, как ближнего, — рассуждал он, горбясь на стуле, — а любить в себе постороннего, значит, отречься от «я».

Был вечер, оконная рама билась на ветру, и он смотрел, как в потемневшем небе переворачивались стаи ласточек, будто кто-то выжимал сырую простыню.

Жена старела, у сына ямочка двоила подбородок, ему хотелось точить зубы, и Михолап, глядя на их перебранку, опять вспоминал детство.

«Женщины дают жизнь, — криво усмехался он, — и они же ее губят».

На него обращали внимание не больше, чем на мушиные следы.

Вспоминал Михолап и стихи, заученные когда-то. Они понимались только теперь, их смысл доходил с опозданием, как свет от исчезнувших звезд. Тогда он поворачивал обратно, собираясь пройти назад расстояние длиною в жизнь, и тут чувствовал, что его ноги начинают расти с головокружительной быстротой, что, глядя на них с высоты, он вот-вот коснется неба, не в силах сделать гигантского шага.

Казалось, он вспомнил то, что другие забыли, и не понимал того, что знали все.

Была ночь. Михаил Михолап, сплюнув, загасил окурок о подошву. «Ночь, — подумал он, — ночь, ночь...» Поежившись, он крепче запахнул пальто. От холода мысли стали космически ясными и, потеряв привязанность к его маленькой жизни, стали сами по себе. Он думал: «Окружающий мир — это разница между нами и остальным миром. Мы видим только разницу, только то, что не есть мы. И когда мы умрем, то не перестанем быть, и мир тоже не исчезнет, просто сотрется разница, и мы станем невидимы друг для друга».

Он уже шел по мосту. «Смерть, — думал он, — смерть, смерть...» Прислонив бумагу к граниту, он попытался записать свои мысли, но буквы скакали на неровностях, как телега на ухабах, а ветер трепал листок. Отшвырнув записку, Михолап сосредоточенно вскарабкался на парапет, застыв над бездной.

Себя за волосы не вытащишь, а спасителя в мире нет. Михаил Михолап умер, не успев понять, что такое смерть. Его несла река, а ветер, развернув записку, гнал по булыжной мостовой криво начертанные стихи: «Умрешь, начнешь опять сначала, и повторится все, как встарь: ночь, ледяная рябь канала, аптека, улица, фонарь...»

Николай ШАМСУТДИНОВ

Урок милосердия

Отъезд

Ошалев на ветру,
неумолчно канючит калитка,
Подряхлевшими ставнями дом прикрывает глаза,
Выстывает под матицей осиротевшая зыбка…

Уезжая, бросают — такое случается… —
пса.
Пса! —
хранителя, доброго ангела старого дома,
По испытанной сути своей,
Добродушного верного друга, укромно,
Упоенно лизавшего в теплые щеки детей.
Пса! —
на волчьем клокочущем горле, спасая хозяина,
Молча,
Мертвою хваткой сцепившего в схватке клыки….
Ну, а вспомни, хозяин, как плакал ты зло и отчаянно,
Когда он, окровавленный, приполз из притихшей тайги!

Виноватая спешка…
Бросают бездольного пса — плачут дети.
Словно все понимая, он тоскливо молчит у стены.
Плачут бедные дети на бледном, недужном рассвете,
Ведь минуты прощанья отчаяньем отягчены….
И соседи глядят с осужденьем.
Хозяин угрюмый
Грузит скарб, и понурая уже выстывает изба.
Плачут неумолимые дети…

Хозяин, подумай! —
Ведь жесткость твоя замахнется потом — на тебя.
…Но печально запел чистый утренний снег
под полозьями,
Переулки пошли перебрасывать гаснущий лай…
Чтоб, хозяин, тебя в горькой старости дети не бросили, —
И такое случается, —
пса пожалей…
Не бросай!

Черный снег

Во снежном поле, вдоль электролиний,
Свистят вослед мне стайки — чабреца?
Продрогшего татарника? Полыни?
Предутренней порой бреду, с лица
Стирая холодящий пот…
Не знаю,
Чей на сухом упругом вздохе дня
Знакомый и упорный, заклиная,
Мерцает голос:

«…Не забудь меня…»

Светает в поле проливном… Я замер,
Оторопело оступившись в след:
Тяжелый и внезапный, не в глаза мне —
В смятенье заглянул он, черный снег.
За изможденной речкою — не рядом,
Топорща труб неоспоримый ряд,
Все доводы пропарывая, смрадом
В седое небо дышит комбинат.
И суть больна, и роль его нелепа,
В дыму рассвет безрадостный рябит,
И потому безрадостное небо
Нас, мраком отвечая, не щадит.
Вопросов тьма, и лишь ответ неведом:
Во чье же благо, затмевая свет,
Триумфы наши — метит черным снегом?
В «проклятом прошлом» — аналогий нет.
Поземка вдаль, за поле, сажу гонит…

Я разгребаю черный снег, стряхнув,
И погружаю талые ладони
В бессильную слепую белизну,
И в суть ее гляжу — звенит, воспрянув,
Рассветная полынь, и — молодец! —
Подсвистывает, звонок и подтянут,
Полыни — жизнерадостный чабрец.

И нам неподнадзорный, неподсудный,
Все частные созвучья затеня,
Вослед мне, непрестанный и подспудный,
Мерцает голос:

«…Не забудь меня!...»

Милосердие

Постельное белье, одежда, приобретенные
на средства, перечисленные в Фонд милосердия,
розданы семьям жителей коренной национальности
во время благотворительного десанта…
Из прессы

Сырая дрожь осинник бьет…
Мазнув дыханьем по рассвету,
Шатая чумы, вертолет
Завис над полем — по сюжету.
И, по сюжету, поутру
В кругу оленей, лаек, личик
Из детских малиц, на ветру,
Расплесканный забился ситчик.
Взволнованный, он бил в глаза,
Ворчанье лаек исторгая,
И умиленная слеза
Терзала веки, закипая,
Будя лирический дискант…

«Так что это?!» — спросил я. Хмуро:
«Благотворительный десант…» —
Табунщик сплюнул.
В грузных шкурах
Он торбасами в снег ушел,
Меся его… Он помнит, ханты,
Зимой обуглен и тяжел,
Иные,
«дикие», десанты
За неизменной рыбой, за
Сохатиною и мехами…
Воспалены его глаза —
Набрякли горькими палами
От пьяной спички, ведь рвачи,
Выкашивая — в прах! — живое,
Выдаивая кедрачи,
Прошли тайгою родовою,
Седой,
в мазуте и золе,
Где обессилевают в муке
Простертые в небытие
Забитых рек слепые руки.
В минувшем — аналогий нет,
В дыму горящей нефти — небо:
Агонизирующий свет
Ждет, истощаясь, Босха…

Слепо
Темь проницая, жмет мороз
Под вечер…

В прошлом — «покоритель»,
Продукт глухих метаморфоз,
Не возропщи, благотворитель,
Что одаримые — смурны,
Тебе, речистому, не внемля,
Ведь нет кощунственней вины
За обескровленную землю!

Так не обноски,
не белье,
К былым рефренам не ревнуя,
Верните страждущим — ее,
Поруганную, но — родную!
В смертельной копоти зари
Верните
(прежней — не вернете),
Покуда всю не извели,
Ведь неотступней мысль — добьете…

Егерская осень

И вновь мне открылся во мраке лесном
Степенный, осанистый егерский дом…

Сквозь дух медуницы и ропот рубах
На росном подворье и блеск на зубах
Роскошной молодки, проплывшей в калитку,
Пронес я сенями полуденный свет,
И мягко она прошумела вослед,
Покойно
в дверях притушила улыбку.
Саженное солнце стояло в избе,
Глухой позолотой водя по резьбе
Столетней берданки…
Чумны, с полотенца
Горели и тлели, ознобом дыша,
Базарные розы и маковый шар,
Волнуя листвы пожелтевшие тельца.
Лохматые краски сбивались в костры,
Дышала хлебами кирпичная глотка…

Шугнув полотенцами морок махры,
Привычные байки заводит молодка.

А егерь в забытом колючем дому,
За чахлою стенкою, точно вериги,
Роняя ненужные руки,
В дому
Скупые на свете догащивал миги.

…Он умер в последний четверг сентября,
И хлынули страсти,
кострами рябя,
Сбивая в ушкуйники ушлых ребят, —
Охотничий пламень томился
и — вызрел..,
И до-олго за лесом, нам сердце свербя,
Довольный
на воле погуливал выстрел…

На кедровой заимке

«…Скоро год, как Федосов погиб…
Браконьеры, считаю, забили.
Человек и в уреме — не гриб,
Но насилу нашли, ведь зарыли
В самой чаще… У Нины — инфаркт,
И лежит она, горькая, — комлем…
Ей бы помочь! А милиция — факт
Преступленья, мол, не установлен,
Ну, а значит, и пенсии ей
Не положено вовсе … А завтра —
Как ей жить?! Да ведь трое детей
На руках у нее! Где же правда?! —

Ты ответь! Измываются, брат, —
И смятение тлеет во взоре… —
Ведь убили ж! Но — «Сам виноват…» —
Нам талдычат с трибуны в конторе.
Так и валят на мертвого — мол,
Все равно ничего не ответит…
Я бы, брат, если честно, ушел —
И опасно, скажу, да и дети…
А уйду — и заест меня стыд,
Скажут, струсил… И сердце-то в хмари,
Ведь болит, понимаешь! болит
За кедровники наши, за мари:
Браконьер стервенеет — урем
Подожжет, заполошного зверя
Гонит к смерти — ты слушай! — огнем,
А в конторе — смеются, не верят…
Трех добудет, десяток — беда! —
Изведет, вот ведь сучья порода,
Совладай с ним попробуй, когда
Нет ни рации, ни вездехода…
Вот винтовку бы мне, например,
Ведь столкнись со шпаною отпетой, —
Он кивает на свой револьвер… —
Что ты сделаешь с «пукалкой» этой?

Слышь, нарвался я прошлой весной
На волков, да так плотно обсели,
Что земля поплыла подо мной…
Ладно, люди с «поста» подоспели.
Ну, а он, браконьер, — пострашней
И нутра, понимаешь, не прячет…
Я в лесу — так вломились к жене,
Приструни муженька, мол, иначе
За Федосовым следом пошлем…
Будь уверен: они не стращают.
Дом спалить — им раз плюнуть…
Что дом?! —
Да пришьют тебя, коль обещают
Эти пришлые, со-орный народ….
(И мне вспомнился Павел Васильев…)
Он под сердце — тайгу мою бьет,
Вот и чахнет она, обессилев.

И как хошь понимай меня, все ж
Наше счастье, что трасса со скрипом,
Надрываясь, идет… Не смекнешь?
Может быть, и последнее — с криком,
Со слезой — все ж сумеем спасти?»

И потерянно, стыдно молчу я:
Вся земля наша — в грубой горсти
И замученно просит: «Пусти-и-и…» —
Не кончину ли скорую чуя?
Вспоминаем, что дети ее, —
В трудный час… Но не наши ли дети,
Насмотревшись на взрослых, в дубье
Оленуху берут?

На рассвете
Прибежала в поселок она —
Не от волчьей ли стаи спасаясь? —
К людям, к нам! Но, дубьем сплочена,
Ее встретила новая стая.
Пятна крови у дома горят,
Но — умиротворенны там… Или
Позабыли, как двух оленят —
Нерожденных! — во чреве забили?
И любой, кто ее добивал
С упоеньем и смаком, потея,
Человека
В себе убивал,
Отколоться от стаи не смея.

Потому принимаю, как дар,
Весть — не слухи и не кривотолки —

Что с уроков ушли на пожар
Всею школой — в соседнем поселке.
Пламя в лица, зола из-под ног —
Зримо в осатаневшей стихии
Шел наглядный, упорный урок
Милосердия — дети, скупые
На слова, шли на пламя гурьбой!
Ни они, ни их дети, я верю,
Не задушат сосняк над рекой,
Не воздымут дубину на зверя…

И печальник замученных вод,
Современник бредовых проектов,
С ними — верю я в лучший исход,
А не в тот, что диктует нам вектор
Из никчемных прожектов… Шумим
О глобальном,
Да поняли б сами,
Что наш мир поднебесный храним
Сопряженьем усилий меж нами…

…Прихожу, намотавшийся, я
К роднику — их немного осталось…
Кем-то отнят у небытия,
Ключ, струясь, размывает усталость.
Не спугнув мотылька на плече
И сомкнув опаленные вежды,
Пью и пью, и в душе, как в ключе,
Отстоявшись, мерцает надежда…

Вадим ВОЕВОДИН

Городской романс

Мраморный ангел летит в полумгле
Двести, без малого, лет,
Место, где встретились мы на земле,
Где пробуждения нет.

Сны мои, ставшие городом, где
Камни пустых площадей,
Ветер с залива, листва на воде,
Газовый свет фонарей.

Летел навстречу серый снег,
И я у Господа просил:
«Прожить по совести мой век
Под этим небом дай мне сил...»

Но гасли в сумерках огни,
Взошла багровая звезда,
И в целом мире мы одни,
И кажется, что навсегда...

Бродягой жить на белом свете,
Писать стихи, влюбляясь в дам,
Пить с ангелом портвейн в буфете,
Скитаться по чужим углам.

Запоминать не стоит даты
Тому, с кем ангел пьет до дна…
Идти по мостовой куда-то,
Остановиться у окна

Там, в комнате, играют гаммы,
И ночь нежна, и боль острей...
И вновь по мостовой упрямо
Шагать при свете фонарей.

А впереди, за виадуком,
Мерцает тусклая звезда,
И слышно, как с железным стуком
Уходят в полночь поезда...

Художник

Бросая вызов Провиденью,
Ты в бездны устремляешь взор,
Где перед царственною тенью,
Коленопреклоненный хор.
Где ветви дуба, как сивиллы,
Вещают будущие дни,
Но речи их безумной силы,
Лишь птицы слушают одни.
Где лунные чаруют травы,
Забыть о сумрачной мечте,
Но огнедышащие лавы
Испепелили рощи те.
И возвращаясь к стойке бара,
Ты видишь в бледных зеркалах
Портьеры, копию Вюйара,
Пустые рюмки на столах.

Слова

1

Живем в краю, где умер Мандельштам,
Библейской горечью отравлены, и нам,
Как танец Соломеи, ночь бросает
Безумные слова о смертных снах,
Кто умирал и воскресал, тот знает
Всю тайну, заключенную в словах...

2

Солнце останавливали словом…
Николай Гумилев.

Гиперборейские снега,
За вами мрак Эреба,
Еще смотрю на облака
Полуденного неба,

Еще по улицам брожу
И слышу звуки лиры,
Еще с портвейном захожу
В знакомые квартиры,
Еще не рвется жизни нить,
Но даль в огне багровом,
И солнца не остановить,
Как в древней книге словом.

Городской романс

«Не говори мне про любовь», —
Пластинка пела, мы молчали,
Вот мы и встретились, чтоб вновь,
Проститься утром на вокзале.

В бокалах тихо тает лед,
За стенами — осенний город,
И ночь прошла, и жизнь пройдет,
Когда-нибудь... дай Бог, не скоро,

Мы вышли в город, он вставал
Над темно-синими кругами,
Когда я бросил медь в канал...
Он был, как тень, все время с нами.

В печальном отблеске огней
Сквозит осенняя усталость,
Ты остаешься с ним... А мне
Лишь память о тебе осталась.

Олег ВОРОНОЙ

Повесть о жар-звере

Когда-то русские люди шли на Восток в поисках легендарного Беловодья, сказочной жар-птицы и своего счастья. Среди них был и мой прадед. Нашли они у берегов Тихого океана свое трудное счастье, а вместо жар-птицы — жар-зверя, то есть тигра. Все мои предки были известными охотниками, не раз встречались с жар-зверем, а отца моего тигр покалечил. Поклялся я, что, когда стану взрослым, обязательно убью тигра. Но… в 1994 году стал первым координатором международного проекта WWF по спасению этого зверя. Много различных историй, связанных с соседством тигра и человека, хранит приморская тайга. Некоторые из них я и расскажу.

ЖАР-ЗВЕРЬ

Тихий теплый вечер спелой осени 1991 года. Еще вчера приморскую тайгу начал трепать грубый неистовый циклон, не ко времени ворвавшийся в еще не обнажившиеся заросли. Да не рассчитал он силушку. Встрепенулась тайга, поднялась и — давай стряхивать с себя белую, холодную и липкую тяжесть. Не ко времени снег, не ко времени.

Еще не отполыхали красные кленовые костры, не отшептали золотые сказки вековые дубы, не остекленели взгляды лужиц и озер, не отблагоухала густым ароматом пряная земля. И полетели наземь обрывки белых одеял.

Заликовал пернатый народ, засуетился: «Это не зима! Это не зима! Это не зима!» И всяк по-своему стал расправляться с непрошеным снегом. Размотали тончайшие лески пауки, вылавливая все нерастраченное тепло, поползла по белому снегу мошкара, на глазах темнея и загорая до черноты, деревья, поспешно сбросив ненужную белизну, следом сыпанули остатки листвы, хороня ненужный холод. Скала, влажно поблескивая, мокреет, темнеет, льнет к боку сопки, словно пригреваясь и подремывая.

Неожиданно яркий день словно бы вспыхнул с новой силой: полыхнув золотым самородком и, словно осознавая свою значимость, застыл на самой вершине — тигр. Жар-зверь! Мир, подсвеченный золотым тигриным светом, понемногу затих. Солнце, до этого медленное и гордое, заторопилось, растерянно замигало, заозиралось, высматривая среди сопок удобную, скрытую от всех ложбину, и покатилось на ночевку. Что оно теперь? Ну, посветило, ну, погрело. А настоящий повелитель тайги вот он — на скале. Есть ли еще в мире кто-нибудь с таким ярким желтым светом? Нет никого. Ни на небе, ни на земле. Есть ли кто еще среди живых существ,

про кого большинство населения планеты сочиняет сказки, кому поклоняется, кого так боится, кем так восхищается? Нет таких.

Подавляющее большинство людей чтит, прежде всего, тигра, и многие хотят обладать тигриными качествами. Может, потому, что иногда кому-нибудь везет увидеть золотой тигриный свет? Может, потому, что нет более огненного зверя, чем тигр? Может, потому, что тигр — это и есть жар-зверь?

ГЛАЗА

— А скажи-ка ты мне, уважаемый: почему меня тигр не трогает? Каждый год с ним встречаюсь. Бывает, метров с пяти друг другу в глаза смотрим, а не трогает. Что это? Мистика? Да мне уже скоро семьдесят. Всю жизнь в тайге. Всю жизнь в Охоте. А в тайге, сам знаешь: чего только не происходит. Всего насмотрелся. В Бога не верю. Верю в Природу, в Тайгу — все от Нее, все по Ее законам. А тигр у нас — высший судья. Некоторых наказывает. Некоторым на глаза показывается. А некоторые всю жизнь его увидеть мечтают, но не могут. Меня же тигр от себя далеко не отпускает, все о себе напоминает. Уже лет тридцать. Каждый год. То тигрята, то Матка, то сам Хозяин. Говорю же — года не было, чтобы не встретился хотя бы с одним.

— Не трогает, потому что глаза у тебя добрые и спокойные. Видит тигр по твоим глазам, что не хищник ты, потому и не трогает. Если б взгляд у тебя был трусливый или наглый — был бы ты наказан. Ей-богу.

ГОЛЛИВУД

Мне позвонили… из Голливуда.

— Мистер, можно ли с вашей помощью снять фильм о том, как ловят сибирского тигра?

— М-м-можно…

Долго ли, коротко ли — начались съемки.

Морозный воздух. Клубы пара над горной рекой. Темная вода бьется в ледяном ложе. Сквозь стон реки доносится мерный скрип снега. Шаги. Покачиваются заросшие непроходимые берега, гигантские тополя, кедры.

В такт шагам покачиваются заснеженные скалы, крутые островерхие сопки, низкое солнце. Звуки шагов заглушает прерывистое дыхание, его перебивает другое — надсадное, рвущееся.

Разлетелись комья снега. Заснеженная морда собаки нетерпеливо ныряет в каждую лунку гигантских кошачьих следов, тянет за собой туго натянутый поводок над выгнутой от напряжения спиной, над азартно машущим кольцом пушистого хвоста.

Поводок тянет едва поспевающего человека. Иней облепил усы, бороду, шапку-ушанку, плечи, ствол карабина. Капли пота скатываются по щекам. Заледенелые ичиги тяжело ступают по глубокому снегу. Шаги заглушает нетерпеливое повизгивание другой собаки, следующий бородач в распахнутой куртке, хрипя и покашливая, спешит по следу. За ними третья пара «собака — человек», четвертая.

— Пуска-а-а-й!

— А-а-й! А-й!— раскатисто заахали смурные сопки.

Тигроловы поклонились, отцепляя поводки, и тайга застонала набатом собачьего гона.

— Быстре-е-е-й! Держа-а-а-ат!

Все сильней раскачивается заснеженная тайга, все быстрее мелькают следы, все громче и громче лай собак.

А-а-а-ах! Громыхнула тигриным рыком непролазная стена северных джунглей. Меж стволов замелькали силуэты собак. Высветился золотым самородком бок тигра, отбивающегося передними лапами от наседавших преследователей.

— Руби рогули! Вязки готовь!

Зазвенели топоры, ударяя в промерзшую древесину. С рогатинами наперевес тигроловы с разных сторон подступают к тигру. Полосатая голова крутится во все стороны, клыки мокро сверкают, свирепый рык заглушает лай собак, крики людей.

Качнулись горы. Небо заслонили силуэты людей. Облако снега взвилось вверх, опало на шевелящийся клубок тел. Рогатины вдавили в снег полосатую шею, бок, лапы. Клыки грызут мерзлое дерево, матерчатые ленты опутывают лапы…

Собаки сосредоточенно зализывают раны. Разгоряченные мужики сидят на снегу вокруг связанного тигра. Разрумянившиеся щеки словно подсвечивают конусы самокруток — «козьих ножек». Подрагивающие заскорузлые пальцы методично подносят к губам газетное курево. Волосатые лица окутывают клубы дыма.

Последние кадры. Дальний план. Героическая четверка несет на жердяных носилках отловленного молодого тигра. И никто не видит, как Тайфун, просунув сквозь опутавшие морду вязки язык, лижет и лижет мою руку, сотни раз дававшую ему, Тайфуну, мясо.

ОБИДЧИК

— Обидеть тигра невозможно! Не такой это зверь. Всегда за себя постоит, гордый он и цену себе знает. Это я про нашего тигра, про уссурийского, про дикого. В цирке — это не тигр. Конечно, внешность у него тигриная, но душа — увы! — собачья! Все настоящее, тигриное с малолетства выбито. А как иначе? Попробуй, обучи кошку трюки выделывать — без боли ничего у тебя не выйдет. Ну, может, только самое простецкое, и то, если будешь бесконечно ласков и терпелив. Не более! Почему клоун Куклачев стал знаменит на весь мир? Потому что смог выдрессировать кошек, которые еще недавно считались «неподдающимися дрессировке животными». А как он смог? Только с помощью болевых эффектов. Почему и скандалы в некоторых развитых странах были: не желала прогрессивная общественность допускать к себе на гастроли дрессировщика-садиста. Вот так вот. Это домашние кошки, утратившие за сотни лет часть своего природного естества. Но тигр-то не кошка! Почему их дрессировка считается «высшим пилотажем»: любая ошибка может закончиться трагедией, несмотря на то что стараются брать тигрят от давно прирученных тигров. А если взять тигренка, который уже по лесу побегал, волю таежную попробовал, то воспитать циркового артиста — шансов практически никаких. Такой вот зверь.

К чему я это все рассказываю? Да к тому, что дикого тигра обидеть никому не удавалось. Кроме меня. Не верите? Ну, слушайте.

Конечно же, все получилось чисто случайно. Рассказываю то, что было.

Дом у меня в селе крайний. За сараем начинается лес. Это произошло после Нового года, первого января, в полдень. Накануне выпал свежий снег — сантиме-

тров пятнадцать. Ну и вот, после всех застолий, отоспавшись, стал я помогать в доме прибираться. Взял помойное ведро и понес его во двор. Во дворе постоял — такое наслаждение после праздника подышать воздухом, снегом полюбоваться да тишину послушать. Стоял, дышал и что-то вдруг заторопился, как подтолкнул кто-то к сараю, за которым выгребная яма — помои вылить. Только к сараю, а из-за него — Тайга — собачка моя, чуть с ног не сбила. Ах, ты, говорю, нехорошая — опять ошейник через голову стянула и убежала, вместо того, чтобы дом сторожить. Шагнул за угол, а мне под ноги — прыг — тигр! За Тайгой бежал. Затормозил он всеми четырьмя, пропахал по снегу. Тут я ему прямо в морду помои и выплеснул.

Почему?— сам не знаю. Может, с испугу. Как я этим тигра обидел! Застонал он так жалостно, хвост поджал и побрел в сторону, фыркая. Понуро так, словно пес побитый. Оглянется, фыркнет обиженно, шагнет, оглянется, фыркнет обиженно, шагнет. И так мне от этого неудобно стало! Даже слезы на глаза навернулись. Так и смотрел сквозь слезы, как тигр уходит обиженный. До сих пор его жалко!

СПАСАТЕЛЬ

— Хотите — верьте, хотите, — нет, но меня тигр… спас. Помог выжить. Без него не дошел бы до людей. Нет, не дошел бы. Завалился бы в кювет да и замерз или кровью истек… Возвращались поздно ночью домой, торопились с другом очень…

УАЗик устало гудит. Двигатель с трудом пересиливает крутой подъем. Последний перевал, пятнадцать километров и — Преображение. Позади четыре с половиной часа езды, два больших перевала, триста километров пути. Быстро проехали. Друг — классный водитель. Интересно, кто-нибудь на УАЗике проезжал быстрее этот путь — Владивосток — Преображение? За длинную дорогу уже обо всем переговорили, обо всем передумали. Полная луна чеканит резкие кроны деревьев да выписывает мягкие очертания обступивших сопок. Деревья дробно мелькают по сторонам, измельчая вязкое небо, которое то рябит меж сучьев, то вдруг отхлынет свободно и плавно колышется вместе с округлыми валами сопочных очертаний. Автомобиль продавливает светом фар сумеречное пространство, подрагивая, напирает на земную тень. Тень крепко липнет к каждому бугорку, каждому камешку, каждой ложбинке. И машина с трудом вращает липнущие колеса, повторяет каждый ухаб, каждую горку, словно выглаживает гигантским утюгом бесконечную ленту дороги.

Зазвенев на высокой ноте, двигатель вздохнул, словно переводя дух и забормотал облегченно, покашливая на спуске. Завизжали от восторга тормоза, словно и автомобилю захватывало дух от стремительного съезжания вниз, к светящейся среди сопок сфере подлунного моря.

— Санька, не спи! — я заметил поникающую голову друга.

— Ой, то не вечер, то не ве-е-ч-е-е-е-е-р, — попытался хрипло запеть Александр и замолчал. Вздохнул, поерзал по сиденью, пошевелил плечами, повращал головой, и автомобиль словно подхватило быстрое течение, понесло в русле дороги.

Поворот, другой, третий… Машина вдруг вздрогнула, повалилась в кювет. Удар об дверцу. Удар об крышу. Искры, звон разбитого стекла, скрежет, тело скручено в жгут. Жгучая боль в груди, в голове… Тяжелая рука друга. Тишина.

— Санька, живой?

— М-м-м…

Протискиваюсь из-под машины и вытаскиваю липкого Сашку. Сашка еле шевелится, пытается что-то сказать, но ничего не разобрать. В свете луны поблескивает мокрая от крови голова друга.

— Санька, держись. Скоро нам помогут.

— М-м-м…

Осторожно тащу друга к откосу дороги и укладываю на ровное место. Вытаскиваю из автомобиля какие-то вещи, подсовываю под друга. Он тихо стонет.

— Санька, терпи.

— М-м-м…

Самого покачивает, тошнит. Присел — еще хуже. Надо что-то делать. Собрать документы. Собрал. Вроде все на месте. Засунул за пазуху.

— Ма-ши-на, — тихо сказал друг.

— Что-что? — не расслышал я.

— Ма-ши-на е-дет.

— Машина едет? Какая машина? — и увидел освещенные фарами кроны деревьев. По дороге неторопливо двигался автомобиль.

— Чего они так медленно?

— Ребята… стойте! Люди добрые, помогите до больницы добраться.

— Извини, машина полная, можем довезти только одного.

— Да-да, конечно. Саньку заберите, а я сам как-нибудь…

— Санька, крепись. Я за тобой следом…

Скрылись за поворотом красные фонари автомобиля, улеглась пыль. Будет ли еще попутная машина в три часа ночи? Надо идти в поселок.

Луна сочувственно кивает в такт неровным шагам. Ноги спотыкаются, заплетаются, словно идут не по дорожному полотну, а по невидимому буреломному лесу. Стала пробирать дрожь. Боль, словно колючки, цепляется на каждом шагу, тяжелеет и давит к земле. Идти невмоготу. Призрачный мир расплывается и меркнет. Надо отдохнуть. Но холодно: ноябрь — уже на лужах лед.

Как там Санька? Наверное, довезли уже до больницы, собирают врачей, хлопочут вокруг. Хоть бы ничего серьезного у него не было!

В кювете лежит поваленное дерево. Ноги сами шагают к нему. Надо посидеть, отдохнуть. Сидеть хорошо: нет боли, нет дрожи, глаза закрываются, по телу разливается слабость и теплота. Надо прилечь. Насилу разлепливаются веки — кровь до сих пор сочится из головы. Смотрю вокруг: где бы прилечь. Возле корней дерева вроде как куча веток — не веток, соломы — не соломы. Вот на ней-то и прилягу. Но куча… шевельнулась! Показалось? Нашарил у ног камешек, бросил на кучу…

— О-о-о-у, — громыхнула куча, сверкнув зеленым глазом. Тигр!!!

От ужаса оборвалось дыхание. Сжавшееся сердце колокольным языком заколотилось, забило больно по ребрам в набат. Тигр!!!

Рука машинально ищет камень. Один, второй. Нет, этот маленький. Ага, этот поувесистей.

— Чак-чак-чак-чак, — камни сами собой заколотили, застучали друг об друга, высекая искры. Ноги охватила крупная дрожь, и они понемногу сдвигают тело по стволу дерева подальше от ужасной кучи. Чуть напряглись и, полусогнутые, мелкими шажочками засеменили на дорогу.

— Чак-чак-чак-чак, — звонко выстреливают камни, подбадривая ноги выпрямиться и шагнуть в полную силу, но их, словно крепкою тетивою, стянул ужас.

Изо всех сил вытягиваю, выпрямляю ноги. Ох! — вырвалось ощущение легкости прямых ног и освободившееся горло заклокотало: «Пошел вон! Пошел вон! Пошел вон!»

Тигр приподнялся и уверенно шагнул на дорогу.

— Чак-чак-чак-чак. Пошел вон! Пошел вон!

Изо всех сил уже сдерживаю ноги, чтобы не побежали прочь. Бежать нельзя! Нельзя бежать! Сразу же кинется, как кот на мышонка.

— Чак-чак-чак-чак,— швыряются звуком камни на приближающегося тигра.

— Пошел вон! Пошел вон! — выбулькивает сдавленное горло.

Тигр остановился, словно в раздумьи, постоял и несколькими быстрыми шагами сократил дистанцию.

— Пошел вон! Пошел вон! Чак-чак-чак-чак…

Тигр не отпускает. Только затихает стук камней — сразу подбирается ближе. Руки давно уже онемели. Пальцы, намертво стиснувшие камни, мерзнут и болят от каждого удара. Эта боль словно острыми гвоздями вбивается в большую и тяжелую боль всего тела…

— Десять лет назад мировая общественность забила тревогу: дальневосточный леопард на грани исчезновения! Десять лет назад! Что изменилось за десять лет? — громко и отчетливо горло сообщило замершему от неожиданности тигру вдруг вспомнившуюся цитату из статьи экологического журнала. Будто наяву перед глазами возникла эта страница — читай и читай, тем более, что от громкого голоса тигр заметно отстает.

— По материалам мировой печати, за последние годы проблема сохранения дальневосточного леопарда рассматривается как одна из наиболее важных проблем по сохранению биоразнообразия во всем мире. Неоднократно указывалось, что страна и регион, где обитает такой редкий вид, имеют возможность получать не только финансовую поддержку на его охрану, но и привлекать внимание к своим собственным экономическим проблемам и инвестированию в реальный сектор экономики значительных средств. Кому-то это невыгодно… Или так плохо жили, что не до леопарда?…

Тигр не отстает, но идет уже на более почтительном расстоянии, словно эта информация об его исчезающем брате вызывает очень большое уважение. Что ж, продолжим...

— По учетным данным, численность дальневосточного леопарда критически мала, основная часть сохранилась в России на территории Приморского края и составляет тридцать (!) животных…

Идет за мной, как привязанный, словно боится пропустить хоть одно слово…

— Еще в 1996 году, после первой международной научной конференции по сохранению дальневосточного леопарда, были разработаны основные направления специальной программы, сформирован список международных организаций, в том числе институтов Российской Академии Наук, финансирующих данную программу и выполняющих ее. С этого времени проводятся учеты леопарда, финансируются антибраконьерские и противопожарные бригады, выплачиваются солидные денежные компенсации за ущерб, нанесенный леопардом, поддерживаются охотничьи хозяйства, осуществляются обширные образовательные программы школьников, просвещается население. Но! За прошедший год были конфискованы у браконьеров шесть шкур леопарда… И, скорее всего, это не все выявленные преступления. В других странах человеку, у которого обнаружена шкура исчезающего животного, обеспечено несколько лет тюрьмы, а в России… грозит штраф в тысячу рублей! А кто-нибудь наказан за поджог леса в местах обитания леопарда? Нет!…

Удивительно! Просто удивительно! Никогда не отличался особой памятью, а тут такое! Вчера прочитал эту статью о леопарде в случайно подвернувшемся журнале и через сутки (!) слово в слово повторяю для тигра. Чудеса!

— К сожалению, страна Россия чего-то ждет. После утверждения в 1996 году заказника «Борисовское Плато» в ареале обитания дальневосточного леопарда появляются только проекты по разработке месторождения низкокачественного

каменного угля да по прокладке нефтепровода. Страна моментально реализует решения о повышении коммунальных платежей или налоговых пошлин на подержанные автомобили, но до леопардовых (а более — человеческих: именно человеку жизненно необходима здоровая природа) проблем (это общемировая проблема!) ей как-то недосуг…

Ох! Как же я устал! Тяжеленные ноги уже не могут шагать. Упал бы и не шевелился! Но стоит только оглянуться, как страх заставляет все забыть…

— Чак-чак-чак-чак…

— Дальневосточный леопард является самым северным подвидом леопарда. Ареал его обитания занимал территорию от Пекина до озера Ханка. Теперь же ареал ограничен юго-западными районами Приморского края и узкой полосой на сопредельной территории Китая. В пределах последнего очага обитания продолжается интенсивное освоение территории: проводятся реконструкции дорог, проводятся промышленные рубки леса, заготовка дров, очень популярна охота...

— Эй-эй! Ты зачем так близко? Пошел вон! Чак-чак-чак-чак, — спохватились камни…

— Четырнадцатого марта 2003 года во Владивостоке состоялось заседание Международной рабочей группы по сохранению дальневосточного леопарда. Темой заседания была программа реинтродукции — создание жизнеспособной популяции на территории, на которой животное было истреблено. Рассмотрев последние данные о критическом состоянии существующей популяции дальневосточного леопарда, эксперты констатировали, что дальнейшее промедление невозможно и только создание дополнительной популяции является единственной гарантией сохранения этого зверя. Но существующая популяция уже не может быть использована для реинтродукции, так как ее численность катастрофически мала и ее генетический потенциал не позволит создать новую полноценную популяцию. Поэтому для выпуска на новом месте надо использовать сохранившихся животных из зоопарков. Молодые леопарды, рожденные в неволе, будут проходить адаптацию в специальном Центре, где им предстоит получать навыки охоты и осторожного отношения к человеку, — и только после этого отправятся осваивать охотничьи угодья. Но! Из двухсот дальневосточных леопардов, содержащихся в зоопарках мира, только десять (!) оказались генетически чистыми…

…Так и шел: то кричал про леопарда, то стучал камнями. Помирать уже соберусь — так было плохо, но оглянусь на тигра и опять шагаю. Так до поселка и дотопал. Тигр заставил меня выжить. Без него не дошел бы. Куда там! Завалился бы в кювет да и замерз или кровью истек. Хотите — верьте, хотите — нет, но меня тигр спас!

СИЛА ЖИЗНИ

И чего же мне не спится, в который раз подумал, ворочаясь на жестких нарах. Вроде и набродился вчера от души, проверяя капканы, да и день выдался удачный: пара соболько в попалась. Один так себе — третий цвет, а другой — красота! Крупный самец густой дымчатой окраски, с темной головой, без горлового пятна, с черной полосой по хребту. А по всему меху — искристая, переливистая проседь.

Пора вставать, наверное. Сегодня надо успеть побыстрее проверить последний путик да и — домой. Зажег спичку, посмотрел на часы: еще семь — успею до рассвета позавтракать, прибрать зимушку да уложить рюкзак. Но что так тихо?

Запалил лампу, накинул куртку, взял котелок и толкнул пристывшую дверь. В клубах теплого воздуха засветились, кружа, мелкие кристаллики. Снежок... Поэтому и не спалось. Пальца на четыре подсыпало. И все. Небо уже очистилось — вон звезды как мерцают. И тепло. Но, наверное, еще снег будет: ветер крутил вчера во все стороны, да и хмарь долго собиралась. А снежок пушистый, сухой — наступаешь, как на вату. Хорошо по такому скрадывать. Да, тепло: даже вчерашний ледок в ручье растаял. Следы... Ты смотри! Только что тигра вокруг зимовья крутилась. Чего ей тут надо?..

Пятое утро, как тигр с пустым желудком. Для взрослого зверя это пустяк, но тигр не привык так долго ходить впроголодь. Самый удачливый в округе, он не упускал случая задавить подсвинка или изюбра просто так, пусть и насытился недавно парным мясом. Природа создала из самых совершенных хищников самого совершенного, но и ему пришлось пройти не один десяток километров по рыхлому снегу, по льду ручьев и ключей, а добыча не попадается. Нельзя сказать, что оскудел его участок, занимающий два больших ключа, берущих свое начало по высоким скалистым хребтам, но и у везучих бывают дни неудач.

А эта ночь подсыпала снежком, застала живность на местах да там и оставила: кто же тронется с лежки без особой нужды в такую пору? Конечно, обнаружить добычу стало трудней, зато какие условия для скрадывания. Редко здесь бывает такой снег: совсем сухой, мелкий-мелкий и абсолютно бесшумный при ходьбе. При каждом шаге он словно расступается под лапой, а затем обволакивает невесомо, мягко, тепло. Еще хоть чуть ветерок бы задышал, а то все мириады запахов уплывают вверх, к этим слабеющим звездам. Но с восходом солнца закончится это сонное царство, холодные вздохи проснувшихся вершин все дальше и ниже оживят застывшие макушки кедров, качнут ветви, проверят одежды корней.

Рассветает. Ну, пошел. Рюкзак — на спину. Малопульку — на левое плечо, карабин — на правое. Рукавицы — за пояс, нож — на месте, патроны — взял. Ох и красота вокруг! А тишина — только звон в ушах. Так спокойно все, даже грустно чуть. По свежему снегу не спешит зверь из убежищ, поэтому, что глядеть под ноги — если и будет след, то сразу в глаза бросится. А так — иди, наслаждайся сказкой вокруг, да не забывай дышать мягкой свежестью.

Впереди, справа под сопкой, стоит молодой пихтач. Пушистые деревца в рост человека, словно обнимая друг дружку, притихли под пуховой накидкой. Пихтач тянется вдоль ключа, забираясь по склону вверх, скрывается за стволами и кронами взрослых кедров, берез. Издалека видно: с краю сбит снег с ветвей, а снизу взрыхлен росчерками следов. Кабаны? Изюбры? По-прежнему — ни ветерка, ни звука. Надо бы подстрелить — лицензии есть, но и возиться некогда. Да, ладно — пойду потихоньку, там видно будет. Может, и стоит рогач между пихточек: они любят в эту пору в таких зарослях отстаиваться. Несколько шагов, постоял — тихо. Опять прошел — не видать никого. Тропа ныряет в снежный город, поворачивает от сопки к ключу. Тихо приподнять поникшие ветви, взойти на бугорок, посмотреть, послушать да и — дальше.

Под сопкой — мягкий шорох. Рука тянется к карабину. Взметнулась сзади снежная пыль. Прыжок! Еще! Прямо ко мне! Руки тянут карабин через голову. Тигра!!! Оглушающий рык, взметнувшаяся громада, пасть, смрад, клыки перед глазами, хруст в голове, боль, выстрел, темнота...

И первое, что вспомнил, придя в сознание, — жуткие темные глаза, оскал и красивую, почти карнавальную маску — с кошачьей улыбкой!

очерк, публицистика

Виктор РЕМИЗОВСКИЙ

Сахалинский гамбит...

Дневник одной экспедиции

В 2002 году состоялась международная культурологическая экспедиция по Сахалину. Экспедиция сопровождалась многочисленными встречами, статьями, выступлениями на радио и по телевидению. По ее результатам были созданы телевизионные фильмы, альбомы и книги.

УЧАСТНИКИ

Первым номером шел всемирно известный писатель, президент Русского ПЕН-центра Андрей Георгиевич Битов. Вообще-то ему в это время, согласно официальным приглашениям, следовало быть совсем в других местах — в Югославии, в Анапе и еще, кажется, в Риме, причем — одновременно. Но он выбрал Сахалин. И мне думается, этот выбор был неслучаен, так как темы малой родины и островного сознания его сильно занимали еще до поездки.

Дальнейшая нумерация участников экспедиции целиком на моей совести, вернее — «на совести» моих умственных возможностей определить, кто есть кто. Вторым, по-моему, следует считать Томассо Матолу, возможно потому, что он — итальянец. По рассказам (а соответствующих бумаг мне видеть не довелось), он — директор и спонсор европейского фестиваля документальных фильмов. Высоко это или не очень? Я не знаю. Но — итальянец! И не из какой-нибудь там Базиликаты или Абруццы, а из самого Рима.

Третьим по моей схеме шел Аполлон. Это не имя собственное, это так я про себя назвал его. Он был очень похож на греческого бога. Представьте только: красавец атлет (рост сто девяносто три сантиметра и вес сто два килограмма) с копной золотистых кудрей. Имя у Аполлона было вполне соответствующее — Лев. Лев Евгеньевич Рухин из Сан-Франциско, американец русского происхождения. Он — путешественник и фотограф. Еще — литератор и великолепный рассказчик.

Четвертый — бывший хабаровчанин, затем иркутянин, а в перспективе, естественно, москвич. Талантливый поэт, не менее талантливый балагур и задира, но добрейшей души человек — Анатолий Иванович Кобенков.

Пятый — сотрудник Сахалинского областного краеведческого музея, этнолог и археолог Михаил Михайлович Прокофьев. Мы с ним давно знакомы, и потому я могу позволить себе высказать личное мнение о нем: старательный исследователь, честный ученый и порядочный человек. Он представитель практически уже

вымершего подвида старой русской интеллигенции, крайне редкий экземпляр, штучный.

Шестой и седьмой — неразрывная связка: кинооператор Глеб Телешов и звукооператор Антон Шепшелевич. Оба они из Владивостока. Антон еще совсем молод, но дело свое знает. А вот Глеб уже успел прославиться, он то ли дипломант, то ли даже победитель международного конкурса молодых кинооператоров в Киеве. В общем, серьезные ребята.

Возглавлял нашу экспедицию Александр Владимирович Колесов, профессиональный журналист, профессиональный предприниматель, профессиональный директор Дальневосточного отделения Русского ПЕН-центра, редактор журнала «Рубеж». Личность на Дальнем Востоке известная, причем, как всегда бывает с известными личностями, кем-то уважаем и даже обожаем, а кем-то ощутимо ненавидим. Се ля ви, как говорится.

Последним, девятым в списке, значился автор этих строк. Не из ложной скромности, конечно, просто этой экспедиции я был совершенно не нужен. Дело в том, что изначально предполагалась совсем другая экспедиция, и в той, другой, мне предстояло быть ее проводником и даже членом штаба. Но в силу каких-то высших, по всей видимости, финансовых сил, программа экспедиции претерпела «коренную перестройку», в результате которой не нужны ни проводники, ни штаб.

Местом сбора экспедиции выбрали город Владивосток, где проживали три члена экспедиции (начальник, кинооператор и звукооператор), где удобнее было собрать иногородних и иностранных участников, и откуда наиболее удобно совершить бросок на Сахалин.

27 АВГУСТА (Вторник)

Рано утром поездом я прибыл во Владивосток. Встречал меня Колесов. Мы обнялись и даже расцеловались. Радость-то какая — экспедиция состоится! Мы с Колесовым мечтали о ней и строили планы более пяти лет.

Он отвез меня в маленькую гостиницу в самом центре города, во дворе Института культуры и искусств, улица Почтовая, 8. Это гостиница ОАО Торговый дом Владивостокского ГУМа. В советское время, говорят, это были апартаменты горкома партии. Не хило? И сегодня здесь повышенный комфорт: дежурный администратор в любое время суток по вашей просьбе изжарит яичницу или сварит сосиску и подаст кофе прямо в номер. Не гостиница, а мечта.

В моей жизни это была уже четырнадцатая экспедиция. Во время работы в Северо-Восточном комплексном НИИ я провел двенадцать полевых сезонов на Сахалине и один — на Северо-Восточной Камчатке. Дважды мои полевые отряды были комплексными, то есть в них входили сотрудники нескольких институтов. А в 1978 году членом моего отряда была и старший научный сотрудник Московского университета. Поэтому опыта в организации экспедиционных работ мне было не занимать. Колесов знал это и заранее просил меня составить списки необходимого снаряжения для нашей экспедиции и разработать маршрут.

В который раз изучив карту острова, я составил приемлемый и, на мой взгляд, любопытный во всех отношениях вариант маршрута. Для его разработки у меня были такие исходные условия: продолжительность — тридцать дней, и едем мы на двух или трех джипах высокой проходимости. Причем сам Колесов планировал начать экспедицию с пробной поездки к лагуне Буссе на Тонино-Анивском полуострове, потратив на это около двух суток. Я, правда, предлагал за эти два дня совершить другую поездку: на полуостров Крильон, по маршруту Южно-

Сахалинск — Холмск — Шебунино — мыс Крильон и обратно. Цель — западное побережье полуострова Крильон, островок Коврижка — одно из двух сахалинских месторождений янтаря, воспетые в песнях мыс Крильон и пролив Лаперуза.

Однако уже при встрече Колесов сообщил, что обратные билеты на самолет из Южно-Сахалинска он заказал на семнадцатое число. То есть уже не тридцать дней, а всего семнадцать! Это означало, что мы все время будем гнать и гнать наши джипы без передыху и очень мало что сможем посмотреть и заснять. А может быть, экспедиции как таковой уже и не будет, — кольнуло меня? Впечатление от беседы с Колесовым сложилось такое: акция затевается, для того чтобы собрать именитых людей, устроить ряд встреч-шоу и тем самым раскрутить самого себя. Или кого-то еще? А я-то рюкзак собирал и спички запаивал!

Обедали в «Бохай». Это весьма приличный недорогой ресторан на улице Петра Великого, рядом с офисом Колесова «Форт Росс». Во время обеда Колесов убеждал меня «не выступать», что, дескать, все будет о′кей: экспедиция состоится, и, стало быть, я действительно буду нужен.

Спать в моем гостиничном номере не так просто, вернее — трудно уснуть. Комната у меня угловая, и прямо под моим окном — сторожка какой-то фирмы, и там — два волкодава, которые рычат и лают, а напротив — жилой деревянный дом с кошками и собаками. И, ко всему, настырный комариный звон. В результате родилась колыбельная:

Под окошком кошечки
мяу, мяу, мяу;
Следом волкодавчики
гав, гав, гав;
Тридцать три комарика
зиу, зиу, зиу –
Спи, сыночек Витенька,
баю, баю, бай.

28 АВГУСТА (Среда)

В клубах едкого табачного дыма прилетел из Иркутска русский еврей А. И. Кобенков. Это действительно так, ибо Анатолий Иванович не курит только во сне: сигареты прикуриваются одна от одной. А более высокая степень кайфа достигается курением трубки, набитой на редкость вонючим табаком. Предусмотрительный Колесов, зная, что я с детства не курю (по настоянию мамы бросил курить, когда мне было восемь лет), поселил его не в мой номер, а в соседний. Вот за это спасибо натурель!

Вечером мы с Кобенковым немного пообщались. Самую малость, потому что на все время пребывания на Дальнем Востоке его ангажировал Колесов. Но, несмотря на это, Кобенков все же успел подарить мне две книжки своих стихов.

Практически начиная с этого момента и вплоть до того, как мы вплотную занялись изучением нивхов, во всех экспедиционных беседах, о чем бы мы ни говорили, ненавязчиво и как бы сама собой всплывала еврейская тема в самых разнообразных ее аспектах. Дело в том, что Анатолий Иванович настоящий еврей, хотя и полукровка.

Мне эти разговоры были интересны потому, что я не еврей, а во-вторых, потому что мой старший сын такой же, как Кобенков, настоящий еврей-полукровка. Я ему, сыну то есть, не раз писал: уехал бы ты, Олежка, в Израиль, забогател бы там и

пригласил бы меня повидать свет или хотя бы гроб Господен. Но он все никак не может разобраться со своими русскими женами, и ему не до Израиля. Очевидно, мои гены оказались сильнее.

29 АВГУСТА (Четверг)

Прилетел из Москвы итальянец Томассо Матола. И тем же самолетом прилетел живой классик русской литературы Андрей Георгиевич Битов.

Непростой вопрос: куда поселить иностранца? В этом вопросе немало сложностей, в том числе и финансового плана. Но, оказалось, во-первых, что у них, у Колесова и Матолы, есть общие знакомые во Владивостоке, у которых, во-вторых, есть свободная комната. Таким образом, имело место маленькое безобидное нарушение визового режима, от которого никто, в том числе и государство, не пострадал. В таких делах Колесов всегда на высоте…

А Битова, как литератора и к тому же курящего, поселили в номер к Кобенкову. Когда по «телеку» показывают Андрея Георгиевича, внешне он производит на меня впечатление немного поддатого. Может быть, у него имидж такой? Говорит же он умно в любом состоянии.

Незадолго до экспедиции я прочел его повесть «Поездка к другу детства» и, надо сказать, практически возненавидел его друга. Мне показалось, что там описан на редкость неприятный в общении человек. И если Андрей Георгиевич так написал о своем друге, то как же он напишет о недруге! Поэтому я подумал, что не стоит будить тигра. Ведь если он возмутится и возьмется за повесть обо мне, то образ мой станет не просто «на редкость неприятным в общении», а навзрыд квазимодистым, чего мне лично не хотелось бы.

Вернувшись из экспедиции, я заново перечел повесть Битова «Поездка к другу детства», посвященную Г. С. Штейнбергу, и укрепился в своем мнении. Мне приходилось встречать подобных людей, может быть, не столь ярких, как Генрих Семенович, но весьма похожих. Раз узнав, что это за люди, я всегда старался избегать их общества. Возможно, из боязни быть побежденным и выглядеть смешным. Это, ясное дело, не лучшее из моих качеств, но что поделать, коль я таков.

Вечером мы поехали на Шамору. Выезжали где-то уже в восьмом часу, еще ярко светило ласковое осеннее дальневосточное солнце, и мы предвкушали веселое купание. Но, когда стали подниматься на перевал, потянул туман, становившийся с каждым километром все плотнее. К бухте выехали уже потемну. Купаться никто не решился, кроме старика Ремизовского. Стесняться было некого — одни мужики и все свои. Поэтому я побежал к воде в чем мать родила. Вода — прелесть! Но когда выходил, то буквально столкнулся с парой, которая, обнявшись, шла вдоль кромки воды. Ну и что? Нам нечего стесняться своей красоты. Но смеху было море.

30 АВГУСТА (Пятница)

Во Владивостокском этапе нашей экспедиции этот день был самым насыщенным. На девять утра назначен прием у мэра города Владивостока Юрия Михайловича Копылова. На встречу мы поехали всем наличным составом: А. Г. Битов, Т. Матола, А. И. Кобенков, В. И. Ремизовский и А. В. Колесов.

Мэр явился с микроскопическим опозданием и как бы слегка запыхавшись. Невысокий, но широкий, крепкий и, видимо, очень сильный. Что называется, крепыш. Глядя на его круглую голову, подумалось, что не зря, видимо, монголо-татары

столько лет топтали Русь и русских женщин. И характер у Юрия Михайловича такой же: быстрый и напористый. Он явно привык во всех ситуациях с ходу «брать быка за рога».

Мэр начал беседу с нами, хоть и слегка запыхавшись, но напористо и уверенно. Так как среди нас был иностранец, Томассо Матола, то Юрий Михайлович сосредоточил свое внимание именно на нем, но посчитал его почему-то американцем. Соответственно и содержание его речи имело американский уклон. А переводил Андрей Битов, который сидел между ними. Ему, бедному, пришлось не только переводить с русского на английский и обратно, но и корректировать содержательную часть с американского на итальянский. Наконец сложность такого двойного перевода вынудила его прямо сказать Юрию Михайловичу, что это не американец, а итальянец.

— Итальянец? Ну и черт с ним! Подумаешь, итальянец. У нас во Владивостоке сто семнадцать национальностей представлено. Есть и итальянцы.

Сначала Юрий Михайлович рассказал нам о своем народном происхождении.

— Я из семьи рабочих. Отец у меня был железнодорожником. Родился на Кубани. В этом году мне исполнилось пятьдесят шесть, из них полных двадцать лет я провел в море.

А я подумал: если в будущем престиж рабочего происхождения сохранится, то детям мэра будет непросто аргументировать свое право на высокую должность.

Затем последовал довольно длинный пассаж о тех, кого мэру в качестве мэра приходится встречать и привечать. Естественно, что здесь был и президент России В. В. Путин. А Ким Чен Ира Юрий Михайлович и с поезда «снял» и обратно в вагон посадил. Вождь Северной Кореи был польщен таким внимательным отношением и пригласил Юрия Михайловича к себе в гости, причем не в КНДР, как в страну, а именно к себе в гости.

— А по отношению к творческим людям, как вы, у меня особое отношение: я как мэр стараюсь всех встретить, приветить, приголубить.

Далее речь пошла уже непосредственно о городе. Мэр много чего рассказал нам о своей многоплановой деятельности по развитию городского хозяйства (о пиролизной установке, сохранении хлебных и макаронных заводов, преобразовании улицы адмирала Фокина и т. п.). Очевидно, что с пользой для дела защитил он кандидатскую диссертацию по экономической специальности.

В заключение беседы Колесов и Битов согласовали с мэром время проведения во Владивостоке Тихоокеанского международного литературного конгресса. Договорились на сентябрь 2003 года. Кстати, Колесов с мэром разговаривали на «ты».

Мне давно не приходилось участвовать в беседах с деятелями такого масштаба, и потому было очень интересно. Я даже ухитрился вставить несколько слов и восклицаний, слава Богу, «впопад».

На прощание мэр Владивостока подарил каждому из нас по видеокассете с документальным фильмом о Владивостоке и по художественному альбому «Владивосток в репродукциях художников».

Сразу же из мэрии тем же составом мы поехали в редакцию газеты «Владивосток», где Колесов организовал пресс-конференцию для владивостокских СМИ. Но масштабного сбора журналистов не получилось: собралось всего три журналиста и фотограф. Выступали Колесов и Битов. Колесов в основном успокаивал власти всех уровней Дальневосточного федерального округа, убеждая в том, что: а) у нас нет задания, и мы не представляем угрозы для властей; б) мы не собираемся «копать», что-то выискивать и сочинять черный пиар; в) нас никто не нанимал, и мы никому не служим. Поездки по острову — это первый этап экспедиции. Вто-

рой — издание книг, альбомов и выпуск фильма. Есть уже проекты в развитие первоначальной идеи, но о них пока говорить рано.

Андрей Георгиевич любит и умеет выступать. Он прекрасно чувствует аудиторию и выдает ей именно то, что она от него ждет. В данном случае перед ним были журналисты, и он дал волю своему философскому бесу.

— В любом вопросе есть и позитив, и негатив. Сахалин не исключение. Мы будем рассматривать его и как текст, и как сознание.

Мысленно я добавил: «Если вы этого не понимаете — остров-текст и остров-сознание — тем хуже для вас».

А Битов продолжал:

— Островное сознание — это позитив. Я понимаю и принимаю локальный островной патриотизм. Мне всегда хотелось посетить два острова: Японию и Англию.

Журналисты этот пассаж заглотнули, как акула консервную банку. Я же замечу, что Япония не является отдельным островом, это — архипелаг, и на каком именно острове этого архипелага хотел бы побывать Андрей Георгиевич — неясно. Да и Англия тоже как остров…

— На острове трудно жить? Возможно. Но человек живет там, где нельзя жить, если ему дают жить. Человек-то — пастух по своему исконному происхождению. Поэтому ему подсознательно нравится холмистая местность. В Европе развитие шло по такой схеме: феодал — замок — монастырь — университет. Посмотрим, как это происходит и уже произошло на Сахалине. В 1963 году у меня была Камчатка, а теперь вот — Сахалин. Мне вспоминаются стихи моего друга, поэта Глеба Горбовского: Плывет Сахалин, словно рыба кета, хвойные зубы торчат изо рта. Надо посмотреть!

Дальше в моем блокноте записаны высказывания Битова о сале — как это связано с экспедицией по Сахалину не вполне ясно, но тем не менее:

— На Украине надо поставить памятник салу. Сало интернешнл… Сало-дао плюс сковородка… Гуманитарные бомбардировки салом…

А завершил свое выступление Андрей Георгиевич так:

— С 1997 года во Владивостоке я уже пятый раз. Обычно я ничего не добиваюсь сам. Что случается, то и случается. А потом это становится моим текстом. Но это уже игры с самим собой. В 2010 году, если жив буду, сделаю столетие без Толстого.

> ***Примечание.*** *От себя замечу, что Л. Н. Толстому господа шведы дважды не присудили Нобелевскую премию. Первый раз из-за, дескать, неправильно оформленных бумаг, а второй раз потому, что Толстой-де против достижений цивилизации. Надо же! Подковерные всякие штучки, очевидно, ведомы человечеству с его подгузничкового возраста. Весь мир считал и считает Толстого одним из величайших писателей всех времен и народов, а господа шведы — нет. Но не все, правда, шведы, нет. Когда Льва Николаевича «прокатили», несколько десятков шведских деятелей культуры и искусства подписали ему адрес со словами негодования и сочувствия. Толстой ответил: «Милостивые государи! Назначение не мне Нобелевской премии было мне вдвойне приятно тем, что избавило меня от тяжелой необходимости распорядиться деньгами, которые считаются мною источником всякого рода зла, и тем, что послужило поводом к выражению мне сочувствия уважаемых мною людей, за которое от всей души благодарю вас».*

После основополагающих выступлений Колесова и Битова дали по две минутки на брата другим участникам экспедиции. Что я там изрек, не помню, но явно не основополагающее. Поэтому вопросы задавали только Битову. И это правильно!

Затем у нас случился обед, после которого мы нежились на солнце возле колесовского офиса «Форт Росс». Вдруг появился красавец-гигант с копной золотистых кудрей и агромадной сумкой на левом плече. Перешагивая через две ступеньки, он проследовал прямо в офис. А вскоре вышел Колесов и объявил нам, что неожиданно прилетел из Москвы Лев Рухин. Почему неожиданно? Да потому, что осень, масса летающего туда-сюда народа и полное отсутствие билетов. Но Лев уже освоился в России настолько, что для него отсутствие билетов на самолет не было проблемой. Он пошел к начальнику вокзала, наплел ему с три короба, возможно, кому-то что-то дал и — пожалуйста, он с нами.

Несмотря на то что в экспедиции аж четыре человека свободно владеют английским языком, Томассо Матола настоял, чтобы ему «выдали под залог» личную переводчицу, непременно молодую и обязательно красивую. Требование иностранца Колесов незамедлительно выполнил. Зовут молодую и обязательно красивую переводчицу Олеся. Вот что значит — южанин! Лев Рухин, восхитившись красотой переводчицы, печально заметил, что знание языка, оказывается, имеет обратный эффект — не дают переводчицу, и в следующий раз он не то, что говорить с акцентом, он вообще не будет знать русского языка.

После встречи с журналистами Андрей Георгиевич все время что-нибудь изрекал, он как бы не мог остановиться. На слух его изречения всегда любопытны. А вот как они будут выглядеть в моей телеграфной записи — это вопрос. Вот что я успел записать:

— Любой дурак думает, что он на вершине, и я — тоже… Не люблю людей, имеющих свое мнение, — это ящик… Слово, как оружие пролетариата, — это булыжник… Языковая родина — главное… Язык выше нас, он все переварит — не надо о нем беспокоиться… Инородец, пишущий на русском языке, — русский писатель… Дюма — национализированный русский писатель… Пространство, время, Россия — меня всегда занимало это… Я считаю себя большим ученым, я — имперіолог. Был в Выборге, теперь вот лечу на Сахалин, то есть осваиваю границы империи …

Вечером экспедиция всем наличным составом вместе с переводчицей Олесей поехала в гости к известному приморскому скульптору Валерию Геннадиевичу Ненаживину и его жене Нине Ивановне. Ненаживин — автор памятника О. Э. Мандельштаму во Владивостоке, где предположительно погиб этот ныне всемирно известный поэт.

Весьма любопытно наблюдать, как эта семья принимала Битова: его, как родного, обнимали, ласкали и многократно целовали. И он тоже чувствовал себя здесь своим, долгожданным и нужным. Очевидно, их всех в свое время сблизила эта идея — поставить памятник поэту-еврею, поэту-зеку, поэту Осипу Мандельштаму.

Приехали мы довольно поздно, уже потемну, и потому описать внешнюю сторону жилища скульптора не могу. По всей видимости, это частный двухэтажный дом с небольшим совсем двориком. Весь первый этаж занимает мастерская. Здесь же, в углу, стоит печь, на которой Нина Ивановна готовит пищу. А второй этаж отведен для покоев. Кроме хозяина и его супруги, там проживают две их дочери, Ольга и Ирина, кстати, обе — художницы.

Принимали нас в мастерской скульптора. До посадки за стол мы бродили между полок с головами, бюстами, крутыми ляжками и прочим человеческим «инвентарем». На самом видном месте стояла подставка с головой А. Г. Битова. Это явно был рабочий вариант — сырая глина блестела капельками влаги. Взгля-

нув на живого Битова, скульптор сразу узрел расхождения с оригиналом и, весело приговаривая, тут же смял глиняную голову классика. Попытался второпях что-то сваять (впервые трезвый трезвому, — бормотал он при этом, — лучше бы, правда, наоборот, — приблизить оригинал к скульптуре). Но мы ему не дали — пора было садиться за стол.

Нина Ивановна сварила в чугунке гречневую кашу, нарезала рыбы и хлеба. Простота обстановки вызывала какие-то далекие и теплые воспоминания детства. Сидели мы на деревянных лавках за длинным деревянным столом. Прелесть! Это вам не пластмассовый стул, по которому задница скользит, словно дюралевый поднос по ледяной горке, почему невзначай и выпадаешь из такого стула.

Посреди стола стоял казанок с дымящейся гречневой кашей, на тарелках — ломтики красной рыбы, крупно порезанная, слегка подкопченная сельдь, свежие помидоры и огурцы, а для «особо гурманистых» — ломтики неотмоченной солонины. Все пили водку, кроме Колесова и Кобенкова, которые даже не пригубили. Странно! Ну, Колесову, понятно, надо пасти Битова. А почему не пил Кобенков — для меня было загадкой.

Пили, ели, вспоминали, рассказывали. А я мотал на ус, а потом снимал с него намотанное и запихивал в записную книжку.

Валерий Геннадиевич гордится своим мужицким происхождением и считает, что именно на мужике, трудяге, держится мир.

— Мужик — это, как солнце, что бы ни происходило вокруг, в стране, в мире, а он — пашет!

— Мой дед по матери, Сивых Сергей Фомич, говорил: мужик устроен таким образом, что если ему подставить шило, то он на кончике этого шила вспашет, посеет, соберет урожай, прокормит себя, свою семью и того, кто ему подставил это шило.

И еще ему очень нравится шутка, которую он повторил раза три, очевидно, это из какого-то анекдота или шутливого рассказа:

— Собака неопределенной породы совершила акт глумления над моею сукой…

В гостиницу мы вернулись ближе к полуночи. Спать не хотелось. Мне подселили малокурящего Рухина, но напарника моего еще не было — они с Колесовым отправились «гулять» по городу. И я пошел в номер к Кобенкову и Битову. Меня после выпитого всегда тянет на откровенность, и я стал рассказывать им историю моей мамы. Не всю, конечно, а только то, что было связано с ее мужем, Ю. Ю. Морисом.

> ***Очень коротко.*** *В конце войны с Германией мама служила инженером в КЭЧ (квартирно-эксплуатационная часть) воинской части. Для работы на объектах ей «выдавали» партии интернированных. Среди одной из таких партий нашелся рыжий красавец, вылитый Христос, на которого мама положила глаз. Он тоже ее заметил — и не мудрено: единственная женщина в море мужчин. Она помогла ему получить паспорт (в то время!), где было записано, что он — Юзеф Юзефович Морис, еврей из Черновцов (Украина), и стал он полноправным гражданином СССР. Это был весьма и весьма незаурядный человек. Когда я его впервые увидел, он едва мог связать пару слов по-русски. А уже в 1946 или 1947 году он в качестве режиссера Закарпатского областного драматического театра им. А. П. Чехова ставил пьесу Александра Корнейчука «Платон Кречет». Здорово, да? Второй пример: в 1948/49 учебном году, когда маму уже осудили, он, чтобы заработать деньги на поездку к ней в Сибирь, преподавал в городе Станиславе (ныне*

Ивано-Франковск) одновременно в трех школах (английский, французский и немецкий языки) и в музыкальном училище (итальянский язык). И только уже ближе к восьмидесятым годам прошлого столетия мама рассказала мне, кем на самом деле был Юзеф Юзефович. Никакой он не еврей, он — немец, кинорежиссер документальных фильмов, был на передовой, почему и оказался среди интернированных. А до войны Германии с СССР он создал первый документальный фильм о Франклине Д. Рузвельте.

Анатолий Иванович, как обычно, пыхтел трубкой, не выпуская ее изо рта, и слушал меня с интересом. А Битов после выпитого и съеденного, не дослушав, уснул. Ничего не поделаешь: классикам тоже порой хочется спать.

31 АВГУСТА (Суббота)

Большая часть этого дня свободна для рядовых, вроде меня, участников экспедиции. Лишь в 17 часов 00 минут мы все должны быть задействованы — предстояла встреча с молодыми поэтами Владивостока. Какое отношение имеют молодые поэты Владивостока к сахалинской экспедиции, к Сахалину вообще и к нам, немолодым уже и приехавшим из других краев и областей? На все эти вопросы, возможно, удастся найти хотя бы приблизительные ответы во время самой встречи. А пока я решил навестить своих давнишних друзей, чету геологов — С. В. Точилину и С. А. Попова, тем более, что Светлана Викторовна, в отличие от молодых поэтов Владивостока, имела самое прямое отношение к Сахалину.

Когда мне случается бывать во Владивостоке, я твердо знаю, что в доме Светланы Викторовны и Стаса (мы с ним давно на «ты») мне всегда рады — и покормят, и напоят, и беседой одарят, и спать уложат. И в этот раз тоже — стол буквально ломился, а мы все говорили и вспоминали, и не могли наговориться. Правильная, оказывается, реклама: надо чаще встречаться.

В 17 часов 00 минут в актовом зале музея им. В. К. Арсеньева (Светланская, 20) состоялась встреча с относительно молодыми поэтами Владивостока. Вел встречу Колесов. Сначала, естественно, наша ударная сила — А. Г. Битов. Записать полностью речь Андрея Георгиевича без магнитофона крайне сложно. Мне удается зафиксировать лишь отдельные высказывания:

— Моя мечта — конституционная анархия… Я не политик, но дайте людям пожить… Истории у нас нет, а поэтому и менталитета нет… Третий день сплю в трех поясах и просыпаюсь в трех поясах… В Испании никто не знает, кто такой Сервантес, но знают, кто такой Колумб… Литература растворилась в цивилизации… Историческая катаклизма, неизвестно куда вставленная… Мы всё также талантливы — ничего с нашей генетикой не стало… Перескочить в истории ничего нельзя… Прорываются только отдельные люди: Петр, Ломоносов и другие… Мы не знаем своего размера: в чем-то мы Гулливеры среди великанов, в чем-то — гиганты… История — живое существо с маленькой головкой, как у динозавра… Ленинград — небольшой город под Москвой… От Москвы мы все устали… Провинция — это не оскорбление… Русский — это не получившийся еврей, немец и японец… В трех поколениях не опохмеляется… Привычка к малым усилиям… Дверь, которая запирает тебя в туалете… Как минимизировать свою лень? Встань с левой ноги и хоть как-нибудь застели свою постель…Способность подражать у русского человека, как у японца… Медленность и тупость введены в цивилизацию… Русские очень сообразительны: придумал, а делать лень… Измерять в

чужой бане тебе не принадлежащее… Пелевин, Сорокин и проч. — пижонская литература; воевать с ними ни к чему… Читатель — исполнитель партитуры текста… Я хитрый — живу на два города: семья в Питере, я — в Москве…

Представляете, сколько он им наговорил! Да плюс ему задали два мешка вопросов. Следует заметить, что знаменитостям задают вопросы чаще всего не для того, чтобы что-то узнать или выяснить их мнение, а для того чтобы самому засветиться. В большинстве случаев так.

Терпению Андрея Георгиевича можно было только позавидовать: он не взрывался, не кипятился и на все вопросы старался дать вразумительный ответ. Хотя вопросы бывали такие, что я вам доложу! Почти полтора часа молодые поэты Владивостока усердно терзали его своими «умными» вопросами. Нам всем это уже порядком надоело. Наконец Битов сказал, что он устал и пора послушать других.

Вторым по литературной части у нас числился Кобенков. Говорил он немного. Запомнилось два момента: уже пять лет он руководит писательской организацией Иркутской области и второй — учился в литературном институте в Москве вместе с Николаем Рубцовым.

Затем Анатолий Иванович немного почитал свои стихи. Я слушал его впервые, и мне понравились и стихи, и его манера читать без поэтического завывания.

У меня сложное отношение к поэзии. Давно пропала куда-то детская восторженность, когда я чуть ли ни через день подсчитывал количество стихов, хранящихся в моей памяти. Где-то далеко-далеко затерялось мое первое стихотворение, посвященное древнегреческим богам, с которым я, как ошалелый, несся к маме на работу, чтобы удивить и обрадовать ее. Ушел в прошлое юношеский азарт, когда я практически весь том стихов Шандора Петефи помнил наизусть. Старею я, и все потихоньку уходит, все-все уходит. Мне на днях будет семьдесят, и емкость, которая мне была дадена специально под поэзию, давно переполнена. Теперь даже собственные стихи не помещаются в ней.

Поэтому, несмотря на в общем-то благосклонное отношение к поэтам и к результатам их творчества, во мне сидит и саднит мою душу определенный скептицизм. Однако бывает, что и зацепит. Кобенков чуть ли не в первый день знакомства подарил мне пару своих книжек (а их у него одиннадцать). Прочитал. И что я, старый волк и прожженный скептик, мог сказать? Хорошие стихи пишет Кобенков. Не все, конечно. Ну, это еще Эмиль Кроткий заметил: хороших стихов мало у кого много. Но кое-что в сборнике «Осень: ласточка напела» меня зацепило. Например, вот это.

МОНОЛОГ

Там жили ласточки в гнездах рыжих,
а змеи жили в сырых дровах,
там в кладовой помещались лыжи,
кроли и бабушкина трава;
там кот ходил любоваться мышкой,
там уж вылакивал молоко,
и было грустно с хорошей книжкой
проститься враз, а с плохой — легко;
там почтальоны носили письма
навоз носили грузовики,
старухи — кеды и коромысла,
а бабы — шляпы и каблуки;

там говорили, что жизнь — «что дышло»,
а вместо «срам» говорили «страм»,
и в каждом доме был коврик вышит:
над речкой — храм, да и в речке — храм;
там пели мало, грустили множко,
бывали смерти, случалась пьянь;
там на окошках сидели кошки,
а им на радость цвела герань;
там жили девки — не то, чтоб крали,
но все в них было — там и тут, —
мы их хотели — с собою звали
(сначала откажут, потом придут)…
Там я в учительницу влюбился
И написал ей «Ай лав вас эм»…
Зачем я жил там? Я там — родился.
Зачем уехал? А ни за чем.

А еще щиплют такие строки:

Русаку и иудею,
как русак и иудей,
я взываю, как умею,
Влажной смертушкой моею
Свою грядочку залей …

В общем, по понятиям моего разума и моей души, есть у Анатолия Ивановича кое-что. Есть!

После Кобенкова предложили почитать свои стихи молодым поэтам Владивостока. Они жутко смущались присутствия мэтров и классиков русской, еврейской и мировой литературы. Я их понимал и сочувствовал даже. Вспомнил, как сам в четырнадцать лет впервые вышел на трибуну и что-то там вякал о комсомоле — у меня тогда от волнения дрожало все: голос, руки, ноги и все остальные части тела.

Немножко промямлив свои вирши, «молодые» поэты подарили каждому члену экспедиции по сборнику своих стихов под названием «Серая лошадь», изданного почему-то в Твери. И пригласили нас скромненько отметить эту встречу. Само собой, что — с водочкой. Но где?

Мы поднялись немного по Светланской — там, не доходя до гостиницы «Версаль» (а в мои студенческие годы это была гостиница «Челюскин»), в середине шестидесятых годов прошлого века (с ума сойти!) открылось кафе «Минутка». Для своего времени это было чудо дизайна, комфорта и изобилия. Здесь можно было среди бела дня, в рабочий день, выпить болгарского или румынского вина в разлив и прилично закусить на скромные доходы студента-заочника. Но пришла эпоха Чубайса, великого и ужасного, и разодрали «Минутку» на секунды — там теперь четыре или даже шесть независимых структур. Одна из них пищевая. Вот туда мы и направились.

Посетителей не было. Поэты расставили столы покоем, то бишь буквой «П», взяли несколько порций «ножек Буша-отца», два или три каких-то салата и несколько бутылок водки. Но немного. Все это было быстро выпито и съедено. Отличился, как обычно, гигант Рухин. Его эти микропорции никак не устраивали, и он за свои деньги взял двойную порцию ножек и с нескрываемым удовольствием упаковал их в своем большом теле.

За столом, как положено, велись окололитературные разговоры. Я в них не участвовал — меня преследовало ощущение пребывания не в своей тарелке. Народ, по-моему, делился на три группы: мэтры (Битов и Кобенков), поросль (молодые поэты) и те, кто себе на уме (Телешов, Рухин, Матола). Колесов явно тяготел в мэтры, но ему надо было организовывать процесс. Я же был сам по себе, ненужный в этой компании и чуждый ей. Возможно, это было предчувствие того, что мне будет еще хуже. Меня кушала тоска. И родились с тоски такие строки:

Прочитав стихов с полсотни,
Выпив по ведру на брата,
Экспедиция заглохнет,
И вернемся мы обратно.

В кафе мы пробыли в общей сложности часа полтора. Колесов постоянно подгонял всех — пора ехать, пора ехать. Дело в том, что на этот последний во Владивостоке вечер был запланирован прощальный ужин в семье нашего телеоператора Телешова. И действительно, когда нас туда доставили на японских джипах, там уже стояли откупоренные бутылки, а столы ломились от яств и фруктов. Столы, правда, оба маленькие, и потому фрукты помещались на тележке, — так мне запомнилось.

Глеб живет в центре города, в трехкомнатной квартире. Одна комната целиком отдана ему под монтажно-съемочно-воспроизводящую аппаратуру. Вторая, — очевидно, опочивальня. Третья же — большая гостиная, не заставлена мебелью.

В гостиной нас и принимали, хотя не возбранялось посещать и другие помещения, окромя опочивальни, разумеется. Однако любые передвижения по квартире были ограничены и связаны с вполне реальным риском, исходившим от огромной псины женского пола. Она, сука, зорко следила за каждым, совершавшим вояж на кухню или в туалет, и оттого в этот последний хотелось чаще обычного.

Глеб «совершил акт» поочередного фотографирования членов экспедиции в своей мастерской, где у него имеются различные экраны для подсветки. Для истории, очевидно. Затем состоялся просмотр фильма о восстановлении памятника О. Э. Мандельштаму во Владивостоке, который Глеб снял в прошлом году. Делал памятник, извините, ваял, скульптор Валерий Ненаживин. А инициатором и движителем этого дела был А. Г. Битов, что Глеб и запротоколировал со тщанием, сняв мэтра до установки, во время установки и после установки памятника, до рюмки водки и после оной.

1 СЕНТЯБРЯ (Воскресенье)

Перелет наличного состава из Владивостока в Южно-Сахалинск. Встреча в аэропорту Южно-Сахалинска. Это был мой наихудший, практически черный день, вернее вечер — дважды в довольно-таки обидной форме мне дали понять, ху есть кто и кто есть ху. Оба эпизода случились в аэропорту. Из Владивостока нас прилетело шесть человек. Встречали телевидение и представитель отдела культуры города Южно-Сахалинска, кажется Тамара Александровна Федосеева. Брали интервью. У всех, подчеркну, у всех, кроме меня. Было обидно, ведь мною, в отличие от прочих, написано о Сахалине пять книг и опубликовано порядка 200 статей, в том числе и за рубежом.

Среди встречающих нас был некто Чигрин, как мне показалось, личность неприятная, по-видимому, он сноб по второму определению этого слова (см. Словарь

иностранных слов). Но, по мнению Кобенкова и Битова, он пишет талантливые стихи. Может быть, поэтому его одолевает снобизм, опять же по второму определению?

Рассевшись по машинам, встречающие и прилетевшие стали обмениваться визитками. Я протянул Чигрину свою визитку. Не протягивая руки и брезгливо скривив рот, он спросил: «Что это?» Невольно вспомнился Маяковский: «Берет, как бомбу, берет, как ежа, берет, как бритву обоюдоострую, берет, как гремучую в двадцать жал змею двухметроворостую». Но там у Маяковского был полицейский, и паспорт иностранца он обязан был взять в руки по долгу службы. А Чигрин мою визитку и брать не хотел. То есть мне сразу же дали понять, насколько я стою ниже других членов экспедиции.

От сознания собственной ненужности на душе стало чертовски неуютно. И это чувство преследовало меня затем постоянно. Оно лишь несколько смягчилось, когда начальник экспедиции Колесов, заметив у меня в руках блокнот и ручку и решив, что я умею писать, поручил мне составить дневник экспедиции, что я старательно, как провинившийся школяр, и выполнил.

Нашу элиту (Битов и Матола) поселили в приличной гостинице — это понятно. Кобенков, Рухин и Ремизовский — в какой-то обычной. Но Кобенкову и Рухину достались люксовые номера с горячей и холодной водой, а Ремизовскому — полулюкс без всякой воды вообще. Чтобы смыть туалет, мне приходилось ночью, когда холодная вода текла тонкой струйкой, собирать ее в пластиковые бутылки. Уверен, что это — не есть хорошо.

Элитно-элитарный ночной бар, куда на ужин нас повел Колесов, назывался «Корона». Это здание бывшей столовой на улице, что ведет к базару, не доходя до городских бань. В конце семидесятых и в начале восьмидесятых здесь можно было не только прилично поесть, но и взять в разлив и вина, и водки. Запомнился случай, которому я был свидетелем: мужик, сильно поддавши, вышел на крыльцо (там ступенек шесть или семь) и стоял, покачиваясь, пока не упал на асфальт, как кукла, не сгибаясь, ударившись всем телом, в том числе и головой. Кровь, крики, «скорая».

За ужином к прилетевшим добавились еще трое: член экспедиции этнолог М. М. Прокофьев, проживающий в Южно-Сахалинске, художник Сергей Слепов и Е. М. Чигрин. Он-то, Господи, кто бы мог подумать, — один из организаторов экспедиции. Так вот откуда ноги растут!

Слепов показался мне тихим, удрученным и озабоченным, но, очевидно, глубоко порядочным человеком. Сидели часов до двух. Водка меня не брала, настроение — спасибо организаторам — как было, так и осталось препоганым. Кроме беседы со Слеповым, был и еще один светлый момент в тот вечер: парень из оркестра сыграл на флейте нечто вроде «Одинокого пастуха». Меня такие вещи просто голыми руками берут за душу. Чудо!

2 СЕНТЯБРЯ (Понедельник)

С утра шел сильный дождь. Это нас достал-таки циклон.

Подогнали автобус типа «ПАЗика», и мы поехали в Сахалинский областной краеведческий музей, что издавна расположен на Коммунистическом проспекте № 29 в здании, построенном еще японцами и напоминающем пагоду. Встречал нас М. М. Прокофьев. Он тут же передал нас в руки экскурсовода, и она повела группу по залам. Штришок: серьезный, весь внимание, Битов впервые что-то записывал в свой блокнот.

А я отделился от группы, спустился с Прокофьевым в полуподвал и попытался связаться с директором музея В. М. Латышевым, который находился в отпуске и сидел дома.

Справка. *Владислав Михайлович Латышев (1939). В 1971 —1974 годах — заместитель директора Сахалинского областного краеведческого музея по научной работе, в 1974 —2003 — директор этого музея. С 1995 — директор Института Бронислава Пилсудского. Автор нескольких монографий и большого числа статей. Заслуженный работник культуры Российской Федерации.*

Примечание. *В моей коллекции сахалинских ученых-чудаков он занимает почетное четвертое место. Четвертое — не по значимости, а по хронологии моего знакомства с ними, с чудаками. Кто такой ученый-чудак в моем понимании? Это серьезный крупный ученый, который принципиально не хочет писать и защищать диссертацию, потому что ему жаль тратить на это свое время и свои нервы. Мой список ученых-чудаков Сахалина выглядит так: три известных геолога — Светозар Демидович Гальцев-Безюк, Геральд Сергеевич Мишаков, Вадим Шлемович Брутман и историк Владислав Михайлович Латышев. Я глубоко уважал и уважаю этих людей за честное и бескорыстное отношение к науке. Уверен, что это далеко не все сахалинские ученые-чудаки. Просто я других мало знаю.*

Удачно выразился на эту тему Игорь Губерман:

Таланту ни к чему чины и пост,
его интересуют соль и суть,
а те, кто не хватает с неба звезд,
стараются навешать их на грудь.

Однако, несмотря на ливневый дождь, Владислава Михайловича дома не оказалось. Это просто какое-то наваждение! Уже несколько лет мы никак не можем встретиться. Последний раз мы виделись, по-моему, в 1995 году, когда в Южно-Сахалинске проходила изумительно и богато организованная конференция, посвященная столетию выхода в свет книги А. П. Чехова «Остров Сахалин».

Мою микробиблиотеку теперь украшает факсимильное издание книги Чехова, «организованное» сахалинцами к началу той конференции.

После неудачной попытки встретиться с Латышевым я позвонил в архив А. И. Костанову. Слава Богу, он оказался на месте. Договорились, что я подойду минут через двадцать.

И пошел я под дождем со своим дырявым зонтиком. Хорошо хоть такой был. Ничего — лето ведь, а я еще и закаленный.

Общение с Александром Ивановичем было, как всегда, обоюдополезным, в смысле обмена информацией. Он рассказал, что практически закончил двухтомник по истории архивов Дальнего Востока. Разрабатывая эту тему, попутно сделал целый ряд открытий. Собственно, это его докторская диссертация. Затем мы обменялись книгами: я ему подарил обе части «Нефти Сахалина в судьбах», а он мне — целую кипу книг, выпущенных архивом за последнее время.

Как всегда, не без удовольствия вспомнили нашу первую совместную «пьянку». Почему в кавычках? Сейчас поймете. Был 1990 год, разгар перестройки и борьбы с пьянством. Все помнят, что, как только мы (вернее бы сказать — Лигачев с Горбачевым) начали бороться с пьянством (злоупотреблением алкоголем), мгновенно в магазинах исчезли всякие соки (томатный, яблочный, виноградный и другие) и томатная паста всех видов. Про пиво я и не говорю. Исчезла напрочь какая-либо

закусь: белая фасоль в томате, цветная фасоль в томате, килька в томате, котлеты из частиковых рыб и многое тому подобное, дешевое и подходящее. Я уж не говорю о чудесах болгарских изготовителей типа «Славянской закуски» или «Перца фаршированного». Так вот, в 1990 году приезжает в командировку в Оху Александр Иванович и вполне преднамеренно встречается там с известным сахалинским краеведом В. И. Ремизовским. Ну, как говорится, слово за слово, и решили мы посидеть. В ресторан идти бесполезно — там борются с пьянством.

Ну, тогда, говорю, пошли ко мне: ничего путного, естественно, нет, но почудить можно.

— Что-то раздобыл?

— Да где ж его раздобудешь? Просто случай. Подруга у меня живет в Хабаровске. Неделю назад я летал к ней, и она мне подарила ведро малины. Ты можешь враз съесть ведро малины? Нет? И я — нет. А малина киснет. Что делать? Пожертвовал я выданный мне по талону на месяц килограмм сахара и высыпал его в малину. Прекрасная малина, подарок моей будущей жены, восхитительно забродила. Вот ее-то я и предложил квакнуть.

— Согласен, — говорит Костанов. — А закусь?

— Ну, ты же видишь, в каком месте и в какое время мы живем? Да, хлеб есть. Да, есть три огурца. Нет, свежие. Да, соль еще есть.

— Тогда пойдем хоть масла купим.

— Ха-ха-ха! Купим масла в Охе — да оно же по талонам! И приезжим не продается.

— Попробуем, — сказал советский полугрек.

Заходим в магазин, и я наблюдаю абсолютно нереальную сцену покупки без талона (!) куска сливочного масла. Жаль, не было видеокамеры, ибо это был восхитительный учебный материал. Пятьдесят процентов греческой крови, которые текут в жилах моего друга, легко преодолели сопротивление советской талонной системы. С куском масла аж в двести граммов, довольные и практически счастливые, мы пошли на сближение с бутылью забродившей малины.

И оно-таки состоялось. В моей памяти этот вечер остался как один из самых приятных, ибо, как сказано, не хлебом единым (добавлю, и не алкоголем тоже) жив человек. Выпивая и закусывая, мы много и, во всяком случае, для меня плодотворно говорили о краеведении и об истории Сахалина в целом, но главным образом — о Северном Сахалине, о его людях, о репрессиях тридцатых годов, о прошлом и будущем нефтепромыслов. В то время я стоял еще в самом начале пути создания серии «История нефтяного Сахалина», и мне эта беседа с профессиональным историком дала очень много.

Александр Иванович пригласил меня вечером к себе. Ну, я и согласился с радостью. Однако в дальнейшем оказалось, что я прочно завязан на нашу компанию и отрываться не имею права. Так что встреча не состоялась. Жалею очень, но обстоятельства были сильнее меня. А перед Александром Ивановичем пришлось трижды извиняться. Но жизнь не кончается и, надеюсь, мы еще с ним посидим «по-хорошему» и, возможно, не раз.

Костанов созвонился с Музеем и предупредил, что Ремизовский у него и за ним надо заехать, потому что идет дождь. Вскоре подошел автобус, и мы поехали в музей одной книги им. А. П. Чехова. Я вдруг вспомнил, что был на открытии этого музея в 1995 году. Мы тогда всюду ходили вместе с Б. П. Полевым. Он хорошо ко мне относился и все уговаривал срочно писать докторскую диссертацию, пока он жив, обещал всяческую поддержку. Но я так и не собрался.

Не могу вспомнить, кто тогда, на открытии, был директором музея книги А. П. Чехова. Теперь же это Н. Д. Корсунская. Она совсем недавно ушла из архива и заняла этот пост. Она и экскурсию для нас провела. Меня она вспомнила, что было приятно. Но все же главное внимание, как и следовало ожидать, было оказано Битову и Матоле.

Обедали в ресторане «Мастер и Маргарита» — это через дорогу от почтамта. А я вспомнил, что раньше, еще при советской власти, это была обычная столовая, и запомнилась она мне только потому, что здесь я единственный раз в жизни ел украинский борщ, сваренный не с мясом, а со свежей рыбой, кажется с кетой. Помесь борща с ухой.

После обеда у нас свободное время, а в четыре часа у Кобенкова — встреча с читателями в конференц-зале областной библиотеки под названием «творческий вечер». Очень странное название и, как показал конкретно этот вечер, никакого творчества ни у Кобенкова, ни у кого-либо из присутствующих в тот вечер не было. А было знакомство с творчеством поэта А. И. Кобенкова.

Оказалось, что Анатолий Иванович, в отличие от меня, был прекрасно осведомлен о характере нашей экспедиции. Он не тащил с собой глупый рюкзак с полевым барахлом, как Ремизовский, а взял приличный чемодан с приличным костюмом, хорошими рубашками и модными галстуками. Я-то, не ведая, что произошла полная «чигринизация» экспедиционных планов, собирался именно в поле и, как положено, по-полевому.

Нарядившись, Анатолий Иванович выглядел очень импозантно. Его еврейская оброслость с проседью и (опять же по-еврейски) чуть навыкате умные глаза создавали облик доброго мудреца, еще не старого, но уже очень мудрого. Думаю, что женщины, особенно окололитературные экзальтированные дамы, западают на него, как Курникова на Иглесиаса.

Народу пришло довольно много — зал был почти полон. Вечер вел опять же Чигрин, что настораживало. Тем не менее, выяснилось, что Анатолий Иванович умеет и, видимо, любит выступать перед народом. Просто и без свойственных поэтам выкрутас рассказал он о себе, потом читал свои стихи. Читая, он, словно ударник в оркестре, четко отбивает ритм, поэтому даже в белых стихах чудится наличие рифмы. Все, конечно, не перескажешь, да оно и не к чему. Приведу одно понравившееся мне стихотворение — «Полотна Шагала» из книги «Круг» (тоже подарок автора):

1

Полотно Шагала — это я
у своей прабабки на побывке;
это праздник, это у тряпья –
ласточки, у обуви — набивки;

на цветах пикейных покрывал…
это осень; это дождь на крыше…
Это все, что Марикел Шагал
допоет, допишет и додышит…

это кашель пьяных половиц,
это среди плесени и гнили
тихий мальчик Изя Горовиц
скрипку взял… и слезы тети Цыли.

Лоскуты надежд, обрывки сна,
а еще — с кошерною едою –
улочка, которая ясна,
как стакан с небесною водою…

2

Полотно Шагала — это ты
за руку взяла меня, и значит,
жизнь моя чего-нибудь да значит,
ибо рядом — ты и облака.

У тебя хорошая рука —
легкая, как слово, а мозоли —
как плоды паслена или соли,
крупные кристаллы — холодят…

3

Полотно Шагала — это мы,
грустные, как люди на вокзале,
глупые, как страусы, смешные,
как Шолом-Алейхем…
Это мы.
Так мы пели — головы закинув,
кадыки надувши, вскинув руки,
закатив глаза, как перед смертью
или чудом.
Пели, как могли…

Обожаю слово, как таковое! Мне нравятся игры со словами. А у Кобенкова есть такие находки, которые просто цепляют. В приведенном выше стихотворении (дано в сокращении) это «забор знобит», а чуть дальше, в книге «Круг», есть, например, такое: «и волчья полость стиха задохнется на падежах». Не знаю, как кому, а мне такие вещи по душе.

Слушали Анатолия Ивановича хорошо. Было довольно много вопросов личного плана, и по вопросам творчества. Отвечал он спокойно, легко, без экивоков и ерничанья, я бы сказал — мудро.

Еще до начала вечера-встречи я зашел в отдел краеведения библиотеки. Там меня знают и уважают. Думаю, если бы организовали вечер-встречу с известным сахалинским краеведом В. И. Ремизовским, народу было бы не меньше, чем на творческой встрече с поэтом Кобенковым,

После вечера мы заехали в гостиницу за Томассо и Битовым, которые в очередной раз были на телевидении, и всем составом, кроме Прокофьева, поехали к Чигриным на званый ужин-прием. Зато снова с нами был художник Сергей Слепов. Я, к сожалению, совсем не знаю его творчества, а вот как человек он мне очень симпатичен.

Перед тем, как сесть за стол, начальник экспедиции вызвал в отдельную комнату Т. Матолу и Л. Рухина для проведения с ними воспитательной беседы — чисто в комсомольско-партийном стиле лучших времен советской эпохи. Дело в том, что иностранцы начали открыто выражать недовольство организацией экспедиции,

вернее — отсутствием самой экспедиции и засильем представительских встреч. Понять их было можно: 29 августа Томассо прилетел из Италии (!), чтобы снимать кино; прошло пять дней его участия в экспедиции, а он еще и метра не снял. Возмущался засильем представительских встреч и Рухин.

Я не присутствовал при этой политбеседе, а и присутствовал бы, то все равно ничего не понял бы, так как беседа, ясное дело, велась на английском языке. Но, судя по результату, нашему начальнику удалось-таки «воспитать» иностранцев. За ужином они были, как обычно, приветливы и веселы. Умеет Колесов уговаривать!

Мне тоже хотелось выразить недовольство неоправданной с моей точки зрения потерей времени, которого и так нам было отпущено до обидного мало. Я даже как-то сказал в присутствии Битова, что, используя свой опыт и свои знания Сахалина, уже сейчас беру карту острова и начинаю писать путевые очерки неосуществленных поездок. В ответ Битов фактически похвалил меня: «У вас получится, судя по тому, как вы описали поездку в Портленд». Ух, как по нервам защекотало! Ведь не кто-либо, а классик похвалил.

За ужином нашу сугубо мужскую экспедиционную компанию «разбавили» две приятные дамы — жена Чигрина Ольга и пассия начальника экспедиции Елена. Ольга — женщина скромная, тихая, а учитывая взрывной характер ее супруга, не без основания можно думать, что и запуганная.

Елена совсем другого склада: раскованная, деловая, уверенная в себе современная дама. Глядя на нее, я непроизвольно вспомнил стихи Шандора Петефи. О своей будущей жене поэт писал так: «Если женщина — пусть будет черной, маленькой, как ты». Колесов относится к Елене очень внимательно, предупредительно и нежно. Всегда приятно видеть такое.

Стол буквально ломился от яств. Во главе стола, притягивая наши взгляды, возлежал молоденький поросеночек, курносенький такой и розовенький. А вокруг блюда с поросеночком стояли десятки тарелок со знаменитым сахалинским гребешком, кальмарами двух или трех вариаций, фаршированной рыбой, красной рыбой ломтями и множеством всевозможных салатов. Не менее впечатляющ был и строй пузатых бутылок с разнообразными алкогольными напитками.

Но мы не оправдали надежд хозяйки: у нас который день жизнь перенасыщена едой и пойлом. Мы, несмотря на наличие водки и не одной мужской глотки, не смогли осилить и половины того, что было с таким тщанием приготовлено и выставлено.

Так как пили мы в этот раз мало, а я, видимо, даже очень мало, то и занялся наблюдениями и фиксацией. Может быть, мне следует попробовать как-то с пониманием отнестись к Чигрину и к той вселенской суете, которую он затеял вокруг нашей экспедиции? Да, он очень заносчив; да, у него гипертрофированное самомнение. Но, по-видимому, он неплохо образован в гуманитарной области, что и демонстрирует постоянно, причем с явным поддёвом собеседника. Я с таким человеком не ужился бы ни в семье, ни на работе. Но другие же как-то уживаются! Кобенков вот даже любит его. Впрочем, добряк Кобенков любит, по-моему, всех.

3 СЕНТЯБРЯ (Вторник)

Еще один пропащий для экспедиции день, так как он тоже — представительский. Сегодня мы должны посетить город Холмск, встретиться с руководством этого города, лично с мэром города, с общественностью города, еще с кем-то в этом городе и, естественно, посидеть в тамошнем ресторане.

Справка. *В 1870 году в районе айнского села Маука российская команда под руководством поручика В. Т. Фирсова построила военный пост с целью обеспечить безопасность пролива Невельского с юга. После захвата Южного Сахалина в результате Русско-японской войны айнское селение Маука было переименовано на японский лад в Маока. В 1946 году город Маока переименовали в город Холмск. Сегодня это второй по численности населения и по экономической значимости город Сахалинской области.*

Выехать нам следовало хотя бы часов в десять. Но что-то у Чигрина не заладилось с транспортом, и микроавтобус он смог подогнать только в полдвенадцатого. С шофером Юрой нас девять человек: Битов, Кобенков, Колесов, Матола, Ремизовский, Рухин, Чигрин и Ольга Чигрина. Добрая Ольга озаботилась: позавтракали мы али голодны? «Оленька, — ответили мы хором, — мы чудесно позавтракали, но как ни старались, так и не смогли съесть все то, что не съели вчера за ужином. Всегда бы так!»

Поехали в Холмск южной дорогой через село Троицкое. Шоссе великолепное. А я вспомнил, что в семидесятые годы мы ездили по северной дороге через Владимировку. Кажется, на пятнадцатом километре той трассы был мост через реку Владимировку. Именно от этой точки вниз по ее течению я начинал пикетаж и отбор образцов горных пород. Время было летнее, год был малодождливый, воды в реке — чуть выше щиколотки. Мы шли обутые, как обычно в болотные резиновые сапоги, и отбирали пробы практически прямо в русле или в околорусловых обнажениях.

Но речь все-таки о мосте через реку Владимировку. Главная ценность этого моста как ориентира на местности состояла в том, что в десяти метрах выше по течению вода вымыла огромную, глубиной не менее трех метров, яму. Такой вот естественный бассейн, в котором мы, сняв сапоги и обнажившись, так как были совершенно одни, в полном смысле слова балдели в чистейшей холодной воде прекрасной горной речки Владимировки. Каждый день, закончив маршрут, мы возвращались к нулевому пикету, к «нашей» яме, и совершали божественный акт омовения. Когда ты насквозь пропитан собственным потом и покрыт дорожной пылью (а река и дорога в этом месте «текли», не отдаляясь друг от друга), то омовение в кристально чистой холодной воде представляется великим благом.

В последующие годы вдоль по долине реки Владимировки стали выделять земли под дачи. Теперь места эти не узнать. Сахалинские дачники постарались не ударить лицом в грязь перед жителями латиноамериканских кварталов и так загадили бедную Владимировку, что теперь не то, что пить или умываться, боязно просто окунуть руку в некогда кристально чистую воду горной речки. Русло, где мы когда-то отбирали пробы горных пород, нынче завалено консервными банками, автопокрышками, ржавеющими деталями машин и прочим дачным мусором.

Примечание. *Невольно вспомнился забавный случай, о котором я узнал, читая одну очень серьезную книгу по геологии. Где-то в Чехословакии некто описал голоценовую толщу, возраст которой определил в 10 тысяч лет. Однако другой некто, более дотошный, откопал в этой толще ржавый велосипед и, заново датируя эти отложения, шутя заговорил о «стратиграфии велосипедов».*

Поселок Троицкое мне тоже памятен. На юге, сразу за поселком, стоит мост через реку Среднюю. В сухое время года это небольшая хилая речушка. Но размах ее долины говорит о том, что в дождь она мгновенно «вспухает» и тогда — берегись. Завершая один из полевых сезонов, я поставил лагерь практически под этим

мостом. Здесь я решил оформить контейнер, загрузить в него все наши вещи и отправить морем в Магадан. Ведь это же в несколько раз дешевле, чем переправлять тяжеленные ящики с образцами горных пород самолетом. Да и легче.

Однако главная цель была в другом. Южный Сахалин по сравнению с Магаданом представлялся мне земным раем, где растет все на свете, очень крупных размеров, в большом количестве, и потому — жутко дешево. И я решил привезти в Магадан овощи для своей семьи, причем их доставку взвалить на мой родной институт. Косвенно, конечно, ибо на самом деле институт никаких финансовых потерь не имел от моей «аферы». Ведь контейнеры не взвешивают: трехтонный — он и есть трехтонный. Кроме полевого снаряжения и ящиков с образцами, я загрузил в него еще ящики с морковью и картофелем. А река мне в этом вопросе была очень даже нужна, так как я решил все сделать по правилам. Морковь я укладывал в ящики и пересыпал сухим речным песком. Так же поступил и с картошкой.

Но, как говорится, Бог шельму метит. Мой контейнер, вместо того чтобы отправить через Татарский пролив в порт Ванино, а оттуда — в Магадан, запихнули в порт Корсаков, где он «благополучно» простоял четыре месяца, а затем уже среди зимы (с помощью ледокола!) был доставлен в Магадан.

Само собой, что все мои заготовки насквозь промерзли, а когда оттаяли, то потекли. Я хотел спасти хотя бы морковь. Крупные кристаллы забродившего морковного сока пронизывали насквозь каждый корнеплод. Я пытался их выколупывать. Но после оттаивания это была уже не морковь, а тряпка. Пришлось все выбросить. Как говорится, факир был пьян и фокус не удался.

> ***Примечание.*** *Если бы это событие произошло после мая 1985 года, когда благодаря усилиям Егора Лигачева в стране был принят сухой закон, то вся моя перемерзшая морковь, а тем более перемерзший картофель послужили бы основой для добрых трех ведер хорошей бражки. Но кто же тогда мог знать, что государственные мужи, государственно подумав, вырубят несколько миллионов гектаров (!) виноградников. Глупость человеческая многолика и многообразна, особенно — среди государственных мужей.*

На следующий год я решил обыграть хитрых портовиков Сахалина. Точно так же, как и в прошлом году, я загрузил контейнер вещами, образцами и овощами. Но отправил его не в Магадан, а в порт Ванино (sic!) на вымышленный адрес. А сам тем же паромом поехал вслед за своим контейнером. В ванинском порту я пошел к начальству порта и повинился, что «ошибочно» неверно указал адрес назначения, и переоформил контейнер на свой магаданский. Не обошлось, конечно, без потерь и на этот раз, но убыток оказался минимально возможным: у меня при вскрытии контейнера в Ванино ловкие ребята сбондили две трехлитровые банки сгущенного молока.

По дороге в Холмск мы всего один раз остановились. Вышли из машины, и вдруг «повело» Андрея Георгиевича. Колесов и Кобенков подхватили его, и все обошлось. Но все поняли, что за классиком нужен глаз да глаз.

Мы гнали и гнали без остановок, ибо выбивались из графика (нас ведь ждут!). Даже знаменитый холмский серпантин проскочили, не останавливаясь. Не заехали и на Холмский перевал, чтобы снять на фото и видео памятник воинам, погибшим здесь во время Великой Отечественной войны. И тоже — жаль.

Легко преодолев девяностокилометровый бросок по прекрасному шоссе, в полвторого мы благополучно прибыли в город Холмск. Великий наш империолог А. Г. Битов с серьезным видом заметил, что это единственный в России город, названный в честь Шерлока Холмса.

Подкатили к администрации города и перезнакомились с нею: председатель горисполкома Александр Петрович Густо и его всевозможные замы — Андрей Николаевич Бородин, Вячеслав Александрович Ким, Валентина Алексеевна Педан и другие.

Далее нас втиснули в жесткую схему проведения мероприятия под названием «Встреча с Битовым»: шаг влево, шаг вправо считались нарушением экспедиционной дисциплины, норм поведения, общественной морали и вообще побегом.

Сначала нам следовало в ускоренном режиме посетить Музей морской фауны. Отдельные экспонаты впечатляли. Особенно морской окунь в полтонны весом. Были там и другие весьма любопытные вещи, а засидевшиеся из-за отсутствия туристов экскурсоводы жаждали нам все-все показать и очень толково все-все объяснить. Но у нас строго расписанный план. Давай-давай, скорей-скорей, поехали-поехали! Плану и его составителю не до деталей. Главное — количество объектов, которые посетил живой классик, ведь именно это важно для отчета!

Эту банальную истину я усвоил давно, еще со времен работы в системе Академии наук. Когда я вернулся из своего первого самостоятельного поля, проверявший мои полевые материалы старший научный сотрудник института Борис Клубов, жалеючи меня, неумёху, сказал: главное — не хорошо поработать, главное — хорошо отчитаться.

Следующий объект нашего посещения — рыбоконсервный завод в поселке Яблочном. До него всего двенадцать километров, но дорога ужасная. Думаю, что ее не ремонтировали с приснопамятных советских времен.

По решению учредителей генеральным директором рыбоконсервного завода с двенадцатого февраля этого года был назначен Н. А. Гвозда. Ему тридцать восемь лет, и это типичный представитель современного делового человека: энергия, хватка, напор. Николай Андреевич родом с Закарпатья, из Ужгорода. И этот факт послужил поводом, чтобы мы с ним разговорились, ведь Ужгород — один из городов моего детства.

Он, как мне показалось, довольно откровенно рассказывал о себе, и это располагало к нему. Говорил, что был в школе «трудным», был второгодником, но зато очень самостоятельным. Рано начал зарабатывать деньги: «У нас на западе говорят: почему ты бедный? — потому что дурак; а почему ты дурак? — потому что бедный». В тринадцатилетнем возрасте он отправился в Прибалтику на заработки и заработал за лето аж три тысячи рублей. И это в то время, когда ставка инженера была сто десять рублей в месяц!

На Сахалин, в город Оху, Николай Андреевич приехал в 1985 году и уже через полгода смог купить себе легковую машину. Для того чтобы в советское время купить машину (а это было время всеобщего дефицита), недостаточно было иметь соответствующую сумму, надо было еще лет десять-двенадцать простоять в очереди. Но Николай Андреевич купил без задержки, очевидно, с рук и, очевидно, с переплатой. Но ведь смог! Всего за полгода смог. Сахалин привязал его своими перспективами: «Сахалин, как Израиль, можно въехать, но трудно выехать». Не знаю — в Израиле не был. Но что Сахалин притягивает — это точно, на себе испытал и продолжаю испытывать.

Его энергичность, хватку и знание дела мы почувствовали сразу же, как только он начал «экскурсию» по рыбоконсервному заводу. Прежний директор, некто Лукьянчиков, явно вел дело к полному развалу, потому что для него главным было «урвать». Николай Андреевич принадлежит, я бы сказал, к классу более умных деловых людей. Он считает, и это очевидно так, что долговременное собственное благополучие проистекает из долговременного благополучия того дела, которому служишь.

— Когда меня поставили директором, я сразу же заявил, что разграбить завод не дам. Это предприятие может и будет прибыльным. Все, что живет в море, должно быть в баночках. Мы выпускаем до сорока трех наименований различной продукции. Но, для того чтобы завод работал на полную мощность, мне необходимо не менее ста тонн сырца ежедневно. К сожалению, такого регулярного поступления нет, поэтому завод работает неритмично. Фактически наших мощностей хватило бы, чтобы всю страну завалить рыбоконсервной продукцией. Но страна наша со странностями: проще завозить эрзац-продукты из-за границы, чем делать и употреблять качественные свои. Поэтому я начал размещать рекламу нашей продукции за рубежом — в Канаде, в Швеции и в других странах.

— В путину у меня работает до шести сотен человек. В среднем же получается, что завод предоставляет триста пятьдесят — четыреста рабочих мест. В основном это жители поселка Яблочный. Однако надо сказать, что за последние десять лет народ полностью разучился работать, разленился. Особенно подводит пьянка — утром его штормит, вечером колышет. Какой из него работник? Приходится избавляться, тем более, что недостатка в рабочей силе нет, к нам стремятся попасть. Средний заработок на заводе от четырех до восьми тысяч, в то время как в бюджетной сфере — полторы.

— Нехватка сырца и нерегулярное его поступление вынуждают меня идти дальше. Во-первых, нам надо построить собственный причальный порт, чтобы уйти от двойной перегрузки рыбы. Затем я хочу приобрести несколько лодок типа японских кавасаки и начать планомерную добычу морской капусты. Полагаю, что это очень перспективное направление. Есть и другие задумки, о которых пока говорить рано.

Экскурсия по заводу убедила нас в том, что мощности здесь действительно есть, а вот сырца — нет. Только в одном цеху мы увидели работающих — пять женщин и трое мужчин наклеивали этикетки на уже закатанные банки и укладывали их в картонные коробки. «Наклеивали», очевидно, не то слово, ибо наклейку, а точнее оборачивание банки этикеткой, осуществляет машина, причем с огромной скоростью, только успевай поворачиваться. Поэтому ритм такой: сорок пять минут работы, пятнадцать — отдых. Иначе, по-видимому, и нельзя.

Походив по заводу, познакомившись с людьми и с одинокой, тупой и ушастой ослицей по имени Майя, непонятно откуда и для чего появившейся на заводе, мы пошли мыть руки, ибо нас уже ожидали накрытые столы. Обед, как и следовало ожидать, был обильным, вкусным и в меру сдобренным водкой.

Когда Гвозда поднялся из-за стола, чтобы покурить, я тоже вышел. Мои воспоминания о жизни в Закарпатье в послевоенное время расположили его ко мне, и он рассказал много интересного. В частности, о том, что его дядька участвовал в войне между Северной и Южной Кореей, что был он там чуть ли ни свидетелем того, как американцы сбили нашего прославленного Кожедуба (этот факт нигде не упоминается, может — и не факт); рассказал и о том, как его дядька переходил через границу из Закарпатья в Словакию и обратно (в советское время!).

> ***Справка.*** *И. Н. Кожедуб (1920–1991) — во время Великой Отечественной войны служил в истребительной авиации, участвовал в 120 воздушных боях, лично сбил 62 немецких самолета, трижды Герой Советского Союза, после войны окончил Военно-воздушную академию им. Н. Е. Жуковского, маршал авиации (1985).*

Распрощавшись с энергичным Николаем Андреевичем Гвозда, мы отправились в морской порт. По плану у нас должна была состояться морская прогулка по акватории Холмского морского порта. Погода нам благоприятствовала: по

статистике, в этих местах — 185 дней в году пасмурных, но нам достался — с переменной облачностью. Однако ветер нагнал волну до двух метров, и катать классика и других знаменитостей по акватории порта начальство не решилось. Так что не удалось нам сфотографироваться на фоне лежбища сивучей, которые облюбовали бетонный мол, ограждающий акваторию порта. Сивучам, конечно, плевать, а нам — обидно.

Затем нас встретил заместитель начальника порта Михаил Валентинович Минько. Популярно и коротко он ознакомил нас с работой этого единственного на Сахалине незамерзающего порта, рассказал о паромной переправе Ванино — Холмск, о перевалке грузов для буровиков, работающих на шельфе, сфотографировался с нами и распрощался.

С эстакады, по которой нас водил заместитель начальника порта, если смотреть строго на север, хорошо видна вершина горы Бернизет (высота над уровнем моря 571 метр). Из расположенных в Холмском районе — это всего лишь четвертая вершина Южно-Камышового хребта, но она видна непосредственно из города и смотрится великолепно.

> ***Примечание.*** *Не лишне отметить, что самая высокая вершина, которую я лично покорил, — это гора Атоа в Ногликском районе. Ее высота всего 302 метра, но это — моя вершина! Во время полевого сезона 1974 года мы сплавлялись по реке Даги. Вообще-то это был анекдот. Моя основная задача состояла в том, чтобы отбирать образцы из скважин структурного бурения на площади Аскасай. Но у меня по смете были деньги на вертолет. Кто же мог знать, что я доберусь до места на попутных машинах? А если бы я не потратил эти деньги, то на следующий год мне бы урезали смету — таковы тогда были правила игры в «полевые работы».*
>
> *Я и заказал вертолет, чтобы еще раз сплавиться по реке Даги вниз от лагеря Кремнева. Это был изумительный сплав: нас было пятеро. Четверо лишь тем и занимались, что ловили рыбу. И только я играл роль «умной Маши»: вел дневник, «наблюдал» за горными породами (это я-то, не имевший геологического образования!) и вообще был весь от науки. Но рыбу ел наравне со всеми.*

Далее наш путь лежал во Дворец культуры, где предстояла встреча с общественностью города Холмска. Но сначала мы оказались в библиотеке. Здесь нас угостили кофе и чаем. А затем «заставили» А. Г. Битова подписать все имеющиеся в библиотеке его книги — целая стопа. Но Андрей Георгиевич не стал отказываться. Он вообще очень спокойно, терпеливо и покладисто относится к своей славе и к тяготам, с нею связанным.

Нашлась в библиотеке и какая-то книжонка Ремизовского. Я, само собой, возгордился и распустил перья. Надо же! С самим Битовым участвую в акции автографирования собственных книг.

Затем состоялась встреча с общественностью города. Вел ее неутомимый Чигрин. График неизменный и потому скучный. Для нас. Сначала — А. И. Кобенков, потом — все остальные строго по полторы-две минуты. Мне захотелось тоже прослыть поэтом, и краткий рассказ о красотах Сахалина, которые я надеялся увидеть в этой экспедиции, я закончил четверостишием:

Хочу ногами топать по земле.
Долой бензин, колеса, газы —
От них болезни тела и души,
И СПИД, и прочие заразы.

Однако было очевидно, что меня недооценили. Последним выступал Андрей Георгиевич — наша ударная сила. Уверенно, словно космический грузовой корабль «Прогресс», он вышел на «островное сознание», на понятие малой родины и тому подобное. Ему, как всегда и везде, задали два мешка вопросов, но он с честью вышел и из этого испытания. В ответе на один из них Битов сказал:

— Писатель должен жить долго. Когда мне исполнилось тридцать лет, меня поздравили только жена и дети. Когда мне исполнилось шестьдесят лет, меня поздравила вся страна. Когда же мне стукнет семьдесят, я буду ожидать поздравления со всего мира.

> ***Примечание.*** *Вообще-то мысль о том, что, для того чтобы получить от жизни сполна, надо жить долго, принадлежит не А. Г. Битову. Я помню, что ее высказал актер и режиссер Е. С. Матвеев, когда ему на старости лет дали Героя Соцтруда. И не исключено, что эта мысль восходит к еще более ранним авторам.*

После выступления Битова мы отправились на ужин. В небольшом спецзале ресторана мы уютно разместились и занялись нашим профессиональным делом — произнесением тостов, питьем водки и поеданием закуски. Первый тост, естественно, за остров Сахалин, благодаря наличию которого «как здорово, что все мы здесь сегодня собрались» за этим небедным столом.

Вскоре к нам присоединился мэр города Холмска Александр Петрович Густо. Он пришел не один — с ним была молодая женщина поразительной красоты. Оказалось, что это его жена, зовут ее Анной. Я тут же ввернул, что это сплошная «Аннамалия». Она улыбнулась.

Понятное дело, что мэра усадили рядом с классиком, и о чем они беседовали, я не знаю. Жаль — я же историограф экспедиции. Скорее всего, Александр Петрович рассказывал Битову о своем районе.

> ***Справка.*** *В предисловии к недавно вышедшей книжке «Холмский район» А. П. Густо писал: «Расположенный на юго-западном побережье Сахалина наш район богат водными и рекреационными ресурсами, полезными ископаемыми, разнообразен здесь растительный и животный мир. Среди других районов Сахалина Холмский район самый густонаселенный, и это говорит о привлекательности его южного приморского положения. В нем удачно сочетаются условия для жизни и отдыха людей. На территории нашего района пересекаются железнодорожные и автомобильные дороги, проходящие по Сахалину с юга на север и с запада на восток. Выгодное положение транспортных путей с паромной переправой, хороший ресурсный потенциал и квалифицированные кадры позволяют развиваться отдельным отраслям промышленности. Есть перспективы и возможности для успешного ведения сельского хозяйства. Мы всегда готовы встретить добрых друзей и стремимся создать благоприятные условия для развития туризма».*

Еще раньше я как-то похвастал (это мое любимое занятие, особенно в состоянии подпития), что несколько лет пел в а капелла. Битов запомнил. И вот в разгар нашего застолья он громогласно предложил мне спеть. Я не был готов, но куда деваться, когда на тебя смотрит дюжина пар глаз и Анна? И я прохрипел куплет из «Эпиталамы Гименея». Всего один. Мое исполнение произвело на присутствующих потрясающе-отрезвляющий эффект. Больше Андрей Георгиевич никогда не просил меня спеть. Действительно, все на свете имеет и свои положительные, и свои отрицательные стороны.

Из ресторана нас повезли на берег моря — и за это большое спасибо холмчанам, во-первых, потому, что выйти на свежий воздух после поддатия просто необходимо,

а во-вторых, потому, что море — это человек, особенно, когда ощущаешь твердь под ногами. Из темноты ночи под свет уличных фонарей величественно и грозно выплывали громады волн. С грохотом разбивались они о прибрежные камни, дробясь на миллионы брызг, которые взлетали метра на три ввысь и, подсвеченные встречным светом фонарей, создавали феерическое зрелище.

Возвращались мы в Южно-Сахалинск уже во втором часу ночи по тому же шоссе через село Троицкое. К сожалению, так нам и не привелось увидеть памятник, сооруженный в честь советских воинов, бравших в 1945 году Холмский перевал.

> ***Справка.*** *На этом перевале был последний бой младшего сержанта Е. Чапланова. После боя в броневом щите его пушки насчитали 72 пробоины. Именем героя назван поселок Чапланово и теплоход. А на перевале в 1975 году на братской могиле воинов установлен памятник: на гребне бетонной волны навечно замерла 76-миллиметровая пушка (автор проекта архитектор А. Г. Деревянко).*
>
> *Тот же архитектор является автором еще одного памятника, сооруженного непосредственно в городе и тоже посвященного воинам-героям, погибшим за освобождение родной земли от японских захватчиков.*

На обратном пути в нашем джипе было трое: Анатолий Иванович, Лев Рухин и я. И, конечно, шофер. Видимо, выпитое плюс темнота, дорожная тряска, возможно, и еще что-то подействовали на Льва, и он всю поездку рассказывал нам о своем отце и о своих приключениях во время поездок в разные страны, которые он осуществлял на мотоцикле.

Рассказчик он великолепный! Оказывается, его отец был известным в СССР художником-авангардистом, участником знаменитой «бульдозерной» выставки в Москве. Но не менее знаменитым был и его дед, по словам Льва, он был то ли ректором, то ли проректором геологического института в Ленинграде. В этом месте его рассказа мне показалось, что я знаю эту фамилию, и я пообещал Льву, что постараюсь узнать о его деде как можно больше.

> ***Справка.*** *Вернувшись из экспедиции, я постарался исполнить свое обещание. Сначала я заглянул во всевозможные справочники. Наиболее полные сведения нашел в книге А. И. Мелуа «Геологи и горные инженеры России»:*
>
> *Рухин Лев Борисович (29.10.1912–7.09.1959) родился в Москве. За два года окончил геолого-почвенно-географический факультет Ленинградского государственного университета по специальности «Палеонтолог и геоморфолог» (1933). Доктор геолого-минералогических наук. С 1935 и до конца своей трагически прерванной жизни работал на кафедре общей геологии геологического факультета Ленинградского университета: ассистент, доцент (1935), профессор (1943). Декан геологического факультета (1946–1948). Проректор по учебной работе университета (1948). Поражал своей научной эрудицией, педагогическим мастерством, многогранностью научных интересов, организаторским талантом… «Гранулометрический метод изучения песков» (1947), «Основы литологии» (1953), «Основы общей палеогеографии» (1959) … во Франции, Германии, Китае… Участвовал в Народном ополчении во время Великой Отечественной войны (1941). В его честь названы: гора Рухина в Антарктиде, мыс Рухина — на северо-западе острова Джексон земли Франца-Иосифа, вид ископаемых моллюсков.*

Затем я обратился к знакомым мне петербургским геологам и привожу ответ одного из них.

Письмо Ф. С. Файнберга. *Ты спрашиваешь о Льве Борисовиче Рухине. Я знал его очень хорошо — но так, как может студент знать профессора. Когда я в 1946 поступал в Университет, он был деканом Геолого-почвенного ф-та (позднее был преобразован в Геологический). Меня он сразу покорил какой-то глубочайшей интеллигентностью и демократичностью — например, он первый подавал руку абитуриенту, когда знакомился. Но тогда, да и во все время моей учебы в Университете, я не знал, что он ученый с мировым именем, можно сказать — ведущий литолог планеты. Позднее Евгения Валерьяновна, его вдова, с которой я был связан многолетней дружбой еще со студенческих времен, рассказывала, как она на свой страх и риск посылала в Британскую энциклопедию — по просьбе издателей — статью о Л. Б.*

Из деканов его ушли по понятным тогда причинам. Как раз начались преследования по 5 пункту (что такое чудо-юдо? Это юдо, которое чудом попало в У-т). Известнейшего в мире ученого, основателя науки геоморфологии, 90-летнего Я. С. Эдельштейна в 1949 посадили — а он заведовал кафедрой Общей геологии, той самой, где работал и Рухин. С. С. Кузнецов (с той же кафедры) стал деканом. И преподаватели (ныне, увы, тоже покойные) говорили мне, что он называл Л. Б. то ли Мойша, то ли еще как-то в этом духе.

Погиб он глупо — попал под машину, когда после возвращения из Карловых Вар, где уже почти вылечился от язвы желудка, шел на кладбище навестить могилу Николая Михайловича Синицына — тектоника, который тоже преподавал в Университете.

Что касается его сыновей — то лично я их не знал. Одного видел один раз, когда он приезжал из Америки (где он — профессор математики в каком-то известном ун-те) к Е. В., чтобы навестить могилу брата (а встречался я с ним потому, что по просьбе Е. В. он привез мне пятитомную комментированную Библию). А тот брат, который интересует тебя, учился на Геологическом ф-те, но геологом не работал. Я видел его работы — сперва в коридоре У-та (среди других студенческих работ — когда приехал в командировку из Сибири), потом, уже после его смерти, на большой персональной выставке, тоже в Ун-те. И хотя я совсем не поклонник модерна, многие его работы у меня до сих пор в памяти. Погиб он — сгорел у себя в мастерской (на квартире?). Говорили — по пьянке, но ходили и разные другие слухи. Впрочем, времена были такие, что могло быть что угодно. Это уже непроверяемо.

Еще Лев рассказал нам историю о том, как он раскопал судьбу финского летчика, который в годы Второй мировой войны отказался сбросить бомбы на храм в Кижах. Но я не буду ее пересказывать — она вошла в книгу, которую Лев подготовил к изданию. Да и не смогу я передать все нюансы этой поразительной истории.

В гостинице нас встречали Г. Телешов и А. Шепшелевич, которые вечером прилетели из Владивостока. Они понавезли с собой жуткое количество аудио- и видеоаппаратуры. И с этого момента состав нашей экспедиции в количестве девяти человек полностью в сборе. Пора бы начинать и саму экспедицию.

4 СЕНТЯБРЯ (Среда)

Полночи в своем «полулюксе» я потратил на то, чтобы набрать воды для бритья, умывания и смывания унитаза. А уже в десять утра нас принимали председатель Сахалинской областной думы Владимир Ильич Ефремов, его заместитель Любовь Федоровна Шубина, а также депутаты Н. Я. Начеткина и А. С. Кислицин.

Опять представления каждого. Ранг встречи очень высокий, поэтому слово представляется только самым именитым — Колесову, Кобенкову и Битову. Колесов сказал:

— Здесь за столом сидят все мои друзья.

Если все, то, стало быть, и я тоже — друг. Это приятно, но не убеждает.

Не подкачал Кобенков, хотя и говорил на сей раз прозой:

— Провинциальный комплекс можно изжить влюбленностью в свой край. Мягкость сахалинского ландшафта (и где он ее нашел?) отражается в чертах характера сахалинцев.

Андрей Георгиевич, как всегда, был спокоен, хрипл и мудр:

— Сахалин действует, как наркотик. И я вижу, что многие здесь подсели на этом наркотике. Таковы Колесов и Чигрин — они необычны, штучны и нужны Сахалину.

Разговора об экспедиции как таковой не было. Все трое в своих выступлениях всячески убеждали председателя думы, его зама и присутствующих депутатов в том, что культурный процесс, а тем более литературный, практически невозможен на Сахалине без Е. М. Чигрина. Депутаты в знак согласия кивали.

На мой взгляд, из разговоров, которые здесь велись, наиболее содержательным в познавательном отношении было выступление Натальи Яковлевны Начеткиной. Она, видимо, нивха и занимается вопросами малочисленных народов Сахалина, проблему знает и снаружи, и изнутри. Именно от нее мы узнали о несправедливостях, которые чинит правительство страны (читай — Наздратенко) в вопросах выделения квот на вылов рыбы для местного населения.

> ***Справка.*** *Евгений Иванович Наздратенко (16.02.1949) — крупный предприниматель; в 1993 — 1995 гг. был главой администрации Приморского края; 1995 — 2001 гг. — губернатором Приморского края. После ряда громких публикаций в «Известиях» и в других газетах отказался от губернаторства. Однако президент посчитал его очень ценным кадром и 24.02.2001 г в виде подарка ко дню рождения назначил председателем Государственного комитета РФ по рыболовству.*

Из поколения в поколение не одну тысячу лет рыба являлась для коренных народов Сахалина одним из основных видов промысла и питания. Но в последние годы благодаря выкрутасам мафиозных структур и идущего у них на поводу правительства страны эти народности обрекаются на голодное вымирание.

Говорила Наталья Яковлевна толково, последовательно и, как говорится, с цифрами на руках:

— Всего в России нивхов четыре тысячи двести человек. В основном они проживают на Сахалине: в шести районах острова насчитывается три тысячи четыреста нивхов. За годы советской власти практически утрачены язык, культура и обычаи нашего народа. А теперь вот правительство предпринимает весьма эффективные меры, чтобы задушить нас голодом. Конечно, мы боремся с этим, прежде всего, через возможности Областной законодательной думы. Что-то удается сделать, пытаемся возрождать обычаи и традиции, пока не все утеряно. Рук не опускаем, но центральное правительство постоянно бьет нас по рукам.

Вот! А мы, организовывая нашу экспедицию, неоднократно заявляли, что: а) нас будет интересовать только душа острова, ее сегодняшнее состояние; б) ни в коем случае не будем интересоваться теневыми и отрицательными сторонами жизни этой самой души и в) никакого пиара, тем более черного, сочинять не будем. Ясное дело, что Н. Я. Начеткина не ведала об этих наших установках и показала нам наличие теневых сторон в жизни острова неумышленно. Очевидно, как бы мы

ни зашоривались, а от проблем не уйти, коль они есть. Душа, даже если это душа острова, многостороння, многогранна и многоцветна. Так-то!

Депутат Областной думы Александр Степанович Кислицын представлял Охинский район. Он говорил мало, но цифра, которую он назвал, впечатлила: с 1995 года и по сей день из Охинского района уехало двадцать тысяч жителей. А я знаю, что в свое время их было 55 тысяч, то есть район обезлюдел более чем на тридцать шесть процентов. В советское время предпринимались немалые усилия — законодательные, исполнительные и финансовые, — чтобы заселить Северный Сахалин, чтобы не был он пустыней, на которую могли бы претендовать иностранные государства, и прежде всего Япония. Теперь же идет обратный процесс. Сегодня центральному правительству интересен только сахалинский шельф с его несметными богатствами, вернее даже не сам шельф, а те отчисления, что без всяких усилий со стороны правительства текут в бюджет. Только в бюджет ли? Население, а точнее, проблемы его сохранения и выживания никому неинтересны, ибо они затратны.

Рассказанное депутатами Начеткиной и Кислициным показало, что ни от теней, ни от отрицательных моментов в жизни души острова нам не уйти. Пиар, тем более черный, мы сочинять не будем, но что есть — то есть.

Выходя из думы, Андрей Георгиевич бросил: «Мы сделали для Чигрина все, что могли. Теперь его признают в Южно-Сахалинске».

В этот момент меня и осенило: так вот в чем дело! Речь, оказывается, идет совсем не об экспедиции, а о создании некой политической силы. В самом деле: А. Г. Битов — председатель Русского ПЕН-центра; А. В. Колесов — директор Дальневосточного отделения Русского ПЕН-центра; А. И. Кобенков, являющийся председателем Иркутской писательской организации, — член Русского ПЕН-центра. Выходит, что все «наши» усилия направлены на то, чтобы председателем Сахалинской писательской организации стал тоже член Русского ПЕН-центра Е. М. Чигрин.

> ***Справка.*** *ПЕН-клуб — (pen — перо и в то же время: p — poets, e — essayists, n — novelists) международное объединение писателей. Основан в 1921 году, первым президентом был Дж. Голсуорси (1867–1933, нобелевский лауреат 1932 года). Исполком находится в Лондоне, конгрессы проводятся в разных странах, где имеются ПЕН-центры. В некоторых многонациональных странах могут быть несколько национальных ПЕН-центров (в Швейцарии их три, в России — два). До Первой мировой войны организация имела антифашистскую направленность и помогала писателям-эмигрантам, то бишь евреям. После создания социалистического лагеря ПЕН-клуб содействовал беженцам из стран социализма. В России ПЕН-центр возник только в 1989 году, но русским он стал в 1991. Первым президентом был писатель А. Н. Рыбаков (1911–1998). На 2002 год Русский ПЕН-центр имел четыре отделения (в Санкт-Петербурге, Красноярске, Владивостоке и штаб-квартира в Москве).*

Черт подери! Так это нас таскают в роли статистов по Сахалину только для того, чтобы «раскрутить» Чигрина! Ну и ну! Вот так экспедиция. И стал я угрюм и недоволен, как наши иностранцы до их идеологической обработки. Начальник сразу же заметил перемену в моем настроении и сказал: «Все, все, все! Не переживай, завтра мы садимся в поезд, и экспедиция войдет в свои права. А сейчас мы с тобой, как наиболее опытные в экспедиционных делах, поедем в спортивный магазин закупать палатки и другое полевое снаряжение». Я чуть не подпрыгнул

от радости. А хитрый начальник отошел, заговорил с Битовым и мгновенно забыл о поездке в спортивный магазин. Да и зачем она, если у нас культурологическая экспедиция? Я смирился. Более того, во мне нарастало чувство благодарности к Колесову за то, что он взял меня в эту экспедицию. Ведь мои пенсионные возможности не позволяли и мечтать о подобной поездке по Сахалину.

Обедали мы на сей раз в корейском ресторане «Луговое». Хорошая кухня, широкий ассортимент, приятное обслуживание. А не доезжая до «Лугового», я обратил внимание на продуктовый магазин с ободранными стенами и претенциозным названием «Кайф».

> ***Примечание.*** *Несмотря на то что наша компания а) состояла исключительно из особей мужского пола и б) каждый участник экспедиции был интеллигентом самой высокой пробы (не об авторе речь), — так вот, несмотря на все это, мат в нашей компании звучал крайне редко, практически лишь в двух случаях: 1) когда анекдот без мата полностью терял свою остроту и 2) когда обстоятельства требовали высшей формы выражения чувств. В этом отношении практически о нашей компании Игорь Губерман писал: «Мат воспринимался в этом доме, начисто лишенным ханжества, спокойно и с удовольствием, если служил своему благородному назначению оттенить и заострить смысл и чувство сказанного». А не как ругань, подчеркну.*

В шесть часов вечера члены экспедиции встречались с общественностью города Южно-Сахалинска в театре им. А. П. Чехова. Вел вечер, естественно, Чигрин. Каждому члену экспедиции предоставлялось слово минуты на две. «Членов» расположили по восходящей. Опять превосходно читал свои стихи Анатолий Иванович. Затем, как бы узурпируя власть ведущего, он предоставил слово «поэту Евгению Чигрину».

Читал свои стихи Чигрин препогано, с подвыванием. Неприятно поразило обилие в его стихах приблатненной лексики. Я давно вышел из того возраста, когда стихи запоминаются на слух с первого раза. Но отдельные слова и фразы я успел записать (за «правописание» не ручаюсь, так как в «словаре» этого нет):

> *трепездонить, фуфло, обормот, по фигу,*
> *на потаскух смотрю без интереса, лабух,*
> *кильдон, уркаган, отвалил в мир иной, охренеть и тому подобное.*

Говорят, что подборку стихов Евгения Михайловича недавно опубликовали во Франции. Что же именно в его произведениях привлекло утонченных французов? Неужели приблатненная лексика? А, может быть, именно она и привлекла? Ведь опубликовали же они в свое время «роман» Лимонова «Это я — Эдичка!». В факте опубликования стихов Чигрина во Франции легко усмотреть политическую подоплеку. Ясное дело, со стороны утонченных французов. А наш Чигрин рад и даже счастлив.

Последним, как уже заведено, выпустили нашу тяжелую артиллерию — Андрея Битова. Его усадили за отдельный столик и «выдали» персональный микрофон. Само выступление Андрея Георгиевича состояло из уже знакомых нам фраз и истин. Но тем, кто сидел в зале, все было внове, да еще и сам Битов. Однако было кое-что новое и для меня:

— Я начал писать в 1956 году. Если суммировать мое рабочее время, то я работал ровно год… Человек, конечно, врет по надобности… В 1964-м я приближался к своему первому разводу… Три-четыре раза были случаи, когда я мог умереть. Спасали люди… Человечество никогда не жило моногамно… Писать можно все,

только чтобы не прорывало бумагу… Все, кто восстает против мата, просто извращенцы. Это русское «дао».

Его, как Монблан снегом, завалили вопросами (почти дословная фраза из письма Б. Шоу к актрисе (Стелле Кемпбелл). Запомнился вопрос: в чем отличие между графоманом и талантом? И ответ: Никакой. Только графоман много хочет, а талант много может.

В отличие от встречи в городе Холмске, немало записок шло и в адрес Томассо и Льва. Южносахалинские девушки засыпали их предложениями любви и замужества. В одной записке было прямо сказано: «Хочу замуж за итальянца. Посодействуйте. Подойду после выступления. Люся». Во многих записках были телефоны «для связи» и прочие интимные предложения.

Всем сразу стало весело. Встреча с общественностью рассыпалась на отдельные встречи. Андрей Георгиевич, склонившись, ставил автографы на своих книгах, которые предусмотрительные сахалинцы взяли с собой на встречу — он честно отрабатывал свою поездку на остров. Томассо и Лев вяло отбивались от наседавших девиц. Я же хотел просто понаблюдать. Но не тут-то было! Ко мне с просьбой об автографе обратилось робкое юное создание лет пятнадцати. Я расписался в ученической тетрадке в клетку. Потом еще в одной и еще. И ведь до чего же приятное это дело — раздавать автографы! Наверно, утомительно, если в больших количествах, но приятно. Особенно вот таким робким и юным созданиям.

После встречи как-то незаметно потерялись и Томассо, и Лев. Стало быть, привлекательность южносахалинских девиц оказалась весьма действенной. Остальных Колесов снова повел в «свою» «Корону». Где только деньги берет? Я еще во время прошлого посещения поинтересовался ценами: порция чего-либо от трехсот рублей и выше. Во что же обойдется ужин, если стол завален всевозможными морскими и мясными деликатесами, а водка самая что ни на есть и льется рекой?

На этот раз зал был полон, гуляли главным образом корейцы. Мы предположили, что это в связи с очередной датой победы над Японией.

За столом Битов был весел, шутил, рассказывал анекдоты и даже писал на бумажных салфетках какие-то экспромты. Это явно был его день.

Меня так и подмывало съязвить по-губермановски:

Люблю я ужин либеральный,
духовен плотский аппетит,
и громко чей-нибудь нахально
светильник разума коптит.

А как чувствовал себя Ремизовский? Нормально. После четвертой рюмки я по совету Битова попробовал лимон с майонезом, и он мне неожиданно понравился. После пятой я нахально заказал себе персональное блюдо — гребешки, поджаренные на сливочном масле. Дело в том, что во время полевых работ на полуострове Крильон в семидесятые годы мне довелось попробовать гребешки во всех видах: моченые, маринованные, жаренные на различных маслах и даже сырые. Тогда я пил гораздо меньше, чем сейчас, и мои вкусовые рецепторы работали в нормальном режиме, поэтому я им вполне доверял. Так вот, самые вкусные гребешки — это вырезанные из только что пойманной ракушки и слегка обжаренные на сливочном масле.

От И. Губермана:

Мне легче и спокойней во хмелю
душа моя полней и легче дышит,

и все, что я действительно люблю,
становится значительней и выше.

А после шестой рюмки Ремизовский начал шиковать: сначала демонстративно стоя аплодировал тому парню из оркестра, который опять сыграл на флейте нечто вроде «Одинокого пастуха», а затем купил в буфете бутылку водки и подарил музыканту.

5 СЕНТЯБРЯ (Четверг)

Утром мы выяснили, что Лев пришел в гостиницу около четырех. Какая-то девица водила его по ночным пивным барам, где ему пришлось раскошелиться. По его мнению, она делала это умышленно, т. е. специально заманивала богатых клиентов в «свой» ресторан, или бар — «777», или «Три семерки». Ну, а остальное как? И тут Лев сразил нас буквально наповал:

— Проститутку за деньги не хочу. Романса нет.

Очевидно, он имел в виду романтику, то бишь любовь. Ну и ну!

Это был день отдыха и сборов в дорогу. С утра нас всех переселили в один номер, где мы паковали свои вещи. Пришел Слепов и, умно беседуя (он мне действительно симпатичен), незаметно так выпил почти целую бутылку настойки. Сорокоградусной! Характерно, что и до пития и после оного он спокоен и рассудителен.

До обеда А. Г. Битов опять (или снова?) давал кому-то интервью. Телевидение и газеты, видимо, решили выжать из классика и его поездки на Сахалин все или почти все. Боюсь, с Сахалина Битова увезут в виде сухого остатка.

Обедали снова в корейском ресторане «Луговое». После обеда едем отдыхать на озеро Тунайча и берег Охотского моря. В прежние свои поездки по Сахалину я многократно бывал в Южно-Сахалинске, остров чуть ли ни весь измерил ногами, но вот на Тунайче бывать не случалось.

Выехали на берег моря. Купаться рискнули только трое (самые молодые и самый старый — Глеб, Антон и я). И зря: вода чистая, зеленоватая, прозрачная и не холодная. А песок так вообще теплый.

Откуда-то появился великолепный арбуз, который тут же и раскромсали. После поедания арбуза неугомонный Чигрин стал снова подгонять нас — давай, давай, пора ехать. Это мне напомнило торопливых любовников из «Гиперболоида инженера Гарина» А. Толстого, цитирую: «Алло, малютка, в нашем распоряжении час двадцать минут! Нужно успеть в кино, скушать обед и полежать в кровати. Ничего не поделаешь, Ми-Ми, это — цивилизация».

Поехали на озеро. Это рядом. Недалеко от того места, где мы остановились, возились какие-то люди. Оказалось, что это чуть ли ни собственники данной части берега. Главного зовут «дедом», хотя он спортивен, моложав и гладко выбрит. «Дед» предложил прокатить нас на собственном мини-глиссере. Согласилось четверо: Томассо, Рухин, Кобенков и я. Пересекли озеро и подъехали почти вплотную к бывшей даче Леонова — теперь там какой-то Дом, может быть, отдела образования.

Справка. *Леонов Павел Артемович (1918–1992) в 1960 — 1978 годы был первым секретарем Сахалинского областного комитета КПСС, то есть всесильным наместником на этой части России. Мог делать все, что хотел. И делал: строил, если хотелось, и там, где хотелось. Неугодного мог выгнать с работы, из области и вообще изжить со свету (вспомним хотя бы*

историю 1967 года с Н. Т. Забродоцким). Биограф Леонова Н. И. Колесников невольно роняет: «П. А. Леонов, естественно, не был идеальным человеком». А другой, Н. И. Беляев, как бы развивает эту тему, хотя тексты эти и написаны в обратном хронологическом порядке: «Были у Леонова и отрицательные черты. Прежде всего — элементы барства… Многое наносное, что появилось в нашей областной организации, началось с него. Домик на горке, база на Тунайче, спецполиклиника, всяческие спецтуалеты при кабинетах и т.п. — такого у нас раньше не водилось». Возможно, именно в правление П. А. Леонова появилась на острове и рыбная мафия. Были к концу его правления обильные слухи об этом, были даже какие-то гонения на сотрудников Министерства рыбной промышленности СССР.

Дул приличный ветер, и на озере была довольно большая волна. Глиссер скакал по волнам, словно Пегас по вершинам Эллады, щедро обдавая нас брызгами. Вернулись мы насквозь промокшие. Особенно досталось Анатолию Ивановичу. Но мы были довольны.

Побродив слегка по берегу, выпив по рюмке водки и доев арбуз, мы (давай, давай!) поехали в город. По дороге остановились в придорожном кафе на открытом воздухе и очень даже плотно поужинали. После купания и гуляния мясо шло, как после большого поста. Водка — тоже. Музыки там не было, но был мальчик. Подходит паренек лет тринадцати — четырнадцати и предлагает спеть для нас все, что мы пожелаем, но без сопровождения. Естественно, за плату. Стали заказывать, и он, действительно, пел все, что ни закажешь. Слушали все, а платил один Кобенков.

Слава тебе, Господи! В 21час 05 минут пассажирский поезд наконец-то увозит нас из Южно-Сахалинска.

НОЧЬ С 5-го НА 6-е СЕНТЯБРЯ

Всю молодость любил я поезда,
поэтому тот час мне неизвестен,
когда моя счастливая звезда
взошла и не нашла меня на месте.
И. Губерман

В поезде мы заняли два с половиной купе и сразу же приступили к очередному ужину. Как говорится, а у нас с собой было. Елена передала Колесову пакет снеди да плюс колбаса и что-то еще. В общем, с голоду пропасть нам не дают. Ну, и опять же — с водкой и пивом.

Среди нас есть вегетарианец и он же — стопроцентный трезвенник. Это Глеб Телешов. Началось у него это не вчера, и потому он давно выработал способы избавляться от приставаний по поводу выпивки. Причина не в здоровье, а в убеждениях. Вызывает немалое уважение.

Все станции и полустанки, поселки и города мы проехали ночью. А как жаль! Я-то рассчитывал, что, едучи на джипах, мы будем иметь возможность останавливаться в любом месте, чтобы посмотреть и пофотографировать. Как минимум четыре пункта только до Поронайска «проспали» мы.

Ну, во-первых, поселок Сокол и впадающая здесь в реку Большой Такой река Малый Такой. Могу ли я забыть полевой сезон 1976 года! Мы прошли тогда с детальным опробованием весь неоген. А потом в виде отдыха «сплавились» по Малому Такою на надувных матрасах. В тот год воды было мало, что существенно помогло нам с отбором ориентированных штуфов для палеомагнитных исследова-

ний. Но для сплава это было не очень-то хорошо. Был теплый солнечный день. Мы ложились на матрасы головой вперед и помогали своему продвижению и руками, и ногами. Получалось что-то вроде крокодила. Было чертовски весело! А потом пили разведенный спирт, предназначенный для проклейки образцов. В то время я был мэнээсом — молодым, глупым и азартным. Хорошее было время!

В этом поле мы были полным семейством: жена, сын Игорь, дочь Евгения и я. С этим полем связано много приятных воспоминаний. Хотя бы такой эпизод. Мы прилетаем в Южно-Сахалинск, где у нас не было ни базы, ни транспорта. Что делать? Прямо в аэропорту, за аэропортовской гостиницей, я поставил шестиместную палатку — и все, крыша над головой есть. Затем поехал в город и в транспортной конторе по обслуживанию населения оплатил перевоз багажа в машине по перевозке мебели.

На следующий день подъехал фургон, мы в него загрузили все полевое снаряжение, а я сел в кабину. Остальные члены полевого отряда взяли такси и помчались за нами вслед, в поселок Сокол. Здесь мы объединились, накупили продуктов, загрузили все в фургон, в том числе и людей (в нарушение инструкции) и поехали по колдобинам вдоль реки на запад. Километров через семь-восемь нам попалась просторная поляна, метров сто в диаметре. Здесь мы и поставили свой лагерь. Между прочим, к нам в гости приезжали геологи из Южно-Сахалинска. Господи, какое это было прекрасное время! Как поется в известной песне о ямщике, «имел я в ту пору силенку».

Во-вторых, город Долинск и поездка в Стародубское на месторождение дикого сахалинского янтаря, где я впервые побывал в 1977 году и до сих пор храню небольшую коробочку этого чуда. В-третьих, «просто» природное чудо — грязевой вулкан возле поселка Пугачево, знаменитый своим извержением в 1947 году.

Затем город Макаров (мост через реку Макарова, памятник С. О. Макарову, целлюлозный комбинат, если что-то осталось, и прочее). Город памятен мне полевыми работами 1977 года. В тот год мой отряд состоял всего из четырех человек. Мы приехали в Макаров, не имея ни базы, ни связей. Единственное, что у нас было, так это письмо на бланке Академии наук СССР с просьбой к органам советской власти оказывать нам посильную помощь. Пошел я с этим письмом к начальнику железнодорожной станции, и мне «выделили» отдельно стоящий в тупике вагон. Купили мы висячий замок, приделали скобы, и уютный вагончик с печкой (!) стал на целый месяц нашим домом.

Сразу же за железнодорожным тупиком начинался пляж, который с заходом солнца становился, по выражению местных жителей, городским блядоходом. Продолжался этот «ход» с вечера и до самой утренней зари. Бывали случаи, когда маршрут «хода» пролегал непосредственно через наш вагон. Пути Господни неисповедимы!

В те годы город Макаров славился не только своим «пляжем», о котором знал весь Сахалин. Гораздо больше Макаров славился прекрасным бочковым пивом. Макаровское «Жигулевское» знали на Южном Сахалине все. Тем, кто ныне пьет пиво из кегов, банок и пластиковых бутылок, и во сне не привидится попробовать свежее пиво из темных дубовых бочек. Резкое, пенное, без консервантов, стопроцентно экологически чистое, да еще и в настоящей пивной кружке (теперь ее можно увидеть только на выставке в музее). Потрясающий вкус, который ты блаженно ощущаешь языком, деснами, нёбом, всей полостью рта, всем организмом. Заходишь в баню, и первое, что улавливает твой нос — это запах свежего пива. И еще. В Макаровской бане, единственной в стране, насколько я знаю, действовало железное правило: выходящий из парной пьет пиво вне очереди. Какие времена были!

Мой дедушка по материнской линии, Владимир Филиппович Зайцев, был инженером путей сообщения, и мне случалось ездить с ним в товарных вагонах. Я вообще обожаю ездить в поезде. А поездка в открытом товарном вагоне в летнее время — для меня истый кайф. Когда у нас в 1977 году скопилось достаточное количество ящиков с образцами горных пород, я арендовал товарный вагон, и мы покатили на юг. Погода нас баловала — конец июля на Сахалине, как правило, великолепен. Мы открыли ворота вагона с двух сторон и испытывали только одно небольшое неудобство: ветер сдувал карты, когда мы играли в «преф», и мы прижимали их к фанерному ящику из-под спичек пивными кружками.

Пропускаю реки Кринку и Шахтную. Кринку после 1977 года начисто разбили лесовозной дорогой. А вот на реке Шахтной стоило побывать, там есть что посмотреть и с точки зрения экзотики, и с точки зрения экологии, и с точки зрения геологии морского неогена.

Далее на север — река Горная и месторождение хорошей сохранности раковин Fortipecten Takahashii, предков современных двустворчатых моллюсков, которых в просторечии называют гребешками за сходство их верхней части с женским гребешком. Раковины там не просто хорошей сохранности — при легком ударе ножом или ложкой они звенят, как китайские фарфоровые чашки. И, что особенно ценно, вмещающие породы мало литифицированы, легко в воде разрушаются. А панцири — нет!

Верхняя часть Fortipecten Takahashii гораздо выпуклее, чем у современных гребешков, и потому может использоваться и как тарелка для вторых блюд, и как пепельница. Последний раз на этом месторождении я был в 1979 году, во время экскурсии участников XIV Тихоокеанского конгресса на морской неоген Сахалина. У меня до сих пор с тех давних времен хранится верхняя часть одной такой раковины. Я держу в ней горстку северосахалинских халцедонов. А мои знакомые, у которых тоже есть такие ракушки, используют их в качестве пепельниц.

Конечно, интересно было бы заехать в город Поронайск и даже проехать, сколько позволили бы условия, вдоль залива Терпения на восток. Стоило бы побывать и в поселках Матросово, Буюклы, Смирных и Победино, где стоят памятники нашим воинам, павшим в борьбе с японскими захватчиками.

> ***Случай.*** *В 1980 году знакомые геологи согласились подвезти мой отряд в составе четырех человек из Александровска до Южно-Сахалинска. Ехали по лесовозным дорогам и выехали к поселку Смирных. И вот здесь со мной случилась беда. Когда я начал фотографировать памятник нашим воинам, закончилась фотопленка. Чтобы ее сменить, я уселся на ступени памятника. А был жаркий летний день. Возясь с пленками, я не сразу обратил внимание на то, что ступенька подо мной как бы плавает. Оказалось, что ступеньки для красоты присыпаны желтым песочком, а чтобы ветер его не сдувал, ступеньки «смазали» гудроном. Брюки пришлось тут же выбросить, а задницу оттирать одеколоном. Мне было обидно, больно и несмешно, но остальные члены моего отряда повеселились от души.*

Но, боюсь, что те, кто дал деньги на нашу нынешнюю экспедицию, не заинтересованы в этом или им просто это неинтересно. Мне же в любом случае было обидно — пропустить столько интересного и исторически важного.

6 СЕНТЯБРЯ (Пятница)

Как и всю прошедшую ночь, продолжаем движение на север. Спалось хорошо, тем более, что мне досталось нижнее место по ходу поезда. Значит, удобно, и в голову не дует. А спать в поезде я люблю с давних времен.

В нашем вагоне ехал в Ноглики мальчишка лет трех, наверное. Такое забавное создание! Звали его Вадиком. Ночью он, по-видимому, хорошо выспался и с утра стал ходить по вагону и развлекать всех. Некоторые его высказывания и рассуждения я не мог не записать:

— Я еду с бабушкой Галей к бабушке Любе домой. И с тетей Оксаной. А маму съел волк и ушел в лес.

До чего же грустно слышать такое из уст трехлетнего малыша! Что-то неблагополучно в этой семье, и он, конечно же, чувствует это. Но мы пытаемся шутить с ним, отвлекая его от грустного: Вадик, а ты можешь волка съесть?

— Не могу, у меня зубы маленькие… Я маленький, я не слушаюсь… А бабушка Люба живет далеко-далеко-далеко — она дома живет.

Вот и догадайся, чья мама бабушка Люба — папина или мамина? Скорее, все же мамина. Или папина? Нет, не догадаться, так как вариантов в жизни гораздо больше, чем в компьютере. Надо отвлечься.

— Вадик, а тебя девочки любят?

— Любят. Меня любит девочка — тетя Вика.

Забавный мальчиш! Нас в купе четверо, возраст самый разный — диапазон от двадцати одного до семидесяти. И всем на душе тепло от этого мальчиша, у всех на лицах улыбки. А он, чувствуя доброе к себе отношение, откровенничает с нами:

— Я непослушный, я не слушаюсь, — а сам смеется.

Очевидно, очень устают бабушки с этим живчиком, говорят ему: «Да посиди же ты хоть минуточку!» А он не может сидеть и не потому, что не хочет или потому, что он плохой мальчик. Как раз наоборот! Потому-то он и не может усидеть, что он хороший здоровенький мальчик.

Мы все даже как-то подобрели от общения с этим человечком. До чего же груба, а по всей видимости, и подла наша жизнь, ведь мы все в детстве были чистыми, наивными, доверчивыми, добрыми, веселыми и наверняка красивыми. И посмотрите теперь хотя бы на меня: толстый угрюмый боров, к тому же лысый и глупый. А чего стоит моя круглая (уже лет двадцать) и красная (уже лет пятнадцать) физиономия? Это — внешнее, а про внутреннее мое содержание лучше и не говорить. Но разве таким меня произвела мама на свет Божий? Отнюдь!

Спасибо тебе, Вадик! Ты, сам того не ведая, подарил нам капельку своего детства и целый мешок доброты. Спасибо тебе, родной!

Точно по расписанию мы прибыли на станцию Ноглики. Нас встречают начальник Ногликского нефтедобывающего управления Александр Никифорович Судариков, член местного самоуправления (имя записать не успел) и представительница местных нивхов Елена Ивановна Вовкун (обидно будет, если на слух неправильно записал фамилию).

Вовкун сказала, что сегодня вечером местные нивхи встречаются с депутатами райсовета, чтобы выразить свои требования и претензии: все то же — нет квот, нет рыбы, нечего есть. Надо бы сходить и послушать, так как это имеет непосредственное отношение к телу, в котором находится та самая душа, которую мы стремимся увидеть и запечатлеть.

Расселение в неплохой пятиэтажной общаге. Разделение на элиту и рядовых членов экспедиции неукоснительно соблюдалось. Затем мы пообедали в располо-

женном рядом с общежитием кафетерии для американцев. Их здесь полно — они здесь нашу нефть себе добывают. Бесцеремонны и наглы, как конкистадоры. Колонизаторы хреновы! Впечатление тяжелое.

Ровно в четырнадцать встречаемся с А. Н. Судариковым в его кабинете.

> ***Справка.*** *Судариков Александр Никифорович (1945, город Грозный). На Северный Сахалин приехал после окончания Грозненского нефтяного института в 1969. В 1984 — 1993 годах — начальник нефтегазодобывающего управления (НГДУ) промысла Эхаби, в 1993 — 2002 годах — здесь, в Ногликах. Заботы, связанные с нашей экспедицией, — это последняя общественная акция Сударикова. В июне этого года он покидает Сахалин навсегда — переходит на работу в «Краснодарнефть».*

Заседал военный совет в составе Колесова, Сударикова и Владимира Григорьевича Бугаева, заместителя по транспорту: разрабатывался план наших передвижений по острову, сроки поездок, виды транспорта. В качестве военных советников присутствовали все остальные члены экспедиции. Тут же по телефону каждая позиция согласовывалась с Южно-Сахалинском, с главным управлением, непосредственно с Виктором Егоровичем Гончаровым.

Кто-то, кажется, Битов поинтересовался: а где сейчас известный нивхский писатель Санги? Да здесь, в Ногликах! Тут же связались с ним по телефону, и вскоре он пришел или, вернее, прибежал. Шустрый такой! Подарил мне визитку, на которой написано: САНГИ Владимир Михайлович, писатель, лауреат Государственной премии России, член Международной Лиги защиты прав и свобод человека при Экономическом и Социальном Совете ООН, **вождь племени Кетнивгун** (выделено Санги).

Члены Союза писателей СССР, а затем и России, Битов и Санги давно знакомы, при встрече они обнялись и расцеловались. Пока происходили эти события, я нашел геологический отдел нефтеуправления и приятно побеседовал с геологами. Оказывается, мои книги по истории сахалинской нефти здесь знают и уважают, просили подарить, подписать, прислать. Показали японскую электрокаротажную диаграмму времен концессии на Северном Сахалине. Откопали же! По моей просьбе сделали ксерокопию. Жаль, мало времени было, а то я в этом отделе с этими милыми моему сердцу людьми общался бы до самого вечера.

Но надо ехать. Согласно разработанному плану в этот день нам предстояло посетить нефтепромысел Монги. Выехали на двух джипах. Сопровождал нас и давал пояснения А. Н. Судариков.

Приехали на нефтепромысел Монги, где начальником Игорь Николаевич Войтович. На Сахалине он с 1978 года, а родом с Западной Украины, из Ивано-Франковска (где наша семья жила до ареста мамы в 1948 году — тогда он назывался город Станислав).

> ***Справка первая.*** *Первооткрывателем этого месторождения является геофизик Анатолий Григорьевич Яскевич. В 1964 он окончил Ленинградский (теперь — Санктпетербургский) горный университет по специальности геофизика. В начале семидесятых годов его сейсморазведочная партия работала в этом районе. По итогам работ он лично указал точку, где надо поставить скважину. И первая же скважина дала фонтанный приток нефти. Это было в сентябре 1975 года.*

> ***Справка вторая.*** *Монги. Любопытно посмотреть на происхождение этого топонима. К. М. Браславец, ссылаясь на «Эвенкийско-русский словарь» Г. М. Василевича, видит его происхождение от слов «мо» (дерево), «монго»*

(валежник, упавшее дерево) и «монги» (древесный). И действительно, эти места до прихода сюда нефтяников были покрыты густыми зарослями стланика. Совершенно иную трактовку, ссылаясь на «Нивхско-русский словарь» В. Н. Савельевой и Ч. М. Таксами, дает С. Д. Гальцев-Безюк: от слова «монга» — драка, стычка, столкновение двух родов при краже невесты. Этому последнему, ясное дело, никаких следов в нонешней жизни нет. А я вот думаю: может быть, в реальной жизни оба варианта существовали одновременно, скажем, из-за диалектных различий между различными родами, жившими в этих местах с незапамятных времен.

Приезжаем на промысел: качалки, компрессоры, вышки и совсем немного народа. А. Н. Судариков рассказывает:

— Газокомпрессорная… шестьдесят процентов добываемого газа под давлением семьдесят пять атмосфер закачиваем обратно… Качалки качают нефть с глубины два с половиной километра… На промысле работают в основном охинцы вахтовым методом: привозим на машинах («вахтовках») сразу две бригады, человек двадцать. Они работают в две смены по двенадцать часов шесть суток подряд. Затем мы их увозим и привозим другие две бригады. Те, кто приезжает с юга острова, едут поездом, мы оплачиваем проезд. Заработки? Порядка двенадцати — четырнадцати тысяч рублей в месяц, в зависимости от специальности и разряда.

Фотографирование и съемка производственных объектов.

Затем по просьбе В. М. Санги мы поехали в его в стойбище, расположенное на берегу залива Чайво, в его южном углу, с южной стороны мыса Ульво. Ему надо было отвезти туда мешок крупной соли для засолки рыбы. Значит, у Владимира Михайловича нет проблем с квотами на вылов рыбы? Любопытно.

Справка. *Санги Владимир Михайлович (18.03.1935), первый нивхский писатель и потому, естественно, основоположник нивхской литературы. В 1952 — 1955 годы учился на подготовительных курсах при педагогическом институте им. А. И. Герцена, который окончил в 1959. Учительствовал на Северном Сахалине, затем работал инспектором по делам малых народов в Ногликском райисполкоме. Первая книжка «Нивхские легенды» вышла в Южно-Сахалинске в 1961 году. Нивхский фольклор стал также основой и для сборника «Легенды Ых-мифа» (1965). В 1960 — 1970 годы увидела свет целая серия произведений писателя В. М. Санги (член Союза писателей СССР с 1962): повести «Изгин» (1969) и «Тынграй» (1970), романы «Ложный гон» (1965), «Женитьба Кевонгов» (1975), «Время добыч» (1977). Почти все произведения В. М. Санги переведены на языки народов бывшего СССР. Занимался переводом на нивхский язык русской и мировой классики. Был в свое время секретарем правления Союза писателей РСФСР. С 1976 года постоянно жил в Москве.*

Примечания. *1. Вообще-то Владимир Михайлович Санги еще менее нивх, чем А. С. Пушкин русский: у Александра Сергеевича прадед был арапом, а у Санги — отец китаец, то есть Санги — полукровка, и это внешне очень заметно. Но, несмотря на свое «не чисто» нивхское происхождение, по воспитанию и по духу он — нивх. Очень своеобразный, но — нивх. Работа в Союзе писателей РСФСР сделала его вполне современным, цивилизованным работником интеллектуального труда. На меня Владимир Михайлович произвел впечатление нивха московского разлива. Его сын — еще более современный, деловой человек: он москвич и, по-моему, менеджер в какой-то московской фирме.*

2. В настоящее время В. М. Санги живет в пос. Ноглики Сахалинской области, где у него вполне благоустроенная квартира, отнюдь не в стиле традиционного нивхского жилища, то есть в наличии туалет, ванная, холодильник, телефон и прочие блага цивилизации. И слава Богу!

Оказалось, что ехать надо довольно-таки далеко. Когда пересекали реку Томи, Санги раскрыл нам топонимику этого слова: «и» по-нивхски река, а «том» — масло. Вот и выходит: масляная река.

С трассы, ведущей еще далее на север острова, свернули на восток. Езды от поворота не более пяти километров, но дорога ужасная: рытвины, колдобины и огромные глубокие лужи во всю ширь дороги. Проехали мимо свалки железа: бочки, фрагменты нефтяного оборудования, остовы машин.

— Буду судиться с нефтяниками, — сказал Санги, — экологию нарушают. Пусть убирают за собой — незачем тайгу засорять.

Солнце уже село, и, выехав к заливу, машины остановились. Оставалось пройти не более километра. Отлив. Идем по кромке прибоя, чавкаем по воде.

— Судиться буду с вертолетчиками за то, что летают над моим заливом на малых высотах и морзверя распугивают.

Стойбище расположено на высокой террасе и представляет из себя ряд построек национального и современного типа (последние не достроены). Владимир Михайлович с нескрываемой гордостью стал нам показывать и рассказывать историю и предысторию своего стойбища. Оказывается — это его родовое стойбище, здесь жили его деды и прадеды по материнской линии. Сейчас здесь живут три-четыре нивха, которые занимаются постройками, заготовкой юколы и морзверя. Они зовут Владимира Михайловича дедом. Возможно, среди них есть его родственники. Сам Владимир Михайлович здесь не живет, только наезжает, чтобы руководить.

— Вот эти вешала для юколы поставил еще мой дед, он жил здесь. Это хаунар — родовая сушилка на сорок шестов. Рядом четыре больших чана для засолки рыбы.

Примечание. *Название сушилки я воспринял на слух как хаунар. В нивхско-русском словаре это слово звучит и пишется чуть иначе — ч'ан ḥылныр.*

Рядом с вешалами небольшой сруб явно специального предназначения.

— Областная администрация дала мне пятьдесят тысяч рублей, и я строю здесь небольшую четырехкиловаттную электростанцию специально для обслуживания стойбища.

Неплохо, верно? На каждое стойбище по мини-электростанции. Вряд ли это усугубит бюджет области, ведь стойбищ-то раз-два и обчелся. Очевидно, мы мало разбираемся в стойбищах, и нужна дополнительная информация. Идем дальше.

— А это моя гордость — будущий факторийный пункт. Был конкурс бизнес-проектов, мы с сыном написали бизнес-план — он у меня юрист — и выиграли этот конкурс. Получили двести пятьдесят тысяч рублей. И вот уже срублено одно помещение, и начали пристраивать к нему второе. Этот факторийный пункт будет обслуживать все восточное побережье и в глубь острова километров на тридцать. Я же говорил вам, что восточное побережье на протяжении примерно шестидесяти пяти километров предоставлено нивхам моего племени в долговременное пользование. А я — вождь племени Кетнивгун. Моего роду сейчас семьсот человек.

На этом месте мы опять в полном недоумении: в зону шестидесяти пяти километров восточного побережья в этом районе попадает несколько стойбищ. Почему же нивхи, живущие в этих стойбищах и в поселке Ноглики, жалуются, что им не дают ловить рыбу? Стало быть, они не принадлежат к племени Санги,

и, следовательно, у них нет и не может быть права на вылов рыбы в этом районе побережья. Но если это так, то между родами идет война? Может быть, нам лучше не заниматься национальным вопросом? Наверняка напутаем, запутаемся и не выпутаемся. Одно ясно — что-то здесь не так. Не зря же нивхи сегодня вечером устраивают митинг-встречу с депутатами района. Нас приглашали, но, во-первых, мы десять раз поклялись, что не будем заниматься ничем отрицательным, а во-вторых, возможно, Владимир Михайлович специально увез нас бог весть куда, чтобы к началу митинга нас и близко не было возле Ногликов. Кстати или некстати, но у Владимира Михайловича фарфоровые зубы. По-видимому, он единственный нивх с такими зубами.

— А теперь попробуйте нашу юколу. Да-да, с нерпичьим жиром!

Кто-то попробовал, кто-то не смог, а я ел с превеликим удовольствием, ибо у меня был опыт. После окончания сельхозинститута я в течение почти двух лет работал зоотехником в оленеводческом колхозе Магаданской области. Год прожил с орочами в тайге. Бывало жил в чуме, спал в кукуле и не брезговал есть их пищу.

Посещение нивхского стойбища произвело на Рухина неизгладимое впечатление, которое он выразил такими словами:

— Я — международный бомж, я — везде иностранец. И я счастлив.

К чему бы это? Непонятно.

Уже совсем стемнело, и пора было возвращаться. Санги вынес бутыль с нерпичьим жиром и подал ее мне. Спустились с террасы и пошли к машинам. По дороге заехали на автобазу промысла Монги и добротно поужинали в рабочей столовой. Цены удивительные: первое (я, естественно, взял две порции борща), второе, третье и плюс хлеб стоили аж двадцать пять рублей. Потряс! А вкусно как! Я спросил у подавальщицы: где вы берете такие вкусные мясные пельмени?

— Пельмени у нас свои, самолепные, — ответила она.

В Ноглики мы вернулись часов в одиннадцать. Подъехали к общежитию, вышли из машины. Все люди, как люди, один я, как дурень с торбой, ношусь с этой бутылью с нерпичьим жиром. Куда его девать? Санги на другой машине уехал домой и ничего не сказал. Подарил, что ли? Но зачем мне три литра нерпичьего жира? Граммов бы двести, ну, поллитра для лечебных целей — куда ни шло. Но три литра … И тут шофер нашей машины говорит: налей мне. Я налил. Потом дежурной по общежитию налил. Потом еще кому-то налил. И осталось чуть поболе поллитра — как раз мне для лечебных целей. Спасибо вам, Владимир Михайлович!

7 СЕНТЯБРЯ (Суббота)

Сегодня предстоит выезд на природу — отдыхать будем. Поэтому первым делом — в продуктовый магазин, чтобы закупить продукты на весь день. Деньгами, а стало быть, и продуктами заведует Колесов — ведь он начальник. И это правильно.

И пока остальные толклись возле магазина, подошел ко мне Битов. Дружески ткнув меня пальцем в живот, сказал: «Крепкий старик». Больше ничего, но я страшно возгордился. Пожалуй, если бы он отметил мой изощренный ум или мою изрядную эрудицию, на меня это произвело бы гораздо меньшее впечатление. Невольно вспомнилась последняя страница романа Виктора Кина «По ту сторону». Одноногого революционера Матвеева несколько солдат избивают и пытаются схватить за то, что он расклеивал прокламации. А он упорно сопротивляется. Тогда офицер тяжело ранил его выстрелом из пистолета: «Жизнь уходила из тела

с каждым ударом сердца, на снегу расползалось большое вишневое пятно, но он был слишком здоров, чтобы умереть сразу… Здоровый… дьявол, — донеслось до него. — Помучились с ним. Это наполнило его безумной гордостью. Оно немного опоздало, его признание, но все-таки пришло наконец. Теперь он получил все, что ему причиталось».

Я, видимо, тоже получил все, что мне причиталось. Спасибо, Андрей Георгиевич!

Закупив продукты, едем в поселок Катангли. Здесь мы пересаживаемся на «вахтовку» — это такая машина с тремя ведущими осями для перевозки вахтовых бригад по сахалинскому бездорожью. Она обладает жуткой, в смысле повышенной проходимостью. При посадке произошел забавный случай. В кабине рядом с шофером одно свободное место. Так как я самый старый в экспедиции, то воспитанный Битов предложил мне садиться в кабину. Но не успел я и ногу поднять, как подскочил Колесов, оттеснил меня и усадил в кабину Битова. Мне показалось, что Андрей Георгиевич был несколько смущен. В первом приближении. Но мы оба быстро смирились и свыклись. Позже я понял, что это было мне во благо, во-первых, потому, что в салоне было совсем неплохо, а во-вторых, потому, что в салоне мы общались, и кое-что я ухитрялся записывать прямо на ходу.

В поездке по косе вдоль Набильского и Лунского заливов нас сопровождал начальник участка «Катангли» Андрей Владимирович Бородин. Ему тридцать девять лет. По образованию он нефтяник-эксплуатационник (учился в Москве, в институте имени И. М. Губкина). Однако мне показалось, что он, прежде всего, крепкий хозяйственник. Волевое начало просматривается во всем его облике: волевой подбородок, крепкие губы, серые («стальные») глаза. И фигура соответствует. Красивый мужик и, видимо, с гонором. Спрашиваем: сколько же платят за такую, в общем-то, собачью работу? «Да немного, — отвечает, — от шестнадцати до восемнадцати тысяч рублей.» Для сравнения: кандидат наук и заведующий одним из отделов крупнейшей на Дальнем Востоке библиотеки (это я) получает три с половиной тысячи рублей, то есть в пять раз меньше.

От Бородина мы узнали любопытную вещь. Оказывается, примерно за месяц до нас здесь работала группа телевизионщиков из Москвы, из программы НТВ. Четыре человека и еще два южносахалинца сопровождали их. Искали материал для пиара против нефтяников. По словам Бородина, их якобы наняли американские нефтяники, чтобы найти нечто нехорошее у сахалинских нефтяников, чтобы уравновесить то, что вытворяют они сами. От Бородина же я впервые услышал о гибели Пильтунского стада сельди в результате выброса бурового раствора. Но дело заминали такие силы, что ни одна газета не посмела даже пикнуть. Тем не менее в конце этого же года по российскому телевидению показали документальный фильм об этих событиях.

Но мы черным пиаром не занимаемся. Нет и нет! Нас интересует только душа острова. А то, в чем она покоится, то есть тело, нас никак не тревожит.

Из «энциклопедии» Игоря Мироновича Губермана:

Уюта и покоя благодать
простейшим ограничена пределом:
опасно черным черное назвать,
а белое назвать опасно белым.

От Кайгана на косу через пролив Асланбекова (по карте Управления Гидрографической службы) или Асланбегова (топокарты М=1:200 000) переправились на пароме. И опять географическая неувязочка: со слов Бородина мы переправи-

лись на мыс Тамары, но по картам мыс Тамары — это северный мыс пролива, а не южный.

***Справка**. Правильно Авраамий Богданович Асланбегов (1822–1900), вице-адмирал, командовал отрядом кораблей на Тихом океане.*

Паром здесь постоянный, действует все лето. На пароме, как и положено, есть капитан, который, кстати, запретил Телешову во время переправы сидеть на крыше «вахтовки», из-за чего они даже повздорили.

Недалеко от переправы мы встретили нивхов. Кое для кого это большая удача. Для этнолога Миши Прокофьева, например. Для Телешова с его ультрасовременной видеокамерой. Да и мне интересно.

Среди стланиковых кустов на небольшой прогалине стояла удлиненная палатка, очевидно, сшитая из двух двухместных старых брезентовых палаток советского производства. У входа стоял небольшой таган, где под закопченным чайником еще виднелись искорки догорающего костра. Тут же бегал пацаненок лет четырех, две молодых женщины «пасли» его. Из палатки вышел молодой мужчина лет двадцати пяти, не более.

Мы накинулись на них, как голодные велораптеры Спилберга на доктора Малколма, а Телешов интенсивно все снимал. Аборигены не знали, кто мы, и потому сначала вели себя скованно: нет, не рыбачим — ягоду собираем. Но вскоре поняли, что мы и вправду безобидны, словно трохофоры или рыбьи мальки. Узнав, что мы едем в сторону Лунского залива, женщины попросили подвезти их. Мы, естественно, согласились.

Маленькую, с пухлыми губками и быстрыми черными глазками, звали Женей, вторую, очень своеобразную красавицу — Венерой. Она представляла собой полный контраст той болтливой и развратной богине, что была ее прародительницей, в основном молчала и только застенчиво улыбалась. А Женя, нисколько не смущаясь незнакомого мужского общества, откровенно рассказывала о себе, своей семье, о подруге. Жене двадцать два, хотя выглядит она совсем юной девушкой. У нее есть муж Андрей и сыну уже четыре года. Ни за что бы не дал. После школы Женя училась в Александровске в каком-то колледже. У нее правильная чистая речь, и вообще она производит впечатление неглупого и, видимо, начитанного человека. Беседовать с ней приятно.

Наш этнолог, Миша Прокофьев, выспросил у нее массу такого, что никто бы из нас и не догадался спросить: какого роду-племени, кто родители, где живут, чем промышляют, знает ли родной язык, помнит ли свой фольклор, может ли петь, а знает ли бабу Лиду, и так далее, и тому подобное. А Женя — это маленькое чудо сахалинской природы — легко и свободно отвечала на самые неожиданные вопросы.

Но главный вопрос все же пришлось задать мне: куда вы с Венерой направляетесь? Кругом на десятки километров нет людей, но запросто могут быть медведи. Оружия у вас никакого нет. Не страшно ли?

— Нет, — как всегда, за двоих отвечала Женя, — медведи сейчас не голодны, детеныши у них подросли. Только бы неожиданно не налететь. Мы вот выйдем, тут идти всего ничего. Через Старый Набильский залив как-нибудь переправимся. Мы однажды даже переходили его вброд. А на той стороне, в Даутах, стоит бригада сенокосчиков, и там мой Андрей. Везу с собой две бутылки водки… И себя…

Напротив Дауты мы остановились, я сфотографировал этих милых молодых нивхских дам и записал адрес Жени. Но в душе оставалась тревога: как-то они

переправятся через Старонабильский залив? Неужели и вправду будут переходить вброд?

Первая попытка послать им фотографии сорвалась: нивхские мальчишки не хуже их русских сверстников шарят по почтовым ящикам. Цивилизация! Они порвали мое письмо и фотографии. Женя подобрала обрывки, тщательно сложила их и таким образом узнала мой адрес. Вот ее письмо.

Письмо Е. И. Ловгун от 8 октября. *Здравствуйте, уважаемые В. И.!*

Огромное спасибо вам за письмо и фотографии. Но дело в том, что кто-то из моих доброжелательных соседей порвал конверт с фотографиями и бросил опять в ящик. Мне пришлось буквально по кусочкам все собирать…

А мы тогда с Венерой очень благополучно добрались до стана, там нас уже ждали. Мы еще побыли немного на Даутах и поехали на Речки, т.е. на речку Вази. (Речками называют низменную долину южнее Набильского залива, где протекает сразу несколько речек, берущих начало в отрогах Набильского и Лунского хребтов, — В.Р.). Природа там обалденная, чего там только не растет! И черника, и клоповка, и рябина, и шиповник, и малина, и земляника, и смородина, и моловка, и костяника, и голубица, и брусника, и клюква, и морошка, и я еще долго могу перечислять, но это, наверное, будет очень скучно. Деревья там такие высокие, что кажется — они сейчас продырявят небо.

Когда мы ехали по реке, мы нечаянно сбили огромного тайменя, я таких не видела, в два раза больше, чем я. Он был уже старый и весь заросший мохом. Красавец! Мне очень не хотелось оттуда уезжать, но надо было ехать домой.

Когда мы выехали в залив, попали в шторм, и как назло у нас сломался мотор. Мы замучились грести, вымотались ужасно. Ветер против нас, течение против нас, ночь, слава Богу, что еще луна светила. Часа три-четыре мы гребли и гребли, а нас относило назад, но мы упрямо гребли. Я уже не обращала внимания ни на огромные волны, которые все пытались перевернуть нашу перегруженную лодку, ни на ветер, ни на что. Хотелось только быстрее добраться до берега и лечь спать. И когда уже ни у кого не осталось сил, когда уже все руки были в кровавых мозолях, у нас наконец-то завелся мотор. Бензина только два литра. Вот когда я вспомнила про Бога. Я молилась на мотор, да не только я — все на него молились. В общем, с горем пополам все-таки доехали до Даутов, кое-как до коек добрались. Мне даже сны не снились.

Письмо Жени я привел почти полностью специально для того, чтобы обратить внимание на ее владение русским языком. И потом, мне показалось, что у нее явно выражена тяга к слову, по-моему, она может писать. Пожалуй, здесь уместно повторить сказанное Андреем Георгиевичем несколько дней назад: «Инородец, пишущий на русском языке, — русский писатель». И оказалось, я угадал в Жене писательскую жилку. В одном из следующих писем она прислала свои стихи. Приведу одно, посвященное мужу:

Ночь. Тихо. Светит луна.
Ты одиноко стоишь у окна.
От луны льет холодный свет.
Четко виден твой силуэт.
Твоя фигура на фоне окна,
Она словно манит, зовет меня,
Шепчет как будто лишь для меня:
Ты одинок — одинока и я.

Я уловил в ее стихах волнение души, чувство, а это меня всегда привлекало. Конечно, Жене еще предстоит поработать над своими стихами, но я уверен, что у нее получится.

Распрощавшись с Венерой и Женей, мы поехали по косе прямо на юг, периодически останавливаясь. В этих местах пока не обнаружили, слава Богу, ни нефти, ни газа. Поэтому здесь хорошие заросли стланика, на небольших возвышенностях растет лиственница, и всюду масса всевозможной ягоды: сикса (шикша), брусника, костяника и рябина.

> ***Примечание.*** *Сахалинская рябина отличается от материковой: она не горчит, ее можно есть прямо горстями. Из нее, кстати, получается изумительно вкусное вино. Причем не нужно никаких ухищрений. Засыпаешь, например, ведро рябины в двадцатилитровую бутыль, наливаешь ведро обыкновенной некипяченой воды, высыпаешь килограмма полтора-два сахара, одеваешь на горло бутыли резиновую перчатку с проколотыми иголкой дырочками и ставишь ее, бутыль, в темное место. Все это вы проделываете в конце сентября или в первых числах октября. В дальнейшем происходит естественный процесс брожения, который безуспешно пытались запретить Лигачев с Горбачевым. К Новому году у вас будет литров двенадцать-четырнадцать прекрасного легкого вина, красивого насыщенного розового цвета, крепостью градусов восемь-десять, а то и поболе. Название у него простое народное — рябиновка. Изжоги оно не вызывает и так называемого выхлопа после него тоже нет.*

Лично я пробовал делать домашнее вино из всего, что хотя бы малость сластит — из яблок, груш, войлочной вишни, клубники, корочек арбуза и тому подобное. С уверенностью могу сказать: лучше сахалинской рябины ничего нет. Рябиновка — это человек!

Ширина косы, по которой мы едем, меняется от десятка метров до километра и больше. Фактически это полоса прибрежных песчаных дюн, некоторые из них высотой до пятнадцати — двадцати метров. На вершинах самых заметных стоят триангуляционные вышки. А на каждой вышке, как по заказу, сидит красавец орел. Он зорко осматривает всю местность. Приближающаяся с грохотом и воем машина его не пугает. Видимо, привык, и если специально не махать чем-либо, то он спокойно пропустит машину.

Красивые здесь места, но сильно ветреные. Рядом суровое Охотское море, которое во время осенних штормов чуть ли ни повсеместно перехлестывает через косу. Прохладно тут. Но зато какие богатые, какие благословенные Богом места! Так и хочется пасть на колени и, воздев руки к небу, взмолиться Всевышнему, чтобы дошлые нефтяники не обнаружили здесь ни грамма углеводородов. Ведь загубят все, причем совершенно безжалостно и с полным пренебрежением к живому и неживому, потому что капитализм — нажива превыше всего. Недавно в одной книге я встретил очень правильное высказывание по поводу роли нефти в мировой экономике. Попробуйте отгадать, кто и когда это сказал: «Страна, которая возьмет под свой контроль это драгоценнейшее топливо, наложит руку на богатства всего остального мира. Корабли других стран скоро будут не в состоянии плавать без нефти. И, если она сумеет создать свой собственный торговый флот, она легко станет владычицей всей мировой морской торговли, ибо держать в руках морские сообщения — это значит, облагать данью все другие нации. В ней начнется концентрирование промышленности, и ее банки станут мировыми расчетными центрами».

Думаете, Жириновский? В связи с войной в Ираке? Нет и нет! Это слова Пьера де ла Трамри, опубликованные им в далеком 1924 году в книге «Мировая борьба за нефть». Заметим для общего развития, что это было сказано в то время, когда мировая добыча нефти не превышала и ста пятидесяти тысяч тонн, а доля США составляла более шестидесяти процентов мировой добычи всеми странами, вместе взятыми (кроме СССР). Ныне США стоят на двенадцатом месте по добыче и на первом месте по потреблению. Нужны ли другие объяснения причин «нелюбви» Джорджа Буша к Саддаму Хусейну? Как говорится, ежу понятно. Да и козе — тоже. Только Министерство иностранных дел Российской Федерации никак этого не поймет. Вообще на моей памяти, а мне пошел восьмой десяток, после Тегерана, где блистал «дипломат» Иосиф Сталин, ни дипломатия СССР, ни дипломатия России не выиграли ни одного дела. Только поражения (Берлинская стена, Варшавский договор, развал СССР, дарение Беринговского шельфа и другие «успехи»). Непонятно, кого готовит наше МГИМО. Посмотришь на иного по телевизору, послушаешь, как говорит, — ну, прелесть, ну, умница. А добиться для своей Родины ничего не может. Как же так? Как не вспомнить в этой связи репрессированного в 1937 году Л. М. Карахана (Караханян), который блестяще переспорил японских дипломатов в 1925 году. Блестяще! И Северный Сахалин освободил, и выгоднейших условий концессии добился. Вот это был дипломат!

Доехали до пролива в Лунский залив. Пролив кажется узким, действительно, горло. С моря дул приличный ветер — пришлось натянуть капюшоны. Полный отлив, обнажились большие косы, на которых я насобирал полные карманы прекрасно окатанных яшм ярко-красного и темно-бордового цветов. Это снос с хорошо видимого отсюда в юго-западном направлении Лунского хребта Восточно-Сахалинских гор. Я раздал их всем, кто хотел взять. Мне самому они не нужны, потому что у меня сохранились прекрасные образцы разноцветных яшм из конгломератной свиты, что обнажается в абразионных уступах южнее мыса Хойнджо.

Наступила пора обеда. Нашли прогалину между кустами стланика, который защитил нас от ветра, расстелили что-то и на это «что-то» выложили нашу отнюдь не бедную закусь. Естественно, и на этот раз «у нас с собой было».

Постоянно молчавший Матола предпринял акцию под названием «трубка мира». Прямо нонсенс какой-то — «постоянно молчавший» итальянец. Выходит, не все итальянцы без остановки говорят и бурно жестикулируют, не все они сделаны по образу и подобию Адриано Челентано. В частности, Томассо, по-видимому, деловой, вдумчивый, серьезный человек. Жаль, что у меня нет с ним контакта — языковый барьер.

Томассо достал из наплечной сумки, с которой никогда не расстается, огромную сигару. Кто-то крикнул: бычкуй, Томассо. Он спокойно раскурил ее и пустил по кругу. Это был как бы индейский символ мира. Сигара прошла три круга. Я тоже принимал участие в ритуале, но не затягивался, не могу. Хватит с меня и того, что я, несмотря на свои древние годы, пью водку наравне со всеми.

Языки развязались и посыпались анекдоты, но они были не ахти, и я не стал их фиксировать. А вот пару тостов записал:

За нас, и хрен с нами!
Чтоб у нас все было, и нам за это ничего не было!

Битов как-то сказал: «Мои тексты — это уже мои игры с самим собой». Чрезвычайно интересно наблюдать за ним. И, по-видимому, полезно. Впечатление такое, что он стопроцентно самодостаточен. Думаю, что и те из нас, кто не выразил это ощущение словами, тем не менее внутренне чувствуют его, поэтому всегда слушают с вниманием.

Хотя, надо сказать, Андрей Георгиевич порой вещает вне контекста общей беседы. Но таково преимущество признанных мэтров. У Горького я прочел и запомнил, не понимая смысла: монополист мудрости. Может быть, это как раз тот случай?

В обратную сторону выехали без двадцати шесть. Вечерело, но нам было хорошо. И вдруг разгорелся спор между Мишей Прокофьевым и Андреем Бородиным. Я тоже зачем-то ввязался, но, слава Богу, не до крика. Оказывается, мой друг Миша сильно верит в вечность души и в реинкарнацию. Ну, пусть верит. Ничего худого в этом нет. Но тем, кто не верит, обязательно хочется переубедить того, кто верит. Зачем и для чего? Наверное, чтобы каждый был, как все, для унификации.

И еще. У Миши есть любопытная привычка: в разговоре, а тем более в споре, он всегда должен иметь последнее слово. Даже если это не аргумент, а просто констатация чего-либо.

Однако за спором Миша не забыл, что мы должны проезжать историческое место аборигенов — Дауту.

> ***Справка.*** *Дата или Дауту — заброшенный поселок на полуострове Асланбегова в Набильском заливе. Его посещали в свое время известные исследователи народностей Сахалина Бр. Пилсудский и Л. Я. Штернберг. Приведу фразу из книги последнего «Первобытная религия в свете этнографии» (Ленинград, 1936): «Вот откуда являются те странные изображения птиц, зверей, которые шаман воздвигает около своего жилища и которые еще можно увидеть в Дата» (с.27).*

Миша попросил подъехать поближе. Солнце уже село, и мы фотографировали это место в его закатных лучах. Получилось красиво.

И прекрасный «гарик» в качестве финальной точки этого дня (нравится мне Игорь Губерман):

Вновь закат разметался пожаром –
это ангел на Божьем дворе
жжет охапку дневных наших жалоб.
А ночные он жжет на заре.

8 СЕНТЯБРЯ (Воскресенье)

О чувстве дружбы в рабской доле
сказал прекрасно сам народ:
кого е… чужое горе,
когда свое невпроворот?

И. Губерман

Этот день по планам нашей экспедиции должен был состоять из двух мероприятий: посещения нивхского поселка Вени и купания в горячих источниках в поселке Горячие Ключи.

Сегодня, очевидно, после вчерашнего возлияния Битов не завтракает. Этот малозначащий для целей нашей экспедиции факт я упомянул лишь для того, чтобы попытаться заглянуть в тайны ассоциативного мышления поэта Кобенкова, который отреагировал на это словами:

— Спасибо простой русской женщине, — сказал он, — которая родила нам замечательного парня — Иисуса!

И с первого, и даже с десятого взгляда может показаться, что между отсутствием у Битова аппетита по утрам и рождением русской женщиной Иисуса нет никакой связи. Прямой, действительно, нет. Но опосредованная-то всегда найдется.

Коллектив нашей экспедиции сплошь состоит из творческих личностей. Подчеркну, из состоявшихся творческих личностей. Поэтому с самого утра и до отхода ко сну кто-нибудь что-нибудь «выдает». Вот и в данном конкретном случае посмотрим на исходные посылки. Кобенков — по матери еврей, но по вероисповеданию — православный, причем — (sic!) — глубоковерующий человек. Далее: внешность у Битова такова, что его легко можно принять и за «лицо кавказской национальности», и за еврея. Поэтому не мудрено, что, глядя на русского писателя с такой внешностью, в поэтических мозгах русского поэта Кобенкова образовался некий творческий коктейль из «сбитых» понятий, представлений и ассоциаций.

Однако Андрей Георгиевич не дал сбить себя с философско-империологической темы, которую он разрабатывает, видимо, давно:

— Основная проблема человека, собственно вообще всего человечества, — это нефть и вода. И то, и другое создано специально, чтобы поймать человека за руку, так как он не может без них обойтись. Когда я это понял, то страшно обрадовался, ибо без понимания роли воды и нефти в становлении и развитии человечества невозможно создать стройное, логически последовательное мировоззрение.

В половине одиннадцатого мы заезжаем в поселок Вени, что стоит в устье реки Малая Вени. С нами поехал и начальник НГДУ А. Н. Судариков. На самом деле, поселка как такового давно нет. Остался всего один жилой дом и несколько подсобных строений.

> **Примечание первое.** *Когда «по решению партии и правительства» начался процесс централизации поселков, колхозов и совхозов (первое постановление датируется 30 мая 1950 года), жителей поселка Вени насильно переселили в Ноглики. А ведь поселок был немалый: детский сад, магазин, почта, больница — в общем вся инфраструктура, как теперь говорят. Это произошло, со слов Вовкун, в 1964 году. Разбирали по бревнам жилые постройки, перевозили и заново собирали. Возможно, цель была благой: централизованные электро- и водоснабжение, централизованное отопление. Однако я думаю, что нивхи, особенно те, кто был в возрасте, переезжать не хотели. Но кто их спрашивал? Видимо, поэтому поселок Вени (Венское) не упомянут в топонимических словарях К. М. Браславца и С. Д. Гальцева-Безюка. На топографических картах населенный пункт Вени есть, есть и реки Большая Вени и Малая Вени. А в словарях они отсутствуют. Понимай — нету.*

> ***Примечание второе, географическое.*** *Обнаружилось еще одно расхождение. В Атласе топокарт М=1:200 000 довольно крупная река, берущая начало в отрогах гор Даги, конкретно с сопки Уйни, называется Бол. Вени. А на карте Управления гидрографической службы эта же река называется Уйни. Опять же понимай — нету.*

В бывшем поселке Вени теперь живет только «баба Лида», Лида Мувчик, отчества нет (на самом деле нет). Это пожилая нивха, но отнюдь не старуха, ей «всего» шестьдесят два года: круглое лицо, улыбчивая, подвижная. Как нам сказали, она

единственная, ныне здравствующая исполнительница старинных нивхских песен. И нам крупно повезло — баба Лида была не одна. Ее окружал целый выводок внуков, правнуков и племянников различной степени родства. Собрались представители четырех семей — всего человек около двадцати.

Здесь же была и Е. И. Вовкун (или Вовкук — написанной ее фамилию я не видел, а на слух мог и ошибиться). Оказывается, шестого сентября на встрече нивхов с депутатами районного совета, куда мы, к сожалению, не попали в известной степени стараниями В. М. Санги, было принято два решения. Возможно, и не два, но нам стало известно о двух. Во-первых, инициативная группа нивхов решила обратиться в правительство страны с просьбой пересмотреть политику распределения квот на вылов рыбы, объяснить ситуацию, которая в полном смысле слова может привести к голоданию многие нивхские семьи. Баба Лида, в частности, жалуется, что ей не дают ловить рыбу. А стало быть, не дают и есть ее! Представляете, вообще не дали никакой квоты? Если же московское правительство (так в оригинале) опять отфутболит наше обращение в администрацию Сахалинской области, которая в этом вопросе ничего не решает, будем обращаться в ООН.

> ***Примечание.*** *Что касается ООН, то от себя замечу — это типично то, что по-русски называют «ни рыба, ни мясо». Тот, кто имеет силу, конкретно США, чихать хотели на ООН, на все ее резолюции и решения. И не только хотели, но и чихают во всю империалистическую носопырку. Война в Ираке — тому яркий пример. Но ведь так было и будет всегда впредь: имеющий власть обязательно ее употребит. Это как ружье, висящее на стене в первом акте. Пожалуй, наиболее точно выразил это общечеловеческое явление украинский баснописец Евгений Павлович Гребёнка (а у себя на родине — Евген Грэбинка):*
>
> *На свити вжэ давно вэдэться,*
> *Що нызший пэрэд выщим гнэться,*
> *А бильшый мэньшого тусуе,*
> *та ще и бье,*
> *Затым що сыла е.*
>
> *Не могу не подчеркнуть: «Затым що сыла е». А в нашем случае «сыла» у кого? У Наздратенко. Поэтому рыбы нивхам не видать и не едать. Вот если бы Наздратенко был женат на нивхе, как Бр. Пилсудский на айне, тогда — другое дело.*

Александр Никифорович Судариков, руководитель с многолетним стажем, искренне удивлялся:

— Как можно додуматься не разрешить поймать ни одной кетины? А как же им жить?

> ***Примечание.*** *В том, что рыба издревле была основным продуктом питания нивхов, можно убедиться, просто заглянув в «Нивхско-русский словарь». Для человека любой другой национальности одна «юкола» от другой «юколы» не отличается. А у нивхов юкола юколе — рознь. Так, «нал ма» — это юкола, срезаемая с обеих сторон кеты вместе с кожей; «пыки ма» — пласт юколы срезаемый с каждой стороны хребта кеты; «мыдр ма» — юкола с кожей. И так далее, всего 11 различных понятий юколы. Такое в языке может образоваться только в результате многовекового использования этого продукта. Но Госкомрыболовству, видимо, это, как говорят молодые, по фигу или по барабану.*

Но нет, нет и нет! Члены экспедиции срочно зашоривают глаза и затыкают уши. «Черным» пиаром мы не занимаемся. Об этом мы заявили с самого начала и много раз повторили. А чем же мы занимаемся, черт нас подери, если лезем в душу острова, а это значит — людям?! Понимай — нету.

И второе решение, о котором мы узнали: нивхи решили всем сходом отправиться на рыбалку, несмотря на отсутствие квот. Мы как раз и присутствовали при этом акте неповиновения властям. Мужчины не стали терять время на разговоры с нами и, захватив снасти, отправились к устью реки. А женщины, девушки и девочки остались в нашем распоряжении.

Вот что еще мы узнали от Елены Ивановны:

— Ногликский район — это район компактного проживания нивхов. В Ногликах их сейчас тысяча девяносто человек, на Валу — двести двадцать четыре. Детей не так много, как раньше, но есть. В Ногликах сто восемьдесят — сто девяносто школьников и сто двадцать дошколят. Государство вроде бы и хочет помочь национальным меньшинствам, но, к сожалению, не на деле, а только декларативно, на словах. На сегодня многим нивхам просто нечего есть. Рыбу вообще не разрешают ловить. Работы никакой нет. Народ спивается от безделья и полной безысходности.

Среди толпы племянников выделялась ростом, большими, явно не нивхскими глазами и вообще внешностью Наталья Васильевна Шадрина. Она — китайская квартеронка, окончила институт физкультуры и спорта в Хабаровске в 1981 году, много лет преподавала в школе и сейчас преподает национальные виды спорта.

Елена Ивановна:

— В 1989 году меня здесь медведица гоняла: пришла на стан, когда я там была одна, отогнала от рыбы меня и своих медвежат, а сама за четыре минуты (я засекала) заглотнула 15 кетин… Санги все же мало общается со своим народом… Я бы хотела передать Андрею Георгиевичу наше обращение в правительство, чтобы он, в свою очередь, передал его в центральные СМИ, а может быть, и за рубеж.

Наталья Васильевна:

— Многие молодые и пожилые нивхи участвуют в национальных ансамблях. В сентябре 2003 года исполнится десять лет ансамблю «Ари-ла-миф» (Земля северного ветра). Я всегда участвовала в национальных ансамблях. В 1990 году ансамбль «Ларш» выступал на ВДНХ. Руководил ансамблем тогда Горошко Николай Александрович. Потом, как известно, все развалилось, наступило царство мини-автономий, и нашего руководителя просто «съели». Мы, бывшие участники ансамбля «Ларш», пошли прямо к нему домой и стали просить, чтобы он нас не бросал. И он практически приватно занимается с нами до сих пор. Сейчас вот мы готовимся выступать перед американскими туристами, которых ждем со дня на день из Японии. Репетируем каждый день.

И без малейшего смущения она тут же продемонстрировала нам отдельные па национального танца. Может быть, это был «тигд» — национальный танец, «который танцуют все». В полевом дневнике у меня записано: танец Анитры в исполнении нивхи (танцуя, она приговаривала: «И ты затлер та…»). Чудо! Наталья Васильевна несколько раз подчеркнула: «У меня мама нивха». И еще:

— Мы не только танцуем старые танцы, мы сочиняем новые… В танцах у нас есть Юра Подставнов, но он еще и — горловое пение. Это искусство идет от шаманов. Но живых шаманов сейчас уже нет. Была бабка в Охе. Умерла. Шаманство — это дар божий, талант. Поэтому шаманить может далеко не каждый. Сейчас если родится такой человек, он станет просто целителем, может быть, экстрасенсом.

Начал накрапывать дождь, но он не помешал ни мужикам рыбачить, ни нам общаться с женской половиной. Пока я беседовал с Еленой Ивановной и Натальей Васильевной, баба Лида по просьбе наших операторов нарядилась в национальные нивхские одежды, взяла в руки две палочки и стала выбивать на, казалось бы, обычном бревне удивительные ритмы. Затем она, взяв на колени самого младшенького из внуков, исполнила нивхскую детскую песню, что-то вроде нашей «Баю-баюшки-баю». В общем, она действительно оказалась синтетической актрисой.

Покидаем Вени в 12 часов 50 минут. Следующий пункт — поселок Горячие Ключи.

> ***Справка.*** *Горячие Ключи — поселок Ногликского р-на. Возник в устье р. Нельбут, впадающей в Ныйский залив. Вдоль нижнего течения реки расположены многочисленные газопроявления и источники горячей минерализованной воды. По температуре воды их делят на три группы: северную с температурами от 25 ºС до 43 ºС, центральную — 41–52 ºС и южную — 40–54,5 ºС. Горячие воды, проходя через толщу ила, обладающего свойствами лечебной грязи, дополнительно улучшают его лечебные свойства. Здесь расположена бальнеолечебница Сахалинского областного управления здравоохранения.*

Это мое четвертое посещение Горячих Ключей. Впервые я испробовал их целебно-оздоровительную прелесть еще в 1972 году. То было мое первое поле на Сахалине. Мы забросились вертолетом в среднее течение большой реки Даги (в «лагерь Кремнева») и оттуда сплавлялись на резиновых лодках до железнодорожного моста. Нелегкий и даже опасный сплав. Отряд у меня в тот год был своеобразный: трое взрослых и два спиногрыза. Так мы называли двух пацанов: моего сына Игоря семи лет и приемного сына Феликса Файнберга одиннадцати лет. Они удивляли нас своим аппетитом и доставляли нам массу всевозможных забот. Но мы терпели ради их же будущего.

За шесть дней мы сплавились до того места недалеко от устья реки, где стояли рядом два моста: автомобильный и железнодорожный. Чтобы довезти полевое снаряжение и ящики с образцами горных пород на станцию Даги, взяли напрокат железнодорожную тележку. И когда мы дружно ее толкали, навстречу нам вдоль полотна не спеша проехал пожилой нивх верхом на олене. И хотя в те годы на Северном Сахалине было еще довольно много одомашненных оленей, все же человек, едущий верхом на олене вдоль железнодорожного полотна, создавал удивительный временной диссонанс в развитии транспортных средств на острове.

Оставив вещи на складе (камеры хранения, естественно, там не было), мы на автодрезине поехали на Горячие Ключи. Там народ показал нам ванну общего пользования, которая представляла собой деревянный короб, примерно два на два метра. Последний раз мы в теплой воде мылись еще в охинской гостинице, больше недели назад. Поэтому горячая ванна нам была очень кстати. Мы провели в этой ванне почти два часа и запомнили радость общения с Горячими Ключами на всю жизнь.

В этот раз нас подвезли прямо к уютной одноэтажной здравнице. Деревянная и ухоженная. Только вошли внутрь — разувайтесь. Только разулись — раздевайтесь, не стесняйтесь, снимайте все. Берите простынку — и вперед, в смысле вниз, в ванну. Но в ванне не более семи минут — сердце может не выдержать.

И почему оно может не выдержать, если телу приятно? Очевидно, по причине того, что приятное почему-то одновременно в обязательном порядке вредно. Самый злой закон природы: кайф вреден, он как бы окисляет наше здоровье, превращая его

в болезни тела и души. Любопытно: на какой стадии эволюции живого возникает кайф и вред от него? Ни у инфузории туфельки, ни у пчелы кайфа явно нет. А вот у птиц — уже есть! Значит, кайф появляется еще на подступах к млекопитающим. Эх, достать бы краткое двухтомное введение в российскую кайфологию!

Обслуживал нас (выдача простыней, бесплатные советы и рекомендации) небольшой такой, очень приветливый мужичок лет шестидесяти пяти, Иван Дмитриевич. Каждому при выходе из ванны он благожелательно говорил: «Со здоровьицем!» Сам он, как и его напарник, живет в Ногликах, дежурят они по семь дней кряду. Оказывается, это действительно здравница. Здесь имеются четыре палаты, небольшие уютные комнатки и кухня. Всего в здравнице одиннадцать мест, стоимость проживания — двести двадцать восемь рублей в сутки.

И в ванне, а затем и в процессе одевания экспедиционные операторы и фотографы запечатлели нас на видео- и на фотопленку. Очевидно, для истории. Но нам, понятно, нечего стесняться своей красоты. Пусть их! Битов же философски заметил: «Пик моей славы и вершина моей известности наступят тогда, когда меня начнут узнавать голым».

Только-только мы разомлели в горячей минерализованной воде, как опять зазвучал наш неизменный таймер: давай-давай, пошли-пошли, народ ждет. И на самом деле ждет: в десяти метрах от здравницы возвышался навес из недавно оструганных досок, под ним столы из тех же досок, а на столах уже и снедь, и бутылки. Нефтяникам красиво жить не запретишь!

В этом нефтедобывающем управлении сложился оригинальный в национальном плане коллектив нефтяников: преобладают азербайджанцы и западноукраинцы: Низами Музаевич Исмаилов из Баку, Игорь Николаевич Войтович из Ивано-Франковска, Александр Владимирович Хулап тоже, видимо, с Украины, Абдулыч откуда-то с Кавказа и так далее. В общем, нам устроили очень теплое азербайджанско-западноукраинское застолье.

Начавшийся еще во время нашего пребывания в Вени дождь постепенно разошелся. Слава Богу, ветра почти не было, и потому пребывать под навесом, на свежем воздухе, с рюмкой в руке и куском колбасы в другой было весьма комфортно.

Низами Мусаевич оказался большим любителем и крупным специалистом произносить тосты, возможно потому, что за этим всегда следовало опрокидывание рюмки. Это были хорошие, в меру длинные и достаточно поучительные рассказы о том, как не надо поступать и как следует жить. Самый первый тост был, естественно, за Сахалин, за этот чудесный остров, где собираются за одним столом такие хорошие люди:

— Хотя я родом из Баку, но Сахалин стал для меня родным, ведь я приехал сюда молодым специалистом, и в следующем году исполнится уже четверть века, как я работаю на острове. Сахалин мне очень-очень дорог. Здесь я встретил свою жену, щиру хохлушку, здесь у меня масса друзей. Сахалин — это мой дом. Это добрая земля, и здесь живут нормальные хорошие люди. Выпьем же за эту добрую землю и за встречу с вами на этой доброй земле.

После третьего тоста неутомимого Низами Мусаевича Андрей Георгиевич начал легонько бить себя в грудь:

— Я же один из вас, я закончил Ленинградский горный институт, имею диплом инженера-геологоразведчика. Работал на буровой, но геологией, в общем-то, не горел. Однажды на спор привез на буровую ящик пива. Был скандал, но меня не сожрали, меня уволили. Я был просто жертвой. Пришлось сменить профессию, и я не жалею об этом. Позавчера вот на промысле увидел ремонт скважины, посмотрел, как ребята таскают штанги, и подумал, что я бы уже так не смог.

Ударился в воспоминания и Войтович:

— Первый раз на острове я побывал еще студентом, в 1977 году. У меня была производственная практика на Березовском месторождении. Геологом там был тогда Девятилов. Хороший человек и знающий геолог. Он произвел на меня большое впечатление, что и стало первопричиной моего выбора при распределении. На следующий год я получил диплом и приехал на Сахалин, и вот уже двадцать четыре года я здесь.

> ***Справка.*** *По Николаю Михайловичу Девятилову у меня нет данных, кроме того, что во время моей работы в Сахалинском геофизическом тресте он был начальником геологического отдела ВПО «Сахалинморнефтегаз», то есть по должности на несколько ступенек выше меня. Поэтому он и «не предоставил» мне сведений о себе. Возможно, здесь и влияние его супруги. Она заведовала геологическими фондами в тресте и всячески препятствовала моим историческим исследованиям — зорко следила, чтобы я не брал отчеты, не относящиеся непосредственно к той площади, по которой писал отчет сам. В своих записях того времени я назвал ее занудой. Но и теперь, и тогда я понимал, что не она сама зануда (кстати, она производила впечатление порядочной доброй женщины), а должность у нее была такая, что требовала повышенного занудства. Заведующих геологическими фондами регулярно и довольно часто натаскивали на повышенную бдительность, в конце концов, они впитали это и в плоть, и в кровь. Даже после развала СССР, ликвидации Главлита и прочих подобных структур заведующие геологическими фондами все так же проявляли повышенную бдительность. Нанервничался я с ними.*

Когда тосты иссякли, Низами Мусаевич сказал:

— Мне всегда приятно, когда я говорю тост. Но ничего не поделаешь, мне пора на работу, — он тепло распрощался с нами и уехал. Вслед ему неслось (не знаю, чье, не уследил): жертва тоста.

Но еще до того, как ему уезжать на промысел, мы успели с ним «подавить песняка» — спели с десяток украинских песен. Дело в том, что жена у Низами Мусаевича украинка, и он почти каждый отпуск ездит на Украину, на родину жены, а у него самого, по-видимому, лингвистические способности. В общем, украинские песни он поет хорошо и знает их великое множество, пожалуй, больше, чем я. И голосина у него тоже будь здоров.

Вначале, когда мы только расселись и выпили первые рюмки, нефтяники кучковались возле Битова, надеясь услышать что-нибудь мудрое-премудрое, надсахалинское. Но Андрей Георгиевич окончательно разомлел и сказал: «Я сегодня вне мудрости». Тем не менее после нескольких тостов он говорил что-то о барьерах в душе и в жизни, но я в это время был сильно занят — пел дуэтом с Низами Мусаевичем — и потому ничего не записал.

Среди застолья Матола неожиданно достал из своей походной сумки кольцо натурального итальянского сервелата и пустил его по кругу. Вкусный очень, с крупными кусками сала, как я люблю, но перца в ней было превеликое количество. Даже несмотря на выпитую водку, жжение от языка резко уходило куда-то внутрь.

Дождь после нашего песнопения несколько поутих, и нас решили сводить вдоль речки Нельбут, чтобы показать народные купальни. Недалеко от нашего навеса был овраг, на дне которого стояло небольшое дощатое строение. Когда мы спустились вниз и открыли дверь, оттуда вылетел крупный заряд хорошего русского мата. Оказывается, в это время там грели косточки две нехуденькие матроны. Вскоре они вышли, продолжая ругать и нас, и погоду, так как из-за дождя в овраг стекали мутные потоки глины. Заглянув в «ванну», мы увидели, что она вся заполнена глиной.

Вылезать из оврага по скользкому косогору было непросто, ведь все мы были еще и на приличном поддатии. Матола поскользнулся, стал на четвереньки и таким образом выбрался из оврага. Наблюдая эту сцену, я решил было, что итальяшка готов. Но позже убедился, что ошибся и недооценил его жилистость и мужской характер.

Дальше ввиду непрекращающегося дождя мы не пошли и стали собираться в обратный путь. Очень тепло, почти по-братски распрощались с нефтяниками и поехали в Ноглики.

Но в гостиницу мы попали не сразу. У одного из сотрудников А. Н. Сударикова был в Ногликах свой дом типа особняка с банькой под одной крышей. И не какой-нибудь там деревенской по-черному, а очень даже по-белому, с широкими полками, с душем и с бассейном, одетым в приличный кафель. Красиво жить не запретишь!

Снова были в изобилии и водка, и «рыбья» закусь. Но я был так заполнен и так устал, что мне уже было ни до водки, ни до закуски, ни до баньки. Зашел, правда, пару раз в парную и тут же, сидя в предбаннике, уснул. А вот Битов и Матола продемонстрировали невероятный запас прочности: они и парились, и в бассейне кувыркались, и водку жрали так, будто начали с нуля. Вот вам и старик Битов! Вот вам и слабосильный итальяшка!

(Окончание следует)

критика и библиография

Галина ЯКУНИНА

Василий Бесконвойный

Перечитывая В. Шукшина

Изацепило же его это звонкое иноземное слово — «интеллигент»!

Возможно, причина в том, что, обрусев и укоренившись в русском языке, оно обрело совершенно особое значение, которое сам Шукшин довел до классической завершенности: «Интеллигент — это мудрость и совестливость, а также способность сострадать чужим страданиям. Это горький мучительный талант. Это, очевидно, и сдержанность, и тактичность. Это неспокойная совесть, ум. Полное отсутствие голоса, когда требуется подпеть могучему басу сильного мира сего, горький разлад с самим собой из-за проклятого вопроса «Что есть правда?», гордость и… сострадание судьбе народа. Неизбежное, мучительное. Если все это есть в одном человеке — он интеллигент».

Себя он, конечно, интеллигентом не называл. И, наверное, правы будут те, кто скажет, что Василий Макарович к интеллигентам никогда себя и не причислял — даже мысленно. Но почему в течение всей жизни он возвращался к этому слову в рассказах и романах, фильмах и статьях? Почему так часто произносили его с разными интонациями шукшинские герои — настоящие и бывшие «сельские жители»? Почему, читая том за томом его собрание сочинений, укрепляешься в чувстве, что стать интеллигентом было для Василия Шукшина важнее, чем писателем, актером и режиссером?

> *Слово «ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ» появилось в русском языке вскоре после отмены крепостного права. В словаре Владимира Даля оно имеет значение собирательное: это «разумная, образованная, умственно развитая часть жителей». Зато однокоренное слово «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ» трактуется любопытнейшим образом: «духовный, разумный, умственный; противопоставление — вещественный, плотский, чувственный». Сравним с исходным значением латинского intellectualis — «умственный, исходящий от разума, рассудочный, относящийся к психической жизни человека». Именно последнее определение становится первостепенным в русском словаре. Причем тяжелый причастный оборот заменяется одним-единственным словом «духовный»: ученая латынь безропотно уступает место воздушной древнегреческой Психее, олицетворению человеческой души. Как видим, русский язык полтора столетия назад не просто вобрал в себя иноземную лексему — он ее одухотворил.*

Впоследствии интеллигентность станут определять совокупностью качеств, привитых образованием и воспитанием: любовью к книге, вежливостью, опрят-

ностью, интересом к культуре и так далее. Забывая при этом упомянуть главное: способность интеллигентного человека к духовной эволюции, самотворению. Именно этой способностью в высшей степени обладал Шукшин.

ЭКЗАМЕН

«Мне везло на умных и добрых людей» — его признание говорит о многом. Союз ума и доброты окрыляет душу человека, сообщая ей сокровенную силу, свет и свободу мудрости.

О том, какую роль сыграл в судьбе будущего писателя режиссер Михаил Ильич Ромм, написано много. «К счастью моему, я попал учиться в мастерскую очень интересного человека, человека глубокого ума. Интеллигента… Я его с благодарностью вспоминаю всю жизнь», — скажет Василий Макарович в одном из последних интервью. А первая их встреча на вступительном экзамене во ВГИКе произведет неизгладимое впечатление не только на абитуриента-сибиряка, но и на всех, кто был ее свидетелем.

Вспоминает режиссер Александр Митта, однокурсник Шукшина (воспоминания в настоящей статье приводятся по книге «Звездные трагедии: загадки судьбы и гибели»): «На экзамене Ромм ему говорит: «Ну, расскажите, как себя чувствовал Пьер Безухов в Бородинском сражении». Шукшин отвечает: «Я это не читал. Очень толстая книжка, руки не доходят». Ромм нахмурился: «Вы что же, толстых книжек совсем не читаете?» Шукшин говорит: «Нет, одну прочел. „Мартин Иден“. Очень понравилась». Ромм сказал: «Какой же вы директор школы, вы некультурный человек. Нет, вы не можете быть режиссером». И тут вдруг Шукшин стал на него кричать: «А вы знаете, что такое директор школы? Дрова к зиме у председателя сперва выбей, потом вывези да наколи, чтоб детишки не мерзли. Учебники раздобудь, парты почини, керосину добудь, учителей размести. А машина — с хвостом на четырех копытах, и ту в колхозе не выпросишь. Где шагом, где бегом, грязь — во… Где уж тут книжки читать!» Вгиковские бабки были счастливы — нагрубил Ромму, сейчас его выгонят. А Ромм заявил: «Только очень талантливый человек может иметь такие нетрадиционные взгляды. Я ставлю ему пятерку».

Рассказ «Экзамен» родится шесть лет спустя, когда Шукшин уже окончит ВГИК. Это раннее произведение, одно из немногих, будет включено им в «Избранное».

Автобиографичный сюжет претерпит существенные изменения: абитуриент превратится в студента-заочника, бывшего фронтовика. Ему достанется экзаменационный билет не по «Войне и миру», а по «Слову о полку Игореве». Разговор в аудитории состоится без свидетелей, и в конце его профессор подарит заочнику «Слово о полку», а «неуд» все-таки влепит. Но главный нерв рассказа — в непростом, временами неловком и вместе с тем доверительном диалоге героев. Студент признается, что был в плену, бежал, и поэтому чувства пленного князя Игоря ему понятны. А профессор, отвечая откровенностью на откровенность, поведает заочнику, как в Киеве, на Подоле, глядя с былинной высоты в синеву и даль, почувствовал, что он уже бывал здесь когда-то… «не в своей жизни даже, а давным-давно».

— Я в плену не был, даже не воевал никогда. Но там, над Подолом, я каким-то образом постигал все, что относится к войне. Наша страна много воюет. Трудно воюет. Это почти всегда народная война и народное горе. И даже тот, кто не при-

нимает непосредственного участия в войне, все равно живет теми же чувствами… Я это не из книжек вычитал, сами понимаете. Я это чувствую и верю этому.

Кто произносит этот монолог с ощутимым налетом мистики — профессор, или сам Шукшин, «подранок» из поколения детей войны? Не важно.

А что важно? То, что герой его боится увидеть в зачетке «хорошо» или «отлично». И тихо смеется, увидев «плохо». Книгу он откроет уже на улице. И прочтет дарственную надпись: «Учись, солдат. Это тоже нелегкое дело».

Да, глубоко запала в душу Шукшина «пятерка» Ромма…

До конца жизни он будет вспоминать «бесконечно добрые глаза, чуть ироничный, чуть улыбчивый взгляд поверх очков». И благословение учителя, пристально следившего за его первыми шагами в литературе: «Теперь иди сам. Ты — парень крепкий».

УПОРНЫЙ

Об учителе Сросткинской средней школы А. И. Гекмане известно гораздо меньше. Но в судьбе Шукшина он тоже сыграл роль немалую. Об этом рассказала в своей статье «Физик Александр Гекман» Галина Ульянова, директор музея В. М. Шукшина в Сростках.

Василий пришел к Александру Ивановичу уже взрослым. Бывший матрос Черноморского флота, комиссованный из-за язвенной болезни (рано аукнулось голодное военное детство), он готовился сдать экстерном экзамены за среднюю школу. Занимался в дневной и вечерней школах сразу, благо, располагались они в одном здании (сегодня в нем находится музей). Зинаида Ковязина, учительница математики и жена Александра Гекмана, вспоминает в своем письме директору музея: «…Это был удивительный человек и ученик. Мы, учителя, поражались его трудолюбию, поэтому, естественно, возникало желание помочь ему. Шукшину разрешили посещать уроки математики, физики и химии в дневной школе, по возможности — и вечерней. Эти предметы давались ему, конечно, трудно, но он занимался упорно».

«Упорный»… Один из самых известных шукшинских рассказов, на страницах которого Александр Иванович появится под своей настоящей фамилией: «Учитель физики, очень добрый человек, из поволжских немцев, по фамилии Гекман». Тот самый, который с улыбкой будет слушать Моню Квасова, «сочинившего» вечный двигатель. Но это улыбка не снисходительно-насмешливая, как у инженера РТС Голубева. Учитель искренне радуется Мониной задумке, делится своим восторгом с молодой математичкой: «Вот!.. Видите, как все продумано! А вы говорите…» И, не переставая радоваться чему-то, Моне непонятному — незыблемости законов механики, что ли? — он начнет разъяснять ему про «кажущуюся неравномерность и абсолютное равенство»… Конечно, не убедит. Конечно, упорный Моня соберет свой двигатель. И будет враждебно смотреть на «сверкающий спицами светлый круг» остановившегося колеса. Душа опустеет…

Что дальше? Зачем, встретив на улице насмешника-инженера, он как бы между прочим скажет, что колесо крутится? Почему у него при этом будет такой «честный и усталый вид, нисколько не пристыженный, а даже какой-то просветленный», что Голубев ему поверит? А обнаружив обман, усмехнется, но посмотрит на Моню с интересом:

— Все же не поверил на слово? Сделал…

— Весь день угробил, — подтвердит Моня. — Но дело не в этом… Я все же не понимаю: почему оно не крутится? Оно же должно крутиться.

— Не должно. В этом все дело, — простецки улыбнется инженер. — Учиться надо, дружок. Тогда все будет понятно.

— Да причем тут — учиться, учиться… А ученых дураков не бывает?

— Бывают! Но все же неученых их больше.

Финал рассказа удивительно прост и многомерен. Все как всегда: «солнце всходит и заходит — недосягаемое, неистощимое, вечное». И на земле по-прежнему «шуруют, кричат, спешат, трудятся, поливают капусту… Радости подсчитывают… Хэх!.. люди, милые люди… Здравствуйте!»

Чей это голос? Мони Квасова? Самого Шукшина? Дуновение летнего ветра, донесшего голоса из вековой дали? Этот внутренний монолог заставляет задуматься о многом. Например, о том, сколько людей изобретало сверкающие «города солнца», верило в мировую революцию, ценой немыслимых жертв строило светлое будущее… Увы, никакая революция не изменит человечество и не приведет его строем к счастью. Не потому ли, что сообща борются — за внешнее? А изменить себя в незримой изнурительной битве с самим собой никто не поможет. Путь познания жизни потому так мучительно одинок, что это путь самопознания в первую очередь.

ВАНЯ, КАК ТЫ ЗДЕСЬ?!

Свою инородность в столице Шукшин остро чувствовал уже в пору студенчества. Об этом есть запись в его дневнике: «Посмешищем на курсе числился, подыгрывал, прилаживался существовать…»

Валерий Фомин, историк кино, сотрудник НИИ киноискусства, вспоминает, что «Шукшин всегда был неким перпендикуляром к столичной кинематографической жизни. Московская кинотусовка уже тогда была прозападной, а он был ярким патриотом, человеком от земли. В столице Шукшин чувствовал себя изгоем».

Герой рассказа «Ваня, как ты здесь?» тракторист Пронька Лагутин, которого уговорят «пробоваться на артиста», поначалу обрадуется: «Мне глянется такая работа, честное слово. Если увидят меня в деревне, это будет огромный удар по клубу, его просто разнесут по бревнышку». И, видя недоумение режиссера, простодушно разъяснит: «От удивления. Меня же на руках вынесут!» Но объясняться-то ему с режиссером придется на каждом шагу, по каждому слову… Намаявшись от обоюдного непонимания, Пронька оставит записку: «Не выйдет у нас». И уйдет.

Шукшин останется, но непохожесть его с годами будет укрупняться, резать глаза, вызывая раздражение и зависть коллег. Непростой нрав сибиряка только добавит проблем. Размашистый, ревнивый, часто доказывающий правоту кулаками… Его начнут «прорабатывать» на партсобраниях.

Один такой эпизод вспоминает Армен Медведев, профессор ВГИКа: «Стоит Шукшин, будто Егор Прокудин — кожаная куртка надета чуть ли ни на гимнастерку, а Сергей Герасимов внушает ему: «Вася, ты должен понять, что ты не просто парень в кожане. Ты — интеллигент!»

Спасибо, как говорится, на добром слове… Несколько лет спустя писатель сформулирует свое понимание интеллигентности в знаменитом «Монологе на лестнице». А на обсуждении фильма «Ваш сын и брат» скажет: «Начнем с того, что я всем обязан интеллигенции. Нет оснований видеть в интеллигенции какое-то нехорошее начало нашей жизни, к которому надо внимательно присмотреться… Я люблю деревню, но считаю, что можно уйти из нее. И Ломоносов ушел из деревни, и русский народ от этого не потерял, но вопрос: куда прийти? Ведь человека тут

же вбирает масса недоделанных «интеллигентов», которая имеется в городе… По себе знаю. И эти городские жители начинают по своему образу и подобию приготовлять человека, а потом… глумиться, что такой фанфарон и дурак вырос».

По сути, это программное заявление. Шукшин, «всем обязанный» интеллигентам, понимает, что настоящих среди них — мало: «Начнем с того, что явление это — интеллигентный человек — редкое»…

Не оттого ли его подспудное неафишируемое стремление к интеллигентности напомнит путь Ломоносова в науку: стремительный и мощный расцвет таланта оставит плоды, восхищающие потомков, но скорость духовной эволюции окажется смертельной для человека. Может, великие писатели потому и сгорают быстро, что идут «головокружительной, опасной кручей в неведомое»? И цена их откровениям — жизнь.

ЧУДИК

Физический труд все больше автоматизируется. Духовный — никакого облегчения не знает. Нет таких высоких технологий. И вряд ли будут. «Тяжело уходить от родных мест. Стронулся с места и… остался один. Обязательно надо обнаружить в себе нравственную основу, нравственную крепость, чтобы не потеряться».

Из всех своих знаменитых «чудиков» Шукшин — сам первый Чудик. Именно так, с большой буквы. Недаром эпизод одноименного рассказа взят из жизни Шукшина. Тот самый, где Чудик собственную оброненную пятидесятирублевку — «полмесяца работать надо!» — постесняется забрать с магазинного прилавка, на котором ее сам же, на виду у очереди, эффектно оставляет, подобрав с пола: «Хорошо живете, граждане! У нас, например, такими бумажками не швыряются!» И столько в чудиках его намешано всякого-разного, что словами не выскажешь: провинциального наива и корневой мудрости, яростного самоутверждения и робости перед «городскими», веры в «науку» и тоски от несправедливого устройства жизни.

Что такое «чудик» по Шукшину? Сельские жители его не понимают. Городские — не принимают. Куда податься? А главное — что делать человеку, у которого душа тоскует и в деревне, и в городе, пытаясь понять, зачем она на земле?

Все таланты у Шукшина — люди с норовом: что мастер Семка Рысь, «забулдыга и непревзойденный столяр», что умелец Васёка, каждый месяц меняющий место работы, что кузнец Федор Грай, победивший на краевом смотре самодеятельности. Характерна концовка рассказа «Артист Федор Грай»: услыхав объявление, что первое место среди самодеятельных артистов занял именно он, даже отец победителя усомнился.

— Кхм… Может, еще какой Федор Грай есть?

— Нет. Я один Федор Грай, — тихо сказал Федор и побагровел. — А может, еще есть. Не знаю.

Только осознал человек, что «один», не такой как все, как тут же спохватился, покраснев: что подумают?..

Почему самый большой грех, который не прощает человеку общество — это стремление быть самим собой? Почему шаг к себе — самый трудный в жизни? Ведь не герои и не автор записывают себя в «белые вороны»: это реакция окружающего мира на «отступников» такова.

Неустрашимо противостоит всей деревне Алеша Бесконвойный. Его, безотказного и старательного пастуха, считают безответственным, оттого что в

субботу и воскресенье он «выпрягается» из колхозных работ. Что и говорить, чудачество опасное, его можно расценить как вызов всему социальному строю: колхозник берет два выходных в неделю! Это в деревне, где не только начальство, но сама природа-матушка никакого отдыха не признает, пока на дворе посевная или уборочная страда. Да и коров каждый день пасти надо… Случай настолько из ряда вон, что даже настоящее имя героя — Костя Валиков — почти забыто односельчанами, словно человек монашеский постриг принял. Не от мира сего. А ведь весь его бунт сводится к простому желанию человеком себя почувствовать, о душе подумать.

Слова настолько затертые, что первоначальный их смысл почти забыт, как имя самого Алеши. Бывший фронтовик, он «серьезно вдумывается в жизнь: что в ней за тайна, надо ее жалеть, например, или можно помирать спокойно — ничего тут такого особенно не осталось?». А чтобы осталось что-то, она, жизнь, должна идти без суеты, «чтобы в душу вселилась некая цельность, крупность, ясность. Чтобы осознанная любовь вошла в душу — к степи за селом, заре, летнему дню, детям». Пока нет покоя на душе, гармонии с миром — разве это увидишь? Так-то, милые люди…

И снова звучит этот надмирный печально-улыбчивый голос, вбирая голоса героя и автора, опираясь на мощную поддержку незримого хора.

ПЕТЯ

Писателя не раз упрекали в сентиментальности, забывая, что фундаментальный принцип сентиментализма — внимание к душевной жизни человека. И потому все упреки в идеализации героев, чуть ли не в слащавости, — это не к Шукшину. У него как раз мужество обнаженной души: вот я перед вами, принимайте таким, как есть. Разве сыграешь такой взгляд и жест, такую «нутряную» интонацию как в «Печках-лавочках» или «Калине красной»?

В интервью Шукшин был столь же бесстрашно, размашисто откровенен: «Как только принимаюсь работать — писать рассказ, снимать фильм, — тотчас передо мною являются две трудности: жизнь человека внешняя и жизнь души… Меня больше интересует «история души», и ради ее выявления я многое опускаю из внешней жизни человека».

> *ДУША — слово общеславянское, древнейших индоевропейских корней. Той же основы, что и дух, воздух, дыхание, дуновение, вдохновение. Однако исконное значение воздушного слова вполне «телесное»: «ямочка над грудной клеткой».*
>
> *По Далю душа — «бессмертное духовное существо, одаренное разумом и волей».*
>
> *А еще — «душевные и духовные качества человека, совесть, внутреннее чувство».*
>
> *Взять что-то на душу — принять присягу, дать клятву. Взять на душу грех — «совершить самоуправство, понимая свою ответственность». Покривить душой — поступить против совести. Сказать по душе — сказать по правде».*
>
> *А пословицы! «Не тужи по голове: душа живая», «Душа телу спорница», «Грешное тело и душу съело», «Душа душу знает, сердце сердцу весть подает»...*

История жизни и история души, как правило, в биографии больших художников не только не совпадают, но и идут наперерез друг другу. Здесь — иной случай. Валентин Курбатов очень точно подметил, что «русским писателям вообще свойственно сбиваться на прямое участие в сочинении, но Шукшин даже в этом требовательном ряду был очевидным исключением». Вся «история души» Шукшина раскрывается в книгах, им написанных. Оттого и эффект присутствия читателя, его соучастие в событиях, о которых повествует автор, становится физически ощутимым.

«Мой» Шукшин начался с рассказа «Петя»: «Двухэтажная гостиница городка Н. хлопает дверьми, громко разговаривает, скрипит панцирными сетками кроватей, обильно пьет пиво». Мастерский зачин: доктор Чехов где-то в вечности переглянулся со счетоводом Зощенко, вдалеке узнаваемо громыхнул молодой бас агитатора Маяковского: «улица корчится безъязыкая…»

Далее все по канонам художественной литературы: завязка — кульминация — развязка. Автор-рассказчик сидит у окна, спиной к дверям и гостиничным разговорам, и от нечего делать наблюдает за Петей, «маленьким, толстеньким, грудь колесом, ушки топориками, нижняя челюсть — вперед». Ирония и активное авторское неприятие Пети — «хозяина» нарастает от предложения к предложению. Так и видится беспощадно-веселый шукшинский прищур: сочными мазками, внахлест, наотмашь выписан складской ответственный работник Петя со своей супругой, буфетчицей Лялькой, «фиксатой притворой». Классический фельетонный сюжет: сельская парочка, благополучно освоившись в городском муравейнике, если что и прихватила с собой из деревни, то далеко не самое лучшее. Прямым текстом, «по-маяковски», выражена авторская позиция: «Обидно. Стыдно. И злость берет».

И вдруг под самый занавес раздается голос — не свыше, нет! — «с низов». Старушка, что целыми днями сидит под окном на лавочке, беседует сама с собой: «Кака уважительна бабочка-то. Целый день только и слыхать: “Петя! Петя!” Дружно живут, дай господи».

Можно, конечно, не принимать всерьез эту реплику: обывательские, мол, взгляды, непонимание высоких идеалов. Можно вообще не заметить старушечьего бормотания, не сбивать с заданного настроя себя и читателя. Но Шукшин прислушивается… И поздно вечером, когда супруги возвращаются из гостей, а Лялька, выбиваясь из сил, тащит на себе хмельного упрямо-капризного Петю, по-матерински уговаривая его идти «баиньки», рождается совершенно непредсказуемая развязка, она же кульминация: «Меня вдруг пронзила догадка: да ведь любит она его, Лялька-то… Какого дьявола я гадаю сижу: любит! Вот так: и виды видала, и любит. И гордится, и хвастает — все потому, что — любит. Ну и… дай бог здоровья! А что?»

И сидишь над книгой, огорошенный этим «а что?»… И другие рассказы Шукшина в этом внезапном вопросе-высверке видятся вдруг иначе. Нет, не в грозном росчерке молнии, а в тонком солнечном луче, пробившемся сквозь щель чердачной дверцы. Когда в полумраке пляшет пыльная метель, а вещи, сваленные за ненадобностью еще до того, как ты родился, вдруг привлекают внимание и открываются воистину в новом свете.

СУРАЗ

По его рассказам невозможно строить уроки литературы с четким акцентированием прописных истин: вот добро, а вот — зло. Читайте, учитесь, не путайте.

Как раз у Шукшина все «перепутано», у каждого героя — своя правда. Почему жаль Спирьку Расторгуева из рассказа «Сураз»? Ведь сам кругом виноват этот «молодой бог», отсидевший пять лет за грабеж: влюбился в чужую жену, вообра-

зил, что все дозволено, получил достойный отпор от мужа, обиделся и стал месть готовить, а когда сорвалось и самолюбие заело — застрелился.

А «многие на похоронах плакали». Может, потому, что знали: добрый он, Спирька-то. Просто несуразный, заблудившийся. Кстати, сураз — это не только в «подоле принесенный», как объясняет Спиридон учительнице. В Сибири суразом называют неожиданный удар судьбы, сочувственно говоря: «Сураз за суразом, беда по беде». Нескладная, бесприютная душа, «скособоченная» судьба у человека, которого в тридцать шесть лет вся деревня зовет Спирькой. По рассказам односельчан, сам Шукшин еще мальчишкой держался со сверстниками строго, требовал, чтобы они звали его не Васькой, а Василием. Они, естественно, воспринимали это как чудачество и поднимали на смех. Нередко доходило до того, что подросток убегал в протоки Катуни и скрывался на ее островах по нескольку дней. Может, как Спирька, сидел там, «закрыв ладонями лицо». Может, думал. Может, плакал…

А Спиридон наделен от рождения не только яркой внешностью, нерастраченной силой и добротой, но и незамутненным природным чувством красоты. Замыслив самоубийство, не о смерти думает, а о том, как будет выглядеть после нее. Место ищет не только уединенное, но и красивое: «Вот где стреляться-то. А то на кладбище припорол…».

И не позерство это, а смертельная усталость от непонимания смысла жизни. Вот пытался злобу в себе разбудить, месть вынашивал, а душа восстала против. Выходит, доброта — это слабость? За которую не только Спирька жизнью платит, но и Егор Прокудин? (Эта фамилия не случайно впервые прозвучит именно в рассказе «Сураз»).

Беда по беде… а победа где? В том, что красиво ушел из несуразного мира людей? Так подросток шагает из окна многоэтажки в бездну, по-детски не веря в собственную смерть, но ярко представляя, как «они», его ругатели-гонители, будут плакать над ним и говорить запоздалые добрые слова.

И ведь плачут…

КАЛИНА КРАСНАЯ

Как разглядеть человека под маской, которую он, повинуясь инстинкту самосохранения, надевает на себя? У Евгения Евтушенко есть стихотворение, повествующее о первой встрече:

Галстук-бабочка на мне,
Сапоги — на Шукшине.
Крупно латана кирза,
Разъяренные глаза…

И далее о том, как чуть не подрались два сибиряка, приехавшие покорять столицу:

Крик: «Ты бабочку сыми!
Ты со станции Зимы,
А с такой фитюлькой!»

Но кавалерийским наскоком поэта не возьмешь, он отвечает на равных: сниму, когда ты скинешь сапоги. Что ж, Шукшин на решения скор. И в голенища его латаных кирзачей ныряет «пижонская» бабочка…

Под портянками он бос,
И хохочет он до слез:
«Ты, однако, шельма!»
Хорошо за коньяком,
Если ноги босиком
И босая шея!

Ну, про босые ноги Шукшина не писал только ленивый. Он и на Пикете увековечен босым. Но ведь душа-то у него тоже — босоножка с голой шеей. В галстуке-бабочке Василий Макарович, насколько известно, не щеголял даже в кино. А вот «барский» халат примерял: запало ему в душу аристократическое белое пушистое чудо, увиденное на однокашнике Андрее Тарковском. Захотелось точно такое же. Нашел. Купил. Примерил. Расхохотался нелепому своему виду и… запрятал подальше.

Этот забавный эпизод заставляет вспомнить очень серьезные слова Шукшина о «вековой городской культуре и об истинно интеллигентных людях». О том, как трудно деревенскому парню «обратить свое вековое терпение и упорство на то, чтобы сделать из себя Человека. Интеллигента духа». Последнее, по его словам, означало: очень хороший человек. Городской ли, деревенский — не суть важно.

Когда Василий Макарович писал «Монолог на лестнице», мучаясь тем, что «ни городской, ни деревенский уже», что деревня уходит навсегда со всеми ее традициями и корневым укладом, его городские коллеги-сверстники пытались противостоять наступлению мещанства, вещизма и блата. Арбузов и Трифонов, Тендряков и Васильев во весь голос предупреждали о подмене духовных ценностей материальными. Увы, в нарождающейся эпохе застоя, которая была предтечей перестроечной вакханалии, их не слышали. И, протестуя против двойной морали, многие дипломированные «инженеры душ» уходили в дворники и кочегары.

Человеку дорого не то, что дано, а то, что завоевано и выстрадано. Будь то идея, земля или любовь. С этой точки зрения азарт потребителя ничем не хуже и не лучше любого другого азарта: охотника, игрока, воина, исследователя. Азарт — это адреналин, хмелящий и окрыляющий на пути к цели. А цель, как правило, не бывает плохой или хорошей — все зависит от того, каким путем к ней идут. И когда путь приводит на самый край, оставляя человека наедине со своей совестью, он постигает, что все случайности и нелепости не были произвольными: все это — ступени, которые необходимо было преодолеть в одиночку.

Кто из героев Шукшина в халате хаживал? Правильно, рецидивист Прокудин. Разве забыть эту непередаваемую интонацию: «Народ к разврату готов?» И смертную тоску в глазах…

Егор, по словам автора, — человек изначально добрый и, несомненно, сильный. К тому же он самолюбив, как всякий одаренный человек. Чем одарен? А вот… душой — живой, широкой и болящей. Не признающей «маленьких норм». Оттого и жизнь его пошла «вбок», в загул. Наголодавшись в детстве, Егор хотел праздника. Думал, что праздник этот можно устроить за деньги. Не получилось: это тебе не халат купить… Ведь хотелось не просто гулянки, а праздника души: мира, покоя, лада, радости. А за это, как горько подчеркивает Шукшин, «целые жизни кладут».

Писатель Александр Плетнев сказал о таких душевных разломах предельно точно: «Вся вера, вся религия — в совести человека. И сам он себе дьявол, и сам он себе бог».

О, эта СОВЕСТЬ, заимствованная из церковного старославянского языка!

С ее корнем «вед», затерянным во тьме тысячелетий. «Веды», «ведать» и «совет» находятся в близких родственных отношениях. Но совет — это совместное знание людей (совет депутатов, совет директоров и т. д.). А совесть, образно говоря, — совет Бога. Весть, поданная свыше и услышанная душой. По той же аналогии судьба — суд Бога.

Определения совести в словаре Даля — одно изумительнее другого. Готовые поэтические формулы: «Нравственное чутье в человеке». «Внутреннее сознание добра и зла». «Тайник души, в котором отзывается одобрение или осуждение каждого поступка». «Чувство, побуждающее к истине и добру, отвращающее от зла». «Невольная любовь к добру и истине». «Прирожденная правда в различной степени развития»…

Под стать им и пословицы: «От человека утаишь, от совести (от Бога) — нет». «Добрая совесть — глас Божий». «Богатый совести не купит, а свою погубит». «Глаза — мера, душа — вера, совесть — порука».

Душа Егора Прокудина тоскует по цельности. Но человек как часть Вселенной изначально не является целостным, поскольку оторван от целого. Хотя подсознательно в течение всей своей жизни он к этой целостности стремится. И стремление это объединяет всех людей на земле: каждому человеку не дает покоя удаленность от первоисточника — Бога, Высшего Разума, Абсолюта — названия разные, а суть одна. Интуитивно он это чувствует, ищет душевный покой и гармонию. Но устремляется, как правило, к радостям простым и понятным, пытаясь забыться с помощью денег, еды, вещей, развлечений, секса. И только со временем чувствует, что упустил в жизни главное, ради чего явился на свет. Вернуться бы назад, где нас любили…

Егор Прокудин так домой и не вернется, даже стоя на пороге родной горницы и слушая беседу матери с Любой. И все отчаяние его — от невозможности возвращения. Именно к нему, одному из любимых своих героев, Шукшин беспощаден: «Ушел от корней, ушел от истоков, ушел от матери… и, таким образом, уйдя — предал. Предал!»

Мать-то Егора простит, а вот он себя — нет. У Шукшина образ матери олицетворяет родную землю, Родину в самом незамутненном родниковом значении слова. Но она, мать, еще и тревожно-бессонный голос совести.

«Отчего народ поднимается весь в гневе, когда на пороге враг? Оттого, что жаль родных матерей, детей, землю жалко»…

Но ведь бросили ее, Мать-Землю, на произвол судьбы сыновья и дочери, дружно подавшись в город за лучшей долей. Понятно, что многие не по своей воле уехали, понятно, что время такое и все же…

То же самое неизъяснимое чувство вины, что в знаменитых строчках Александра Твардовского:

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они — кто старше, кто моложе –
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь —
Речь не о том,
но все же, все же, все же…

Что получается: врага победили, родную землю отстояли, да сами ее дружно и предали?

В Сибири — пустили вековые деревни и пашни под затопление (вспомним старуху Дарью из распутинского «Прощания с Матерой»: всех-то она жалеет, «христовеньких», а саму себя укоряет: не ушла вовремя, зажилась). По краям былой державы пооткусывали-раздарили острова и пограничные земли — а что? землицы-то много, хватит на наш век! И в цене самой великой Победы, в ее всенародном, всемирном значении позволили себе усомниться.

Потому и «заученно-жалкий», «привычно-жалкий» голос матери Ваньки Тепляшина все не идет из памяти. И смотрит, прильнув к оконному стеклу, вглядывается нам в душу слабыми старческими исплаканными глазами мать Егора…

МАТЕРИНСКОЕ СЕРДЦЕ

Степана Разина он готов был признать интеллигентным человеком за «способность сострадать чужим страданиям». Жалость — ту, которая, как известно любому школьнику, «унижает человека», — считал одним из синонимов доброты и человечности, яростно возражая Горькому: «Зря все-таки воскликнули: «Не жалеть надо человека!.. Это тоже от неловкой, весьма горделивой позы. Уважать — да. Только ведь уважение — это дело наживное, приходит с культурой. Жалость — это выше нас, мудрее наших библиотек. Мать — самое уважаемое, что ни есть в жизни, самое родное — вся состоит из жалости».

ЖАЛОСТЬ — такое же общеславянское слово как «душа». В нем, образованном с помощью суффикса от «жалъ» (жало) изначально заключен парадокс.

Два равноправных значения противоположны по смыслу. Жалить — колоть, причинять боль. И жалить — жалеть кого-то. Беречь, охранять от боли. Любить…

В словаре Даля читаем: «Жаль, жалость, жальба — состраданье, соболезнованье, сочувство при чужой беде». Жалеть — скорбеть, болеть сердцем, щадить, беречь. Не давать в обиду. А еще — «хранить, расходовать скупо».

О, парадоксы русских суффиксов! Жалкий — тот, кто достоин жалости и сожаления. Но жаловать кого-то означает — любить и чтить, а жалованье — награда за службу. Как близко в русском языке отстоят друг от друга жалкость и почет, сожаление и награда…

А эта старинная пословица, звучащая в унисон словам Шукшина: «Человек жалью живет»?!

В его рассказах жалость к людям — едва ли ни основной лейтмотив. Синоним любви. Самоотречение, высокая требовательность к себе и как венец человеческой духовной зрелости — сострадание и жалость. Олицетворение которой — мать.

«Жалко сына Витьку, ох, жалко. Когда они хворают, дети, тоже их жалко, но тут какая-то особая жалость, когда вот так — просишь людей, чтобы помогли, а они отворачиваются, в глаза не смотрят. И временами жутко становится…»

Как глубоко заглянул Шукшин в женское материнское сердце! Как верно почувствовал несокрушимую и мучительную силу любви, настоянной на жалости… «Мать мудрым своим сердцем поняла, какая сила гнетет душу ее ребенка: та самая

огромная едкая сила — отчаяние, что делает в душе вывих, заставляет браться за веревку или бритву».

Что потрясает в рассказе «Материнское сердце»? Мать невезучего Витьки Борзенкова, терпеливо выслушивая разных милицейских начальников, словесную оболочку их доводов не воспринимает вовсе. Потому что в такие отчаянные минуты матери слушают начальников и врачей только сердцем, все считывая с лица. Вот и Анна Борзенкова слышит одно: враждебна милиция ее сыну, «за своего обиделись». Держась из последних сил, чтобы «не грохнуться и не завыть в голос», мать нигде не мешкает, не останавливается. Понимает, что прийти в отчаяние — это гибель. И действует: «Ничего, добрые люди помогут».

«А что, мама? Тряхни стариной — приезжай. Москву поглядишь и вообще. Денег на дорогу вышлю…». «Сельские жители» — один из первых рассказов, на страницах которого появляется мать, деревенская женщина, которая вечно ждет своих разлетевшихся по белу свету детей, за всех тревожится, все прощает. Сыновья, уехавшие в город, тоже помнят ее и готовы всю столицу — да что там! — всю страну перевернуть, ежели какое редкое лекарство ей понадобится. Змеиный яд, к примеру. Почему именно яд, а не любое другое лекарство? Может, потому, что вспоминают о матерях, когда они неизлечимо заболевают от ядовитой тоски и жалящей боли в сердце? Суетятся дети, в героических усилиях лекарства добывают, летят в деревню… вот! Достали! А несколько дней спустя налаживаются обратно в город.

Остаются такие, как Ванька Тепляшин. Стоит он у окна городской больницы, смотрит на то, как живет «чужая его уму и сердцу улица», тоскует… И вдруг видит мать, приехавшую проведать его. «Ах, родная, ты родная! Вот догадалась-то». А дальше простой сюжет: вахтер мать не пустил, поскольку день неприемный. Ванька распсиховался, подрался с вахтером и стал вещи собирать. И вся палата его уговаривала, и доктор брался все уладить — ни в какую. Так и уехал недолеченный. К рассказу этому мы еще вернемся, ведь сюжет повторится в «Кляузе», которая станет завещанием Шукшина. А пока Ванька едет с матерью в автобусе и твердо знает, что «через какой-нибудь час он будет дома». Вот главное-то…

Нежная любовь к матери, Марии Сергеевне, — «самому уважаемому в жизни, самому родному» человеку — вылилась у Василия Шукшина в биографический цикл рассказов «Из детских лет Ивана Попова». Люди, знавшие писателя с детства, утверждают, что он ненавидел колхозы, чекистов и… Максима Горького, считая его роман «Мать» талантливой фальшивкой.

В начале тридцатых годов за невыполнение продразверстки арестовали, а затем расстреляли почти всех сросткинских мужиков, в том числе и Макара Шукшина, отца писателя. Овдовевшая Мария, которой было всего-то двадцать два года, решила покончить жизнь самоубийством. Вместе с маленькими детьми забралась в печь и задвинула заслонку, намереваясь угореть насмерть. Спасла их соседка, случайно заглянувшая в избу…

М. С. Куксина пережила не только двух мужей, но и любимого сына. Да еще, к горю ее, схоронили «милого дитенка» в Москве-столице: на могилку из Сростков не наездишься. В музее хранятся письма Марии Сергеевны к Елене Лимарь, профессору Московского института иностранных языков, много лет присматривающей за могилой Василия Макаровича на Новодевичьем кладбище:

«Добрый день, дорогая, родная Лена. Ой, правду пословица говорит: «Мир не без добрых людей». Он меня, милый сын, сроднил со многими миллионами людей… Жив был, сам мать любил, жалел, ценил, а умер — людям, наверное, наказал: не забывайте мою мать. Ангел мой господний, после дитя милого и солнце красное не может меня согреть…»

«В глазах стоит: в белой рубашечке, верхняя пуговка расстегнута, волосики намочены. Вот гляжу на него: родной мой голубчик, как же он страдал за людей и все хотел добиться правды, дитенок мой милый»…

Разве материнское свидетельство — через десятки лет — не самое веское подтверждение истинности и искренности пути Шукшина?

«Как же он страдал за людей, жалел, хотел добиться правды»…

СИЛЬНЫЕ ИДУТ ДАЛЬШЕ

«Философия, которая — вот уже сорок лет — норма моей жизни, есть философия мужественная». Это не ради красного словца сказано… Были в жизни Шукшина отчаянные минуты, из тех, что «делают в душе вывих», который никакой водкой не зальешь. Например, в 1967 году, когда заморозили съемки «Степана Разина» и отложили экранизацию шукшинской сатирической сказки «Точка зрения».

Вспоминает Станислав Ростоцкий: «Одно время было очень тяжелое положение у Василия Макаровича — и творческое, и бытовое. Лечился он двумя способами: русским национальным напитком и поездками на родину в Сростки. Я в это время фильм снимал. И вдруг вызывает меня директор киностудии имени Горького Григорий Бритиков и говорит: “Стас, с Васей плохо, поезжай, привези”. Не мог я тогда поехать — нельзя было бросить съемочную группу, остановить картину. Сел за письмо. В нем я затронул тему самоубийства: все ведь боялись именно этого, что Шукшин что-нибудь с собой сделает. А я написал о своем поколении, о войне, о том, что вхожу в три процента счастливчиков 1922 года рождения, которые вернулись в мае 1945-го. И Василий Макарович приехал. Надо было его знать… Он подошел ко мне в коридоре киностудии и пожал руку: “Спасибо”».

Что до лечения «русским национальным напитком», то Шукшин, в отличие от десятков и сотен русских талантов, нашел в себе силы вырваться из удушающих колец «зеленого змия». Правда, предшествовало этому сильнейшее потрясение.

Режиссер Глеб Панфилов: «В ноябре 1969 года нас с Шукшиным пригласили в Парижский киноцентр на премьерный показ фильмов «Странные люди» и «Начало». Помню, перед демонстрацией нас угощали каким-то замечательным, сверхмарочным шампанским — из подвалов времени. Вкуса не помню — так волновался. А Вася и вовсе не пил. Он вообще в то время дал зарок не пить ни капли и свое слово сдержал до самой смерти. Потом рассказывал, что однажды пошел со своей маленькой дочкой гулять. Встретил приятеля, зашли на минуту отметить встречу. Дочку оставили на улице. И забыли… А когда вышел из кафе, дочки не оказалось. В ужасе он обегал весь район. Что пережил — не рассказывал, но, по-видимому, это так его потрясло, что он поклялся никогда больше не пить, что и выполнил. Мне кажется, что он вообще выполнял все, что задумывал, все, что зависело от него, лично от него, от силы его воли, его характера».

В рассказе «Сильные идут дальше» примечателен спор «очкариков»-туристов на берегу штормящего Байкала. Бросая палки «в рассерженную морду» озера, они философствуют:

— Смотрите, чем дальше палка от берега, тем дольше ее не выбрасывает.

— Это давно известно. Корабли в шторм стараются уйти подальше от берега. Это похоже на людей: сильные идут дальше. В результате в шторм… житейский, так сказать, выживают наиболее сильные.

Слово, в том числе и данное себе самому, Шукшин держал всегда. Даже у Шолохова в гостях не выпил, на что обиженный Михаил Александрович обронил:

«Буду в Москве у тебя, чашки чаю не трону». Когда Василия спрашивали: ты себе пружину, что ли, вшил? — он не сердился, объяснял спокойно: «Не в пружинах дело. Был я у одного старичка доктора, который лечил Есенина, и из той беседы вынес — только сам я, без лекарств, кузнец своего тела. Надо обуздывать себя…»

Все главные свои вещи он делал на пределе сил. Его поведение во время монтажа «Калины красной» потрясло всех, кто находился с ним рядом.

Валерий Фомин, историк кино: «Я видел, как буквально таял, умирал на глазах Шукшин, сбежавший из больницы в декабре в одних тапочках, чтобы самому сделать навязанные цензурой «исправления» и спасти картину. «Калина» была уже вся порезана, а ее автору надо было немедленно возвращаться в больницу. Но он боялся оставить фильм в «разобранном» виде. И чтобы как-то «зализать», компенсировать нанесенные раны, хотел сам сделать чистовую перезапись. Смены в тон-студии казались нескончаемыми: по двенадцать часов! И буквально через каждые два часа у Василия Макаровича начинался очередной приступ. Он становился бледным, как полотно, сжимался в комок и ложился вниз лицом прямо на стулья. И так лежал неподвижно и страшно, пока боль не отступала. Он стеснялся показать свою слабость, и помощники его, зная об этом, обычно уходили из павильона, оставляя его одного. Тушили свет и уходили. Сидели в курилке молча. Проходило минут двадцать-тридцать. Из павильона выходил Шукшин. Все еще бледный, как смерть. Пошатываясь. Как-то виновато улыбаясь. Тоже курил вместе со всеми. Пытался даже шутить, чтобы как-то поднять настроение. Потом все шли в павильон. И снова приступ…»

Созидать самого себя в сберегающем режиме в принципе невозможно, но духовное самостроительство писателя-актера-режиссера было, без преувеличения, неистовым. «Рвусь из сил, из всех сухожилий…» — словно про него Высоцким написано. Даже спал, не разжимая кулаков… Он вообще ничего не делал наполовину, чувствуя, что времени ему отпущено немного.

Когда-то его поразили слова философа-эмигранта Ивана Ильина: «Есть культура сердца, совести и чувства. Есть культура служения, самоотречения и жертвенности. Есть культура храбрости и подвижничества. Этой-то культурой строилась и держалась Россия». Прочитанные в студенческие годы в самиздатовском журнале «Вече» строки опального мудреца стали главными вехами на его пути.

ПРАВДА

Может, более всего он «выламывался» из общего ряда собратьев по перу и киноискусству своим отношением к правде.

«Правда» — это название одного из самых первых его рассказов. О том, как чуть не поссорились председатель колхоза Аксенов с директором совхоза Воловиком. Директор — из городских инженеров. Только прибыл принимать хозяйство. И уже подловил многоопытного Аксенова на неправде. Нехорошо, мол, товарищ: умолчал на совещании, что клуб не достроил, мор свиней утаил, акт ветврача скрыл… Потерявший терпение председатель ответствует:

— Знаешь, о чем попрошу: как только первый раз словчишь, скажи мне. Только по-честному. Мне охота узнать, проживешь ты без этого или нет?

Мораль — по старой русской пословице: «И твоя правда, и моя правда, и везде правда — а где она?».

ПРАВДА — от слова «правый», исходно означающего «прямой», и только затем — «настоящий, истинный». Право, правило, поправлять, праведник — производные от этого же слова. За много веков до крещения Руси и появления русской письменности в Велесовой книге было записано: «Правь — это высший мир Бога, Света и Истины».

Владимир Даль, как всегда, вносит уточнения: «ПРАВДА — истина на деле. Истина во образе, во благе. Правосудие. Справедливость. Праведный — оправданный житием, поступающий по закону Божию».

Крест кладут правой рукой. Здороваются — тоже правой. Самых дорогих гостей садят рядом, с правой стороны — одесную («десница» — правая рука). Правое дело — справедливое, законное. Правят дорогу, кладку, вывих, рукопись. Правят лошадьми и кораблем. Правят царством. Правеж — «взыскание долгов истязаньем». Поставить на правеж — звучит современно, почти как «поставить на счетчик».

А до чего горьки и безрадостны вековые пословицы! «Нет правды на свете, суда по правде». «Правдою жить — палат каменных не нажить». «По правде тужим, а кривдой живем. Про правду слышали, а кривду видели».

Но в народе помнили и другое: «В ком правды нет, нет и совести», «Правда сама себя очистит», «Не в силе Бог, а в правде», «Дело знай, а правду помни», «Без правды не житье, вытье», «Завали правду золотом, затопчи ее в грязь — все наружу выйдет».

И, наконец, суровое предупреждение: «Не ищи правду в других, коли ее в тебе нет».

По Шукшину, понятие правды охватывает все сферы жизни человека. Это его уверенность: профессионально, значит, есть правда. Это убежденность: «стыдно выделывать ногами кренделя, когда народу плохо». Это «искусство, так сказать, чтобы тебя поняли. Молча поняли и молча сказали спасибо».

Казалось бы, ты профессиональный актер — ну и играй, чтобы зрителю нравилось. Ты писатель — ну и пиши, чтобы нравилось читателю. А он писал такие книги и ставил такие фильмы, что били его и справа и слева: и профессиональные критики, и кинематографисты, и писатели, и, что особенно было ему горько, свои же земляки. «А как Василия Макаровича на родине честили! — сумрачно усмехаясь, вспоминал Виктор Астафьев. — Целыми громящими статьями и коллективными письмами. Это теперь заливаются: наш великий земляк!»

Вынужденный ото всех отбиваться, перед всеми оправдываться, Шукшин сгорал не по дням, а по часам: «Пишут, требуют красивого нравственного героя… удивляет искренность и злость, с какой требуют и ругают, редкая уверенность в собственной правоте… мать моя не знает, куда глаза девать от стыда».

Почему обиделись земляки? Потому что показал их, любя, но совсем не парадно, без грима и ретуши, без платков «с кистями» и пышных декораций а-ля Пырьев. Показал так, что «встали они во плоти, крикливые, хвастливые, работящие, совестливые, родные…» Он их видел духовным зрением. И мир увидел их его глазами. А им обидно было остаться в кино такими, как в жизни…

Его частенько не понимали. Принимали за другого. Как Сашку в «Обиде». А он оставался самим собой. И про кого бы ни рассказывал — во весь голос звучала его душа, а сердце рвалось от невозможности что-то изменить в этом мире. Как у Васёки, плачущего над могучей и беспомощной фигурой им же сотворенного Стеньки Разина.

Может, сильней всего переворачивают душу рассказы, где речь идет о людях обиженных и бессильных понять, за что их обидели. Вот Сашка Ермолаев пыта-

ется объясниться сначала с продавцами, потом с пожилым покупателем в плаще: обознались, мол, не дебоширил он вчера в магазине, потому что на работе был. И не в этом даже дело, а в том, что оскорблен ни за что человек рабочий, семейный, не пьянь и не «подворотня чертова». Бесполезно.

Сашкина обида сменяется яростью и требует выхода. Вот это страшно: он, безвинный человек, подняв руку на своих оскорбителей, сразу перейдет в разряд дебоширов, а то и вовсе попадет под уголовную статью. Сам Василий в отрочестве, узнав, кто из односельчан донес на его отца, взял ружье и пошел вершить суд. Это в то время, когда о погибших и арестованных говорили шепотом: каждый мог оказаться «врагом народа». Человек, которого собирался убить сын «врага», оказался предупрежден и благоразумно исчез. Судьба хранила Шукшина… для России.

А Сашку спасет жена. И он «покорно пойдет домой». Над тихим городским двором будет долго, как папиросный дым, витать горький вздох: «Эх-х… трясуны мы, трясуны!» Откуда он? Из Сашкиной груди, из сердца автора, или могучий хоровой выдох «от Москвы до самых до окраин»?

А ведь зачин рассказа звучал иначе: «Ну, обидели и обидели — случается. Никто не призывает бессловесно сносить обиды, но сразу из-за этого переоценивать все ценности человеческие, ставить на попа самый смысл жизни — это тоже, знаете… роскошь. Благоразумие — вещь не из рыцарского сундука, зато безопасно. Да-с». Словом, монолог покупателя в плаще, если бы он, допустим, выслушал Сашку и поверил ему.

Так на чьей стороне правда?

Ответ Шукшина удивителен: все правы. Если изображены правдиво.

«Правда труженика и правда паразита, правда добра и правда зла — это и есть, пожалуй, предмет истинного искусства. И это есть высшая Нравственность, которая есть Правда».

НРАВСТВЕННОСТЬ берет исток от старославянского «нрав, норов», то есть — воля, желание.

По словарю Даля, «нрав — одно из двух свойств духа человека. Ум и нрав слитно образуют дух (душу в высшем значении). Ко нраву относятся (как понятия подчиненные) воля, любовь, милосердие, страсть. К уму — разум, рассудок, память и прочее. Согласный союз нрава и ума, или сердца и думки, образует стройность и совершенство духа. Разлад их ведет к духовному упадку».

Итак, согласие «сердца и думки», души и ума… но ведь это формула мудрости! Значит, нравственно то, что мудро? То, что обуздывает страсти, делает любовь зрячей, а волю — разумной? «Душа в высшем значении»… Но как достичь этого высшего совершенства?

У Даля есть ответ: «Человек должен достичь такого единства (нрава и ума) высшим путем, с помощью чувства долга обуздывая страсти. Нрав человека бывает природный и выработанный сознательно, постоянным душевным трудом, насколько сумеет он согласовать сердце свое и думку».

Не этим ли путем шел Шукшин?

Словарная статья напоминает сжатый философский трактат. Читаем дальше: «Нравственный быт человека важнее быта вещественного. Нравственный — противоположный умственному, но составляющий общее с ним единое духовное начало. К умственному относятся истина и ложь, к нравственному — добро и зло.

Всякое самоотвержение есть поступок нравственный, доблестный. Христианская вера заключает в себе правила самой высокой нравственно-

сти. Гражданская нравственность требует только строгого исполнения законов, вера же ставит судьею совесть, то есть Бога».

Правда — нравственность — совесть. Эта триада у Шукшина неразрывна. Но слово с большой буквы одно: Правда. Именно ее «всегда знает народ».

Помню, как удивилась, прочитав в этимологическом словаре, что слово «народ» произошло от общеславянского глагола «народити», производного от «родить». Удивилась тому, что слово-то, оказывается, «материнское»: народ — дети, рожденные матерью-Родиной, матерью-землей. Это именно семья, единый организм, который выше, значительнее, безгрешнее любого его члена. И — памятливее.

Народ не «построишь», это не толпа, а тем более, по слову Валентина Распутина, не «пустое множество».

…Читаю «Дядю Ермолая» уже неведомо в который раз, а вижу Шукшина, вошедшего в возраст Ермолая Григорьевича. Он также будет скрипеть зубами и сдерживать подступающие слезы бессильной ярости — «когда ничего не мог больше». Также будет мучиться оттого, что лгут в глаза и хихикают за спиной уже не мальчишки, а взрослые. И будет разрываться его душа от «отчаяния и злости», оттого, что не знает, в чем Истина, «кто из нас прав, кто умнее»?

Но превыше всего будет в нем любовь к этим людям, похороненным на деревенском погосте. Вечным труженикам, не знавшим ничего, кроме работы.

«Кто бы ты ни был — комбайнер, академик, художник — живи и выкладывайся весь без остатка, старайся много знать, не ходи против совести, старайся быть добрым и великодушным», — эта простая дума не над родными ли могилами родилась?

Кредо сердца, сращенного с отчей землей сильными и живыми корнями…

ВЕРУЮ!

То, что этим кровоточащим сердцем написано, и прочесть можно только сердцем. Вот, к примеру: «Душа болит? Хорошо. Хорошо! Ты хоть зашевелился, едрена мать! А то бы тебя с печки не стащить с равновесием душевным. Живи, сын мой, плачь да приплясывай. Не бойся, что будешь сковородки лизать на том свете, потому что ты уже здесь, на этом свете, получишь сполна и рай, и ад».

В моей памяти эти слова рождают эхо: строчки Глеба Горбовского.

А разве тот счастливей на погосте,
кому трава обсасывает кости?
Все только на земле: и рай, и ад.

Стихи из сборника, изданного в семидесятые годы. Может, они одновременно с шукшинским рассказом написаны? «Бродили по умам» в застойной атмосфере, раскаленной дурными предчувствиями. Уж в России-то испокон веков от рая до ада — полшага…

А может, дело в том, что творить себя в процессе писательского ли, актерского, любого другого творчества, на самом деле, очень редкий путь в искусстве. На этом пути загадок у Шукшина много, и разгадывать их будет каждое поколение жителей русской земли по-своему.

К примеру, может ли писатель — да еще актер! режиссер! — словом, может ли «публичный человек» прожить жизнь, не играя на публику? Достанет ли у него терпения и мужества неумолимо всматриваться в себя, в свою душу, и выносить

на всеобщее обозрение ее смуту и тревогу, боль и стыд, спрашивая: что с нами происходит?

Должен ли писатель жить так, чтобы его книги не только выражали, но и подтверждали жизненное кредо, а судьба была продолжением и подтверждением этих книг? Должен ли актер отвергать красивое слово ради слова точного, искреннего, выступать против сценических эффектов ради правды характеров? Должен ли режиссер не идти на поводу у зрителя, а вести его за собой, ничего не суля, кроме труднейшей душевной работы? Вопросы, вопросы… Большинство коллег Василия Шукшина, в том числе представители интеллектуальной и духовной элиты, услышав их, если и не усмехались открыто, как инженер Голубев, то отвечали, вежливо пряча улыбки: «Не должен». А он с крестьянским упорством ставил эксперимент на себе. И доказывал: можно! Коллеги, пожав плечами, отходили, оставляя его в одиночестве…

Возможна ли жизнь без страдания? Философы и богословы отвечают: нет. Тот, кто не страдает — живет зря: он ничему не учится. Тот, кто страдает всю жизнь, не сумев избавиться от страданий, тоже живет зря: он ничему не научился. Где же выход?

В вере в Бога, говорят верующие. В вере в человека, утверждают атеисты. А во что верил коммунист Шукшин, по свидетельству близких людей, хранящий в шкафу иконку? От его ли имени говорит «громадина поп» в рассказе «Верую»?

— Я хочу верить в вечное добро, в вечную Высшую силу, которая все это затеяла на земле. Хочу надеяться, что эта сила — победит. Иначе — для чего все?.. Я такой силы не знаю. Возможно, мне, человеку, не дано и знать ее, и познать и осмыслить. В таком случае я отказываюсь понимать свое пребывание здесь на земле… Ты пришел за готовеньким ответом, а я сам пытаюсь дочерпаться до дна, но это — океан.

В интервью, данном незадолго до смерти, Шукшин пытался объяснить корреспонденту газеты «Унита»: «Ситуация в рассказе «Верую» выдуманная, поскольку… несколько крайняя, что ли. Мне показалось заманчивым столкнуть… представления о жизни совсем разные».

Но велика ли разница, если человек, «взвыв от тоски и безделья, идет к попу, который сам не верит»?

Наверное, самый железный ответ на все больные вопросы: так надо. С другой стороны — тоска смертная, на разрыв души. И крамольное подозрение, что все это… вся эта жизнь — мираж, подделка. Чувство, в котором себе и сознаться-то боишься, но оно живет в самой глубине сердца и делает свою разрушительно-созидательную работу, готовя побег.

Но «побег» — это же росток. Душа должна созреть, набраться сил, чтобы пробить путь к свету — сквозь слой почвы, камень, асфальт.

Людям хочется тверди под ногами. И — тишины. Народ устал от словесного блуда и барабанного боя, устал бояться и унижаться, а главное — от обмана устал. Обмана, которым не только власть отделена от народа, а родина — от государства, но и Бог от церкви. Не в этом ли причина того, что верующие люди и сегодня не торопятся идти в храмы, не хотят быть «воцерковленными»? Может, потому, что чувствуют: вечная виновность и греховность — это тупик.

«Просим Бога о чуде, а он терпеливо ждет его от нас, потому нет у Него других рук, кроме наших». Большинство чудес — рукотворно. Но люди смотрят в небо и ждут…

И Шукшин устами попа произносит свое, заветное:

— Теперь я скажу, что бог — есть. Имя ему — Жизнь. В этого бога я верую. Мы ведь какого бога себе нарисовали? — доброго, обтекаемого, безрогого, размазнютелю. Ишь мы какие!.. Такого нет. Есть суровый, могучий — Жизнь. Этот предлагает — добро и зло, вместе, — это, собственно, и есть Бог.

Интересно, что в шукшинской орфографии Бог, трижды написанный с малой буквы, в четвертый раз удостоен прописной.

Правда, ему предшествует слово Жизнь, дважды повторенное с заглавной.

> *ЖИЗНЬ — от слова «живот». ЖИВА — богиня наших предков-славян, олицетворяющая энергию жизни человека, его личную силу. Для того чтобы не терять эту силу, люди должны научиться жить по Прави, то есть по Правде.*
>
> *По словарю Даля, ЖИВОТ — «жизнь человека и животного, что есть в твари живое, оживляющее плоть, образующее земную жизнь. Лишиться живота — умереть, лишить живота — убить».*
>
> *Что касается самой ЖИЗНИ — это «житие, бытие. Жизнь дана двум царствам природы — животному и растительному. В высшем значении — как бытие — относится к душе или к смерти плоти. Жизнь человека, век его — все продолжение жизни земной от рождения до смерти: род и образ жизни человека, быт, деяния, поступки, похождения и т.д. Живой — кто жив, кто живет, в ком есть жизнь».*
>
> *Духовной жизни в словаре отведен целый большой абзац: «Живая душа — не погибшая во зле и лжи, спасенная. Живой разум — острый, проницательный, впечатлительный. Живая вера — искренняя, горячая, обнаруженная делами. Живые глаза — обличающие горячую душу, ум, острые и веселые. Живой язык — которым говорит народ поныне».*

Может быть, самая трудная задача человека в жизни — пройдя через боль и грязь, сомнения и утраты, вернуться к чувству чистоты и цельности. Вообще, по Шукшину, жизненный путь человека — это возвращение к чему-то главному, вспоминание этого главного. Вера в себя, свои силы приходит, когда кончается внутренний разлад. И вот этот миг — счастье.

«Уверуй, что все было не зря: наши песни, наши сказки, наши неимоверной тяжести победы, наши страдания — не отдавай всего этого за понюх табаку. Мы умели жить. Помни это. Будь человеком».

СРЕЗАЛ

Ах, эта фразочка ироничного Губошлепа, утешительно брошенная Люсьен: «Он и человеком никогда не был. Он мужик, а их на Руси много». Где-то же она была услышана Шукшиным. От кого? Не от столичного ли бомонда, именующего его «алтайским воспитанником»? Чем вызывал он злость, едва прикрытую напускным презрением? Ненависть, которую нельзя было замаскировать интеллигентским ерничаньем?

В чем чуяли опасность, исходящую от Шукшина?

Разве страшен безоружный человек, который вразвалочку идет по весенней пашне под пули? Еще как страшен, если за его спиной — многие поколения молчаливых ратников-мужиков. Которые по-настоящему, по-русски страшны и непобедимы, когда надевают белые рубахи и встают во весь рост…

«Все дело в суффиксах», — тонко заметил Лев Аннинский во время очередной дискуссии об интеллигенции и интеллигентности.

Наверное, лучше не скажешь. Все верно: интеллигенция реальна именно «в качестве конкретно-исторической группы». И дореволюционная, и советская, и постсоветская, «либерально-демократическая». Все это — объединения по внешне-

му признаку. То есть, по слову Шукшина, надевание пресловутой «шляпы»: имидж, игра на публику. Интеллигенция к интеллигентности имеет такое же отношение, как телесериалы к настоящей жизни: вроде бы «идентичны натуральному» миру, но даже самые заядлые телеманы их никак не соотносят с реальностью.

Настоящих интеллигентов в среде многомиллионной интеллигенции всегда было мало, они исчислялись единицами. Как настоящие таланты. Шукшин и сказал об этом прямо: быть интеллигентом — талант. Редкостный, мучительный, который не передают по наследству, как дворянский титул (он остерегался эффектной фразы «аристократы духа»), но добывают ежедневным трудом, в непрестанной борьбе с самим собой.

Неизбывное глубинно-народное уважение к истинным интеллигентам поначалу привело Шукшина на распутье, где он, скрывая растерянность, озирался, чувствуя себя «ни деревенским, ни городским». Но дорога, которую он выбрал — и которая выбрала его, — это путь от человека к Человеку.

Что до подмены, подделки под интеллигента — хоть в городе, хоть на селе — она приводила Шукшина в ярость. «Нет зазнавитее человека, чем свой деревенский же, но который выучился в городе и опять приехал сюда. Ведь она же идет, она же никого не видит! Какого бы она малого росточка ни была, а все норовит выше людей глядеть. Городские, те как-то умеют, собаки, и культуру свою показать, и никого не унизить…» — невеселые размышления Алеши Бесконвойного прямиком выводят на Глеба Капустина. Этот хоть и не числит себя интеллигентом, но уж приезжим землякам, «вышедшим в люди», спуску не дает. И сам объясняет мужикам свою особенность: «Не задирайся выше ватерлинии… Выезжаете в народ, будьте немного собранней. Подготовленней, что ли. А то легко можно в дурачках очутиться».

Почему этот правдолюбец, «начитанный и ехидный» демагог-недоучка, не только не смешон, а порой и страшен? Не в том же дело, что одного дурака двести академиков не переспорят. Да и не дурак он, Глеб. Набросок в рабочей тетради Шукшина подтверждает это: «Земляки с уважением и ужасом слушают идиота, который, впрочем, не такой уж идиот». Капустин понимает, что выиграть можно, играя не по правилам. Например, шахматными фигурами в шашки: раз-раз и в дамках. Пока шахматисты обескуражено разводят руками, непосвященная публика бьет в ладоши: наша взяла! И весь этот рассказ воспринимался бы анекдотом, но… опять в финале в авторскую интонацию вплетается другой голос. И не один, а целый хор, как в древнегреческой трагедии, когда реплики сменяют друг друга:

— В голосе мужиков слышалась как бы жалость к кандидатам, сочувствие.

— Глеб же Капустин по-прежнему неизменно удивлял.

— Изумлял.

— Восхищал даже.

— Хоть любви, положим, тут не было.

— Нет, не было.

И вот голоса сливаются, звуча в унисон:

— Глеб жесток, а жестокость никто, никогда, нигде не любил еще.

Но если жестокость и несправедливость никто не любит, то почему Семка Рысь («Мастер»), обегав все инстанции, не может найти поддержки, чтобы восстановить красавицу-церковь, а Шурыгин («Крепкий мужик») крушит церковные своды запросто, никого не слушая и не спрашивая? Почему нет управы на свояка Сергея Сергеича, словно нечистая сила, «вспрыгнувшего на холку» герою одноименного рассказа? Ведь получил свояк отпор поначалу, а вот же… оседлал и вернулся к привычному наглому тону. Что происходит?

Почему тройка-Русь везет Чичикова?..

Вспоминается диспут на канале «Культура». Тема, если не ошибаюсь, носила название «Талантам надо все прощать». Мол, писатель, художник — человек особенный, призванный свыше, ему доступно то, что простым смертным не понять, а значит — они должны отступиться от него со своими «маленькими нормами». Кто-то из представителей творческой интеллигенции процитировал Пушкина: «Ты сам — свой высший суд».

Цитата, предположим, к месту. Но едва ли кто из участников диспута задумался, насколько безжалостна по своей сути эта формула. Ибо никакой суд «черни» не идет в сравнение с судом совести. Если, конечно, она имеет над художником такую власть, как над Пушкиным и Гоголем, Толстым и Чеховым. И Шукшиным.

А нет ее — и летит на птице-тройке Чичиков, засевая многотерпеливые русские просторы литературными и прочими шоу-проектами.

А что? Небесталанный был человек.

КЛЯУЗА

Строить и осмыслять себя через своих любимых героев — это еще понятно. А как быть с антагонистами? Такими вот крепкими мужиками, продавцами, свояками, вахтерами? В одном из последних своих рассказов Шукшин перечислил их снова: «Боюсь чиновников, продавцов и вот таких, как этот горилла… псих с длинными руками, узколобый».

Борис Стругацкий в романе «Бессильные мира сего», созданном в разгар перестройки, словно подхватывает эту фразу с полуслова: «Ничего не изменится, пока мы не научимся как-то поступать с волосатой, мрачной, наглой, ленивой и хитрой обезьяной, которая сидит внутри каждого из нас». Потому что эта, внутренняя обезьяна — страшнее. Потому что, продолжая мысль Стругацкого, «воспитанные никому не нужны». Впрочем, все и так довольны, а если есть немногие недовольные — они ничего не могут изменить. Даже если отдадут себя в жертву.

Все это понимал Шукшин. И про «обезьяну внутри», синоним чеховского раба, на борьбу с которым всей жизни не хватит, он тоже знал. Но все же случился, произошел перелом в его взглядах на человека и окружающий мир. Когда?

В названии «Я пришел дать вам волю» кроется изначальная обреченность освободительного порыва Стеньки Разина. Волю не дают и не берут. До нее — дорастают. Каждый в свое время. В одиночку. Ведь рабы не знают, что с волей делать — хоть дарованной, хоть завоеванной. Пока душа — «лохматая горилла», ее сил хватит только на то, чтобы пробить тюремную стену и — убедиться, что оказалась в соседней камере. Ни подвиги героев, ни молитвы святых ничего не изменят. Каждый человек освобождается из цепкой обезьяньей хватки сам, не озираясь в поисках виноватых и обязанных ему помочь.

С детства внушали нам, что «свобода — это осознанная необходимость». Но сознание необходимости того, что ты делаешь — это не свободный выбор. Это просто отсутствие выбора. Свобода, видимо, начинается тогда, когда при невозможности изменить жизнь внешнюю обостряется необходимость перемены внутренней. Когда над тобой, сокровенным, бесконвойным («конвоем» сперва называли вооруженное сопровождение мирных торговых караванов, и слово это означало защиту и покровительство, однако вскоре оно обрело карательный оттенок: караул, предупреждающий побег арестантов) никто не властен — ни деньги, ни сила, ни мнение окружающих. Когда негромкий голос сердца произносит: «Теперь иди сам. Ты — парень крепкий…»

Слова «СВОБОДА» и «ВОЛЯ» — отнюдь не синонимы, хотя имеют общеславянскую основу. Свобода — от старославянского «свобство», «собство», особенность. Буквально: свое, собственное, отдельное от других. А воля — индоевропейских корней, более древних. В основе — тот же корень, что у слова «велеть». Немецкое «воллен» переводится как «желать, хотеть». Воля в русском языке означает не только желание, но и возможность его осуществить: все в нашей воле. Но, наверное, главное, глубинное отличие этих слов в другом: свобода — это состояние физической, телесной свободы, а воля — еще и свобода духовная. Главная мечта народа нашего и главная его боль: дали крепостному вольную, а он не знает, что с ней делать, потому что душа в крепости. Волюшка-вольная… О свободе русские люди так не говорят.

А пушкинские «покой и воля»? Ведь это и есть формула гармонии!

Всю жизнь мы, по сути, возвращаемся к истокам, вспоминая состояние чистоты и цельности, которое знали в детстве. И если это удается — наступает гармония, перед которой любая слава и богатство — шелуха.

Два «вечных» русских вопроса будоражат умы соотечественников уже почти два столетия: кто виноват и что делать? Но шукшинское «Что с нами происходит?», если вдуматься, отвечает на первый вопрос и… на второй тоже. Если все дело в нас, то и начинать надо с себя. А как иначе?

Что произошло с Шукшиным? Почему родилась «Кляуза»? Почему вопрос «Что с нами происходит»? — заставляет вспомнить отчаянный вскрик Раскольникова: «Я же не старуху убил, я себя убил!».

«По существу, он писал непрерывную автобиографию своей души и мысли, — проницательно заметил В. Курбатов. — Он пустил жизнь в себя, и она взялась в нем за жаркое переосмысление…»

С Ванькой Тепляшиным все было ясно: сначала он обиделся и вступился за мать, потом — плюнул и ушел из больницы, где мать обидели. А если обижают тебя, автора? И ты со своими двумя институтами, став на один уровень с неграмотной вахтершей, серьезно ненавидишь ее — так, что даже лица не можешь запомнить. Или — не хочешь запоминать. Зачем? Кто она такая? Эта… та… Она еще и пишет! Документ! А ты узнаёшь об этом от врача, который предлагает написать объяснительную.

«Я сказал дрожащим голосом: «Конечно, напишу. Я напишу-у!»

Протяжное это «у-у!» — стоит целой главы романа.

А дальше — грамотно и по существу, с дозированным употреблением иностранных слов, которые она, конечно же, не знает («инцидент»», к примеру), излагается суть дела: женщина-вахтер не пускала жену с детьми в больницу, умудренный народ советовал дать ей деньги, но вопрос решился иначе: жена пошла к дежурному врачу и обо всем договорилась. Вахтершу «поставили на место». Ей это очень не понравилось.

Вы понимаете, что происходит? Автор — человек, писатель, актер — во всех трех ипостасях включен в действо. Писатель — пишет документ, который не чета ее писанине. Актер делает «фигуру полной беспомощности» и выражает на лице огорчение, чувствуя безусловную поддержку и сочувствие окружающих. Человек — торжествует, хотя сердце ему и подсказывает, что ее победить невозможно. А почему невозможно-то?

Потому что он ей сказал: «Ты же не человек». Как это вырвалось? Кому стало хуже — ей? Или все же ему? «Показалось, что я чуть не опрокинул ее этими словами. Мне самому сделалось страшно».

Ему, профессиональному писателю, да не знать энергетику слова!

«Не могу себе доказать, что это мелочь. Рука трясется, душа трясется, думаю: «Да отчего же такая сознательная в нас осмысленная злость-то? Жить же противно… когда мы такие».

Первый акт завершен. Вечером того же дня начинается второй, где вахтерша берет реванш. Писателей, приехавших проведать Шукшина, которым загодя выписан пропуск, она не пускает, «с удовольствием, гордо, презрительно заявляя: «Пропуск здесь — я». Прямо Король-Солнце в юбке, точней — в халате больничного персонала. Но комизм ситуации напрочь смыт неловкой и беспомощной суетой немолодых людей, уважаемых, известных всей стране, которые не будут же прорываться в больницу силой. Она в своей стихии, а они играют на ее поле и по ее правилам: кричат, машут руками, возмущаются…

И вот он, кульминационный момент: писатели уходят ловить такси, Шукшин собирается ехать с ними, она не верит, что он уедет. И смотрит презрительно на него, а он — на нее. И снова… не видит лица.

«Может, у ней драма была в жизни, может ей много раз заявляли так же: возьму и сделаю!.. А не делали, и она обиделась на веки вечные… только она как-то особо меня ненавидела за это трепаческое заявление — что я уеду».

Но ведь он, в самом деле, уехал — с пневмонией, по морозу, в тапочках, без шапки… Так почему, поставив точку в объяснительной записке, он думает: «Кляуза вообще-то…» И только потом прикладывает документ, написанный своими друзьями-писателями.

Все сделано по правилам. Откуда тогда этот вопрос:

«ЧТО С НАМИ ПРОИСХОДИТ?»

Читателей он повергает в недоумение. Хамство и вымогательство должны быть наказаны. Какие могут быть проблемы?

А они в том, что Шукшин менее всего озабочен бичеванием пороков. Он же не над своими героями, он — среди них. Всю жизнь он мучительно вглядывается в этих свояков, крепких мужиков, продавщиц, вахтеров… Понимая, что все они, а не только милые сердцу чудики — его зеркало, суть его самого. Что, легко, увы, встать на одну с ними доску, принять их правила игры. И немыслимо трудно — по капле выдавливать из себя эти правила, древние, как род человеческий: око за око, зуб за зуб… Ведь в «Кляузе» мгновенно срабатывает закон отражения: ты пренебрег — тебя унизили. Ты не увидел ее лица, но и свое лицо ты в тот момент тоже не видел. А если б увидел — не ужаснулся бы сходству с нею?

Нет, это не интеллигентское рефлексирование. Простая констатация эволюционного факта: душа человека доросла до осознания своей вины перед виноватыми.

Читать «Кляузу» больно. Еще бы: апофеоз абсурда, доведенный до разрыва сердца: человек кругом прав, а душа болит и подсказывает название написанному документу. Подсознательный спор читателя с текстом не менее яростен, чем спор героя рассказа с самим собой. «Да какая же это кляуза, — кричит сердце, — когда она, вахтерша, первой начала, когда и лица-то ее за непонятной ненавистью рассмотреть невозможно…». «Но речь-то идет не о ней, — тихо отрезвляет «думка»-разум. — Это ему надо, пересилив себя, разглядеть ее правду».

Лев Аннинский, подробно разбирая рассказ, приходит к выводу, подчеркивающему уникальность всего творческого и духовного пути Шукшина: «…Это

именно попытка понять душу искаженную, пробудить доброе в злом, понять неправого. Попытка через свой жизненный, социальный опыт полугорожанина-полукрестьянина выйти к всеобщей нравственной истине, причем, не скрадывая, не облегчая задачи. А именно через тяжкий опыт: выстрадать добро».

Отсюда — невозможность абстрагироваться от людей, столь далеких от автора по развитию и по образу жизни. Разделенных с писателем огромностью пройденного им духовного пути: ведь по сути, Шукшин — человек уже другого времени, который сознает, что «если кто погубит мир — так это невиноватые, кто сам не кается, а других к этому понуждает».

А что же тогда этот мир спасет? На вопрос отвечает Андрей Тарковский в фильме «Солярис»: «Стыд — вот чувство, которое спасет человечество». Спустя месяц после публикации «Кляузы», знаменитый режиссер элитного кино над гробом Шукшина тихо скажет: «Он был первым среди нас».

Тяжеленный это крест — в собственную душу вглядываться. Оттого так горько завершает свою фразу, процитированную выше, Валентин Курбатов: «Он пустил жизнь «в себя», и она взялась в нем за жаркое переосмысление, пока не разорвала его». Приведенный им факт потрясает: в сорок пять лет сердце Шукшина было изношено, словно у восьмидесятилетнего…

Почему Василию Шукшину, крестьянскому сыну, так важна была истинная интеллигентность?

Потому что другого способа сберечь и вырастить душу он не видел. И другого способа спасти Россию — тоже. Наверное, был прав. И хотя настоящих интеллигентов не может быть много по определению, пока они есть — остается спасительный озоновый слой духовности над безумствующей планетой людей. Над миром, который сам не сознает, насколько нуждается в человеке воспитанном.

Прислушаемся к Валентину Распутину: «Если бы потребовалось явить портрет россиянина по духу и лику для какого-то свидетельствования на всемирном сходе, где только по одному человеку решили судить о характере народа… многие сошлись бы, что таким человеком должен быть он — Шукшин».

Как это созвучно словам Гоголя о Пушкине, русском человеке, «в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет»… В массовом порядке, увы, не явится. Потому что, напомним, Человек во все времена — «талант редкий и мучительный». Это собирательный образ интеллигента, созданный народом и воплощенный, увековеченный Шукшиным: «Умный человек. Уважительный. Не мот, не пропойца. Чистоплотный. Не трепач. Не охальник. Работник. Мастер».

Человек, душа которого доросла до свободы от всех конвоев, защищающих и стерегущих.

Мучительный талант духовного самостроительства никогда еще не был оценен при жизни. И только годы спустя, когда душа вдруг потребует перечитать все, Шукшиным написанное, понимаешь Васёку, у которого перехватывало горло от любви и горя…

Владимир МАРАТКАНОВ

Огненных дел мастер

В умелых руках лучший клад — ремесло,
Что с ним в целом мире сравниться б могло?
Фирдоуси

С этим человеком редкой профессии я познакомился необычным образом. В Находкинской центральной библиотеке, где вот уже не один год собираются по вечерам художники, фотохудожники, краеведы, поэты, барды и туристы, объявили о том, что в городе будет проходить фотоконкурс на тему жанровый портрет. Жюри возглавит самый главный фотохудожник Приморского края Юрий Кириллович Луганский. По его мнению, члены Союза фотохудожников России обязаны принять участие в конкурсе. Действительно, высокое звание члена Союза художников обязывает, но если этим жанром не занимался и склонности к этому виду искусства не имел, то…задумаешься.

Как-то на улице Ленинской у одного из домов я увидел необычной формы металлическое крыльцо. Пройдя еще два десятка шагов, у следующего дома увидел перила лестницы, которые невольно заставили меня остановиться. Сначала подумал, что это литье, но присмотревшись, понял, что это ручная ковка, выполненная с хорошим художественным вкусом. Но кто же этот мастер-кузнец? Вот и сюжет для конкурса: кузнец за работой.

В этот же день, повстречав в городе известного туриста Владимира Трофименко, на всякий случай спросил, не знает ли он какого-либо кузнеца. Он без промедления ответил, что знает одного кузнеца, который работает на Находкинском заводе железобетонных конструкций (НЗЖБК).

На следующий день, взяв фотоаппарат, поехал на встречу с кузнецом. Охранник завода, выписав пропуск, показал, где находится кузница. У меня сложилось твердое убеждение, что кузнец — это непременно атлетического сложения мужчина с окладистой бородой и могучим басом. Именно таким был мой отец, проработавший кузнецом более тридцати лет. Да и во всех фильмах кузнецов показывают богатырями. Каково же было мое удивление, когда в кузнице у наковальни я увидел человека небольшого роста, явно не богатырского сложения, без бороды, да еще и в очках. Прямо скажу, для фотоконкурса совсем невыигрышная фигура. Тем не менее, не показывая своего разочарования, разговорился с мастером. Объяснил цель своего визита. «Николай Виссарионович Леконцев», — так представился кузнец. Он оказался на редкость дружелюбным человеком и разрешил себя сфотографировать. Закончив работу, провел меня в комнату отдыха. Я спросил у него об увиденных на улице Ленинской кованом крыльце и лестнице.

— Да, это я ковал, — ответил Леконцев. — Моих работ в городе много. Только в районе улицы Ленинской около десяти. Крылечки, перила, ограждения, решетки, ворота. Это по заказам руководителей фирм, священников. Кроме того, работаю по индивидуальным заказам владельцев коттеджей. Для них делаю более художественную работу: каминные наборы, торшеры, люстры, подсвечники. Даже малые скульптурные работы в виде животных и птиц изготовляю. Хотите посмотреть перила лестницы в помещении завода?

Конечно, я согласился, а увидев перила, не удержался и начал фотографировать. Как же было не сделать снимки, когда перед тобой такие необыкновенные кружева, сделанные из металла?! Такое выковать мог только талантливый и любящий свое дело мастер.

Посмотрев на часы, Леконцев воскликнул:

— Извините, спешный заказ, надо идти работать! Если желаете, можете посмотреть сделанные мной ворота на территории бывшей базы. Это тут недалеко…

Из любопытства решил я зайти на эту базу — все равно по дороге к дому. Вахтер, пожилая женщина, узнав, что я фотограф и хочу сфотографировать «красивые ворота», не удивилась. Даже посоветовала мне зайти в здание Металлоконструкции, где я увижу много всяких красивых работ этого кузнеца. Увидев ворота, огорчился, что этой красотой могут любоваться всего два-три десятка человек. На фоне старых складов и металлической сетки, ограждающей территорию предприятия, белые ворота смотрелись, по меньшей мере, странно. Для парка бы такие ворота, чтобы видели их тысячи человек. В здание Металлоконструкции не пошел. Постеснялся. Когда выходил с территории базы, вахтер спросила: нашел ли я ворота и побывал ли в здании. Услышав, что я туда не зашел, с чувством произнесла: «Жаль».

Возвращаясь домой, поймал себя на мысли, что, фотографируя перила и ворота, я вышел за рамки фотоконкурса. Но зачем-то я это снимал! Да это же тема для статьи! И я вдруг осознал, что если не увижу другие работы этого кузнеца, то упущу что-то важное для себя.

Но что я знаю о кузнечном ремесле? Бывал в детстве в кузне отца. Качал мехом воздух для горна. Стучал молотом по раскаленному пруту. Сделал совместно с отцом несколько скоб, гвоздей и навесов на ворота. Из истории знаю, что это ремесло — одно из древнейших на земле, а кузнец был самым необходимым и уважаемым человеком в каждой деревне, в любом селе и городе. Не было такого селения, в котором бы не было кузницы и не было бы кузнеца. Чего только ни ковал мой отец: плуги, бороны, вилы, мотыги, дверные петли, ухваты, инструменты для плотников, столяров и жестянщиков. Конечно, ковал подковы и сам прибивал их к копытам лошадей.

Еще помню из греческой мифологии бога-кузнеца Гефеста. Он ковал не только мечи и щиты, но мог делать и тонкие художественные изделия.

Да и у нас на Руси коваль, так называли кузнеца, был уважаемым человеком. Куликовская битва была выиграна кузнецами. Это они вооружили воинов мечами-кладенцами, непробиваемыми кольчугами и щитами, шлемами и латами, копьями и стрелами. Даже гениальный Михаил Ломоносов хорошо знал кузнечное ремесло и говорил: «И кратко сказать, ни едино художество, ни едино ремесло простое употребление металлов миновать не может».

В тот же вечер я позвонил Леконцеву и сказал ему, что заинтересовался его мастерством и хотел бы сфотографировать его работы, находящиеся в городе. Он назвал места, где они находятся, и даже тех людей, для кого изготовлял. В течение трех дней я обошел и отснял все кузнечные работы, названные мастером, и окончательно убедился, что об этом художнике необходимо написать статью. Вновь созвонился с Николаем Виссарионовичем и договорился о встрече с ним не в

кузнице, а в домашней обстановке. Он охотно согласился. Возможно, помогло то обстоятельство, что при встрече с ним я сказал ему, что мой отец был кузнецом.

И вот вторая наша встреча. В его квартире никаких признаков, что в ней проживает кузнец. Ни одной кузнечной поделки. Я выразил недоумение.

— Раздарил. Все дарят цветы и книги, а я свои кованые железки. Ну, спрашивайте.

— Моя цель — узнать о вас, как можно больше, и написать небольшой очерк. Я не журналист, но публиковался в разных журналах.

Для убедительности я показал Леконцеву несколько журналов «Родное Приамурье» со своими рассказами и снимками. Он внимательно рассмотрел журналы, и они ему явно понравились.

— Ну, хорошо, слушайте. Родился я в 1948 году в старинном городке Верхотурье, что в Свердловской области. Городок стоит на берегу реки Туры. Он знаменит церквями и храмами. В этом городке до настоящего времени сохранился деревянный дом, рубленный одним топором, в котором отдыхал царский любимец Григорий Распутин. Сейчас там Гостевой Дом-музей.

Отец мой был плотником, а мать — домохозяйкой. В семье было шестеро детей. Еще в школе я любил рисовать. Даже брал уроки у художника. Говорили, что рисовал неплохо. До службы в армии поработал водителем автомашины и помощником кузнеца в деревне. Помню его — Матвей Иванцов. Он мне и привил любовь к металлу и передал кое-какой опыт работы. Научился самостоятельно ковать разную утварь. Службу проходил в пограничных войсках в Амурской области. Так как еще с детства мечтал о море, то демобилизовавшись, уехал во Владивосток. Окончил мореходное училище. Восемь лет работал на судах Дальневосточного пароходства мотористом. Побывал за границей в разных странах, видел кованые крылечки, ворота, ограждения, решетки на окнах. Мелькнула шальная мысль: чем я хуже этих иностранных кузнецов?

Списался на берег, но осуществить мечту — устроиться в кузницу — не удалось. Еще пять лет проработал бульдозеристом. Но вот, узнав, что на Фарфоровом заводе требуется кузнец, сразу же подал заявление. Кузню фактически надо было создавать, как говорится, «с нуля». Самому пришлось изготавливать и доставать необходимый инструмент. Проработал год. По семейным обстоятельствам переехал в Находку. Устроился работать кузнецом на Находкинский судоремонтный завод. Договорился с начальником цеха о том, что буду заниматься только художественной ковкой. Показал эскизы работ. Сначала со мной согласились, а затем стали нагружать обычной текущей работой. Она мне для души ничего не давала. По этой причине с завода уволился.

Устроился работать кузнецом в рыболовецкий колхоз «Новый Мир». Опять пришлось создавать кузню. Покупать и делать самому весь кузнечный инструмент. Работа в рыболовецком колхозе мне нравилась, но семья — в Находке, ездить за сто километров стало накладно и неудобно. Узнав, что в растворном узле строительной организации требуется кузнец, сразу же пошел туда. И вновь — создание кузни. Но зато – полная свобода действий. Начальник меня понимал. Сам искал заказчиков для кузнечных художественных изделий. Работа была в радость. Но пришли «лихие», как сейчас говорят, девяностые годы. Строительное управление обанкротилось.

Устроился работать в компанию «Металлоконструкция». Опять — создание кузни. Работал по договорам, занимался художественной ковкой. Через три года состоялась выставка моих работ. Все шло хорошо, но постепенно заказы стали меня не удовлетворять. Перешел работать в кузницу «Примстройтехмонтаж». Конечно, вновь — создание кузни. Вы видели, сколько инструмента в кузнице?

— Мне кажется, что работа кузнеца в настоящее время самая незаметная. Я, к своему стыду, когда обратил внимание на крыльцо по улице Ленинской, подумал, что это литье. Потом только до меня дошло...

— Да, мало кто сейчас знает такие слова, как дифовка, насечка, оправка, пережимка, проковка, протяжка. А ведь за этими словами процесс работы кузнеца, весь смысл кузнечной работы. Для этих операций нужен соответствующий инструмент. Кузнец должен знать основные свойства металла. Тут есть свои тонкости. Например, температуру нагрева при ковке и закалке определяют по цвету каления. Температуру отпуска металла — по цветам побежалости. По виду искр, когда шлифуешь турбинкой металл, можно узнать примерное содержание углерода в стали. Я отбираю такие заготовки, чтобы при ковке металл был пластичным. В зависимости от заказа металл также отбирается по цвету, декоративной отделке. Одним словом, кузнец должен чувствовать металл. Вы, наверное, не знаете, что свойства металла подразделяются на физические, механические, химические и технологические. Физические свойства — это плотность, температура плавления, теплопроводность, тепловое расширение, отражательная способность. Механические свойства: прочность, пластичность, вязкость, упругость, твердость. Технологические: ковкость, свариваемость, обрабатываемость. Для изготовления декоративных изделий важен цвет металла. Для изготовления инструментов надо учитывать теплопроводность металла, расширяемость при нагревании. Можно определить металл по звуку. У одних низкая звукопроводность, у других высокая. Прочность определяется на растяжение, на сжатие, изгиб, кручение. Особенно кузнец должен разбираться в пластичности материала. Это необходимо для выколотки, чеканки, скани, басмы.

Нужны знания и об увеличении прочности и твердости металла, а также свойства их по совместимости друг к другу. Мало выковать изделие. Его надо декоративно отделать. Значит, нужна шлифовка, полировка и окрашивание. Для шлифовки необходимы абразивные материалы: наждачная бумага, кирпичная мука. Для полировки — специальные полировальные пасты. Еще нужно покрыть металл защитной пленкой от разрушения. Это называется патинирование и оксидирование. Технику обработки металла кузнецу надо знать в совершенстве.

— Расскажите, Николай Виссарионович, в какой последовательности вы работаете с металлом — от получения заказа до сдачи готового изделия.

— Конечно, все начинается с заказа. Заказчик приносит эскиз. Если нет эскиза, называет предмет заказа. От этого зависит, с каким металлом придется работать. Далее — вытяжка, осадка, высадка, рубка, скручивание, прошивка, рассекание. Например, вытяжка — это удлинение заготовки. Осадку применяют, когда, наоборот, надо уменьшить длину заготовки и увеличить ее поперечное сечение. Рубку выполняют зубилом. Гибку — на наковальне. Скручивание можно осуществить при охлажденном состоянии с помощью трубы. При прошивке заготовку пробивают специальными кузнечными пробойниками. Бородки могут иметь круглое, овальное, квадратное сечение. Рассекают, для того чтобы сделать завитки. Для этого необходимы зубило и тиски. Ковку ветки делают на металлическом листе. Соединять кованые изделия можно сваркой или скобами, клепками, обоймами. Патину наводят разными способами. Самый простой — нагревание поковок до появления нужного цвета побежалости. Иногда на изделии необходимо сделать чеканку, для этого нужен специальный инструмент — чеканы, пуансоны и молотки фигурные. Завершается весь процесс декоративной отделкой.

— Да это же целая наука! Профессором надо быть, чтобы во всем этом разобраться…

— Так и это еще не все. Часто приходится делать рельефную насечку. Для этого тоже необходим специальный инструмент. Когда вы вошли в кузню, то я как раз делал фигурную вставку. На ней будет выполнена рельефная насечка. Применяем еще скань. Это тонкие кружева из проволоки. Кузнец должен уметь паять. Да и окраска изделия не такое уж простое дело. Надо знать, чем и как красить. Совер-

шенству в кузнечном деле нет предела. Приобретаю необходимые книги и журналы. Изучаю ковку древних и современных мастеров. Но практика — впереди всего. Конечно, чтобы заниматься художественной ковкой, надо быть художником. Раз вы так заинтересовались, я сейчас вам кое-что покажу.

Леконцев прошел в другую комнату и вышел, неся в руках книгу, фотоальбом и толстую общую тетрадь.

— Вот в фотоальбоме фотографии моих работ. Десятая часть. В тетрадке отзывы заказчиков. В книге, — Николай Виссарионович вдруг замялся, — сами увидите.

Начал я с книги. Называется: «Современная художественная ковка» (Москва, 1994 год). В ней пятьсот черно-белых фотографий ручной художественной ковки.

Так вот где черпает идеи и вдохновение Николай Виссарионович! В конце книги фотографии семидесяти лучших кузнецов России, а также стран СНГ. Я уже хотел отложить книгу и взять фотоальбом, но Леконцев попросил меня внимательно посмотреть на фотографии кузнецов. Всмотревшись, вдруг увидел фотографию Николая Виссарионовича и перечень его работ, находящихся в книге. Не удержавшись, воскликнул:

— Вот это да!

— Так получилось: отправил фотографии своих работ и оказался в числе лучших кузнецов России.

— Так о вас же город должен знать, как знает художников Омельченко, Лоханского, Быкова. Как знает писателей, поэтов и бардов. Как же так? Это же несправедливо. Ваши художественные произведения украшают церкви, магазины, офисы. Думаю, что многие, кто видел ваши изделия, не остаются равнодушными. Но никто не знает, что это сделали именно вы. Это несправедливо.

Внимательно рассмотрел фотоальбом. На цветных фотографиях много работ, которых в городе я не видел. Эти изделия находятся у владельцев коттеджей.

— А вот эти изделия я сделал для начальника Восточного порта Жебелева. Теперь уже покойного.

При этом Леконцев показал мне несколько фотографий в альбоме.

— Вот и его запись в тетрадке.

Он открыл нужную страницу, где была сделана следующая запись: «Несомненно, талант от Бога, безошибочный вкус, врожденное чувство прекрасного, ощущение меры и гармонии. Трудолюбие и «золотые руки» большого мастера — все это позволяет любоваться произведениями Николая Виссарионовича, как творениями настоящего искусства, и гордиться, что прекрасный мастер живет с нами в Находке. Спасибо за украшения нашей повседневной жизни, творческих успехов!» Подпись — Жебелев. 20.06.1997 г.

Первая запись в журнале от 31 октября 1985 года: «Данное творчество поражает оригинальностью, находчивостью, выдумкой, чувством гармонии и красоты. Все говорит о том, что не перевелись на Руси умельцы». Подпись Д. А. Макустов.

Еще читаю: «Молодец! Истинно руки у Вас золотые»! Старший мастер МЗЦ.

«Как прекрасно, что есть среди людей такие, как Николай Леконцев. Берегите их творчество мыслящих».

«Работы Николая Леконцева напоминают художественную ковку в городе Ленинграде». Зав. музеем рыбколхоза «Новый Мир» 21 августа 1990 года.

«Огромное спасибо за вашу светлую душу, золотые руки, которыми вы творите свое искусство. Дай Бог вам здоровья на долгие годы». Коллектив кафе «Скиф».

И все в таком духе, более сотни благодарностей на русском, английском, казахском и других языках.

Это ли ни успех!

Геннадий СТРУНАЧЁВ-ОТРОК

Путями Витуса Беринга и Алексея Чирикова

Исторический очерк

В 1741 году из Авачинской бухты отправились на поиски западных берегов Северной Америки пакетботы «Святой Петр» и «Святой Павел», ведомые Витусом Берингом и Алексеем Чириковым. Ими были открыты северо-западные берега Северной Америки, Командорские острова и многие острова Алеутской гряды.

Через двести пятьдесят лет мы, группа яхтсменов из Петропавловска-Камчатского — Зигмас Жилайтис, Олег Ветров, Владимир Тарасов, Евгений Панченко, Геннадий Струначёв-Отрок, Валерий Федоренко, Юрий Соколов и Виктор Титов, — отправляемся на яхте «Тарпон» по путям, которыми ходили наши предки, через Тихий океан и Берингово море на Алеутские острова и Аляску.

Выйдя из Авачинской губы, пакетботы Беринга и Чирикова легли на зюйд-вест и двинулись на поиски якобы открытой недавно испанцами на сорок шестом градусе северной широты земли Жоао-де-Гама. После восьми дней пути Чириков писал в судовом журнале: «... и потому открылось, что земли Иан де Гамы нет, понеже мы место, где надлежало ей быть, перешли все через. И 13-го числа июня поворотились для искания американских берегов в направлении на северо-восток».

Еще через неделю в тумане и при жестоком шторме суда потеряли друг друга из виду и далее стали искать Америку по отдельности.

Первым 15 июля к ее берегам у нынешнего острова Бейкер (архипелаг Александра) подошел «Святой Павел» под командованием Алексея Чирикова. Установив по астрономическим наблюдениям, что они вышли к Северной Америке, моряки пошли вдоль ее берегов на норд. Дошли до пятьдесят восьмого градуса северной широты и отправили на берег флотского мастера Дементьева с десятью членами экипажа. Когда в назначенное время они не вернулись, решено было послать на их поиски ялик с боцманом Савельевым и тремя матросами. Но и они не вернулись к установленному сроку.

Судьба пропавших без вести навсегда осталась загадкой.

Двадцать седьмого июля мореходы повернули в обратный путь. При возвращении они открыли ряд островов Алеутской гряды. 12 октября 1741 года «Святой Павел» благополучно вернулся в Петропавловскую гавань. Из семидесяти пяти членов команды на Камчатку вернулся пятьдесят один человек.

Экипаж «Святого Петра» и сам пакетбот ожидала более трагическая судьба. Следуя на норд-ост, моряки увидели берега Америки через полтора суток после пакетбота «Святой Павел». Они подошли к небольшому острову Каяк, расположенному в самой северной части залива Аляска. Для осмотра открытой земли на берег были посланы флотский мастер Хитров с командой из пятнадцати человек и натуралист Георг Стеллер в сопровождении казака Лепехина.

За десять часов пребывания на острове Стеллер сделал ряд ботанических и орнитологических открытий — описал сто

шестьдесят видов неизвестных растений и десять видов птиц.

Двадцать первого июля мореходы отправились в обратный путь. Беринг заболел цингой, и пакетботом управлял лейтенант Свен Ваксель. От недостатка свежей пищи один за другим стали болеть и другие члены экипажа. Начались смертельные исходы.

Погода наступила штормовая и, по выражению Вакселя, «корабль носило, как кусок мертвого дерева, почти без управления». В начале ноября ураганным ветром пакетбот вынесло к неизвестной земле и штормовой волной перебросило через каменную гряду в тихую бухту. Мореходы думали, что попали на Камчатку, но спасительная земля оказалась необитаемым островом.

Очередным ураганом пакетбот был сорван с якоря и выброшен на берег. Восьмого декабря скончался командор Витус Ионассен Беринг. Один за другим умирали мореплаватели. Девять месяцев провели мореходы на суровом острове, борясь за жизнь. И если бы не свежее мясо крупного морского млекопитающего, которое также описал Стеллер (названное впоследствии «морской коровой Стеллера»), оставшейся части экипажа едва ли удалось бы выжить.

В мае 1742 года под руководством Вакселя, Овцына и корабельного плотника Стародубцева оставшиеся в живых соорудили из остатков пакетбота одноименный гукор* «Святой Петр». В середине августа мореходы отплыли на Камчатку и в конце месяца благополучно добрались до Петропавловской гавани. Из семидесяти семи членов экипажа в живых осталось сорок шесть человек.

Впоследствии остров, на котором они провели зиму, был назван островом Беринга. По пути, проложенному Витусом Берингом и Алексеем Чириковым, промышленники устремились к берегам Северной Америки. Они открывали новые острова в океане, создавали поселения на Алеутской гряде и Аляске. Русская Америка — так они стали называть эти земли.

НА ОСТРОВЕ УНАЛЯСКА

И вот спустя двести пятьдесят лет мы пойдем по маршрутам наших предков. Какие они, эти земли? Сохранились ли там следы пребывания наших предков? Что ждет впереди нас самих?

Из Авачинской губы мы вышли 27 июня 1991 года. Пересекая Баренцево море, планировали войти в Капитанский залив на Аляске, на берегу которого расположился Датч-Харбор, 13-го июля, а заходим на сутки раньше. На границе территориальных вод, у мыса Веселова, нас догнала яхта «Байкал» иркутских яхтсменов.

Американского присутствия нигде не видно. В залив вошли парой. Виктор Титов не выпускает из рук микрофона радиостанции УКВ. Твердит в него словно попка:

— Датч-Харбор рэдио, Датч-Харбор рэдио! Ит из рашен ет «Тэрпон»! Овэр!

А в ответ — тишина.

Зовем лоцмана на лоцманской частоте — аналогичный результат. Впрочем, сегодня суббота, выходной день. Елки-палки! У нас бы, не дай Бог, объявись у мыса Маячного американская яхта и доложи они о своем присутствии — вся б военная эскадра выскочила в море брать в плен «нарушителя». А тут... Никому мы не нужны, никто нами не интересуется. Даже обидно стало.

Прошли в глубь залива, вошли в бухту Иллюлюк. «Байкал» обогнал нас и уже стал на якорь напротив входа в гавань Датч-Харбор. Мы подошли к нему и прицепились с кормы. Безответные потуги установить связь прекратили, стали озирать окрестности.

Бухта Иллюлюк располагается в юго-восточной части Капитанского залива. С востока и юга ее ограничивает берег острова Уналяска, а с запада и северо-запада небольшой остров Амакнак, делящий залив на две части. С северной части острова, от мыса Улатка, ведьминой клюкой спускается до середины бухты узкая песчаная коса длиной чуть более мили со светящим знаком Спитхэд на ее южной оконечности. В этой акватории острова и располагается гавань Датч-Харбор.

С острова Амакнак на остров Уналяска перекинут автомобильный мост. Он соединяет жилую часть поселков Уналашка и Иллюлюк с деловой частью Датч-Харбор.

В Капитанской бухте располагаются заводы рыбодобывающих компаний. Часть

** Гу́кор — парусное двухмачтовое судно с широким носом и круглой кормой водоизмещением 60 — 200 тонн.*

бухты носит название Порт-Левашов. Такое название этому природному водному закутку дал капитан второго ранга Гаврила Сарычев по имени описавшего ее ранее Михаила Левашова. В феврале-марте 1792 года Сарычев обследовал остров, нанес на карту подробные уточнения и составил «Журнал описи острова Уналяска...».

С сопок на залив наползали сумерки. В разрывах облаков мерцали звезды. Природа здесь в точности камчатская, вернее, командорская: такие же сопки, покрытые мхом, скалы и галечные пляжи у кромки воды, как на острове Беринга. И погода, как и на Камчатке, соответствующая этому времени года.

Перед сном организовали праздничный ужин за удачный переход через Берингово море. Разлили «для сугреву» некоторое количество «шила» (спирт с водой), пригласили к столу экипаж «Байкала». Настроение у всех возбужденное и вдохновенное. Даже не верится, что смогли ворваться в Америку.

За разговорами не заметили, как забелело предрассветное небо — летом в этих широтах светает рано. Разошлись по яхтам спать.

Утром я, Валера и Виктор решили выбраться в поселок, чтобы осмотреть его обстоятельно. Побродили по деловому центру «Юниси» в Датч-Харборе на Амакнаке, перешли по мосту на Уналяску, с каким-то местным рокером, единственным встреченным нами на улице Уналашки, обменялись значками, сфотографировались у церкви Святого Вознесения, в которой смотрителем служит алеут с русской фамилией Лиханов.

В 1823 году по указу Священного Синода была учреждена особая миссия на Уналяске и Алеутских островах. А в следующем году на корабле «Константин» в поселок, именуемый в среде русских промышленников Гавань, прибыл из Иркутска отец Иоанн Евсеевич Попов, крещенный Вениаминовым. В то время на Уналяске жило пятьсот алеутов да на прилегающих Лисьих островах и Прибылова — до тысячи человек. Молодой миссионер возвел с прихожанами и освятил 29 июля 1826 года небольшую церковь во имя Святого Вознесения Господня. Лес для этого специально привезли с острова Ситха. На Уналяске деревья не растут, кроме небольшой рощицы лиственниц на островке Амакнак. Эту рощицу посадил в 1805 году отец Макарий, в миру Матвей Александров, сын крестьянский из Орловской губернии. Он прибыл сюда в 1794 году из Коневского монастыря с первой православной миссией. Ему были определены приходом Лисьи острова с центром в Уналяскинской гавани. Рощица радует глаз и доныне и является в Датч-Харборе местной достопримечательностью.

Отец Вениаминов выучил алеутскую речь, составил букварь алеутской письменности, открыл приходскую школу для детей и перевел на алеутский язык многие важнейшие молитвы. Его полюбили аборигены — прихожане всех церквей православной Аляски — и уже при жизни стали почитать за святого. Вклад Вениаминова в православную христианскую веру нельзя переоценить. В конце жизни он стал митрополитом Русской православной церкви.

В настоящее время в Датч-Харборе и в других селениях прихода (на других островах) осталось не так много верующих. И чтобы как-то существовать и содержать семью, священник вынужден трудиться еще и на другой, мирской, работе.

Стены церкви увешаны старинными, изрядно подпорченными временем иконами.

— Во время Второй мировой войны японская авиация нанесла несколько воздушных ударов по Датч-Харбору, где располагалась база авианосцев США, — рассказал Лиханов. — Церковную утварь и иконы пришлось раздать на хранение прихожанам. Сама церковь сгорела, и ее восстановили после войны. А когда в новую церковь снесли хранившиеся у прихожан ценности, иконы в большинстве своем оказались отсыревшими и облупленными. Чтобы они дальше не подвергались порче, пришлось покрыть их лаком, и они потеряли свой первоначальный вид.

В дневное время деревни как будто вымирают: все жители на работе. Только изредка пролетают по гравийной дороге, обдавая нас пылью, спешащие куда-то автомобили.

Прошли мы через Иллюлюк к старому островному кладбищу на сопке. Побродили между могил, где до сих пор сохранилось много крестов и надгробий с русскими фамилиями. Набрели на захоронение мэра фактории Уналяска по имени Петр, родившегося в 1845 году и прожившего здесь до 1919 года.

ГОРОД КАДЬЯК — БЫВШЕЕ ПОСЕЛЕНИЕ РУССКИХ

Двадцать первое июля. В шесть утра снялись с якоря. Туман. Холодно. Промозгло. Пошел отлив. Завели мотор, выскочили из бухты и подхваченные попутным течением понеслись в залив Аляска. Погода мерзопакостная. Волнение моря не прекращалось все шесть дней перехода. Удивились количеству рыбы в заливе Аляска. То и дело встречаются кипящие, как в котле, на поверхности косяки сельди. В наших водах такое стало редкостью. И красная рыба постоянно вокруг яхты петли вьет.

Валера вытравил за корму леску с блесной. Пока длился переход — два раза варили уху из горбуши. Это блюдо весьма органично вписалось в наше скудное меню.

На рассвете двадцать шестого июля, миновав острова Тугидак и Ситхинак, заштилели вдруг на траверзе входа в пролив Ситхалидак, ведущий в бухту Трех Святителей у южной оконечности острова Кадьяк. Впервые за весь поход выдался солнечный день.

В середине августа 1741 года лейтенант Свен Ваксель вывел в эти места пакетбот «Святой Петр». Беринг к этому времени уже был болен и старался не покидать своей каюты. Остров Кадьяк стал второй землей, которую они видели за время своего плавания. Прошли вблизи, но не высаживались, торопясь вернуться домой до наступления штормов. А у острова Чирикова в тумане они чуть не потерпели крушение, в опасной близости проскочив мимо. Вот что писал тогда Ваксель в судовом журнале:

«На обратном пути нам встречались огромные трудности, ибо как только мы намеревались направить курс на дальнейшее продолжение путешествия... так всякий раз впередсмотрящий докладывал о том, что впереди земля. Приходилось каждый раз поворачивать в открытое море».

Первым к берегам острова Кадьяк (Кыктаю), населенного эскимосами-конягмиутами, причалил галиот «Святые Андреян и Наталья» под командой С. Г. Глотова в конце агуста 1763 года.

Бывший в экипаже толмач-алеут совершенно не понимал речи «конягов». Переговоры начались только после того, как последние привели пленного мальчика-алеута, захваченного ими на Лисьих островах. Русские сразу же стали склонять конягов к переходу под покровительство высокой самодержавной руки Ее императорского величества Екатерины, требовали платежа ясака и выдачи аманатов в заложники. Островитяне возмутились и напали на охотившихся промышленников, пытались сжечь судно. Атака была отбита, но повторилась еще дважды. За свой галиот промышленники стояли насмерть. Он был единственным средством спасения их жизней и возврата на родину.

После этих налетов глотовцы боялись уходить далеко от судна. Стало невозможно добывать достаточное количество морских зверей в пищу. В экипаже начались заболевания цингой. За зиму умерло девять человек. В конце мая 1764 года с незначительным количеством пушнины Глотов был вынужден покинуть Кадьяк и отправиться к обжитым русскими Лисьим островам, на остров Умнак.

А приплывший третьего августа 1784 года на галиотах «Три Святителя» и «Святой Симеон Богоприимец и Анна Пророчица» русский купец-мореход Г. И. Шелихов заложил в здешней бухте первое русское селение и назвали его Трехсвятительской Гаванью, а бухту — Трех Святителей. Примечательно то, что в этом длительном плавании Шелихова сопровождала жена Наталья Алексеевна с двумя малолетними детьми.

Затем Г. И. Шелихов отправил работных людей на северо-восток острова, в залив Чиниак, для заготовки елового леса на строительство шлюпок. Близ селения конягов Чинигат было заложено зимовье, давшее начало основанию на этом месте Павловской Гавани.

С восходящим солнцем выползло из глубин наших прозябших душ и хорошее настроение. После обеда весь экипаж выбрался на палубу. Расстелили вдоль бортов одеяла, сбросили с себя влажные одежды, разделись до трусов и разомлели под горячими солнечными лучами. Море блестит, как зеркальная поверхность, аж глазам больно. Штиль полнейший, паруса обвисли, яхта совсем потеряла ход. До порта Кадьяк (если идти под двигателем) еще сутки ходу, а бензина осталось всего на несколько часов. Посему дрейфуем — экономим горючее, ждем ветра.

Юра прожарился под солнцем и решил искупаться. Бултыхнулся за борт, кричит благим матом от холода, а из воды не вылезает. Обплыл яхту, по прикрепленной к транцу металлической лесенке поднялся на палубу, прыгает от избытка чувств и бодрости. Мне тоже жарко, но за борт прыгать не рискую. Зачерпываю ведро воды, иду на бак и обливаюсь с головы до ног. Хорошо! Всегда бы такая погода для путешествий!

Пополудни, когда немного спала жара, Зигмас организовал учение по постановке спинакера. Я смотрел-смотрел на их мышиную возню с легким парашютообразным парусом и пошел за секстаном. Решил потренироваться в астрономических определениях.

Сел на рубку, сажал-сажал солнце на горизонт — умаялся. Вроде и зыбь слабенькая, а яхту все равно качает, и солнце выскакивает из окуляра. Руки онемели держать их все время поднятыми. Плюнул на это дело и отнес секстан на место.

— Правильно, — говорю, — что на иностранных судах секстаны держат только для того, чтобы орехи колоть. Одни русские все еще используют их для навигационных наблюдений.

К вечеру потянул бриз, и за ночь мы все-таки покрыли оставшееся расстояние до залива Чиниак, в вершине которого расположился порт Кадьяк. А утром у входа в залив, у мыса Толстого, снова попали в такую же историю. Видимость прекрасная. До города — миль пятнадцать. Строения на сопках видны, а яхта, как приклеена к зеркальной глади воды. За пару часов, правда, течением нас продвинуло на две-три мили. Наконец, часов в десять утра Бог как бы услышал наши молитвы и послал легкое попутное дуновенье. Медленно-медленно поползли в сторону города.

Сижу за румпальником — рулю. Солнце до того живописно окрашивает этот чудесный зеленый остров, что нам кажется, будто мы находимся не в заливе Аляска, а у побережья Адриатического или Эгейского моря. И жарко так же, и такая же голубая дымка окрест. Из салона выбирается Зигмас, проходит на корму, спускается по лесенке до воды, снимает штаны, умащивается на корточки, задумчиво обозревает окрестности.

Поворачиваюсь к Зигмасу, чтобы выразить свое восхищение природой и замираю в ужасе: позади него двухметровая серая акула медленно всплывает из глубины, догоняет яхту и пристально смотрит мне в глаза своим ледяным немигающим взглядом, будто приказывает: тихо, не шуми. Внутри у меня все похолодело от такого осмысленного взгляда. Затем, оскалив зубы, она стала переворачиваться на левый бок, как это обычно делают акулы при нападении, и перевела зрачки на голый зад Зигмаса. Тут я как возопил:

— Зигмас! Акула сзади!

По голосу он понял, что это не подколка — в момент перемахнул через леерное огражденье, даже штаны забыл подтянуть. Встал на палубе и таращится в недоумении. А акула, видя, что добыча ускользнула, снова перевернулась спинным плавником вверх и, лениво вильнув хвостом, медленно пошла в глубину.

Успокоившись, Зигмас дал «ЦУ» запустить двигатель: оставшийся бензин не жалеть, потому что по приходе в Кадьяк все равно будем пополнять запасы.

«КРИК ДИКОГО БАРАНА»

Второго августа в Кадьяке началось празднование двухсотпятидесятилетия открытия Северной Америки экспедицией Витуса Беринга и Алексея Чирикова. В национальном Кадьякском парке «Крик дикого барана» ставилась массовая костюмированная пьеса Франка Бринка о первом управляющем Аляски А. А. Баранове. На родине мы его редко вспоминаем, здесь же его почитают примерно так же, как мы на Камчатке Витуса Беринга. Пьеса также носит название «Крик дикого барана». В наш приход кадьякцы ставили ее двадцать пятый раз.

Представьте себе театр под открытым небом. На крутом, обильно поросшем деревьями и травой склоне амфитеатром к заливу врыты обыкновенные скамейки. Внизу большая поляна, отгороженная от залива смешанным лесом. На ней отстроены три русские избенки с разбирающимися на время представления передними стенками, чтобы зрители видели игру артистов одновременно как внутри домов, так и около них. Перед домами — стойбище алеутов с кострищем. Слева — мачта с развивающимся флагом Русско-американской компании. За ней — скалистый берег и кусочек бухточки Монашки.

Вместе с самодеятельными артистами, коренными жителями Кадьяка, гостями, приплывшими сюда на яхтах и катерах, прилетевшими на самолетах специально для принятия участия в празднике, народу собралось большое количество. Перед началом спектакля все гости Кадьяка сделали записи в книге посетителей, а затем (хорошая традиция!) на установленную на столбах большую всепогодную, неразмокаемую карту мира наклеили синие кружочки на те места, кто откуда прибыл.

Клеили австралийцы, американцы из других штатов, гости других стран, но, надо сказать, территория СССР до нашего визита сюда была не охвачена. И мы с удовольствием наклеили метки к местам, в которых родились или живем, начиная с общего табора — Петропавловска-Камчатского. После нашего ухода с Кадьяка на карте СССР осталось красоваться восемь синих кружочков.

Праздник этот, надо заметить, был большим торжеством нашей культуры в Америке. Девушки в русских сарафанах, в венках с разноцветными лентами водили на площадках хороводы, везде распевались наши родные песни, работали буфеты, где продавали русскую водку.

Началась пьеса засветло, а закончилась при луне, и все это сопровождалось разведением костров, стрельбой из пушек и ружей холостыми зарядами, факелами, фейерверками, взрывами, сабельными боями. К тому же в середине спектакля с полчаса лил дождь. Но это никого не омрачило, и все с удовольствием досмотрели спектакль до конца.

Содержание пьесы по ходу спектакля нам переводила Георгина Синк, журналистка «Кадьяк дейли миррор». Потом, уже дома, я скорректировал жизнь Баранова по датам с «Историей Русской Америки» академика Н. Н. Болховитинова и выяснил, что художественный вымысел автора немного не соответствовал действительности.

В лето 1790 года Александр Баранов, опытный каргопольский купец, обладавший недюжинным умом и способностями, достаточно образованный для своего времени и сословия, большой патриот России, жаждал попасть на Аляску. К этому времени его дела в Сибири в силу неблагоприятных обстоятельств пришли в совершенное расстройство. Но для переезда нужны деньги, коих он не мог раздобыть в достаточном количестве. Тогдашний совладелец Северо-восточной компании «Голиковы и Шелихов», рыльский купец Григорий Иванович Шелихов, не раз предлагал Баранову перебраться на Алеутские острова, но в то время у Александра Андреевича свое дело шло прекрасно, и он отказывался. И вот теперь в отчаянии он ищет в Охотске встречи с Шелиховым. От безделья становится завсегдатаем кабачка «Охотская девушка». Был ли такой в действительности — сомнительно, но в пьесе это название присутствует.

Наконец ему повезло: Шелихов как раз собрался снаряжать на Аляску экспедицию и прибыл из Иркутска в Охотск. Здесь, в кабачке, они и встречаются пятнадцатого августа 1790 года и подписывают контракт, по которому Баранов на пять лет становится «хозяйским главным правителем Северо-восточной компании». Получает обширные полномочия, тридцать полупаев от прибыли компании, нанимает себе в помощники И. А. Кускова и отплывает в Уналяску на галиоте «Три Святителя».

Перед отплытием Баранов получил секретные государственные инструкции от начальника Охотского порта И. Г. Коха о необходимости расширять владения империи не только по американскому берегу к юго-востоку от Кадьяка, но и к северу от него, вплоть до Берингова пролива.

В октябре 1790 года галиот «Три Святителя» при входе в залив Уналяска разбивается о скалы и тонет. Экипажу удается спастись. Спасена и большая часть груза. Людям приходится зимовать на необжитом острове в тяжелейших условиях. А. Молев, посланный за помощью в Кадьяк на байдарах с местными алеутами, был встречен на полуострове Аляска воинственными южными эскимосами и, потеряв убитыми пятерых алеутов, еле убежал с остальными людьми на остров Унга. Здесь они и провели зиму до прихода за ними самого Баранова. К весне из обломков потерпевшего крушение галиота Баранов построил три вместительных байдары и перебрался с оставшимися в живых членами экипажа и промышленными людьми на Кадьяк, в бухту, названную в честь Трех Святителей, сменив прежнего управляющего грека Е. И. Деларова.

Селение Трехсвятительское к этому времени стояло почти полностью разрушенное сильным землетрясением и цунами, прошедшими 11 июля 1788 года. Баранов был вынужден искать более подходящее место на острове для закладки новой столицы

Аляски. Таким местом стало весной 1792 года северо-восточное побережье острова в заливе Чиниак, которое Баранов назвал Павловским селением, в честь наследника престола. Впоследствии его переименовали в Павловскую Гавань.

Далее сюжет пьесы Франка Бринка разворачивается в такой последовательности. Все товарищи Баранова переженились на алеутках и обзавелись детьми. Но жизнь их среди аборигенов проходила трудно: во-первых, они не привыкли жить в первозданной природе; во-вторых, никакого снабжения из России не поступало; в-третьих, они тосковали по цивилизации.

Вся жизнь проходила в постоянных стычках с аборигенами, поисках пропитания, строительных материалов, одежды, изготовлении орудий труда и прочих средств производства. Они часто болели и многие умерли от цинги. И вот как-то зашел к ним корабль из России. Сотоварищи Баранова побросали местных жен, а сыновей и дорогие вещи попрятали в большие сундуки под видом домашнего скарба и стали грузить их на судно.

Баранов с оставшимися промышленниками и казаками стал отбирать детей и уговаривать друзей не уезжать. Обещал отослать с этим кораблем петицию царю, чтобы Россия прислала священников для обучения русских переселенцев и их детей грамоте и для обращения алеутов в православную христианскую веру. В конце концов ему удалось уговорить большую часть друзей остаться на Кадьяке.

Через пару лет к ним приплыли священники.

Согласно историческим датам, миссия сия прибыла в Павловскую губу 24 сентября 1794 года на галиоте «Три Святителя: Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст». С этой миссией приплыли: архимандрит Иосоаф; иеромонахи Афанасий, Ювеналий, Макарий; иеродиаконы братья Нектарий и Стефан и самый молодой — послушник Герман. Увидев их черные рясы, алеуты в страхе разбежались. Сначала было большое пиршество по поводу приезда новоселов, потом — крещение аборигенов и обучение их русскому языку.

Священники думали, что едут в обжитые земли, а когда ступили на берег и увидели, что здесь для них не приготовлены ни церкви, ни жилье, приуныли. Однако делать нечего: вместе с прихожанами взялись строить и благоустраивать приходы по всему Кадьяку и далее — по «матерой земле» Аляске.

Баранов стал налаживать жизнь на осваиваемых территориях Кадьяка и материковой части Аляски вплоть до залива Принс Вильямс на северо-востоке. Ему пришлось приложить неимоверные душевные и физические усилия и выдержку, чтобы усмирить начавшиеся еще до его приезда распри между алеутами, эскимосами и многочисленными племенами индейцев, а также среди промышленников-старожилов — партий конкурирующих купцов Шелихова и Лебедева. И между теми и другими вместе.

Добившись заметных успехов в колонизации завоеванных земель, он в лето 1804 года, следуя инструкции, данной ему в Охотске, на небольшом паруснике «Ермак» со 120 русскими (вооруженной командой судна, казаками и промышленниками) и партией из 900 аборигенов на 400 байдарах отправился на завоевание непокорного гнезда индейцев-тлинкитов (колошей) острова Ситха. К этому времени сюда же подошел и шлюп «Нева» из состава первой русской кругосветной экспедиции под командованием Ю. Ф. Лисянского.

Видя такую армаду плавсредств и воинства, тлинкиты сбежали с оседлого места. Пока Баранов на месте индейского поселения строил будущую столицу Ново-Архангельск, они на другом конце острова соорудили свою, хорошо укрепленную деревянную крепость. И стали готовиться к войне с бледнолицыми, периодически нападая на еще не огороженный острог. Переговоры с воинственными тлинкитами ни к чему не привели. И тогда Баранов отдал распоряжение штурмовать индейскую крепость и сбросить колошей в море.

Первого октября (по новому стилю) пошли на приступ как со стороны берега, так и со стороны моря. В боевых действиях принимал участие и шлюп «Нева», поддерживая наступающих огнем судовых батарей, а затем высадив десант под командованием лейтенанта П. П. Арбузова.

Шесть дней Баранов с переменным успехом штурмовал крепость, и седьмого октября индейцы бежали с острова. В этой осаде погибло восемь русских, в том числе три матроса с «Невы», десять туземцев-союзников и шестнадцать конягов-кадьякцев. Раненых было значительно больше, в том числе сам Баранов и лейтенант Повалишин.

Эх! Забытые страницы истории! Вот где русские вестерны писать! Получше бы американских были. Но назывались бы «остерны».

Индейцы так и не смогли отвоевать Ситху, сколь ни пытались впоследствии. А в один из дней вождь тлинкитов-ситхинцев привел к Баранову своих детей и говорит: «Земля эта наша, но вы ее завоевали. Теперь нашим детям жить негде. Мы должны их убить». Вывел детей за ворота острога и поубивал.

Вождь племени колошей привел Баранову свою дочь и предложил в жены. Баранов ответил, что уже имеет жену в России. Однако товарищи уговорили его жениться на индианке, чтобы избежать вражды с местным племенем. От индианки, нареченной после крещения Анной, родились сын Антипатр и дочь Ирина. Антипатра Баранов отправил с Головиным в Санкт-Петербург на учебу, где тот стал морским офицером.

Двадцать семь лет Баранов успешно управлял Русской Америкой. За это время ему присвоили звание коллежского советника, наградили именной медалью на Владимирской ленте, а за «реконкисту» Ситхи по ходатайству графа Н. Л. Румянцева в 1806 году вручили орден Святой Анны 2-й степени. Несколько раз Баранов просился в отставку, ссылаясь на то, что стал стар для подвижнических беспокойных дел, но удовлетворили его ходатайства только в 1818 году.

В конце июля 1817 года в Ново-Архангельск пришел из Петербурга корабль Российско-американской компании «Суворов» под командованием лейтенанта З. И. Понафидина, а 20 ноября — корабль «Кутузов», возглавляемый капитан-лейтенантом Леонтием Гегемейстером. Последнему было поручено сменить Баранова. Но, ознакомившись с положением вещей в этой «дыре», он не решился объявить о своем намерении Баранову, хотя тот слезно умолял Гегемейстера забрать его в Россию. Решился он на этот шаг только после того, как лейтенант с «Суворова» Семен Яновский посватался к дочери Баранова Ирине. Обрадованный таким стечением обстоятельств, Гегемейстер уговорил Яновского принять на себя после свадьбы хлопоты по управлению этим обширным краем. Тот дал согласие.

Двадцать седьмого ноября 1818 года Баранов на корабле «Кутузов» оставил свои колонии. Проводить его пришло все население Ново-Архангельска. Приехал даже некогда враждебный тойон тлинкитов Катлиан. Одному из индейских вождей, старому другу (по-видимому, тестю), Баранов подарил свою кольчугу, которую постоянно носил под одеждой.

По пути на родину корабль зашел в порт на острове Ява и простоял целый месяц. Александр Андреевич тяжело заболел и восемнадцатого апреля 1819 года скончался. Для него оказался смертельным экваториальный климат. Тело его по морской традиции и завещанию было предано воде в Зондском проливе.

За четыре часа спектакля, половина которого проходила при дневном свете, а половина — в сгущающихся сумерках, перед зрителем проходит вся жизнь нашего великого земляка. И все это в сопровождении русской символики и атрибутики, с фейерверками, кострами, пожарами и стрельбой из ружей, мушкетов и мелких старинных чугунных судовых пушек.

Вы не можете себе представить наше ощущение гордости за своих пращуров после просмотра этого спектакля! Хлопали мы артистам долго и от души. Отфотографировали весь спектакль. Кричали «браво» и после выступления пожимали руки в знак благодарности знакомым кадьякцам, занятым в постановке.

После спектакля выступил мэр острова Кадьяк Роберт Броди: «Это очень здорово, что на нашем юбилейном двадцать пятом спектакле присутствуют русские гости!..»

Празднование Русской Америки у них проводится с 1966 года, и мы были первыми русскими, присутствующими на премьере спектакля двадцать пятого сезона. С экипажем яхты «Авача» мы распевали в окружении кадьякцев песни под гитару и балалайку на русском языке. Помогали ремонтировать крышу на декоративных домах сцены-арены природного театра, а потом от души хлопали артистам-энтузиастам, занятым в спектакле.

Удивительно то, что русские песни они учат по своей транскрипции и поют, не понимая слов, зато с искренним наслаждением выводя раздольные и разудалые музыкальные рулады.

Когда их маленький оркестр русских народных инструментов заиграл «Яблочко», я сорвался с места, выскочил на сцену-поляну

и стал плясать этот популярный у нас матросский танец. Пляшу я его довольно-таки профессионально, потому что выступал с ним в ранней юности в школе, а потом четыре года в мореходке на всех концертах. Когда перешел к присядке — американцы пришли в неописуемый восторг, а сделанное в заключение полусальто привело их в бурный экстаз. Громкие аплодисменты сопровождались одобрительными выкриками. Американцы, оказывается, очень темпераментные зрители.

А в следующем, 1992 году, спектакль показали в последний раз. Я несколько раз спрашивал Георгину, когда она в 1993 году прилетала на Камчатку: почему его перестали ставить, но вразумительного ответа так и не получил. «Автор снял его для переработки, потому что после общения с русскими увидел в нем много недостатков и упущений», — говорила она.

За неделю кадьякских празднеств «Крик дикого барана» посмотрело большое количество русских туристов. После нас сюда, по пути в Ситку, заходили два пассажирских теплохода, набитых советскими делегациями, учебный фрегат «Паллада» и несколько владивостокских яхт. И вы представьте состояние американцев и их властей, когда подвыпившие русские мужики после просмотра спектакля, бия себя в грудь, со слезами на глазах восклицали: «Ведь это наша земля! Эх! Дураки! Продали Русскую Америку!» А тут еще группа «Любэ» голосом Николая Расторгуева безапелляционно голосит из динамиков круизных теплоходов, обращаясь к Америке: «Отдавай-ка землицу Алясочку!..»

Поневоле задумаешься: пускать ли в следующий раз вот так запросто русских в Америку?

ЗОЛОТЫЕ КУПОЛА ПРАВОСЛАВИЯ

Сегодня на острове Кадьяк семь русских православных церквей, две из них — в городке Кадьяк, одна — на островке Спрусайленд.

В церковь Святого Воскресения на Кадьяке мы и отправились с Георгиной в последний день нашей стоянки. Отвез нас туда ее муж Чарли. Пока шла служба, мы сели на лавку в стороне от людских глаз, и я стал осматривать помещение. Просторный, хотя и небольшой зал заставлен двумя рядами лавок с высокими резными спинками на манер католических церквей. На маленьком пространстве перед алтарем, посередине, стоит большой сундук, обитый красным бархатом, в котором покоятся мощи Святого Германа. На стенах и иконостасе яркие, не русского письма иконы: Пресвятая Богородица Троеручница, Иисус Христос, Николай Угодник, Святой Василий Великий, Святой Тихон, Патриарх Московский и Всея Руси, Святой Преподобный Серафим Саровский, Святой Преподобный Ксенофон, Святой Федор, Святой Юлиан, Архангел Гавриил. В гладких современных окладах. Все позолочено. Ярко, броско, но смотрится бедновато.

По окончании службы, распрощавшись с прихожанами, к нам подошел настоятель церкви Святого Воскресения отец Иоанн Забинко и протянул для приветствия сразу обе руки. Небольшого роста, пухленький, розовощекий улыбающийся мужчина средних лет. Стали с ним разговаривать. Георгина переводит.

В основании этой церкви самое активное участие принял Святой Преподобный Герман, мощи которого здесь и покоятся. Приплыл он на Кадьяк с первой Духовной миссией из Охотска в сентябре 1794 года. Был он послушником Валаамского монастыря, а родился в Серпухове в купеческой семье. Восемь священников-миссионеров тогда прибыли сюда по приглашению Александра Андреевича Баранова. «Убогий Герман», как он сам себя называл, был самым младшим среди них. Он стал незаменимым носителем и пропагандистом православной веры в Америке. Смело заступался и бескорыстно помогал всем униженным и оскорбленным, как аборигенам, так и русским. И еще при жизни стал почитаться населением Аляски святым.

Обладая некоторыми гипнотическими способностями и медицинскими познаниями, он взял на себя обязанности целителя и лечил русских и туземцев от различных болезней. А также обучал при церкви детей аборигенов русскому языку и обращал местные племена в христианскую веру.

О его благодеяниях и сверхъестественных способностях сохранилось много легенд. Вот некоторые из них.

Когда Духовная миссия из Охотска плыла на Аляску, в Беринговом море разыгрался жестокий шторм. Судно лишилось парусов, а вместе с ними и управления, и несколько дней носилось на воле волн. Команда и пассажиры надели чистое нательное белье и приготовились умирать, но молодой посланец Валаама Герман пробрался на нос судна и стал усердно молиться Господу о спасении. Молился до тех пор, пока буря не утихла.

По прибытии на Кадьяк, когда посланцы жили в первом русском поселении в бухте Трех Святителей, на острове произошло сильное землетрясение с последовавшим затем цунами. Вода стала резко уходить от берега, среди поселенцев и алеутов началась паника. Своим спокойствием и хладнокровием Герман помог организовать быстрое перемещение людей на более возвышенные места, а сам взял икону Пресвятой Богородицы и пошел с ней на берег. Поставил на песок в некотором отдалении от прибойной полосы и объявил, что вода не зайдет за икону. И точно: волна цунами докатилась до установленной им иконы и, поплескавшись перед ней, стала отступать.

Потом священнослужители переселились в Павловскую Гавань, на северо-восток острова, куда Александр Баранов перенес в 1792 году свою резиденцию. Здесь архимандрит Иоасаф, прибывший во главе миссии (в миру Иван Ильич Болотов 1757 года рождения, погиб вместе с отцом Стефаном при крушении судна «Феникс» на Аляске в 1799 году), основал церковь Святого Воскресения. Освящена в начале 1796 года, и Убогий Герман стал ее настоятелем. А за несколько лет до смерти (умер 13 декабря 1836 года) уединился на небольшом, лежащем через проливчик от поселка островке Еловом (Спрусайленд), где построил скит, часовню и дом-приют для туземных детей-сирот, которых сам обучал грамоте и молитвам. Это свое поселение он назвал Новым Валаамом. Здесь и отошел тихо, мирно в молениях за великую православную державу и ее покорных рабов.

Девятого августа 1970 года Святой Герман был канонизирован Американской Христианской Православной Церковью и стал первым православным Святым в Западном полушарии.

В 1943 году при неизвестных обстоятельствах церковь сгорела. Вместе с ней сгорели и все оригиналы старинных икон. В 1946 году отстроили новую, похожую церковь, и написали новые иконы: такие же, но не источающие православного дыхания. Какие-то... с налетом католицизма.

Настоящим открытием для меня было то, что в церкви первого русского поселения на Кадьяке — Трехсвятительском — покоятся ныне мощи Святых Иоанна Златоуста, Григория Богослова и Василия Великого, привезенные сюда по настоянию Международного Православного Собора в 1984 году из Рима.

«Остались ли при церкви старинные реликвии времен Русской Америки», — спросил я. Иоанн Забинко молча вынес большой серебряный кубок, сделанный в виде рюмки. «Одна тысяча восемьсот третьего лета министр коммерции граф Н. Румянцев чашу спасения послал в Америку», — прочитал я гравированную вязь на стенке сосуда. Затем отец Иоанн указал на почерневшую от времени, обрамленную витиеватым, действительно славянским позолоченным окладом икону «Собор Архангела Михаила» и еще какую-то, название которой я не успел записать.

Вот и все реликвии, которые остались сегодня от Матушки России в православной церкви Святого Воскресения на Кадьяке.

Восьмого августа намечалось большое паломничество с привлечением множества плавсредств на остров Спрусайлэнд, к последнему приюту Святого Германа. Как рассказал отец Иоанн, поминовение это начнется в его церкви седьмого и затем продолжится еще два дня по всем православным приходам Аляски. На эти торжества съедутся настоятели всех островных церквей. Будет проведена большая служба и литургия. Приедет Епископ Аляски Григорий, отец Николай Харис из Анкориджа, протодьякон Парфений Плетников из села Никольское, отец Иосиф и многие другие, рангом ниже. Намечалось большое стечение верующих христиан.

Мне было жаль, что завтра уходим, и я не смогу увидеть этого исторического крестного хода и переезда на судах верующей братии к обители Преподобного Германа.

На прощание Иоанн Забинко передал со мной привет и письмо священнику Камчатской церкви Святых Петра и Павла — отцу Ярославу Левко, и изъявил искреннее желание в братании наших двух приходов.

— Если вам нужна будет помощь в строительстве и восстановлении церквей, многие православные американцы готовы помочь своим братьям в России как материально, так и своим личным участием. Только приглашайте, — пожал мне на прощанье руку отец Иоанн.

СТАРОВЕРЫ В МИРУ И ДОМА

Молодой парень, капитан и владелец рыболовного бота «Кир», Арсений Николаевич Кузьмин сидел в салоне яхты в плотном кольце нашего окружения и обстоятельно, с окающим старорусским выговором рассказывал о житье-бытье русской общины староверов в Хомере — городе на Кенайском полуострове, находящемся по карте чуть выше острова Кадьяк.

— ...А американы к нам не лезут. У нас нет полиции, это наша земля. Они знают, что в своем доме мы сами порядок сможем навести.

Бот «Кир», принадлежащий русским переселенцам, зашел на Кадьяк для сдачи рыбы. Увидев развевающийся над ошвартованной в гавани яхтой советский флаг, Арсений поспешил к нам в гости.

— У нас под Хомером пять русских деревень построено: Кочемак, Долина, Вознесенка, Раздольное и Николаевск. Где-то с тыщу жителей в них проживает. В школах русские учителя детей русскому языку обучают. Все староверы. Живем общинами. В каждой деревне народ выбирает старосту и настоятеля. Староста дела общественные блюдет, а настоятель за духовной жизнью наблюдает.

Если кто напакостил, собирается собор (совет старейшин) и выносит хулигану меру наказания. В основном — это публичная порка. Постановляют так, чтобы пакостник пакостника выпорол.

— Меня тоже по молодости пороли, — смущенно улыбается Арсений. — Дык ниче — на пользу пошло. А теперь я женат. Жена из Канады. Приезжали оттуда русские к нам в гости, здесь и познакомились. Дочь родилась... В основном рыбной ловлей занимаемся. Построили в деревне маленькую судоверфь, и каждому по очереди боты делаем. В армию нас американы не берут, а только регистрируют по достижении восемнадцатилетнего возраста...

Арсению двадцать один год. Роста он среднего, коренаст, широк в кости, медлителен в словах и движениях. Славянские черты лица обрамляют чуть волнистые белокурые волосы на голове и редкая юношеская борода (законы общества запрещают мужчинам брить бороды). Живет с отцом, впрочем, как и все десять его братьев и сестер. Один брат утонул, и теперь его именем, Кир, назван рыболовный бот. Отца зовут Николай Захарович. Мать — Гликерия Полиэктовна, урожденная Конева. Познакомились и поженились они в Орегоне (там тоже много русских поселений), а потом приехали сюда: здесь места богатые. Имеют двухэтажный дом, огород, баню, несколько коров и лошадей (впрочем, как и все жители русских деревень в Хомере), два катера. На путину в экипаж нанимаются ближайшие родственники.

Откуда, из каких мест России выехал их род, Арсений не знает. Дед еще маленьким был, когда прадед покинул Русь. Сначала жили в Харбине, в Маньчжурии, потом переехали в Орегон (прадед там и умер несколько лет назад), потом сюда, на Аляску. Здесь места привольные, травы густые — коровам и лошадям раздолье. «Бегают сами по лесам. Захочешь помать — не помашь». Каждая семья автосенокосилку имеет, чтобы для скота сено на зиму заготавливать.

— Ну а какие праздники вы здесь отмечаете? И как вам староверская религия пить и курить разрешает? — задал кто-то из наших вопрос, как только Арсений на секунду смолк и перевел дыхание.

— Ну, Пасху, само собой, — продолжает Арсений, — Рождество, Успения, Богоявления… че ишшо? Ну, все религиозные христианские праздники. Нашу русскую культуру здесь, почитай, только староверская религия и спасала, потому что мы жили общинно и дедовские законы блюли. Вот, пока я отсутствую дома, — я в миру нахожусь. Как только дома объявлюсь — меня собор на шесть недель от семьи отставит, пока я не очищусь. Спать буду отдельно, питаться из отдельной посуды. И так всем, кто на какое-то время из общины уезжает.

— Курить... наши мужики не курят, а пить... бывает на свадьбе так нагулясси, дык ого-го! Брагу варим, однако самогон гнать собором запрещено. Ну и... матерятся наши мужики... ишшо как! В магазине мы покупаем только сахар, соль и специи — остальное все сами делаем: свое мясо солим, варим, парим, консервируем... Свои овощи...

— Ну а как у вас с рыбной ловлей дела обстоят? Кто вам разрешение на лов дает? Что вы за выловленную рыбу получаете? Куда сдаете, и во что обходится содержание бота? — не выдержал я.

— Бот «Кир», например, стал мне двести тысяч долларов. Ежегодный доход от рыбы в среднем получается сто тысяч долларов. Шестьдесят тысяч из них я трачу на содержание бота: ремонт, топливо, продукты, налог полторы тысячи заплатил... Остальные сорок тысяч — это мой чистый доход. Лицензию на рыбу покупаем у государства в кредит. На красную рыбу, например, стоит сто тридцать восемь тысяч долларов, и ловишь, сколько выловишь за разрешенный период. Рыболовный билет дается на все воды Аляски. Можешь передавать его по наследству, можешь продать. Кошельковым неводом ловим селедку, крючками — красную, палтус, угольную. Сдаем на Кадьяк на кенари (небольшие номерные рыбозаводы), для себя морозим во фризерах (холодильные помещения в русских деревнях на шесть — семь кубов). Рыбу сдаем по фунтам.

После беседы на «Тарпоне» пошли в гости к Арсению на «Кир». Команда его вместе с капитаном всего четыре человека, все родственники: Василий Акимович Барсуков, Петр Акакьевич Конев, Лазарь Николаевич Кузнецов. Лазарь с Василием — мужики молодые, лет по тридцать от роду, — играли в салоне в шахматы. Петро — самый молодой, ему семнадцать лет, читал книгу. На мое предложение рассказать что-нибудь о себе шахматисты отозвались без энтузиазма: «А че рассказывать-то?» Петро оказался пошустрее. Но потом, видя, что капитан не против, чтобы они поведали мне свои семейные «тайны», понемногу разговорились.

В принципе, почти у всех американских русских биографии идентичны. Предки после революции эмигрировали в Китай, после становления в Китае коммунистического строя — в Америку: Канаду, США, Бразилию, Боливию. Большинство переехало в Бразилию, в штат Парана, около города Пантагроса, где образовали русские поселения-деревни, которые так и назывались: «Деревня первая», «Деревня вторая» и так далее. Всего пять деревень. И одна деревня — в штате Матугросу.

За границей, особенно на американском континенте, славяне живут очень дружно между собой. Держат постоянные связи, обмениваются новостями, ездят друг к другу в гости, женятся только на русских девушках. Так что, в каком месте лучше живется, потомки русских эмигрантов узнают очень быстро. Поэтому лет десять-пятнадцать назад и начался массовый отъезд русских из Бразилии в США: сначала в штат Орегон, а затем на Аляску. И остались сегодня в Бразилии в штате Парана всего две русские деревни.

Петро, например, родился в Орегоне в 1974 году. Когда ему было девять лет, родители захотели пожить в Боливии и уехали в штат Санта-Крус, в местечко Тоборочи, где аж пять русских деревень. Прожили шесть лет и переехали в Хомер, на Аляску, где у них живут родственники по линии матери Арсения — Коневы.

— А что же, — спрашиваю, — есть у вас родственники в России и не хотите ли посмотреть на свою прародину?

У Василия Барсукова отыскались родственники по матери в Хабаровске — дальние братья и сестры Рахмановы.

— Так, изредка переписываемся, — говорит он, — а чтобы ездить... Некогда нам разъезжать: зимой в России делать нечего, а летом мы заняты. В основном родственники из России к нам приезжают.

Оно, конечно, понятно: хоть и говорят на русском языке, да родина-то их здесь, в Америке, а Россия — отголосок прошлого.

— Ну как же так? — на полусерьезе возмутился я. — Неужели вам не хочется взглянуть на страну, где родились ваши деды, на чьем языке вы разговариваете и чьи традиции чтите?

Они молча пожали плечами.

— Ну ладно, — похлопал я весело Петра по плечу, указывая глазами на Арсения, Лазаря и Василия, — они уже семейные люди, их жены не отпустят за океан, в Россию, а ты обязательно должен побывать на земле пращуров. Иначе, какой же ты русский, если не подпитаешься от своих корней?

Он согласно заулыбался:

— Вообще-то это идея, хотя я раньше об этом не думал.

На прощание я пригласил их сфотографироваться на память. Василий отказался, а Арсений, Лазарь и Петро вышли со мной на палубу.

А когда мы собрались уходить, Арсений махнул рукой, чтобы я подождал, и пошел в салон. Через минуту вышел с большим куском сала.

— Давеча кто-то из ваших сказал, что вы по салу соскучились. Вот, возьмите, нашего соления, — сказал он, протягивая завернутый в белую тряпицу шмат.

ПОСЛЕДНИЕ ВСТРЕЧИ НА КАДЬЯКЕ

Перед отходом в дальнейший путь лучшие кадьякские друзья, Мэри и Брэд, устроили нашей команде прощальный ужин с неотъемлемым штрихом цивилизации — помывкой в душе.

Мы впервые побывали в их доме. Они считают себя средними американцами. Живут же люди! Трехэтажный дом на троих: их дочери полтора годика. Ванная комната — это просто оздоровительный миникомплекс: парная, большая душевая кабина за матовыми задвижными стеклами, бассейн на три метра, по стенам зеркала, на полу белый кафель. Чистота, как в больнице.

Прихожая — футбол гоняй. Сразу от входа одна четверть прихожей отгорожена барной стойкой, а за ней печи, духовки, конфорки, мойки, шкафчики, полочки... О такой кухне ни одна советская женщина, даже избалованная роскошью, никогда не мечтала.

На втором этаже зал для отдыха, на третьем — спальные комнаты.

Когда я с Георгиной и Чарли приехал от Иоанна Забинко, наши мужики досматривали заряженный Брэдом видеофильм «Красный Октябрь»: про нашу и американскую подводные лодки, снятый американскими кинематографистами.

Не могу судить о содержании фильма — видел только концовку. Но когда наши его досмотрели, то начали «плеваться», особенно Юра. Они убеждали хозяев, что это абсолютная чепуха и что такого на нашем флоте не бывает. Это чистейшей воды идеологическая «настройка» американского обывателя против русских. Но убеждать наших американских друзей в этом вопросе долго не пришлось. Они умные люди и прекрасно понимают, что нужно правительству на политической арене.

После ужина допоздна разговаривали с Чарли о каратэ; с Брэдом — о рыбе и крабах, которых ловят на Камчатке. Георгина переводила. И хотя голова у нее заболела от перенапряжения, она довольна, что за время общения с нами хорошая практика получилась.

Я смеюсь: «У тебя практики еще видимо-невидимо впереди: «Паллада» подойдет, на ней только русских пятьсот человек, два пассажирских теплохода с туристами, несколько яхт из Владивостока».

— Нет, — отвечает, — с ними я буду общаться строго, как корреспондент, не так, как с вами.

Потом пристально посмотрела мне в глаза и доверительно произнесла:

— Я буду скучать без тебя.

— Я тоже, — отвечаю, — ты так много сделала для нас.

Через два года мы с друзьями на яхте «Камчатка» совершили еще один вояж в Америку. Тоже было много интересных встреч и впечатлений. Но все же поход путями Беринга и Чирикова на «Тарпоне» в 1991 году ввиду новизны впечатлений был более богатым и запоминающимся.

наши публикации

Сергей ФЕОКТИСТОВ

Золотая просека*

Документальная повесть

ВОТ ТЕБЕ И ЗЕНКА!

И дождь прорвался. Целых три дня лил он без роздыха, вспахивая песчаную разливненскую улицу шумными кипящими ручьями. Рябые пузырчатые лужи превращались в озера, подступали к окнам изб, к крылечку школы. Об экскурсиях нечего было и думать. Время проводили за хозяйственными делами, за разговорами о литературе.

С каким же уважением произносил Комаров имя Арсеньева, говорил о его страстной привязанности к Дальнему Востоку, о той влюбленности, с которой Владимир Клавдиевич описывал в своих книгах неповторимые красоты русского Приморья.

— Не всем же бог дает такие таланты, — заметил я как бы в свое оправдание.

— Да, не обидела его природа, — согласился Комаров, заправляя керосином лампу. — Только не в одном таланте дело, брат. Каждую свою строчку Арсеньев добывал редкостной самоотверженностью и знал каждой цену. А мы нередко думаем, что все приходит само собой, надеемся на какую-то божью милость, на творческое везение.

— А ты что — отрицаешь вдохновение?

— Не отрицаю, но убежден, что оно должно подкрепляться трудом, знаниями, ясной и четкой позицией автора, иначе говоря, горьковским беспокойством художника за все, что творится в мире. А многие из нас уж слишком увлекаются так называемым самовыражением и весьма часто превращают его в этакое барское самолюбование, в возвеличивание собственной персоны. А раз человек мельчает в жизни, он неизбежно мельчает и в мыслях, и в творчестве. И не верю я в какой-то чистый талант, в готовый поэтический гений. Вряд ли можно стать хорошим генералом, не понюхав пороха. А вот впасть в курьез весьма нетрудно.

И стал рассказывать, как один столичный молодчик убеждал его возле памятника Маяковскому, что вся поэтическая «квинтэссенция» заключается в неожиданной ритмике стиха, в сверхмудрых изречениях, ибо только они способны поставить художника выше общества, выше мира сего.

— И все это всерьез, — вздохнул Петр Степанович. — Хотя, что ему оставалось делать? Жизнь-то знал лишь по диспутам в литературном институте. Пригласил

** Продолжение. Начало в № 4 за 2011 год*

его к себе, на Амур, — обиделся. «В такую глушь, зачем? Большая литература создается только здесь, в столице!» «А Шолохов?» — спрашиваю. «Он — прозаик. А мой кумир — Владимир Владимирович!..» Во как, брат! Пришлось напомнить ему, что Маяковский, прежде чем стать поэтом, много чего испытал.

— И что же молодчик тот ответил тебе?

— Опять сделал кислую мину, словно ему в рот ложку горчицы сунули. «О тех временах пусть пишут предки наши, а мы рождены для новой истории!» Для какой — так и не сказал. А в стихах — одна проза, одни голые выкрики — ни чувств, ни мыслей, ни уважения к слову, хотя строчки выстроены лесенкой… Ух, и рассердился я тогда на этого хлюста. Уже собирался сказать ему одно словечко, да вспомнил, что и сам когда-то хотел удивить мир подобной эквилибристикой, сочинив что-то о двух классах, которые «скоро назначат день последнего рандеву». И тоже ведь решил, что получилось не хуже «Левого марша», и собирался было отослать в самый толстый московский журнал, но в Хабаровск, к счастью, приехал Александр Фадеев. Послушал эти мои опусы, встревоженно посмотрел на меня и очень страстно заговорил о том, что поэзия не игра в словесные мячики, а величайшее средство образного, глубокого и понятного всем выражения сути всего нашего бытия земного…

Комаров рассказывал о своем нелегком пути в поэзию, а с неба лилось и лилось, словно туда переместились все моря и океаны. Воздух сделался влажным и тяжелым. Петр Степанович все громче покашливал, все чаще потирал грудь. Потом махнул рукой и полез на сеновал к облегчающему запаху сухого клевера.

Едва он прилег там, дождь внезапно прекратился, словно обрезанный ножницами. Монотонный, надоевший всем гул его сменился благодатной тишиной. В разрывы туч брызнули лучи солнца, и мир точно вышел из какого-то длинного туннеля в ясный день. Деревня мгновенно обрела свой обычный вид: распахнулись окна, побежали за колодезной водой хозяйки.

И тотчас на улице появился председатель колхоза, обрадованный солнцу больше всех. За деревней лежало в копнах незаскирдованное сено. Дождь промочил его насквозь, сено начало гнить, и Толстых стал торопливо собирать народ.

— Эй, мужики, эй, бабы, в луга! — кричал он возле каждой избы и бежал дальше.

Комаров начал одеваться.

— Ты-то куда? — спросил я.

— Туда… на покос…

— В такую-то слякоть? Свалишься совсем, и будет тебе деревенский отдых…

— Ничего со мной не случится, — решительно проговорил Петр Степанович, натягивая ботинки. — Да и лежать-то, паря, я все равно уж не смогу.

И Нина Яковлевна, лучше всех знавшая характер мужа, лишь потребовала, чтобы он непременно надел галоши, потому что в лугах и в хорошую-то погоду бывает очень сыро.

Вот и распадок, названный местными жителями Веселым за отменные травы и броскую яркость цветов. Здесь уже вовсю кипела работа. Головным отрядом шли мужики, раскидывая, кто вилами, кто деревянными трезубцами, а кто и просто руками, по гладким, тщательно выкошенным, но уже поросшим молоденькой отавой луговинам тяжелое, промокшее сено. Следом женщины ворошили его граблями, клали более ровным и тонким слоем для новой просушки.

Появление городских вызвало оживленный интерес. Колхозницы зашушукались, начали, посмеиваясь, договариваться о чем-то, лишь изредка отмахиваясь от назойливой, необычайно агрессивной после дождя мошки. Самая бойкая из

молодух, подмигнув остальным и кивнув в нашу сторону, вдруг жалостливо воскликнула:

— Ой, товарочки милые, прикрыть бы их чем-нибудь, родненьких! А то ведь так и съест живьем гнус проклятый!

— И косточек даже не останется, — хихикнула другая.

— А мы-то думали посоревноваться с ними, — подбросила в костер хворосту третья.

— Мы, кстати, за тем и пришли сюда, — принял вызов Комаров.

Колхозница мигом ухватилась за его слова:

— Только чур не отпираться! Побитых купать вон в тех омутках. Согласны?

— Согласны!..

Комаров сбросил пиджак и принялся разбрасывать ближние копны.

Женщины тут же подправляли все граблями, загоревшись озорным желанием проучить городских.

— Вперед, вперед, гвардия! — поторапливал их рыжий широкоплечий детина. Ворот его бордовой рубахи распахнулся так, что обнажилась вся могутная в золотистой растительности грудь. — Дух вон, а бабьему войску не сдадимся!

Неужто Бендюрин? Да, это был тот самый Зенка, которого недели две назад правление решило исключить из колхоза. И вот теперь он хватал своими огромными ручищами чуть ли ни по целой копне и одним взмахом расшвыривал вокруг себя, до самых ног шедшего в одном ряду с ним Степана Родюкова. Сено ложилось на выкошенный луг почти разворошенным. Женщинам оставалось лишь слегка подправить траву. На лицах их все отчетливее проступало недоумение.

Петр Степанович с превеликим удовольствием толкнул меня в плечо:

— А ты, брат, сомневался?

— Здравия желаю!

— Здравствуйте, здравствуйте, Зиновий Анисимович, — отозвался Комаров. — Спасибо за подмогу!

— Чего там! — смутился Зенка.

— О, не скажите! Выручить товарища, когда мужская честь поставлена на карту, — великая солидарность! От всей души благодарю тебя, брат, за чувство локтя.

Бендюрину очень польстило столь уважительное отношение к нему того самого писателя, который совсем недавно так гневно отчитал его в школьном садике. Зенка расплылся в ухмылке.

— Все — за одного, один — за всех! Куда же от этого денешься? Но вы-то не особенно утруждайте себя. Вон их сколько наших-то!

— И мы — ваши! — улыбнулся Комаров.

— Оно — вестимо, — быстро нашелся Бендюрин. — Не пирог, не разрежешь! Вперед, вперед, гвардия! — и ринулся к последним копнам.

За ним, как солдаты в новую атаку, устремились остальные мужики.

Теперь можно перевести дух, подождать немножко, пока разворошенное сено слегка просохнет. Потом колхозники, еще раз перевернув его, стаскали к остожью и начали метать в стога. На макушке самого высокого из них орудовал граблями Бендюрин, и все опять любовались его смелостью и мастерством. Но вот и окончена многочасовая страда, можно возвращаться домой. Но людям уже нравилось быть вот так, вместе, и они шумно обступили озеро. Мужчины храбро попрыгали в воду, зафыркали, загоготали озорно. Женщины, сгрудившись в сторонке, поглядывали на Комарова, перемигивались: чего же он не купает их в омутках-то, коль выиграл уговор? Не ведали они, что лезть-то сейчас в омуток при его здоровье — равносильно самоубийству.

Но умыться чистой родниковой водой Петр Степанович посчитал за великое благо, и мокрая цвета воронова крыла шевелюра его поблескивала на солнце.

Насладившись вдосталь озерной благодатью, колхозники закинули на плечи вилы, грабли, пиджаки, готовясь всем скопом отправиться в деревню.

— А ну, становись по росту! — громко скомандовал какой-то весельчак.

— А Бендюрина — вперед как особо отличившегося! — потребовал другой.

— Чего еще? — запротестовал было Зенка, но рыжую голову свою поднял выше.

— И мокрый, как мышь, а — приятно! С чего бы это а, Степка? — спросил он через несколько шагов Родюкова.

— А с того, едри ее, что на народе и смерть красна, — сверкнул васильковыми глазами неказистый Родюков. — Идем-то чай с праздника!

— И верно, — согласился Зенка, оглядываясь на огромные стога сена, — вот какие Альпы взяли!

И крикнул вдруг всему строю:

— Чего ж молчим-то, гвардия?

И запел густым сочным баритоном:

По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперед…

Сильные, отстоявшиеся голоса, мужские и женские, дружно подхватили:

Чтобы с боем взять Приморье —
Белой армии оплот.

Пел и Комаров, шагавший рядом с Бендюриным и Родюковым.

ОСТРОЕ ЖАЛО

К вечеру небо заголубело всей ширью. Солнце садилось спокойно, обещая назавтра столь нужное вёдро. Возле многих хат сидели на завалинках разливненцы, оживленно обсуждая очередные дела. Особенно весело было у правления колхоза. Оттуда доносился смех, громкие реплики.

Разве мог Комаров не узнать, что происходит? Оказалось, вывесили свежий номер стенной газеты и даже со стихами. Петр Степанович немедленно прочел их и одобрительно сказал:

— С перчиком!

Не совсем гладкие строчки зло и обоснованно высмеивали беспечного колхозного кладовщика, временно поставленного вместо заболевшего Игната Алексеевича. В самую горячую пору сенокоса, вспомнив какой-то церковный праздник, «временщик» загулял, и целых два дня на складе висел замок, простаивали машины. Кончались стихи вопросом: кто же дороже гуляке — колхоз или Христос? Ниже следовала подпись: «Острое жало».

Комарову захотелось поговорить с автором, но никто не знал его подлинного имени. Комаров зашел в правление к председателю, и тот лишь сердито развел руками, держа на ладони связку каких-то ключей:

— В том-то и заковыка, дорогой Петр Степанович, что действует он под псевдонимом, инкогнито, так сказать. А то бы я прописал ему ижицу.

— А что — разве неправду написал?

— Да нет, изложено-то все верно. Случай был, но зачем же тащить его в печать?

— Ничего... Пусть другим послужит уроком.

— Оно, конечно, факт безобразный, — нехотя согласился Митрич. — Однако нужно учитывать обстановку, сложность момента, так сказать. Кладовщик прочел, бросил мне вот эти ключи от склада и не показывается.

— Это же замечательно! — от души рассмеялся Петр Степанович.

— Да, но кому я теперь их передам? Вот в чем проблема, — вздохнул председатель.

— Давайте мне, — улыбнулся Комаров, — раз уж некем заменить этого забулдыгу. А парня в обиду не давайте. Из него может вырасти настоящий сатирик.

Митрич грустно покачал головой.

— У меня уборка на носу, дорогой Петр Степанович. О хлебе думать надо, а не о сатириках...

— А по-моему, это две стороны одной медали...

Комаров не закончил своей мысли: в дверях показался мужчина с палочкой в руке, и Толстых тотчас представил его.

— Вот, кстати, и редактор нашей стенной газеты. — Уж он-то, бывший фронтовой разведчик, обязан знать, кто это «Острое жало»?

Однако редактор знал не больше председателя: стихи были опущены в ящик для заметок, написаны печатными буквами, и в конце — псевдоним.

— Критика правильная, вот и опубликовали.

Комаров одобрил его решение и, как бы к разговору, спросил, где живет раскритикованный кладовщик. Редактор шагнул к окну:

— Да вон — вторая хата от реки.

Поблагодарив, Петр Степанович тут же, к моему удивлению, направился к избе, крылечко которой было увито хмелем. Постучался раз, другой, и дверь, наконец, открыл пожилой лысоватый человек. Он хмуро и настороженно посмотрел на незваных гостей. А когда Комаров спросил его, не сможет ли он продать ему немножко хмеля, взорвался:

— Какой еще хмель? Понаехали сюда со всех концов страны и начинаете сеять свою заразу...

— О чем вы? — пожал плечами Комаров.

— О том самом... Научились марать бумагу, вот и мутите воду...

Петру Степановичу все стало ясно. Незадачливый кладовщик явно заподозрил в нем автора стенгазетной сатиры. Последняя надежда отыскать колхозного стихотворца рухнула, и Комаров возвращался домой огорченный.

Стемнело. Над сопками угасли последние краски заката. Их сменили далекие звездные огоньки и звуки гармоники на другом конце деревни. Дружные девичьи голоса бойко запели под звонкие переборы тальянки:

Председатель сельсовета,
Эх, да разреши гулять до света!

Затем послышались частушки о плутоватом продавце магазина, о безответственном конюхе, который уснул на посту с цигаркой в руке и чуть было не спалил весь конный двор.

— Айда туда, паря, — сказал Комаров. — Молодежь-то наверняка в курсе событий. Да и есть, думается мне, связь между этими частушками и стихами в стенгазете.

Гармоника вдруг заиграла вальс. На лужайке начались танцы. Народу было много. Увидели мы здесь и сапожника, с которым познакомились в избе Бендюрина. Побритый, принаряженный, с модным галстуком на свежей рубашке, он легко и красиво кружил молодую партнершу. Заметив Комарова, Петрикис приветливо кивнул:

— Присоединяйтесь к нашему веселью!

Комаров быстро оказался в кругу, стал спрашивать у одного, у другого, кто это сочинил такие складные частушки. «Сами сочинились, — улыбались парни и девушки. — Понравились, и — поем!»

Круг замкнулся. Нужно было идти спать. Прощаясь в сторонке с Петрикисом, Комаров все же не удержался — спросил и его, не знает ли он, кто автор частушек.

— Я же недавний гость здесь, — виновато пожал плечами сапожник. — Хотя постойте, постойте!.. Пожалуй, Серега Перелыгин... Что-то он все бормотал в уголочке, когда я сапожничал у них.

— Перелыгин? — обрадованно переспросил Комаров. — Серега? Он здесь?

— Нет... На полевом стане с трактористами. Со вчерашнего дня за прицепщика у них…

— Спасибо, Иосиф Иосифович!..

Утром вместо прогулки по садику Комаров направился к Шестаковской заимке, где механизаторы поднимали зябь.

За овражками, недалеко от Разливной, ему повстречался чумазый подросток лет шестнадцати в аккуратно залатанном комбинезоне с букетом луговых саранок в руках. Размахивая цветами, он ловко насвистывал в такт шагам своим песенку о Чилите. Старенькая, похожая на блин, кепочка была надета, как у лихого мотоциклиста, козырьком назад. Карие озорные глаза, облупившийся нос и выгоревший на солнце пшеничный чуб придавали юному круглощекому лицу паренька радостную деловитость и петушиный задор.

Петр Степанович поздоровался, подмигнул и, словно старого знакомого, спросил вдруг:

— Ну, как житуха-то, товарищ «Острое жало»?

Паренек растерялся:

— Какое еще жало? Никакого жала не знаю… — и с вызовом поинтересовался:

— Это кто же набрехал вам?

— Не набрехали, а сказали, — улыбнулся Комаров. — И не кто-то, а вы сами, глаза ваши… Поздравляю с творческой удачей, брат! — Он протянул пареньку руку. — И стихи, и частушки заслуживают всяческого одобрения.

Прицепщик продолжал хмуриться, не отвечая на дружеский жест Комарова. Ему, похоже, приятна была похвала настоящего поэта, и в то же время что-то мешало открыто выразить свою радость.

— От частушек не отказываюсь, — проговорил он наконец, переминаясь в нерешительности с ноги на ногу. — А в стихах — все равно не сознаюсь.

— И стихи толковые, — подбадривал паренька Комаров. — И, право, грешно их стыдиться.

Перелыгин не устоял:

— Он же родственник мой, кладовщик этот. Узнает — прибежит к матери, начнутся неприятности.

— Можешь не волноваться, — успокоил его Петр Степанович. — Тайна останется между нами. Хотя есть давняя русская пословица: «Волков бояться — в лес не ходить!» Ты очень торопишься?

— Да не очень…

— Тогда давай посидим малость.

Сели на пригорке, с которого была хорошо видна вся Разливная. И Петр Степанович сказал:

— Смотри, Серега, сколько изб в твоей деревне обновили. Все гнилые бревна выбросили, два-три здоровых венца подрубили, и теперь будут стоять они еще лет сто. А вон та, крайняя хата совсем набок села. Только и годна теперь на дрова. А почему?

Паренек молчал.

— Не поправили вовремя и пропала, — продолжал Комаров. — Так и с людьми бывает, брат. Заведется в ином грибок вредный и съедает все хорошее, как жук-короед древесину, и пропадает человек, когда нет у него ни силенок, ни характера бороться с грибком этим. Вот тут-то и нужно помочь ему избавиться от болезни. Поэтому и обязан ты, Серега, лекарем быть, так сказать, употребить живительную силу своего поэтического родничка для пользы людской. Понятно?

— Понятно.

— Вот и отлично. От всей души, брат, желаю тебе новых творческих успехов на этом благородном поприще.

— Спасибо, — сказал повеселевший Серега и, повернув замасленную кепку козырьком вперед, побежал к полевому стану, оставив на пригорке свои огненные саранки.

— Куда ты? — крикнул ему вдогонку Петр Степанович. — Ты же, вроде, в деревню шел?

— Ничего, — задержался на мгновение прицепщик, — вечером наведаюсь.

— И саранки свои забыл.

— Это я вам. До свидания! А то уж, наверное, ребята ждут…

Но Комаров снова остановил его:

— Да подожди ты, конь ретивый! Мы ведь тоже на заимку вашу идем.

ЗЕМЛЯ

Нет, он не собирался сегодня к трактористам и никому ничего не говорил об этом ни вчера вечером, ни утром за завтраком. Может быть, жену расстраивать не хотел: она всячески оберегала Петра Степановича от чрезмерной беготни.

А скорее всего, в Комарове вдруг заговорил газетчик: к механизаторам у колхозников было много претензий. Пахали они неважно, как бы в отместку за то, что председатель не дает им денег на выпивку. Петр Степанович даже записал все их «шалости» в свой дневник. Но разве мог он ограничиться только записью, если представлялся случай увидеть все самому?

Перелыгин быстро привел нас к трактористам. У них еще не кончился обеденный перерыв, и над степным простором стояла непривычная тишина. Могучие стальные кони отдыхали в бороздах, а совсем молоденькие парни, лишь чуть постарше Сереги Перелыгина, сидели у вагончика возле костра и, не обращая внимания на «гостей», усиленно работали ложками. Кормила их разомлевшая от жары тетя Даша. Она и нам налила по миске пахучего, наваристого украинского борща.

Комаров ел с аппетитом и, похваливая повариху за варево, поглядывал то на загорелых до черноты ребят, то на их мощную технику. «Что же он будет делать дальше?» — старался угадать я.

А Петр Степанович вдруг улыбнулся и будто самому себе начал рассказывать, как лет двадцать назад пришел в его родную Поповку первый трактор — с огромной

трубой, с таким дымом и треском, что перепугал своим железным грохотом всех жителей таежной деревеньки.

Трактористы повернули головы в его сторону.

— «Фордзончиком» прозвали, — продолжал вспоминать Комаров, позвякивая ложкой о дно миски. — Потому что сделан он был по заграничному патенту, который продал нам американский заводчик Форд. Уж содрал за него такую баснословную цену в золотой валюте, что власть наша только крякнула.

— Нашел дураков, — возмутился скуластый и узкоглазый, как монгол, Юрка-бригадир. — Показали бы ему кукиш с маком и — будьте здоровы!

— Э, нет, Юрий Сидорович, — возразил Комаров. — Не могла в ту пору молодая республика позволить себе такой вольности. Это теперь у нас свои тракторные гиганты и мы можем с любыми Фордами разговаривать на равных, а тогда при сохе да мотыге и за такой трактор приходилось в ножки им кланяться, точно за милостыню. И не верилось, что этот «фордзончик» без лошади пахать будет. И чихал, и кашлял на всю Зею, но землю переворачивал двумя лемехами сразу. Мужики даже рты разинули от удивления, начали по стальным бокам его поглаживать, разные наказы трактористу давать: «Уж ты того, братец, хорошенько присматривай за ним. Корми-пои вовремя, чтобы не обезножел».

Парни невольно придвинулись поближе к Петру Степановичу. А он, прервав рассказ, вытер ладонью губы и поблагодарил тетю Дашу за угощение.

Вылез не спеша из-за стола, отошел в сторону под молодые дубки и стал там закуривать. К нему тотчас присоединился Юрка-бригадир. Прикуривая от папироски Комарова, нетерпеливо спросил:

— И что же было дальше в Поповке-то вашей?

— Что в любой тогдашней деревеньке, — ответил Петр Степанович. — Восприяли люди духом, поняли, что с техникой новая жизнь начинается, и не знали, куда и посадить-то тракториста этого. Тоже, кстати, Юркой звали.

— Да-а? — наполнился еще большим любопытством глазастый бригадир. — А вы что — дружили с ним?

— Немножко, — сказал Комаров. — Сперва смотрел, как ловко командует он своим «фордзончиком» и сгорал от зависти. А потом подкараулил одного в поле и давай упрашивать, чтобы и меня научил управлять своей диковинной машиной. И табаку, и даже сметаны обещал принести ему за это. «А если мать узнает?» — спрашивает. «Не узнает. Я украдкой». Тогда он взял меня за вихры и говорит: «Вот что, шпингалет. Запомни раз и навсегда: без рук и ног прожить можно, без табака и сметаны — тем паче, а без честности — нельзя! И стоило бы тебя отхлестать ремнем, как следует, за твою «украдку», но, учитывая пионерский возраст и прочие смягчающие обстоятельства, ограничусь предупреждением. А подрастешь малость — за руль свой посажу. Только в обмен на прилежную учебу. Согласен?» «Согласен!» — отвечаю. — И даже стихи про вас сочиню!»

Петр Степанович умолк. А трактористы уже были во власти его рассказа, уже хотели знать, сочинил ли он про того Юрку стихи.

— С трудом, правда, но наскреб… две строфы, — улыбнулся Комаров.

— И какие? Иль забыли уже?

— Да нет, вроде…

На нашей речке — ледоход,
И первый трактор землю пашет,
И в небе трепетным крылом
Веселый жаворонок машет.

Вдаль загляделся тракторист.
Теплу апреля солнце радо.
И кажется, что песня птиц
За добрый труд — ему награда.

— Складно, — искренне похвалил Юрка. — Даже не верится, что можно про нас так чувствительно. — Ну а он, тракторист тот, сдержал свое слово?

— Как и подобает мужчине, — сказал Комаров. — И рулить, и педалями двигать научил. Проехал на его скакуне по всей своей Поповке. Он, правда, рядышком сидел и незаметно помогал мне, но все равно так здорово было, что себя не помнил от радости. А в деревне целый год меня «фордзончиком» звали.

— Это уж как водится, — засмеялся Юрка, плененный откровенностью гостя. — Хоть бы одним глазком взглянуть теперь на ту диковинку. Небось, давно в металлолом сдали?

— Наверно…

— Зря, — искренне пожалели трактористы. — Нужно было сохранить для истории. А с Юркой тем что стало?

— Погиб тот Юрка, — тихо сказал Комаров. — Он ведь женился на девушке из нашей деревни, сроднился с амурской землей, а в войну ушел добровольцем на фронт. Гнал фрицев до самой Пруссии и сгорел в своем танке при штурме Кенигсберга. А мечтал распахать все наши дальневосточные просторы.

— Ну, уж это мы сделаем за него, — сказал вдруг веско Юрка-бригадир.

ВСТРЕЧА С ЮНОСТЬЮ

Вернулся Петр Степанович с заимки в самом прекрасном настроении и еще с порога шутливо представился домочадцам:

— Тракторист Комаров. Прошу любить и жаловать.

— Да уж вижу, вижу, — ответила в тон ему жена. — Рубашка-то вся в мазуте, тракторист Комаров. В чем завтра гостей-то встречать будешь?

— Из Хабаровска кто-нибудь? — встрепенулся Петр Степанович.

— Из Свободного… капитан Базилевич. Сказали и солдаты приедут.

— Неужто Саша?

Обрадовался Комаров невероятно: приезжал его давний друг и товарищ по комсомольской работе — вместе организовывали когда-то субботники, ездили по заданию райкома по селам с лекциями и диспутами. Комаров понимал, что капитан пожалует не один, что ему придется не только встречать гостей, но и чем-то занимать их.

— Что же мне почитать им? — спрашивал нас Петр Степанович, меряя большими шагами небольшой класс. — Люди они военные, а поэзия моя сугубо гражданская.

Комаров скромничал зря. Многие его стихи посвящены армии. Да и сам Комаров выглядел когда-то весьма бравым солдатом: еще до Отечественной войны целых два года носил армейскую гимнастерку с бархатными петлицами на воротнике, был правильным в орудийном расчете. А уж потом стал корректором дивизионной газеты, редактировал в порядке комсомольской нагрузки полковую многотиражку и вместе с писательницей Ниной Емельяновой руководил литературным кружком соединения.

Петр Степанович заволновался, захлопотал. Достал из чемодана книжку, принялся листать.

— Может, взять что-нибудь из маньчжурского цикла? Или что-то истинно дальневосточное? Может, будут уроженцы других областей, и не все им пришлось по душе здесь, на Амуре? Или прочесть вот это? — Комаров взял со стола еще горячее стихотворение и начал вполголоса произносить строчку за строчкой:

Когда бы я не был знаком
С твоими холмами зелеными,
Что пахнут лесным чесноком,
Сосновой смолой и пионами;

Когда бы не знал я дорог
К твоим соловьиным кустарникам,
К лугам, где мышиный горох
Обнялся с травой-золотарником;

Когда бы в полях не бывал,
Где зреют колхозные озими,
Где с осени каждый увал
Под пашню возделан колхозами;

Когда бы в походе не пил
Воды из болотного ила я,
Наверно, бы так не любил
Тебя, сторона моя милая...

— А читать-то сию поэзию все равно нельзя, — произнес вдруг Комаров, глядя в окно.

— Жалко? — спросил я его шутливо.

— Не в том дело. И не смейся, пожалуйста, друг милый, — ответил Петр Степанович, все больше досадуя на что-то. — Ну почему мы должны пить воду из болота? Разве у нас мало чистых озер и горных речек? Вон они бегут через каждую балочку, через каждый распадок, и такие, что каждый камушек на дне виден... А тут — болотный ил? Конечно, строчка написана в явной погоне за рифмой. «Ила я — милая»: цепко, оригинально, вроде. Но зачем же воспевать грязную болотную воду, от которой два шага до дизентерии?

— Ух ты, куда хватил?

— Да-да! Стихами, дорогой товарищ, не шутят. В них все должно быть разумно и полезно... Прочту-ка я другое:

Азиатской волной Амура,
Криком зверя во мгле ночной,
Потайною тропою маньчжура
Ты пугал меня, край лесной...

Гости приехали на армейском вездеходе. Их было немного: капитан с женой и водитель «пикапа» с товарищем — крепко сбитым ефрейтором. Комаров встретил гостей у школьного садика. Тепло поздоровался, крепко обнял друга юности и повел всех в свою «резиденцию».

Жена капитана сразу стала помогать хозяйке, а сам Базилевич присел с Петром Степановичем у классного окна, за которым дозревала черемуха, и полилась у них беседа, состоящая больше из восклицаний.

— А помнишь, как мы с тобой надели в первый раз юнгштурмовки и прошли в них по всему городу? — спрашивал гость.

— А как участвовали в рейдах легкой кавалерии? — спрашивал хозяин.

— А в диспутах о Христе и строении Вселенной?

— Да уж, зело доставалось тогда от нас всевышнему. Недаром звались атеистами.

— И оба были когда-то по уши влюблены в библиотекаршу Нюру.

— Верно, верно!

И рассмеялись.

И продолжали хлопать друг друга по плечам, по коленкам, и вспоминали, вспоминали. Погрустнев, посматривали в садик, где лакомились черемухой приехавшие с капитаном солдаты, на губах которых едва пробивался первый пушок.

— Такими ведь были…

— Такими…

Комаров позвал их в класс и незаметно вовлек в беседу. Спросил, откуда родом, где росли, учились. Ефрейтор оказался сибиряком, и Петр Степанович искренне обрадовался этому:

— Ну, брат, уважил! Выходит, земляки. Дальний Восток ведь тоже когда-то Сибирью назывался и даже входил в нее.

— А я с Киевщины, — сказал водитель «пикапа».

— Ух ты, через всю державу махнул! — еще больше оживился Комаров. — Воистину землепроходец! И як, понравилось у нас?

Веселый, с хитрецой в глазах украинец, видимо, боясь обидеть хозяина, весьма дипломатично ответил:

— Да край-то вин добричий… Тильки вот кавунов, як у нас на Днипри, щось не бачив.

— Это верно, — так же дипломатично улыбнулся Комаров. — Арбузов своих у нас еще маловато. Но зато есть такое, чего нет даже на Украине.

И начал рассказывать гостям, какое множество всяких рыб населяет Амур и Уссури, сколько разного зверя в тайге, какие неисчислимые залежи золота, свинца, серебра, олова и других полезных ископаемых скрыты в недрах и какая это щедрая и привольная земля — Дальний Восток… А потом уже стал вдруг читать то самое стихотворение, которое сам же столь безжалостно раскритиковал вчера:

Когда бы не знал я дорог
К твоим соловьиным кустарникам…

«Чего ж он так взбунтовался вчера? — подумал я. — Или решил обойтись без последней «вредной» строфы? Но Комаров прочитал и ее. И стало мне ясно, почему чуть свет, не разбудив никого из нас, ушел в лес за голубицей. Собирая ягоды, Петр Степанович продолжал там, наедине с тайгой, «шлифовать» свое стихотворение, чтобы все-таки прочитать его сегодня, проверить, что называется, на людях. Болотного ила в нем уже не было, и заключительная строфа звучала теперь так:

Когда бы ручьи позабыл,
Где каждая струйка — хрустальная, —
Наверно, бы так не любил
Тебя, сторона моя дальняя…

Круглолицый украинец слушал Комарова, полуоткрыв рот, держа на коленях руки так, точно на время забыл про них. Широкогрудый крепыш-сибиряк вцепился

сильными пальцами в ремень, плотно облегчающий гимнастерку, и не шевелился. Лишь изредка раздувались ноздри его тонкого, с горбинкой носа.

Капитан многозначительно переглядывался с женой, как бы говоря ей: «Это мой друг, понимаешь?»

И сам Петр Степанович сразу почувствовал, что стихи нравятся и читал с нарастающим подъемом. И сам он — сероглазый, в свежей полотняной рубашке, которая так шла к его смуглому загорелому лицу, был очень похож на того чубатого парня, который сидит на одной из фотографий в такой же белой рубашке среди комсомольского актива Дальнего Востока.

Гости зааплодировали, и Комаров, улыбнувшись, начал читать второе стихотворение:

Для ложки сразу места не отыщешь,
Когда придешь из армии домой.
Ты на завод — она за голенище,
Ты на рыбалку — и она с тобой.

Изменятся привычки понемножку —
Ее получит по наследству сын.
И он поймет, что значит эта ложка —
На ней два слова: «Сталинград — Берлин».

И глядя на усердно хлопающих солдат, проговорил чуть смущенно:

— А уж эти аплодисменты, братцы, принять на свой счет не могу. Стихи о ложке написаны прекрасным армейским поэтом Сергеем Тельковым…

ДОБРЫЙ ОГОНЕК

Теперь-то мне особенно хорошо видится это комаровское уменье радоваться творческим успехам товарищей как своим собственным. Нет, он не был слишком щедрым на похвалы, не восторгался гладко рифмованными строчками, и очень трудно было заслужить его одобрительный кивок. Но, если уж встречал настоящие стихи — давал полную волю чувствам.

А ведь на суд его присылали свои первые рукописи молодые авторы изо всех уголков Дальнего Востока. Однажды, в самом начале войны, почтальон принес ему домой целую тетрадь стихов. Комаров начал тут же читать их, все возбужденнее сверкая глазами. Потом побежал на кухню к жене:

— Ты только послушай!

Это я проходил мимо окон твоих,
Горевал и смеялся, и пел за двоих,
Когда ветер рассветный вздохнул и затих
В розоватых кусках чернотала.
За кого ты меня посчитала?

Почему ты не вышла навстречу судьбе?
Я бы лучшую песню сложил о тебе,
Я бы звонкое сердце оставил — тебе,
Чтоб тебе никогда не грустилось.
Не взглянула. Ушла. Не простилась.

Что ж, счастливой дороги. Смотри, не забудь
Среди добрых людей и меня помянуть.
Но какой ты мне правдой ответишь,
Если лучшего парня не встретишь?

— Ну как? Здорово, а? Нет, нет, не мои... Объявился новый поэт — Степан Смоляков!

Комаров сразу же написал автору обстоятельное письмо, поздравил с первой творческой удачей, обещал напечатать его лучшие стихи в журнале «Дальний Восток», где заведовал поэтическим отделом, и намекнул под конец, что хорошо бы встретиться.

В Хабаровск незамедлительно приехал высокий круглолицый, с мягким взглядом и такими же мягкими темно-русыми, откинутыми назад волосами, паренек. Комаров тепло встретил его и в отдельной комнатке писательского домика после всех похвал дружески заметил, что учиться есенинскому видению природы, его лирической задушевности, конечно, необходимо, но оставаться нужно все-таки самим собой, прибавлять к нашей могучей русской советской поэзии и что-то свое, созвучное времени. И напомнил ему слова Александра Фадеева, сказанные когда-то в этой самой комнате о том, что поэзия должна быть голосом народа, голосом эпохи.

Смоляков слушал, виновато улыбался и молчал, стараясь запомнить все, что говорил ему человек, стихами которого давно зачитывался, и через два года выпустил первую книжку. Редактировал ее Петр Комаров.

Тогда же он готовил к печати и поэтический сборник инженера-строителя Александра Савицкого, следил за первыми творческими шагами старшего лейтенанта Петра Нефедова и все расспрашивал, где служит старшина Лев Гинзбург, стихи которого часто публиковались в армейской газете, горячо утверждая, что у солдата есть «божья» искра, что ее непременно нужно поддержать. А когда маленький быстроглазый Гинзбург появился в редакции «Тревоги», Петр Степанович долго беседовал с ним.

Уехал старшина из Хабаровске окрыленный. Как-то я встретил Петра Степановича на почтамте. В руке он держал запечатанный конверт, на котором его четким почерком был выведен номер полевой почты.

— Это — Гинзбургу, — сказал Комаров, опуская письмо в ящик. — Подготовил для печати его стихи. Пусть посмотрит мою правку. А вдруг не понравится?

Вот так заботился Петр Степанович о каждом «заболевшем» поэзией. Еще молодые тогда прозаики Дмитрий Нагишкин, Николай Рогаль, Иван Машуков, ставшие потом авторами больших романов, делились с ним своими замыслами, учились у него. Я слышал, как настойчиво советовал он заместителю редактора краевой партийной газеты Андрею Пришвину сесть за повесть о послевоенной деревне. А непоседливую очеркистку Юлию Шестакову, побывавшую во всех таежных глубинках, горячо убеждал собрать воедино все свои странствия и, «ей-богу, получится увлекательная книга о наших изыскателях, открывших столько всяких чудес среди бескрайней дальневосточной тайги».

И уже поздней осенью как-то потащил нас всех на самую верхотуру огромного пятиэтажного дома, что стоит в Хабаровске на углу улиц Карла Маркса и Истомина, к застенчивому, еще безвестному тогда Василию Ажаеву. Молчаливый, узкоплечий, как подросток, инженер-химик явно оробел перед таким обилием «критиков» и начал по нашему настоянию неуверенно читать рукопись своего будущего романа «Далеко от Москвы».

У него было закончено вчерне пять или шесть глав. Судить по ним обо всей задуманной эпопее было весьма трудно, давать автору какие-то советы — тем более. Но Комаров убежденно заговорил о том, что роман намечается интересный.

— Конечно, предстоит еще большая работа, — предупредил Петр Степанович автора. — Но дело стоящее, и мы от души желаем тебе, брат, творческой удачи.

Смущенный и обрадованный Ажаев воспрял духом, поверил в себя. Каждую новую главу читал Комарову, вместе с ним готовил роман к публикации в журнале «Дальний Восток».

В маленькой двухкомнатной квартирке Петра Степановича были широко открыты двери для каждого, кто нуждался в его поддержке. Чуть ли ни прямо с вокзала пришел к нему в сорок пятом году Всеволод Никанорович Иванов, человек нелегкой, неординарной судьбы. Проживший долгое время в эмиграции, он вернулся наконец из Харбина на Родину. Я видел, как этот шестидесятилетний, богатырского сложения человек молча оглядел скромное жилище Комарова и с тем же молчаливым выжиданием посмотрел на худощавого, очень просто одетого хозяина этой квартиры. А Петр Степанович угостил его чаем и после разговора о Дальнем Востоке начал читать гостю свои стихи:

Прислушайся, как иволга поет,
К нам издалека в рощу залетая.
Опять, опять покоя не дает
Тебе и мне певунья золотая.

Ей ни к чему, что через этот лес
Солдатская дорога проходила
И что травою зарастает здесь
Артиллериста свежая могила.

И ты стоишь без каски у холма,
Не думая, что, может быть, когда-то
Свирелью птицы Родина сама
В бой провожала русского солдата.

И вот он спит сейчас глубоким сном,
Как будто лег под этой крышей плотной.
Чтобы вместе с нами в сумраке лесном
Всегда дивиться иволге залетной.

Всеволод Никанорович сидел сперва неподвижно, чуть склонив набок седую голову, подперев ладонью бугристую, в бесчисленных прожилках щеку. Потом, шевельнув богатырскими плечами, порывисто встал. Глаза его повлажнели, и так, не стесняясь своих слез, растроганный, продолжал смотреть на Комарова. Крепко, до хруста, пожал ему руку и тихо произнес:

— Спасибо, дорогой! От всего сердца!

Думаю, что эта встреча помогла шестидесятилетнему литератору в первые дни его трудной встречи с Родиной, о которой он написал впоследствии прекрасные книги.

До самых последних дней своих заботился Комаров о том, чтобы в нашу литературу приходили талантливые люди. И там, в Разливной, куда приехал отдыхать, было то же. Петр Степанович вышел с гостями в садик покурить и тут, среди черемух, сказал ефрейтору:

— А теперь ваша очередь, брат!

— Я… просто так приехал, — покраснев, смутился тот.

— Просто так и читайте, — дружески посоветовал Комаров. — Все тут свои.

Сибиряк лишь тяжело отдувался.

— Да не впырайся ты, Грицько, як бугай в новые ворота, — подтолкнул его водитель «пикапа». — Уж колы решив называцця груздем, полезай в кузов.

— Это хорошо, брат, что ты волнуешься, — подбодрил парня Комаров. Рыбья кровь для стихов не годится, ну читай уж, коль вылилось на бумагу.

И сибиряк полез в карман гимнастерки, достал вчетверо сложенный листок, развернул и еще неустоявшимся баском начал выкрикивать нараспев:

Через овраги, через ветхий мост
Идем мы тропкой узенькой на пост,
Туда, где высятся холмы крутые:
Под ширь небес и звезды золотые…

Дальше шло подробное описание Большой Медведицы, золотой ковш которой висел над солдатскими головами, всей процедуры сдачи и приема поста. Словом, длинно и скучно. Я думал, Комаров так и скажет Грише. А он похвалил его за стремление воспеть красоту родной земли, сказать о нелегкой армейской службе правдиво и возвышенно. Петр Степанович заговорил с автором о его родных сибирских местах, спросил, любит ли Гриша песни и какую чаще всего поет?

— Старинную — «Славное море, священный Байкал…», — ответил тот.

— Чудесная песня, — согласился Комаров и повторил не спеша: «Славное море, священный Байкал, славный корабль — омулевая бочка. Эй, баргузин, пошевеливай вал — молодцу плыть недалечко!» Слова-то какие! И ни одного не выбросишь. Каждое нужно песне. Верно, а?

— Так точно!

— А ты чуточку перестарался в своих виршах, брат, — сказал Петр Степанович все так же заинтересованно. — Вряд ли нужно излагать стихами армейские уставы. Их ваш брат и без того обязан хорошо знать. А в поэзии ведь всегда лучше недосказать, чем пересказать. Читатели у нас грамотные, любознательные, так что пусть и сами поразмыслят немножко.

— Без шелухи, значит?

— Да, без шелухи, — подтвердил Петр Степанович. — Тогда и пирог вкуснее получается!

— Есть без шелухи! — козырнул Гриша.

ЦЕНА ПОЭТИЧЕСКОЙ СТРОКИ

Солнце уже который день палило нещадно. Сухой перегретый воздух обжигал горло, к песку невозможно было прикоснуться босыми ногами. Пожелтевшая на корню трава воспламенялась от самой малой искры. За деревней горела тайга. Дом окутывал сопки, висел густым пологом над озером, и любой парнишка мог, не раздеваясь, перейти его вброд.

Обмелела на открытых местах даже Пёра. Выкупаться в ней по-настоящему, понырять, поплавать у Разливной было негде, и Петр Степанович решил сводить меня подальше, километра за четыре от Шумного ключа, где неширокое русло реки прикрывают высокие берега, поросшие к тому же буйным ольховником.

За околицей увидели Серегу Перелыгина. Паренек бежал с заимки и, заметив нас, явно хотел прошмыгнуть мимо, но Комаров окликнул его.

— Куда это ты мчишься так, конь ретивый? — спросил он прицепщика. — Иль на свиданье?

— От жары скрываюсь…

— Ну тогда давай скрываться вместе, — потянул его в тень березицы Комаров. — Рассказывай, что нового в твоей холостяцкой жизни?

— Да все по-старому.

— А как сатира? Сколько насочинял за эти пять дней?

— Ничего у меня не получается с рифмами, — мрачно изрек прицепщик. — Две тетрадки испортил, и все из-за каких-то восьми строчек.

— Восьми? — переспросил его Комаров. — Да это же хорошо, Сергей. Восемь строчек за пять дней. Ей-богу, хорошо!

— Чего уж тут хорошего? — грустно усмехнулся Перелыгин. — Вы-то, небось, за это время побольше насочиняли?

— Тоже восемь строчек, — ответил Петр Степанович. — А ведь я немножко постарше тебя. И занимаюсь-то рифмами немножко побольше.

— Ясно, — хмуро изрек Серега. — Уж коль не дал бог таланта, лучше — бросить.

— Да, это, конечно, легче, — согласился Комаров. — Но так поступают лишь малодушные люди. А ты-то к ним не относишься. Опять же «на бога надейся, а сам не плошай». Небось, знаешь и такую поговорку?

— Слыхал… Отец часто так говорил.

— Ну, тем более не к лицу тебе впадать в унынье. Поверь мне, нету у тебя причины отчаиваться. Если, конечно, не в тягость наша компания.

— Ну, что вы, я с удовольствием…

Мы пересекли жесткую пахоту, кочкастый подлесок. За ним открылось русло Пёры. И здесь, на вытоптанном конскими копытами лугу, Комаров вдруг толкнул меня локтем в бок и показал на какого-то странного зверька. Стоял он у небольшого свеженасыпанного бугорка на задних лапках, свечкой, скрестив на груди передние коротенькие ножки, как это обычно делают суслики, но был не желтоватого цвета, не в крапинках, а черный, совсем черный.

Забавно вскинув усатую мордочку, зверек настороженно смотрел на появившихся в его владениях людей, видимо, решая, что же ему делать дальше: оставаться на месте или немедля бежать в укрытие.

— Замрите, хлопцы! — шепнул Комаров, придерживая шаг и загораясь какой-то неожиданной мыслью. — Сейчас я попробую обхитрить его.

Сделав небольшой крюк, Петр Степанович стал бесшумно, на цыпочках, приближаться к загадочной «свечке» с противоположной стороны, стараясь получше рассмотреть ее. Все у него шло отлично, но вдруг на полпути под ногами Комарова предательски треснула сухая ветка. Таинственный зверек, мгновенно встрепенувшись и тоненько свистнув, метнулся со всей прытью к бугорку, в свое подземелье.

И еще больше озадачил Комарова, потому что припадал на переднюю ножку.

— Ну, это уж, братцы, совсем любопытно-о-о! — произнес нараспев, возвратившись к нам, Петр Степанович. — Что за диковинка такая объявилась в этих краях — ума не приложу. Вроде бы суслик, и вроде бы нет! Какого-то странного цвета и — хромой. Ищите-ка палку да побольше. Надо непременно поймать его.

Однако нора под холмиком оказалась такой разветвленной, что к ней невозможно было подступиться ни с какой рогатиной.

— А если разрыть? — предложил я.

Петр Степанович улыбнулся, оглядывая прибрежное плато:

— Луг-то вон какой широченный! До самых заморозков копать придется. Можно попробовать водой его пугнуть. Только чем же мы таскать ее будем?

— Это я мигом, — поддержал идею Комарова прицепщик и помчался через низинку к лесу, возле которого чернел пастуший шалаш. Вернулся с помятой старенькой посудиной, и мы принялись таскать воду.

О, это было нелегко. Каждое ведро приходилось поднимать из реки на крутой берег, нести метров сорок к холмику, выливать там и снова бежать к Пёре, чтобы вода не успела впитаться в пересохшую землю.

Бегали поочередно. И все-таки даже мы с Перелыгиным, физически здоровые люди, быстро «уходились». Чтобы избавить Комарова от столь опасной «физзарядки», я предложил махнуть на загадочного зверька рукой и вспомнить, зачем мы пришли. Но Комаров так поглядел на меня, что я замолчал.

Вода в норе булькала уже где-то совсем близко, и Комаров сказал нам смотреть в оба, потому что этот разбойник задаст сейчас драпака.

Зверек в самом деле выскочил из своего укрытия. Однако поймать его оказалось еще труднее, чем выгнать на поверхность. Он метнулся в одну сторону, в другую, прошмыгнул где-то возле наших ног и, несмотря на хромоту, удивительно ловко перемахнул канаву и юркнул там в столь же глубокую нору.

— Ух, ты, какой шустрый парнишка! — искренне восхитился Комаров и озадаченно почесал в затылке. — Придется начинать все сначала…

Я промолчал, прекрасно сознавая, что он все равно не отступится, пока не удовлетворит своего любопытства. А Серега уже мчался с ведром к реке. Петр Степанович сменил его. Старая помятая посудина опять пошла непрерывной цепочкой по нашим рукам.

Но зверек снова провел нас: еще более взмокший, он сразу же сделал отчаянный прыжок вперед, мелькнул среди кочек и скрылся в третьей норе. Потом — в четвертой… Но добежать до пятой у него уже не хватило силенок и, чтобы перевести дух, он вынужден был на полпути затаиться в траве. Здесь Петр Степанович и схватил его. Приподнял до уровня глаз и заулыбался, поняв, что в руках у него испуганно вертел усатой мордочкой самый обыкновенный степной суслик. Но маленький разбойник этот где-то угодил в тракторное масло, перепачкался и стал черным. А переднюю ножку ему, видимо, повредило лемехом. Косточка срослась, но стала чуть короче, отчего он и прихрамывал.

Знал, конечно же, Петр Степанович, что каждый такой грызун ежегодно поедает до шестнадцати килограммов отборного зерна — председатель «Шумного ключа» даже обещал награду за каждого уничтоженного суслика. И все же хромой зверек вдруг «выпорхнул» из рук Комарова и мигом исчез в кустарнике.

Это было досадно, и мы с Серегой невольно вздохнули. Я спросил Петра Степановича с укоризной:

— Да как же ты подкачал так, а?

— Право, не знаю, — виновато пожал он плечами. — Ей-богу, нечаянно.

— Рассказывай… Вот доложим о твоей «нечаянности» Митричу, и намылит он тебе шею за такое сердоболие. Ради чего же старались мы?

— Как ради чего? — удивился Комаров, стаскивая с худых плеч своих насквозь промокшую рубашку. — Ради истины, ради поэзии! Это же такая прекрасная деталь, что, ей-богу, стоило потрудиться!

И тут я вспомнил его стихи о том, как когда-то здесь же, в Амурской области, на полевом взгорке, Петра Степановича рассмешил такой же загадочный суслик:

Он выбежал в пятнах мазута:
В соседстве с машинами жил…

Тогда я лишь позавидовал этим воистину земным комаровским строчкам, а здесь, на берегу Пёры, понял, какой ценой достались автору эти две строки.

Думаю, и Серега Перелыгин многое понял в это утро.

А КАКОЙ ЖЕ ВСЕ-ТАКИ МУХОМОР?

Искупаться нам так и не пришлось. Лезть в воду сразу после такой жаркой беготни было рискованно, а тут вдруг померкло солнце, ударила в свой небесный колокол незаметно подкравшаяся туча.

На прибрежной дороге как раз показалась колхозная полуторка. Комаров замахал рукой. Шофер притормозил, подождал, пока мы заберемся в кузов и на полной скорости примчал в Разливную.

По крыше уже звучно стучали крупные, тугие, как горошины, капли. Нет, это был не тот косой и хмурый затяжной ливень, от которого мрачнеет на душе и пропадает всякое желание выходить на улицу, а прямой, веселый и резвый, как молодой скакунок, дождь, с ворчливо-добродушным громом над головой, совсем нестрашной молнией и тремя огромными семицветными радугами через все небо.

Комаров задержался в садике и, наслаждаясь разлившейся по всему миру первозданной свежестью теплого, с испаринкой, воздуха, наблюдал с крылечка, как деревенские ребятишки, запрокинув головы, ловили открытыми ртами звонкие, прозрачные, дробящиеся у них на губах в серебристую пыль, струи, усердно повторяя:

— Дождик, дождик, пуще!
Дождик, дождик, гуще!
Хлынь еще разочек!
Дай еще грибочек!

Петр Степанович спрыгнул с крылечка, тоже поймал в рот несколько дождевых капель и аппетитно причмокнул губами:

— И верно, грибные!

А утром, чуть свет потащил меня в сопки.

Чистая изумрудная листва была пронизана первыми отблесками зари и светилась розовыми прожилками. Стройные березки и осинки чуть вздрагивали под легким ветерком. И только дубки высились спокойно, словно решали, просыпаться им или подремать еще немножко. Было так тихо и уютно в этих зеленых хоромах, что хотелось снять фуражку.

— Здравствуй, лес! — почтительно сказал Комаров. — Ну и чем ты порадуешь нас, брат?

И разошлись мы в разные стороны. Стали аукаться. Тайга охотно подхватывала наши голоса. Под ногами мягко шуршали прошлогодние листья, насквозь пропахшие грибной прелью. Казалось, что в таком лесу всякого ждет удача. Однако ничего мне не попадалось, хотя я старательно заглядывал под каждый кустик, пересекал вдоль и поперек каждую полянку. Лишь несколько маслят и одна-единственная, похожая на граммофонную трубу, лисичка лежали на дне моего ведерка, хотя минуло уже больше часа, как мы пришли сюда. Решив, что еще ничего не выросло и, пожалуй, самое разумное — поскорее вернуться домой, я окликнул Петра Степановича. Он отозвался совсем близко, среди негустого смешанного подлеска, в который без труда проникали и солнечные лучи, и ветерок. Я подошел к Комарову и опешил: его плетеная корзинка была почти полна.

— Где же ты набрал столько? — спросил я с завистью.

— Тут… — обвел он взглядом редковатые, еще не просохшие от ночной росы деревца.

— Я же проходил здесь!

— Значит, плохо смотрел, — улыбнулся Петр Степанович. — Вон какой герой поздравляет тебя с добрым утром, — кивнул он на молоденький, покрытый обильной росой рыжик, который вылезал из брусничника возле моих ног. — Не раздави. И не забирайся в чащи. Там еще не прогрело грибницу, и все проклюнется гораздо позже, чем в ваших сухих лесах.

Я сорвал рыжик и следом за Комаровым поднялся на склон сопки. Там, в не очень тенистых, доступных солнцу местах, ему то и дело попадались неприхотливые подберезовики — серые шляпки на длинных упругих ножках, искусно замаскированные от людских глаз жухлой травой, сухими прутиками, склоненными до самой земли ветками шиповника. Петр Степанович находил их по каким-то особым, никому неведомым приметам, словно они, грибы эти, лишь ему сообщали о своем местонахождении. Он обнаруживал их в самых необычных местах: под мшистыми кочками, под обнаженными корнями деревьев, в дуплах старых полусгнивших пней и даже по следам улиток. Я еще раз убедился, как хорошо знает Комаров свою тайгу, ее маленькие тайны. Вот он увидел подле колдобины, оставшейся от вырванной с корнями ели, светло-розовую шляпку сыроежки, вот заприметил в густом папоротнике, недалеко от трухлявой валежины, целый выводок красноголовых подосиновиков.

Петр Степанович не торопился их сорвать. Сперва молча полюбовался красавцами на расстоянии, затем присел на корточки и начал осторожно подрезать каждый гриб ножичком, стараясь не попортить грибницы, из которой к завтрашнему утру непременно вырастут новые, такие же бравые молодцы. И каждый гриб тщательно очищал от мокрых былинок, а затем уж клал в корзинку, прекрасно зная, что грибы не терпят грубого обращения, быстро чернеют даже от прикосновения небрежной руки.

Петр Степанович не замечал меня, а я впервые видел его вот так, наедине с лесом, с таежными дарами. Было очень интересно наблюдать за ним. Взрослый тридцатипятилетний человек, обычно сдержанный, даже немножко хмурый на вид, был в эти минуты похож на восторженного ребенка. И чтобы не мешать ему быть самим собою, вести этот безмолвный задушевный разговор с природой, я бесшумно свернул в сторонку и лишь полчаса спустя опять увидел Комарова под черной березой, среди лиственниц и густой таволги. Сверху его корзинки красовалось несколько важных белотелых боровиков, о которых мечтает каждый грибник. Лежали они в строгом порядке, начиная с толстого большеголового отца семейства и кончая смешным, только что появившимся на свет юнцом. А в руках у Петра Степановича был длинноногий, в огромной малиново-красной шляпе мухомор. Разглядывая его белые причудливые крапинки, Комаров беззвучно шевелил губами. Потом, словно очнувшись, вполголоса, нараспев забормотал:

Я жду опять дождя грибного,
Я по лесам бродить привык,
Когда на свет пробьется снова
Едва приметный боровик.

И все мне мило в эту пору:
И на волнушке — желтый лист,
И даже зонтик мухомора,
Что удивительно цветист.

Почувствовав за спиной мое присутствие, Комаров оглянулся и вопросительно посмотрел на меня, ожидая, что скажу я о его «грибных» стихах.

— Проклюнулись, — ответил я его любимым словечком.

— Тогда — домой!

Тропинка повела нас к Разливной. В руке Петра Степановича был все тот же мухомор-великан, с которым он почему-то не хотел расставаться. Поглядывая на его яркую шляпу, Комаров то и дело замедлял шаг, а возле дорожной развилки совсем остановился, точно вспомнив о чем-то забытом в лесу. «И даже зонтик мухомора, что удивительно цветист…» — опять продекламировал он и опять повернул голову:

— А знаешь, брат, не видно что-то за этим «удивительно» ничего определенного. И читатель наверняка спросит после такой концовки: как же все-таки цветист мухомор? А если оказать «по-осеннему»? Пожалуй, лучше, а? Уже есть что-то конкретное, связанное со временем…

— Конечно, лучше, — согласился я.

Комаров как будто успокоился, но минуты через три снова остановился:

— И «по-осеннему» слабовато. Разве осенние мухоморы отличаются чем-то от летних? Такие же ярко-пестрые, как теперь. Они всегда одинаковы на вид, всегда в своих броских крапинках.

А мне «по-осеннему цветист» нравилось, и я сказал автору, что строчка получилась и нечего больше мудрить. Да и одно слово, в конце концов, не делает погоды.

— Ой, не скажи, паря, — возразил Комаров, прикрывая свежими листьями папоротника свою корзинку, чтобы грибы не припекало солнце. — Одно фальшивое слово так же, как одна фальшивая нота, может испортить всю песню.

Он свернул с тропинки и зашагал вдоль обмелевшего ручья, то и дело нагибаясь за круглыми, рябыми, как перепелиные яйца, камушками. Самый красивый из них, отполированный до блеска водой, положил на ладонь и, любуясь его переливчатыми гранями, восхищенно произнес:

— Вот у кого должны мы учиться шлифовать свои стихи. Всего-то у нее с избытком: и терпенья, и ювелирного мастерства.

И поднялся на пологий некошеный увал, прошел по его гребню до овражков, спустился там к деревенскому надворью и возле мостика, недалеко от школы, вдруг прочел:

И все мне любо в эту пору:
И на волнушках — желтый лист,
И даже зонтик мухомора,
Что… по-восточному цветист.

И опять оглянулся через плечо:

— Ну, а как теперь?

Из самолюбия я сделал вид, что не расслышал вопроса. Да и что я мог ответить? Все-таки нашел он то, что с таким упорством искал. Именно по-восточному цветист мухомор. Лучше не скажешь.

В ПОЗДНИЙ ЧАС

Вечером Комаровы собрались у школьного крылечка. Тут же, на лужайке, горел костер. Сухие березовые поленья, весело потрескивая, оставляли после

себя золотистые угли. На них, в глубокой чугунной сковородке жарились, исходя паром, молоденькие подосиновики. Петр Степанович, подвязанный фартуком, с засученными рукавами стоял у костра, как заправский повар. Помешивая широким ножом грибы, он все пристальней поглядывал за околицу на подернутое дымкой раздолье.

Заря уже погасла. Лишь оставшийся после нее бледноватый румянец напоминал о недавнем полыхании заката. Медленно, как пролитые чернила, расплывался горизонт, терялись очертания тайги, сопок, редких, волнистых, застывших в беззвездном небе облаков. Совсем близко, за соседней изгородью все настойчивее повторяла перепелка:

— Спать пора! Спать пора!

Было то самое время, когда тихие летние сумерки переходят в такую же тихую летнюю ночь.

Сколько раз наблюдал эту картину Комаров и всегда открывал в ней что-то новое, непохожее на вчерашнее. Он, никогда не бравший в руки кисти художника, смотрел на мир, на его краски как истинный живописец, и все это удивительно точно передавал своими стихами:

Солнце к дальним ушло перелескам
И, касаясь озер луговых,
Рассыпным, переливчатым блеском
Обожгло и осыпало их.

Ты не веришь разводьям утиным,
Поздним светом насквозь залитым —
Золотым, фиолетовым, синим,
Голубым и опять золотым…

Таких неповторимо свежих поэтических зарисовок с натуры было у Комарова множество. И сейчас, наверное, он сочинял что-то об этих неоглядных просторах. Чтобы не мешать ему, я усердно колол в сторонке дрова, будто ничто другое меня не касалось.

А жена Петра Степановича возилась у столика под черемухами, зная, что придет время и он непременно покажет ей написанное. Она всегда была его первым читателем и советчиком, и он очень дорожил ее неподкупной строгостью, старался узнать ее мнение, прежде чем опубликовать где-то свои новые стихи.

И теперь, продолжая помешивать грибы и все поглядывая вдаль, Комаров вполголоса, но так, чтобы слышала жена, вдруг начал читать:

Сыростью повеяло из рощи,
Затихает иволга вдали,
И тумана белые озера
Между синих сопок залегли.

Как ночные путники, березки
Где-то затерялись на пути.
И стоят в озерах по колено,
Словно вброд хотят их перейти…

Резкое хлопанье крыльев заставило его поднять голову: из тихих сгустившихся сумерек на свет нашего костра выпорхнула клювастая, толстозобая птица. Словно

боясь, что опоздает сесть, она с лету опустилась метрах в трех от нас, обвела всех круглыми удивленными глазами и, видимо, поняв, что попала не туда, куда нужно, так же поспешно улетела в синюю темень.

Девятилетний Сережа сердито посмотрел ей вслед, убежденный в том, что это наглый похититель колхозных цыплят опять хотел полакомиться чем-нибудь у деревенской школы.

— Нет, это не ястреб, Сергей, — объяснил Петр Степанович, — а совсем молоденький козодой: загулялся где-то, не заметил, как стемнело, и сбился с дороги.

— И как же он найдет теперь свой домик? — заволновалась пятилетняя Танюша.

— Сейчас мама покличет его, и все будет в порядке, — успокоил ее отец.

От ближнего леска к нам в самом деле неслось призывное птичье выстукивание: тик-тик-тик… тик-тик-тик… С окраины деревни, от старых раскидистых верб, на него поспешно отозвался другой, молоденький голосок: тик-тик-тик… тик-тик-тик… С этой радостной перекличкой обе птицы быстро приближались друг к другу и за оврагами, в дубнячке, смолкли.

— Вот они и в своем гнездышке, — сказал детворе отец. — И наше жаркое, кажись, готово.

Он присел на корточки, приподнял сковородку и, разгребая под ней угли, чтобы грибы не подгорели, заслышал чьи-то шаги на тропинке. Из темноты показалась длинная, как хмелевой шест, фигура колхозного плотника и общественного инспектора по качеству Игната Алексеевича Толстых, однофамильца Митрича. Старик возвращался с полей и завернул на огонек. В руках у него были луговые цветы. Степенно поклонившись, он протянул свои ромашки Комарову.

— Это вам, Петр Степанович, от всего сердца, — почтительно проговорил колхозник. — За внимание к делам нашим…

— Спасибо! — Комаров был тронут и, чтобы как-то скрыть свое волнение, тут же передал цветы жене, подхватил шипящую сковородку, ловко перенес через лужайку к освещенному лампой столу и пригласил всех на вечернюю трапезу.

— И вы присаживайтесь, Игнат Алексеевич. Иначе — обидите. Давно мне хотелось поговорить с вами…

Угощая гостя грибами, он поинтересовался, каковы виды на урожай, когда правление колхоза думает начать уборку, а затем вдруг спросил старика, почему в «Шумном ключе» до сих пор нет фруктовых садов.

— Как-то не задумывался я, — признался озадаченный гость. — Видно, не климат им у нас.

— Ой, так ли, Игнат Алексеевич? — усомнился Комаров. — Почему же в Свободном у моего бывшего учителя растут и яблони, и груши?

— Там поюжнее будет. А здесь только дикари растут.

— А культурные пробовал кто-нибудь сажать?

— Не помню что-то. Нет, вроде…

— А если попробовать? — оживился Комаров. — Ей-богу, стоит. Покажите-ка всем пример, Игнат Алексеевич?

— Почему же я? — удивился и чуть растерялся старик.

— Потому что вы — садовод в душе! — искренне ответил Комаров. — Больше других любите красоту земную и очень правильно говорили на собрании, что всякое дело требует огонька людского.

— Говорить-то я говорил, да тут особая статья, — вздохнул гость. — Может ведь и не получиться.

— Получится, — убежденно заверил его Комаров. — У вас непременно должно получиться, если, конечно, загоритесь. Я бы вам и саженцы осенью из Хабаровска

прислал. Есть у меня в питомнике знакомый агроном. А то обидно как-то. Такое у деревни красивое название — Разливная, и — без садов?

— Молчу, — засмеялся колхозник. — Приперли так, что и отступать некуда.

— Тогда по рукам, — протянул ему шершавую ладонь Комаров.

— Да уж буду ждать ваших саженцев, — согласился колхозник. — Ну, пойду, а то жинка, наверное, уже потеряла меня. С утра ведь не был дома.

Петр Степанович проводил его за калитку, а сам еще долго стоял возле ограды. Уж больно хороша была ночь. Взошла круглая, полнощекая луна. Необычный розоватый свет ее бесшумно заливал мир и, казалось, особенно щедро струился туда, за деревню, где на берегу Пёры опять играла гармошка и какая-то голосистая дивчина вдохновенно пела о любви.

Прислушиваясь к их пылкому романтическому дуэту, Комаров мечтательно произнес:

— А мы все спорим, все решаем, какой должна быть наша поэзия. — И тихонько произнес:

Пусть отцвела, отпела юность,
О ней напомнит дождь грибной.
Она с дождем ко мне вернулась,
Как и вчера, она со мной.

Объяснил, что это — дополнение к утренним лесным стихам.

— Но есть, брат, и вечерние. Уж слушай, коль назвался груздем…

Только зорька самоцветный пояс
Вывесит над соснами в бору,
Козодой — ночной молотобоец —
Молоточком бьет по серебру.

Значит, летом, в месяц сенокосный,
Кузнецу недаром повезло:
Не в его ли кузнице колхозной
Птица изучала ремесло?

И немного переждав, спросил:

— Чего же молчишь-то, товарищ начальник? Или решил, что гостю неприлично критиковать хозяина? Ей-богу, не обижусь.

А я, честно говоря, просто завидовал его способности вот так видеть, слышать и понимать все.

(Окончание следует)

общая тетрадь

Евгений ГОНЧАРОВ

Китайские сказки иноземца*

ОТКУДА ПОШЛА КИТАЙСКАЯ КУХНЯ

В стародавние времена в стольном граде Пекине жил повар Ли. Обитал он в хутуне (переулке) Дачжаланъ — возле Передних врат городской крепости. Соседями повара Ли были портные, сапожники, цирюльники, художники, музыканты и прочий трудящийся народ, которому запрещалось селиться внутри города. Все вместе они обшивали, обували, делали прически да услаждали глаза и уши министрам и чиновникам Императора Поднебесной, купавшимся в роскоши за высокой стеной из кирпичей серого цвета.

На половине своей фанзы Ли держал чифанку. Сие заведение общепита приносило ему столь малый доход, что он с раннего утра до позднего вечера только и слышал от своей жены упреки в том, что дети их ходят босыми и в рванье, донашивая одежду — младший за старшим.

— Хвала Будде, что хоть не голодают при кухне, — отвечал на это Ли, — объедков на нашем столе всегда достаточно.

За что был бит злой и вечно недовольной супругой деревянной скалкой по лбу.

Все беды повара Ли происходили, конечно же, из-за того, что он был глупым, ленивым и жадным. Наловят его дети в сточной канаве лягушек, а он их отварит и подает на стол.

— Откуда квакушки? — спрашивают посетители.

Ли так прямо и брякнет, что из грязной канавы. А почему бы не сделать гостям приятное: сказать, что лягушки — из чистого озера Бэйхай?

Но однажды повар Ли, сам того не ведая, совершил благородный поступок — даром накормил лапшой бездомного старика. Лапша, правда, уже скисла, и ее все равно пришлось бы отнести на помойку. Но ведь не выбросил же, а спас от голодной смерти бродягу.

Ли, конечно же, не знал, что этот нищий на самом деле был хэшаном. Эти последователи Будды инкогнито ходят по земле и щедро вознаграждают тех, кто творит добро. И с того момента дела повара Ли пошли в гору.

На следующий день в чифанку Ли зашла компания хутунских сапожников. Они заказали много-много свинины. У повара Ли в сковороде-вок с вечера оставалось арахисовое масло, в котором он жарил рыбу.

---

* *Первые две сказки Евгения Гончарова опубликованы в журнале «Дальний Восток» № 3 за 2010 год.*

— Надо бы заменить масло на свежее, — подумал Ли. Но тут же и переиначил, решив, что сойдет и так. Жадность в нем всегда брала верх.

Когда старший сынишка отнес приготовленную свинину сапожникам, те, только попробовав, начали громко возмущаться:

— Почему свинина имеет привкус рыбы?! В этой чифанке масло в сковороде хотя бы раз в год меняют?!

Повар Ли вышел в зальчик и вдохновенно соврал:

— Дорогие гости! Я приготовил для вас блюдо из императорского меню — «свинину со вкусом рыбы». Сам Сын Неба вкушает это лакомство!

И сапожники сказали:

— Приносим тебе, шифу (мастер) Ли, наши извинения! Действительно, блюдо очень оригинальное. Божественный вкус!

А потом в чифанку повара Ли пришла большая компания хутунских портных. Они пожелали скушать сазана под томатным соусом. Ли жарил рыбину в сковородевок и одновременно готовил соус из томат-пасты, яблочного уксуса и различных специй. По рассеянности Ли добавил в миску вместо приправы вэйсу — жменю сахара. Лентяй он был еще тот.

Когда блюдо с сазаном в томатном соусе было подано гостям, те лишь попробовали и наперебой возопили:

— Почему в соусе сахар?! Сазан испорчен! Как это можно есть?!

В этот раз повар Ли даже и не растерялся. Он вышел к гостям и сказал им с укоризной:

— Уважаемые посетители! Вам подано блюдо под названием «рыба в кисло-сладком соусе». Только в лучших ресторанах Гугуна можно отведать это императорское яство. Вообще-то блюдо досталось вам по ошибке — оно предназначалось для банкета, который министерство иноземных дел Поднебесной дает посольству варварской страны Элосы. Прикажете заменить?

— Нет-нет! Не лишай нас удовольствия наслаждаться столь божественным вкусом! — ответили портные. — И, пожалуйста, приготовь нам еще два сазана в кисло-сладком соусе!

Уже через месяц Ли открыл новую ресторацию, скромно назвав ее «У повара Ли». От посетителей у него теперь не было отбоя, «свининой со вкусом рыбы» и «рыбой в кисло-сладком соусе» приходили полакомиться гурманы не только из окрестных переулков, а даже из отдаленного района Колокольной и Барабанной башен.

Как и всякий повар от бога (ведь покровительствовал ему Будда), Ли всегда был в смелом творческом поиске. Он смешивал какие угодно продукты и готовил их самыми нелепыми способами. Ананасы с курятиной, картошка в карамели, пахучие яйца — все эти блюда изобрел повар Ли.

Дорогой читатель! Предугадываю твой вопрос и спешу на него ответить. Естественно, утку по-пекински тоже изобрел повар Ли. Уток в то время в Пекине варили, жарили, парили. Но Ли понял, что в самом знаменитом блюде китайской кухни, которое он решил создать, важней всего — церемония.

Так и появилось это блюдо — запеченная в печи утка, нарезанная на сто двадцать кусочков, которые сдабривают сливовым соусом, с зеленым луком заворачивают в пресные блинчики, и потом едят.

Утка по-пекински сразу стала деликатесом. Вы думаете, зачем приехал в Китай итальянский купец Марко Поло и почему задержался в Поднебесной на двадцать лет? Конечно же, он захотел отведать этого блюда, о котором услышал от побывавших в Китае монахов-несториан, а потом не мог от него оторваться.

А зачем монголы и маньчжуры брали штурмом Пекин и потом оставались там на несколько веков? Из-за того лишь, что в средневековье Китай не экспортировал утку по-пекински. Но установив в Китае свои императорские династии, они сами немедленно вводили эмбарго на поставки знаменитого блюда в другие страны.

Повар Ли с удовольствием наблюдал, как девять поварят едва успевают готовить утку по-пекински для многочисленных посетителей его ресторана. Но Ли чувствовал, что чего-то не хватает, какой-то важной детали, какого-то последнего штриха. И наконец-то на него снизошло озарение от Будды!

На следующий вечер в ресторан «У повара Ли» зашел знатный мандарин — толстый человек в желтом халате и в шапочке с красным костяным шариком на макушке. На самом деле это был сосед Ли — цирюльник Ван из обедневшего маньчжурского рода. Ли подговорил его, чтобы тот подыграл ему на публику.

Заказывает знатный господин сразу две утки по-пекински, а когда поварята приносят запеченные тушки и начинают их нарезать, он и говорит им:

— Мне оставьте лишь поджаристую шкурку — самое вкусное в этом блюде. А мясо отдайте бедным людям.

И все окружающие сразу поняли, что истинные уткоеды заказывают блюдо не для того, чтобы набить брюхо, а из эстетических побуждений. И все, заказавшие в тот вечер утку по-пекински, как говорящие попугаи, стали повторять за мандарином:

— Нам только шкурку, мяса не надо — отдайте голодным.

— Посетитель всегда прав! Передам, как просили, — ухмыльнулся повар Ли, в конце смены складывая в корзину множество утиных тушек. — Мои детки ведь небогаты. Да и аппетит у них хороший!

А великий и всемогущий Будда, наблюдая с космической высоты за всем происходящим на земле, только и подумал с доброй улыбкой на алых устах: «Какого же прощелыгу я пригрел. Однако хрустящая ароматная шкурка утки по-пекински, м-м-м, стоит того!»

ЗОЛОТЫЕ МАНДАРИНЫ

В одной деревне жил хитрый и жадный ростовщик. Во всем селении не было фанзы, хозяин которой не был у него в долгах как в шелках. Откуда пришел этот наглый эксплуататор — неизвестно. Было при нем лишь старое одеяло да зонт из рисовой бумаги.

А еще у него имелась одна золотая монета. За полмонеты он снял чулан без окошка, а другую половину этих денег дал хозяину фанзы в долг под проценты.

Через год эта фанза уже принадлежала пришельцу, а еще через пятилетие в деревне не осталось ни одного земельного надела, который бы не был заложенным за долги ростовщику. Чтобы не лишиться земли, крестьяне переписывали долги под будущие урожаи. И в итоге получилось так, что все они проливали пот под жарким солнцем и студили ноги в воде на рисовых чеках, а плоды их труда доставались ростовщику. Вся деревня, от мала до велика, ненавидела его.

Как-то погожим весенним днем сидел ростовщик в своем дворе под тентом из рогожи и попивал жасминовый чай. В калитку кто-то постучался.

— Кто там? — спросил ростовщик незваного гостя.

— Это я, фэншуй, — отозвался человек с улицы.

— Чего тебе от меня надо? Я не начинаю новой постройки — так что в твоих услугах пока не нуждаюсь, — ответил ростовщик деревенскому знахарю.

— Не за тем я пришел, — взволнованно говорил фэншуй. — Там, на площади, старый монах-даос показывает чудесные фокусы. Весь народ собрался вокруг него, пойди туда и ты!

Тело ростовщика было заплывшим от жира, ему было лень вставать и куда-то идти. Но любопытство оказалось сильнее, и он пошел на майдан.

То, что он там увидел, действительно было чудом. Даос, свернув ноги калачом, не сидел на утоптанной земле, а висел в воздухе так, что под ним могла бы пробежать ящерица. На глазах у изумленной публики его левая рука становилась все короче, а правая — все длиннее. Потом даос подобрал с земли булыжник и съел его, как пампушку-маньтоу.

Заметив в толпе крестьян ростовщика, монах обратился к нему:

— Хочешь, я покажу настоящее чудо?

На что тот только и смог согласно кивнуть головой, поскольку рот его как открылся от всего увиденного, так и не закрывался.

— Тогда дай мне самую маленькую медную монету, какая у тебя есть на связке, — попросил фокусник.

Тут рот ростовщика сразу захлопнулся, как волчий капкан, аж зубы клацнули. Неслыханная наглость! Он уже забыл, когда давал без возврата кому-то деньги — отдавали только ему.

— Дай ему зеленый медяк, не скупись! У тебя серебра и золота полный сундук! Поглядим, что он еще покажет! — кричали люди.

И опять любопытство взяло верх. Скрепя сердце скряга все-таки бросил монаху медную монетку.

Даос поднял монету и потер ее о рукав своего платья. Усмотрев в толпе зевак земледельца с мотыгой, он сказал ему:

— Вырой ямку, как под арахис.

Земледелец вышел в круг и ударил несколько раз мотыгой о грунт.

Не сдвигаясь с места, монах бросил медяк в лунку.

— Теперь присыпь это семя землей.

Земледелец так и сделал.

— А ты полей этот посев, — попросил чародей водоноса.

И водонос полил лунку из глиняного кувшина.

Тут же из влажной земли показался тоненький росток из блестящей меди. Толпа ахнула! А медный пруток продолжал расти, и от ствола пошли ветки. Потом на ветвях появились серебряные листья. И, наконец, распустились цветочки, из которых образовались золотые мандарины.

Над площадью повисла тишина. Первым обрел дар речи ростовщик.

— Кому принадлежит это сокровище? — спросил он.

— Всем, кто здесь находится, — ответил даос.

И толпа жадно ринулась к волшебному дереву. Сначала обобрали золотые мандарины, потом содрали серебряные листья, а затем обломали медные ветви. В конце всего разбора деревенский кузнец выдернул из земли с корнем и медный ствол.

Ростовщику из-за его медлительности и неповоротливости при дележке досталось меньше всех — оброненный кем-то медный пруток.

Крестьяне сразу стали расходиться по домам, опасаясь, что монах передумает и заберет у них нежданно свалившееся богатство. Ростовщик же подошел к даосу, и между ними был такой разговор.

— А если я дам пригоршню медных монет, ты сможешь вырастить сад таких мандариновых деревьев?

— Смог бы, но не буду этого делать.

— Почему же?! Мы с тобой поделим драгоценные металлы и станем самыми богатыми китайцами в Поднебесной.

— Я не зарюсь на чужое добро.

— Но ведь у этих сокровищ не будет хозяина.

— Как ты не понимаешь, что во вселенной действует главный закон сохранения материи: «Если в одном месте что-то появилось, то в другом месте это же исчезло». Вот ты, к примеру, богатеешь из-за того, что все остальные в этой деревне беднеют.

— Неправда! — возмутился ростовщик. — Мое состояние умножается за счет моего ума, а они нищают по причине своего скудоумия.

— Спорить с глупцом — все одно, что копать колодец зубочисткой! — сказал монах. — Иди-ка ты поскорей домой. Калитку-то не запер.

— Ах, и верно! — вспомнил ростовщик. — Побегу, пока какой-нибудь вор не вошел в мою фанзу.

Когда он, запыхавшись, прибежал домой, все было цело и на своих местах. Вздохнув облегченно, ростовщик решил спрятать в сундук с деньгами принесенный медный пруток. Он отомкнул замок, поднял крышку и оторопел — сундук был пуст! И ростовщик понял, что даос не зря говорил о каком-то законе вселенной. Схватив толстую бамбуковую палку, чтобы как следует проучить фокусника, он опять побежал на площадь. Но даоса уже и след простыл. И лишь развороченная земля в центре майдана напоминала о недавнем событии.

Все жители деревни смеялись над жадным и глупым ростовщиком, наказанным бродячим фокусником.

Но недолго горевал их кровопийца. Пришел очередной срок погашения процентов по займам, и крестьяне принесли ростовщику волшебное мандариновое дерево, хотя и в разобранном виде. Ростовщик нанял ювелира, и тот припаял к медному стволу ветки, к медным ветвям — серебряную листву и золотые мандарины. Затем ростовщик приказал посадить чудесное мандариновое дерево во дворе. Оно хоть и было металлическим, а тень давало густую.

Ростовщик любил сидеть под этим деревом в прохладе, мысленно продолжая давнишний спор с даосом. И всегда побеждал, ставя точку в этой виртуальной дискуссии:

— Во вселенной есть еще закон — притяжения, и он-то будет поглавнее твоего закона сохранения материи: «Деньги тянутся к деньгам»!

КАК ИЗОБРЕЛИ КОМПАС

В стародавние времена в одной приморской деревне фэншуй нашел в горе железо. Руда была столь богата металлом, что из нее можно было без переплавки ковать наконечники для гарпунов и мотыги.

Добыча железа стала главным заработком жителей деревни вместо их исконного промысла — рыболовства. Чтобы выгодней продавать железную руду, ее грузили в большие корабли и морем доставляли в большие города. К морским судам руду привозили на лодках. И вот что заметили местные жители. Как только в лодку бросали глыбу руды, она тут же поворачивалась к корчме дядюшки Лю. И рудокопы шутили:

— Сама лодка подсказывает, куда нам пойти сегодняшним вечером!

Поморы, конечно же, не знали, что руда, которую они добывают, — магнитный железняк. Но они поняли, что лодка с глыбой этой руды всегда покажет на харчевню дядюшки Лю, которая находилась от рудника на севере.

И вот один из лоцманов этой деревни догадался, что, взяв лодку с глыбой руды на борт морского корабля, можно легко определить верное направление, если собьешься с курса.

Лет тысячу, а то и больше, все китайские мореходы пользовались таким приспособлением, называя его указателем дядюшки Лю.

Как-то один из моряков, которому надоело опускать на воду и поднимать на борт тяжело груженную лодку, выстрогал игрушечную лодочку. Нагрузив эту модель маленьким кусочком железной руды, рационализатор убедился, что лодочка показывает на север так же, как и большая. С той поры китайские мореплаватели стали брать с собой в рейсы такие маленькие указатели дядюшки Лю.

И, наконец, еще через много-много лет один смышленый юнга додумался до того, что положил частичку магнитного железняка в половинку скорлупы от миндального ореха и опустил ее на воду в чайной чашке. О, чудо! Даже такой миниатюрный указатель дядюшки Лю все равно показывал на север.

Ну, а потом ушлые лаоваи, подглядев у китайцев их ноу-хау, сделали магнитную стрелку и посадили ее на ось в центре маленькой баночки. А для придания видимости, что это они сами изобрели навигационный прибор, назвали его по-своему — компасом.

Игорь ОЛЬХОВСКИЙ

Притяжение Святого Ионы

История одного путешествия

С чего начинается путешествие?
С мечты!

Вначале объект (пустыня, река, горы, море, острова и пр.) должен чем-то заинтересовать путешественника. Затем интерес вырастает в мечту там побывать. Ну а дальше идет сбор информации, подбирается команда и решаются технические вопросы: снаряжение, сроки, бюджет и так далее.

Когда-то, лет десять назад, я впервые попал на Шантарский архипелаг, и для меня эта группа островов в Охотоморье казалась краем земли: дальше-то и некуда. Ан нет! За несколько лет мы с друзьями избороздили Шантарские проливы, изучили побережье седого Джугджура от Чумикана до Охотска. Прошли на катамаране несколько сот километров по Тихому океану вдоль побережья Камчатки.

Однако, глядя на нанесенные на карту пунктиры наших маршрутов, было видно, что есть еще в центре Охотского моря дикая неприступная скала, на несколько сот метров возвышающаяся над водой. Островок этот находится в стороне от морских путей и потому очень редко посещается людьми, и на нем находятся неисчислимые колонии морских птиц и сивучей. Туристами этот островок не посещается вообще, слишком далеко он находится от материка и слишком суровые там погодные условия: круглое лето — студеное море, туманы, частые штормы.

Так и появилась мечта. Она зрела и ждала своего часа… Остров Святого Ионы…

> *Остров святого Ионы — это крошечный, скалистый участок суши, затерянный посреди холодного Охотского моря. Он был открыт английским исследователем Иосифом Биллингсом и русским мореплавателем Гавриилом Сарычевым в 1789 году. Остров расположен в стороне от основных путей морских судов, и люди посещают его крайне редко. Остров, размером одна тысяча шестьсот на восемьсот пятьдесят метров, высотой около трехсот метров, необитаем. На нем расположен огромный птичий базар и лежбище сивучей на прилегающих к нему обломках скал. В интернете информации об этом острове чрезвычайно мало. За все годы на острове побывало лишь несколько научных экспедиций. Из-за большой удаленности от материка, сложности и опасности плавания в этом районе на надувных плавсредствах никто из туристов никогда на этот остров не ходил. То есть этот остров является одним из самых малопосещаемых мест в мире…*

Холодным февральским вечером мы сидели с моим другом Михаилом Ельсиным у известного путешественника Федора Конюхова в его уютной московской мастерской на Таганке и за кружкой горячего чая обсуждали его только что закончившийся переход на яхте «Алые паруса» через Атлантику. Федор рассказал, что этот переход ему очень помогли скрасить наши фильмы о путешествиях по Якутии, Камчатке, Шантарским островам и Охотоморью. И еще Федор Филиппович обмолвился, что когда-то давным-давно он шел на яхте в Магадан и увидел возвышающуюся в центре Охотского моря скалу, и у него появилась мечта когда-нибудь там побывать. Это был остров Святого Ионы.

На мой вопрос: «Федор, идем?!» он ответил: «Идем!»

И началась подготовка к этой экспедиции.

Состав определился сразу: группа из пяти человек. Кроме нас с Конюховым, в команде — хабаровчанин Михаил Ельсин, который уже пересекал с Федором Атлантику и Тихий океан. Также в команду войдут члены Дальневосточного клуба путешественников — наши друзья Максим Зотов и Антон Сорокин.

Выбирая плавсредство, мы остановили свой выбор на лодке катамаранного типа «Ротан-660» грузоподъемностью полторы тонны. Лодка эта очень легко идет по волне, в ней одиннадцать отсеков, и она надежна.

На эту лодку мы поставили новый мотор «Ямаха-50» и небольшой вспомогач — четырехтактный «Ямаха-4», который был необходим из соображений безопасности.

Старт экспедиции намечался с Шантарского архипелага, из бухты Панкова, откуда до острова Святого Ионы четыреста километров, плюс столько же обратно, плюс резерв на галсы, ветер и прочие непредвиденные обстоятельства. (А они и произошли!). Итого: топлива нам нужно было взять как минимум шестьсот литров, восемьдесят литров пресной воды, продукты, масло, ремнабор, лебедку и пр. Вместе с людьми набегало полторы тонны груза. Для экспедиции мы выбрали вторую половину июля — по многолетним наблюдениям — самое спокойное время. Во второй половине августа в Охотском море начинается сезон штормов.

В конце первой декады июля я с Антоном Сорокиным, ведущим телевизионной передачи «На рыбалку» Александром Беловым и группой туристов вылетел на Шантары. Мы планировали испытать лодку, обкатать мотор и забросить топливо в бухту Панкова, откуда через неделю был намечен старт нашей экспедиции.

Пролетая над Шантарскими проливами, я увидел внизу сплошные ледяные поля. В России стояла небывалая жара, в Москве за сорок градусов, плавится асфальт, а здесь… Арктика! Фраза: «Ледорубы не взяли» заставляет вернуться к действительности и искать какое-то решение. Из кабины пилотов вижу, что показавшаяся впереди, километрах в сорока, бухта Панкова тоже забита льдами. Показываю летчикам точку посадки в центре острова в устье реки Оленьей. Здесь хоть весна… и великолепная рыбалка. Заложив крутой вираж, десятитонная машина касается колесами земли. Быстро разгружаемся, и вертолет, сделав прощальный круг, уходит на запад. Мы на Шантарах!

Есть на земном шаре уникальное по красоте место. Там, среди айсбергов, плавают киты, гоняются за тюленями хищные косатки, по берегам бродят медведи, с гор низвергаются водопады, причудливыми замками высятся скалы из мрамора и яшмы, реки кипят от рыбы, и стоит многоголосый птичий щебет. Это полуреальное, полусказочное место находится в западной части Охотского моря и называется Шантарским архипелагом.

Архипелаг занимает акваторию в десять тысяч квадратных километров и состоит из пятнадцати больших и малых островов, а также большого числа скал и кекуров. Самый большой остров Большой Шантар, площадью около двух тысяч квадратных километров, второй по величине — остров Феклистова — четыреста квадратных километров. Далее идут острова Малый Шантар, Беличий, Прокофьева, Кусова, Птичий, Утичий и другие острова. Когда-то на Шантарах жили люди, сейчас же, кроме работников метеостанции и старожила-охотника, на островах никого нет.

Климат Шантарских островов гораздо суровее, чем даже в самой северной части Охотского моря. Это обусловлено тем, что преобладающие ветра на Охотоморье северо-восточные и весь лед с Охотского моря сгоняется в Шантарские проливы. Только на два-три месяца очищаются прибрежные воды ото льда. Еще в июле здесь белыми лебедями плавают огромные айсберги, а уже в октябре выпадает снег, хотя находятся строва на широте Москвы. Частые туманы на островах чередуются с редкими, но сильными штормами. Приливы на островах достигают пяти — восьми метров, а приливные течения одни из самых быстрых во всем Мировом океане. Интересна и геология островов: берега представляют собой настоящий геологический музей под открытым небом. Во многих местах можно увидеть скалы из яшмы, мрамора и других камней всех цветов радуги.

Едва стих рокот вертушки, народ похватал спиннинги. И началось шоу. Изголодавшаяся за зиму рыба яростно набросилась на блестящие металлические приманки всяких форм и размеров. Рыба ловилась практически на каждом забросе. Попадалась красноперка, голец, рыба генерал — микижа — и даже камбала, но чаще всего на крючке оказывалась трех-, пятикилограммовая красавица кунджа — рыба-боец, борьба с которой доставляла огромное удовольствие.

За пару минут рыбалки продовольственная программа была решена, и звучит команда: «Рыбу не брать!»

Через час все затянуло густым туманом. Вот оно — коварство Охотоморья. Пустили нас к себе неприступные острова и вновь закрылись от внешнего мира. На огромной территории в несколько тысяч квадратных километров мы одни и тишина… Звенящая тишина…

На третий день рыбаки ушли вверх по реке, а мы с Володей Бойко, начальником метеостанции, решили перевезти топливо и часть снаряжения в устье протоки, а заодно и провести разведку ледовой обстановки в море.

Стоял отлив, и по берегам протоки, соединяющей озеро с морем, лежали огромные глыбы льда. Сразу повеяло стужей и температура упала градусов на десять. М-да… Не май месяц! (Июль!) В устье протоки выгружаем бочки с бензином и налегке выходим в море, не забыв включить GPS. Через сотню метров нас поглотил густой туман, слева и справа из которого вырастали причудливой формы айсберги, некоторые из них высотой с двухэтажный дом.

Метров через триста упираемся в сплошную стену льда. Весело! Такое вот шантарское лето.

Вернувшись к оставленным вещам, видим «хозяйственную» деятельность косолапого. Он перевернул железную бочку, куда мы сложили канистры с маслом. Канистры прогрыз, масло разлил, спасательные жилеты изодрал. Негостеприимный, однако, хозяин Шантар!

Прошла неделя нашего пребывания на островах. Мы перебазировались на берег моря в устье протоки. Покой и умиротворение царили вокруг. Ни надоедливых

звонков мобильников, ни суеты… Лишь крики чаек, шум прибоя и треск трущихся друг о друга айсбергов, плывущих вверх по реке с приливной волной. Рыбалка по-прежнему отличная, но в наших планах — посещение других шантарских достопримечательностей.

Льды немного растянуло, появились разводы и, собрав экспедиционное снаряжение, мы выходим двумя лодками из бухты Панкова вокруг Большого Шантара.

Идем медленно, зигзагами, лавируя между льдин. Иногда казалось: прохода в ледяных полях нет — тупик, но снова и снова нам удавалось протиснуться в какую-нибудь лазейку. К вечеру, преодолев более ста километров под ледяным пленом, наши лодки ткнулись в берег возле устья реки Большой Анаур, второй по величине в этом архипелаге. В губе Якшина было «чисто», и не верилось, что рядом все проливы еще забиты льдами. Здесь уже было лето! Светило яркое солнце, щебетали птицы, яркая зелень разнотравья стремилась наверстать свое.

В оставшиеся три дня были поездки на острова Утичий и Птичий, встречи с косатками и, конечно же, с хозяевами здешних мест — медведями. И была жарко натопленная баня…

Из облаков вынырнул знакомый вертолет и, сделав вираж, плавно ткнулся колесами возле нашего экспедиционного груза. Улыбаясь, из вертолета вышли наши товарищи: Федор Конюхов, Михаил Ельсин, Максим Зотов, Анатолий Изотов… Завтра начинается самый ответственный этап нашего путешествия.

Рано утром все члены нашей экспедиции уже на ногах. Мы тщательно готовим лодку к тысячекилометровому переходу по Охотскому морю: заливаем в баки топливо, пресную воду, упаковываем продукты, снаряжение. В одном из отсеков мы выложили из пенополиуретановых ковриков небольшой кубрик, где можно будет отдохнуть после вахты. Федор, как опытнейший мореход, по достоинству оценил и плавсредство, и подготовку к экспедиции.

Последние штрихи: по спутниковому телефону связываюсь с гидрометеослужбой и получаю прогноз погоды по Охотоморью на ближайшую неделю: через три дня ожидается циклон и сильное усиление ветра. Звоню в оперативно-спасательный отряд МЧС России, предупреждаю их о нашем выходе, а также оговариваю контрольное время связи с нашими друзьями, остающимися на Шантарах. Вроде бы все… Садимся на дорожку. Итак, у нас есть только три дня….

Из губы Якшина до острова Святого Ионы было на сто километров дальше, чем из бухты Панкова, но учитывая лимит отпущенного нам метеорологами времени, мы решили взять на сто литров топлива больше запланированного.

Утром двадцать второго июля наша лодка «Ротан-660», оснащенная двигателем «Ямаха-50» («Ямаха-4» — резервный), имея на борту пять членов экипажа, семьсот литров топлива, восемьдесят литров пресной воды, недельный запас продуктов и прочее снаряжение (общая загрузка полторы тонны), вышла от метеостанции Большой Шантар и, обогнув мыс Радужный, повернула в забитый льдами пролив Северный. Любопытные нерпы высовывали из воды свои мордочки. Горланили чайки, вокруг сновали топорки и очковые чистики. Светило яркое солнце, открыв во всей красе острова на несколько десятков километров.

Перед мысом Северным мы делаем привал в бухте Самоцветной — с точки зрения геологии, самой, пожалуй, красивой бухте Шантар. Все берега покрыты окатышами из яшмы и мрамора всех цветов радуги, ну прямо геологический музей под открытым небом. Если добавить к этому вытекающий из распадка ручей, озеро, обрамленное яркой зеленью разнотравья, многоголосый птичий щебет, то вырисовывается прямо-таки идиллическая картина.

Мы сидели, пили чай и разговаривали о всяких разностях. Ну и о путешествиях тоже, конечно. Федор, объехавший почти весь мир и повидавший многое, был искренне поражен красотой этого уголка дальневосточной природы и сказал, что у него появилась мечта построить где-нибудь здесь православную часовню.

Федор Конюхов — российский мореплаватель и путешественник, совершивший более сорока уникальных экспедиций и восхождений, шесть кругосветных походов. Он заслуженный мастер спорта, почетный академик и лауреат золотой медали Российской академии художеств, член Союза писателей РФ.

Он первый путешественник в мире, который достиг пяти полюсов нашей планеты: Северного географического; Южного географического; полюса относительной недоступности в Северном Ледовитом океане; Эвереста (полюса высоты); мыса Горн (полюса яхтсменов). Первый россиянин, которому удалось выполнить программу «Большой Шлем» (Северный полюс, Южный полюс, Эверест). Федор в одиночку пересек Атлантический океан на гребной лодке с мировым рекордом в сорок шесть суток четыре часа. Обогнув Антарктиду в одиночном плавании, Федор Конюхов вписал в историю еще один мировой рекорд под российским флагом и, пожалуй, на земле уже не осталось ни одного моря, океана, полюса или высочайшей вершины, которые он бы ни покорил.

Самое коварное место на Шантарах, а может и во всем Охотоморье, — это мыс Северный. Обдуваемый всеми ветрами, он первый встречает всю мощь сатанинских штормов, налетающих на острова с моря. В этом месте зарождается мощнейшее приливное течение: огромная масса воды из Охотского моря устремляется в пролив Северный, как в бутылочное горлышко. В этом месте часто встречаются огромные, хаотично пляшущие волны — сулои.

С десяток раз мы проходили это гиблое место, и каждый раз ситуация держала нас в напряжении. Впервые мы обходили этот мыс на веслах на маленьком туристическом катамаране. Приливная волна застала нас тогда на самом мысе. Почти час мы вели изнурительную борьбу со стихией, ситуация была критическая, и мы аварийно выбросились на маленький пятачок между скал. Никогда не забудется также наш ночной переход на яхте «Одиссей» в 2006 году. Мы уходили в Лебяжью губу от надвигающегося шторма, но все началось гораздо быстрее и внезапно. Не успели… Волна была в два раза выше судна. Мы то проваливались куда-то в пропасть, то взбирались на гребень. На буксире у нас был катамаран и две лодки с моторами. Толстенный фал лопнул, как гнилая нитка, и лодки унесло в открытое море. На следующий день, когда наш израненный «Одиссей» бросил якорь в Лебяжьей губе, мы дружно выпили за второй «день рождения».

Итак, мыс Северный. Болтанка на мысе была, конечно, приличная, но, скажем так, «в пределах нормы». Заступив на вахту, я беру курс на остров Ионы, дальше четыреста километров — лишь открытое море. Пройдя километров десять, мы попадаем в полный штиль. Где-то справа по борту осталась бухта Панкова и находящийся на входе в бухту памятник природы — «Камень лев», дальше какое-то время был виден величественный с отвесными пятисотметровыми скалистыми обрывами остров Прокофьева. Через некоторое время земля исчезла из виду, штиль сменился вначале мелкой рябью, затем зыбью, затем началась приличная болтанка. Серые свинцовые тучи закрыли весь горизонт, и стал накрапывать небольшой дождь. Солнце село, сумерки еще какое-то время пытались сопротивляться, но вскоре все окутала мгла. С заходом солнца стало очень холодно. Сверяясь с нави-

гатором, мы поочередно несли вахту за штурвалом. Только что миновали полосу льдов, и температура воды была чуть выше ноля. Температура воздуха, может быть, градусов пять, сырость, промозглость. Даже надев на себя штормовки и полартэк, мы чувствовали холод каждой клеточкой тела. Такое вот хреновое лето…

Когда я анализировал карту ветров по нашему маршруту на метеорологическом сайте, то обратил внимание, что сила ветра на Шантарах и в центре Охотоморья значительно отличается. Если на Шантарах в июле ветер обычно два-три метра в секунду, а зачастую бывает и штиль, то в районе Святого Ионы почти всегда восемь-девять метров в секунду, что подразумевает достаточно приличную волну.

Так оно, в общем, и оказалось. Ночью началась приличная болтанка, которая продолжалась и утром. В принципе, ничего страшного, лодка у нас мореходная, но скорость, конечно, упала, и лодка рыскала, сваливаясь с волны. Приходилось постоянно ловить курс. Друзья весело шутили, рассказывали разные истории. Особенно, конечно, было что рассказать Федору, который много дней в одиночку провел в кругосветках. Поражало, конечно, душевное спокойствие этого великого человека (великого за его дела и поступки, находящиеся за гранью человеческих возможностей и требовавшие огромной силы духа и мужества). Несмотря на свои достижения, Федор Филиппович — человек очень искренний и открытый, он давно нашел свой смысл в жизни и с ним легко и просто в общении…

А вообще, мне кажется, что у Конюхова есть мощный ангел-хранитель! Федор рассказывал такую историю: когда он готовился к очередному походу, фирма, которая шила паруса для его яхты, схалтурила: прошила паруса одним швом. У него не было времени прошить вторым швом, и он, надеясь на русский авось, пошел в кругосветку. В океане начался сильнейший шторм, и яхту перевернуло. Паруса были наполнены массой воды, и яхта сама просто не могла встать. Казалось, ситуация безвыходная… И тут случилось чудо: схалтуренный шов разошелся и яхта вернулась в исходное положение...

«Ямашка» тихо урчала уже вторые сутки, цифры на GPS-ке отмеривали пройденные километры. Отстояв дневную вахту, я залез в кубрик, где меня сморил сон и холод. Проснулся от того, что кто-то заглушил мотор. Навигатор показывал «Прибываем к цели». На море стоял густой туман, видимость — не более ста метров. Где-то неподалеку стоял многоголосый птичий гвалт и рев сивучей. Пройдя немного в этом направлении, мы уперлись в выросшую из тумана громаду острова. Тысячи и миллионы птиц сновали вокруг, остров был белым от пернатых и птичьего помета. Вся прибрежная узкая полоса занята сивучами, некоторые из них выплыли навстречу нашей лодке и агрессивно ревели, видимо, пытаясь прогнать непонятное существо, вторгшееся в их владения.

У острова Святого Ионы нет бухт. За полчаса несколько раз обойдя вокруг острова, мы обнаружили лишь одно место, пригодное для высадки — узкую полосу крупных валунов возле скалы, на которой грелись несколько сот сивучей. При нашем приближении взрослые самцы бросились в воду, а самки с детенышами остались на берегу.

Наша лодка подошла к берегу. Федор сошел на сушу. Был сильный накат, волной лодку било о камни, и нужно было оперативно принимать решение. На острове нет ни воды, ни дров, вокруг агрессивно ревущие сивучи, в чьи владения мы вторглись. Кроме того, солнце уже садилось, через час наступит ночь. Волнение на море усиливалось, через сутки синоптики обещали циклон и, посовещавшись, мы приняли решение — ложиться на обратный курс. Наверное, наша команда — единственная, добравшаяся на надувной лодке по студеному морю на этот, практически непосещаемый и затерянный в центре Охотоморья остров.

Мы сделали это!

Свинцовые тучи висели над головой. Ветер усилился, усилилось и волнение. Я залез в кубрик и дрожа сжался в комок, пытаясь сэкономить силы и тепло для своей вахты. Сырость, казалось, пропитала каждую клеточку тела. Как-то не верилось, что где-то сейчас люди ходят в шортах и рубашках, изнывают от жары и солнца. Ловлю себя на мысли, что за последние двое суток мы практически ничего не ели, лишь попили чаю из термоса. И до чего же вкусными кажутся небольшие баранки, которые мы напихали по карманам, и обычные конфеты-грохотульки…

Немного подремав, я сменил на вахте Максима Зотова. Часы показывали полпервого ночи. Волнение разыгралось, и лодку было трудно держать по курсу. Скорость упала, мотор натужно ревел, взбираясь на гребень, потом мы проваливались куда-то вниз, в кромешную темень. Практически постоянно приходилось сверяться с навигатором и выправлять рыскающую по курсу лодку. Всматриваясь в небо, я попытался найти хоть какие-то ориентиры, но тщетно — мгла полная. На душе тревожно, но успокаивало то, что мы медленно, но верно продвигались к Шантарам.

Ночью, сидя за штурвалом, есть возможность уйти в себя… Вот и сейчас мне вспомнился наш переход в 2002 году на веслах с острова Медвежьего на материк. Проливчик-то всего четыре километра, но мы шли в тумане, в проливе — сильное течение, и было огромное беспокойство, что нас может унести в море. Сейчас же напротив — полное спокойствие и уверенность в успехе: избороздив за эти годы тысячи километров по Охотскому морю и Тихому океану, мы накопили немалый опыт, плюс хорошая техническая оснащенность, плюс надежная команда. В те годы мы только открывали Шантары, и они казались нам краем земли. Сейчас же мы стартовали и возвращаемся на Шантары как к себе домой. В тот первый поход я моря боялся, а сейчас люблю и уважаю, и мне кажется, что оно мне платит той же монетой…

Лодка проваливалась куда-то вниз, затем, натужно ревя мотором, взбиралась на очередной гребень.

Принимаю решение не будить ребят: чувствую себя бодро и стою на вахте до последнего. Потихоньку небо посветлело, глаза стали различать отдельные детали. Наступал новый день, пожалуй, самое трудное уже позади. В 8 часов меня сменил Миша Ельсин, и я, забравшись в кубрик, отключился. Проснулся, когда до Шантар оставалось километров пятьдесят. Волна сильно спала, и лодка, выработав полтонны топлива, набрала хороший ход. Километров за тридцать мы стали различать очертания острова Прокофьева, затем показался Большой Шантар. Начался штиль, горланили чайки, вокруг сновали топорки и очковые чистики, высовывали свои любопытные мордочки тюлени. Вышло из-за туч солнце, покрывая все вокруг своими ласковыми лучами. Идиллия. Наша лодка, преодолев тысячу напряженнейших, полных опасностей километров, заходила в бухту Панкова. В устье протоки нас ждали друзья: Толя Изотов, «губернатор» Большого Шантара — Дмитрич и пришедшие с материка туристы — Саша Леонтьев с командой и яхта «Ника» Алексея Лобанова.

Дружеская встреча, посиделки у костра, фотографирование на память. Как же здорово чувствовать под собой земную твердь, а не километры морской пучины!

Проснувшись, я вылез из палатки. На берегу со спиннингом в руках стоял Федор Конюхов.

— Как рыбалка, Федор?

— Да разве ж это рыбалка? Неинтересно совсем!

— ???

— Да как ни забрось, тут же рыба цепляется, как в аквариуме! Так ведь не должно быть! — искренне удивлялся Федор Филиппович.

После завтрака наша команда, взяв инструменты, отправилась к ключу Панкова, чтобы на живописной лужайке на берегу моря установить православный крест. Кедровый в два с половиной метра крест нам изготовили мастера в Хабаровске и освятили в Спасо-Преображенском кафедральном соборе.

Тщательно выбрав место, мы выкопали яму и натаскали с берега моря много валунов. Вскоре крест был установлен на высоком берегу. Федор прочитал молитву, и мы, заехав в лагерь за вещами, отправились вокруг Большого Шантара в губу Якшина, откуда с метеостанции завтра утром нас должен забрать вертолет.

За мысом Северным, который на этот раз был с нами на редкость ласковым, мы сделали привал в знакомой бухте Самоцветной. Мы сидели возле костерка, чаевничали и обсуждали наше путешествие. Федор, искренне восхищаясь Шантарами, воскликнул: «Я могу точно сказать, что остров Святого Ионы и Шантарские острова — это чудо света! Хорошо, что они расположены в России, в Хабаровском крае. До того, как приехать сюда, я был на острове Пасхи. Конечно, там все впечатляет. Но я хочу сказать, что Шантарские острова впечатляют гораздо больше. Это наша русская земля, и когда-нибудь мы сюда вернемся, чтобы построить православную часовню…»

Смеркалось. До метеостанции было еще семьдесят километров пути, но так не хотелось покидать это уютное райское место! Да и что такое — пройти какие-то семьдесят километров, пусть ночью, после того, что у нас уже было.

Загрузив в лодку килограммов триста яшмы (для отделки бани и ландшафтного дизайна), мы отправились в устье реки Якшина. На море стоял штиль, редкие льдины были хорошо видны при лунном свете. Проходим пролив Северный и за мысом Радужным поворачиваем налево. Километров за тридцать показался костер на берегу, и через полчаса наша экспедиция успешно завершилась.

На следующий день за нами прилетел вертолет, и, загрузив экспедиционное снаряжение, мы берем курс на Хабаровск. Пролетая над Шантарскими проливами, наблюдаем фонтаны: под нами было кормящееся стадо китов. Фантастика!

В городе нас встречали журналисты, телевизионщики. Прием у мэра города Александра Соколова, обсуждение новых интересных проектов. Это путешествие успешно завершилось, впереди же новые открытия и новые экспедиции. Федор на днях отправляется в Эфиопию в сорокадневный поход на верблюдах по пустыне, у меня же начинается подготовка к путешествию по Становому хребту и трехсоткилометровому сплаву по северной реке Мае.

А с Федором мы договорились организовать экспедицию маршрутами известного дальневосточного ученого и исследователя Владимира Клавдиевича Арсеньева.

книжное обозрение

«Да здравствуют летящие, летящие на свет!»*

Мне показалось, что эти строки из стихотворения Александра Романенко необычайно подходят к рассказу о книге А. Б. Мещеряковой «Владивосток. Поэма о людях»*.

Действительно, поэма! Алла Борисовна — профессиональный журналист, прекрасный знаток культурной жизни Владивостока. О людях она пишет с любовью, с уважением, со знанием дела. Читать ее очерки интересно и весьма познавательно.

Пронзителен очерк о приморском поэте Александре Романенко. Молодым человеком он получил смертельную дозу облучения, но чудом выжил. По словам его сына Максима, отец мог умереть и в двадцать, и в сорок лет. И, вероятно, именно поэтическая одаренность позволила ему не только выжить, но и жить.

Мы влюблены в движенье
До головокруженья,
До умопомраченья,
И лунное свечение
Нам говорит о том,
Что мы с Землею сами
Летим под парусами,
И стелется под нами
В пространстве мировом
Клубящийся, вертящийся
Колеблющийся свет…
Летим из настоящего
К далекому, светящему —
Да здравствуют летящие,
Летящие на свет!

Это же каким оптимистом надо родиться, чтобы, получив смертельную дозу радиации, написать такие строки!

А вот и любовь:

А знаешь, я тебя люблю,
И мне тобой не надышаться!
Целую голову твою,
И петь хочу, и не пою,
И только музыкой кружатся
Слова — как я тебя люблю,
И мне тобой не надышаться!

Подавляющая часть очерков в книге Мещеряковой — персоналии. Я насчитал двадцать девять персон да плюс коллективы (Клуб книголюбов, филармония Владивостокского музыкального училища).

Одна персона проходит в двух очерках — это поэт Галина Якунина. Думаю, заслуженно. Первый очерк посвящен собственно участнику Великой Отечественной войны Л. Ф. Горину, но через восприятие поэта. Вот несколько строк из стихотворения, которое Галина Павловна посвятила Льву Федоровичу, они звучат, как песня, как романс:

Мой друг, я думаю о вас…
Когда свеча дрожит в смятенье,
И, омрачен внезапной тенью,
Застынет город в поздний час,
В тот миг я думаю о вас…
(См. «Дальний Восток» № 6 за 2005 год).

Очерк Мещеряковой собственно о поэте Г. П. Якуниной родился в связи с выходом в свет второй книги стихов, которую автор назвала «Городская сумасшедшая». Городские сумасшедшие есть, по-видимому, в каждом городе, и самая первая из исторически из-

* *Мещерякова, А. Б. Владивосток. Поэма о людях. Книга публицистики / А. Б. Мещерякова. — Владивосток: типография ИП Юрченко Ларисы Викторовны, 2010. — 272 с. : ил.*

вестных — Ксения Петербургская. Но вот стихи пишут не все сумасшедшие. Да еще такие!

Не сбросить крест. Творя «иже еси»,
Идет душа путями родовыми,
Забыв страданьям счет и бедам имя,
Твердя: не верь, не бойся, не проси.

Поэма А. Б. Мещеряковой о людях культуры — это срез культурной жизни города Владивостока последних двух десятков лет. В ней и поэты, и артисты, и художники, а также рериховцы и пушкинисты, музыканты и композиторы, коллекционеры и «просто» деятели культуры. Это свидетельствует о том, что культурная жизнь в городе не затухает, но главное — есть люди, которые эту жизнь поддерживают и продолжают. И именно о них поэма Аллы Мещеряковой.

Всех героев «Поэмы о людях», к сожалению, не упомянуть. Но еще одно имя назову, это Андреана Агбалян, певица милостью божьей. В 1982 году я прилетел во Владивосток на предзащиту моей диссертации. И чуть ли ни в первый же вечер в краевой филармонии слушал романсы в исполнении Андреаны Гургеновны. Любовь к романсам в хорошем исполнении у меня от мамы, которая и сама недурно пела.

Затем благодаря моему другу Виктору Иванову, магаданскому геологу, мы были приглашены на артистический междусобойчик, где присутствовала и Андреана с мужем. Это был праздник искусства, пиршество ума и отдохновение души. В то время эта отдушина была очень нужна нам с Ивановым. Результат оказался положительным: предзащиты кандидатских диссертаций мы прошли успешно.

Следующая встреча с Андреаной Гургеновной случилась через пятнадцать лет, в 1997 году. Я был участником конференции, посвященной стодвадцатипятилетию со дня рождения В. К. Арсеньева. К этому событию приурочили открытие дома-музея писателя и исследователя на улице его имени, бывшей Федоровской. Участники конференции собрались у входа в дом-музей, но произошла какая-то заминка. Стояла ранняя весна, и было достаточно прохладно, люди ежились, топтались. И вдруг зазвучала задорная русская песня. Пела Андреана Агбалян. Народ приободрился и стал подпевать ей. Заметно потеплело.

Среди тех, о ком пишет Мещерякова, есть авторы, которые печатались на страницах журнала «Дальний Восток». Например, Ия Пермякова. Алла Борисовна пишет о ней как о незаурядном поэте, а мне, краеведу, Ия Анатольевна запомнилась своими воспоминаниями, особенно рассказом «Мамина зачетка» (см. «Дальний Восток» № 3 за 2007 год).

О том, что историю делают люди, а отнюдь не массы, мы поняли давно. И поэтому литература о людях была, есть и будет одной из самых интересных и востребованных. И сколько бы ее ни выходило, ее всегда будет мало. Многие деятели культуры, науки, спорта все еще остаются малоизвестными. А ведь их примеры имеют огромное, не просто воспитательное, а патриотически-воспитательное значение.

А. Б. Мещерякова подарила всем нам умную добрую книгу. Пример для подражания. Побольше бы таких! Одно жаль — тираж всего триста экземпляров. Очень мало!

Можно только сожалеть о том, что не пишут такие книги о деятелях культуры и искусства города Хабаровска. В 2002 году Дальневосточная государственная научная библиотека начала выпускать сразу две серии: «Ученый и библиотека» и «Музыкальная жизнь Дальнего Востока». Вышло по пять выпусков каждой, прозвучали такие имена, как Н. И. Дубинина, С. И. Красношатанов, Виктор Тиц, Кола Бельды и другие. Но дальше, к сожалению, дело застопорилось «по финансовым соображениям». Еще до кризиса.

Немало литературы подобного рода издает Хабаровский краеведческий музей имени Н. И. Гродекова. Хорошая серия идет из Государственного архива Хабаровского края. Но это все литература о тех, кто уже «ушел к верхним людям». А вот о современниках такой литературы нет, кроме кратких заметок типа «Звонок юбиляру» в газете «Тихоокеанская звезда». А если что-то и выходит, то позорно малыми тиражами, потому что на культуру денег никогда не хватало, не хватает их и сейчас. И это не есть хорошо!

Виктор ЧЕТВЕРГОВ

АВТОРЫ НОМЕРА

Вадим Александрович ВОЕВОДИН родился в 1966 году в Баку. С 1992 года — на Дальнем Востоке. Работал монтером путей на железной дороге, слесарем. Окончил исторический факультет Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета. С 2007 года работает в Законодательной думе Хабаровского края. Председатель Комсомольской-на-Амуре общественной писательской организации им. Г. Н. Хлебникова. Печатался в журнале «Дальний Восток»; поэтическом сборнике, изданном к 70-летию Комсомольска-на-Амуре. Автор книги «Огненные скрижали».

Живет в Комсомольске-на-Амуре.

Олег Николаевич ВОРОНОЙ родился в 1962 году в поселке Преображение Приморского края. В 1984 году окончил Приморский сельскохозяйственный институт, работал инженером, преподавателем черчения и трудового обучения в школе и училище, был директором предприятия и координатором международного проекта «Спасение амурского тигра». В 2003 году окончил Дальневосточную академию государственной службы в Хабаровске. Руководитель исполкома местного отделения партии «Единая Россия» по Лазовскому району Приморского края. Автор четырех книг. Публиковался в местных и центральных газетах, журналах и альманахах Хабаровского и Приморского краев.

Живет в Приморском крае.

Евгений Петрович ГОНЧАРОВ родился в 1955 году в городе Благовещенске Амурской области. Окончил техникум, заочно — журфак ДВГУ. Работал в газетах на разных должностях, четыре года был пресс-секретарем Амурского областного отделения партии «Единая Россия». В 2007 году жил и работал в Пекине. Публиковался в газетах «Трибуна» (Москва), «Молодость Сибири» (Новосибирск), «Донецкий кряж» (Донецк), русскоязычных журналах «Китай» (Пекин), «Партнеры» (Харбин). После полутора лет редакторства в региональном приложении «Аргументов Неделі» ушел в дворники.

Живет в Благовещенске.

Иван Васильевич ЗОРИН родился в 1959 году, в Москве. Российский писатель и публицист. Окончил Московский инженерно-физический институт, кафедру теоретической физики по специальности физик-ядерщик. Автор более 500 рассказов. Главный редактор издания «Литературный журнал». Член Союза писателей России. Член Гражданского Литературного Форума России. Публиковался в периодике: журнал «Октябрь», «Литературная учеба», «Проза», «Московский вестник», «Кольцо “А”», «Звезда», «Северная Аврора», «Литературное приложение к газете “ВТВ”» (Миннесота, США), литературно-философский журнал «Торсо» (Мюнхен, Германия) и др.

Живет в Москве.

Владимир Сергеевич МАРАТКАНОВ родился в 1946 году на станции Кизнер в Удмуртии. Окончил Хабаровскую специальную школу милиции. Двадцать лет работал следователем в Находкинском горотделе милиции, из них три года следователем по особо важным делам ГУВД Приморского края. Публиковался в городских и краевых газетах — «Находкинский рабочий», «Рио-Панорама», «Арсеньевские вести», «Литературный меридиан»; в журналах «Родное Приамурье», «Приморская мозаика», «Дальний Восток», в Записках Общества изучения Амурского края. Действительный член Общества по изучению Амурского края. Член Союза фотохудожников России.

Живет в городе Находке Приморского края.

Игорь Борисович ОЛЬХОВСКИЙ родился в 1961 году в Хабаровске. Окончил Хабаровский топографический техникум. Бизнесмен, вице-президент Дальневосточного клуба путешественников. Печатался в журналах «Дальний Восток», «Родное Приамурье», автор нескольких фильмов о путешествиях по Дальнему Востоку.

Живет в Хабаровске.

Виктор Иванович РЕМИЗОВСКИЙ родился в 1932 году в Днепропетровске. Окончил Каменец-Подольский сельхозинститут и физико-математический факультет Дальневосточного государственного университета. Кандидат геолого-минералогических наук, академик и председатель УС Дальневосточной народной академии наук, автор многих научных публикаций, семи монографий по истории Дальнего Востока. Заведующий отделом очерка и публицистики журнала «Дальний Восток». Член Союза писателей России. Печатался в журналах «Вестник ДВО РАН», «Дальний Восток» и других.

Живет в Хабаровске.

Татьяна Александровна СЕРГЕЕВА родилась в Уссурийске, в 1952 году с семьей переехала в Ленинград. После окончания Ленинградского санитарно-гигиенического медицинского института работала врачом санэпидстанции, врачом станции «Скорой помощи». В 1972 году окончила факультет кинодраматургии ВГИКа, работала редактором на Хабаровском краевом телевидении. С 1985 года — спортивный врач, была врачом сборной СССР по спортивной гимнастике. В настоящее время заведует отделением восстановительной терапии в городской больнице.

Живет в Санкт-Петербурге.

Геннадий Яковлевич СТРУНАЧЁВ-ОТРОК родился в 1953 году в Волгоградской (Сталинградской) области. Окончил Ростовское-на-Дону мореходное училище МРХ СССР и филфак Камчатского педагогического института. Прошел путь от матроса до капитана, был штурманом дальнего плавания; корреспондентом газеты «Камчатская правда», редактором газет «Камчатские ведомости» и «Деловая Камчатка». Печатался в журналах «Рыбное хозяйство», «Дальний Восток», «Северная пацифика». Автор книг «Надо быть спокойным на «Упрямом» (1993), «Колхоз — дело добровольное» (1996), сборника стихов «Порванные звенья» (2000), документальной повести «Топорки летят на Алеуты» (2002). Член Международной ассоциации писателей-баталистов и маринистов.

Живет в Петропавловске-Камчатском.

Елена Павловна СУПРАНОВА родилась во Владивостоке. Экономист, работает в администрации города. Печаталась в краевых, городских газетах, в журналах «Звезда», «Семья и школа», «Дальний Восток». В 2002 году вышла книга стихов, в 2005 году — книга рассказов. Лауреат литературного конкурса «Русский Stil-2008» в Германии, а также литературного конкурса «Литературная Вена-2009» в Австрии.

Живет во Владивостоке.

Сергей Георгиевич ФЕОКТИСТОВ (1913–1999). Родился в селе Ерохино Московской области. После окончания педтехникума несколько лет учительствовал. В 1937 году окончил школу военно-морских летчиков и в течение двадцати шести лет служил в армии. Участник Великой Отечественной войны. Печататься начал в 1939 году. На Дальний Восток приехал в 1940 году. В 1955 окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Много лет писатель посвятил изучению творчества Петра Комарова. С. Г. Феоктистов – автор широко известной песни «Шуми, Амур». Член Союза писателей СССР.

Жил и работал в Хабаровске.

Валерий Николаевич ЧЕРКЕСОВ родился в 1947 году в Благовещенске. Работал в газетах Амурской области. Автор восемнадцати книг стихотворений и прозы, изданных в Москве, Хабаровске, Благовещенске, Белгороде, Воронеже. Печатался во многих столичных и региональных журналах, в сборниках, альманахах, антологиях, в «Литературной газете» и «Литературной России». Лауреат Всероссийской литературно-театральной премии «Хрустальная роза Виктора Розова» (2008).

Живет в Белгороде.

Николай Меркомалович ШАМСУТДИНОВ. Поэт, публицист, сатирик, переводчик. Родился 26 августа 1949 года на п-ве Ямал. Работал в геологоразведке, оператором нефтедобычи, тележурналистом, художником, генеральным директором книгоиздательской фирмы «Автохтон». Служил в Военно-воздушных силах. Выпускник Литературного института им. А. М. Горького в 1980 году. Участник многочисленных литературных форумов в России и за рубежом (Франция, Германия, Австрия, Польша, Словакия). Много сил и времени отдает воспитанию литературной смены, участвуя в мастер-классах. Создал и ведет занятия в Тюменской областной литературной студии «Мастерская». Председатель Правления Тюменской региональной организации Союза писателей России.

Живет в Тюмени.

Галина Павловна ЯКУНИНА родилась во Владивостоке. Окончила филологический факультет Дальневосточного государственного университета. Работала преподавателем литературы во Владивостокском морском колледже, затем — главным специалистом в управлении социальной защиты населения Советского района администрации города Владивостока. Редактор в департаменте информации и печати Морского государственного университета им. адмирала Г. И. Невельского. Автор поэтических сборников «Грешна и счастлива», «Городская сумасшедшая», «Космический возраст», «Не отрекусь». Печаталась в региональных и центральных изданиях, в журнале «Дальний Восток». Член Союза российских писателей.

Живет во Владивостоке.

Сергей Дмитриевич ЯН родился в 1949 году в Южно-Сахалинске. В 1966 году окончил среднюю школу № 15. После окончания в 1974 году Иркутского политехнического института получил распределение на Сахалин в производственное управление «Сахалинавтодор». Работал мастером, начальником производственного отдела, главным инженером, начальником отдела капитального строительства областного управления «Сахалинавтодор», генеральным директором ПКЦ «Сахавтодорснаб». Был президентом общественных организаций «Сахалинский корейский клуб» с 1999 по 2002-й год и «Содружество» с 2005 по 2007-й год. С 2004 года работал в аппарате Сахалинской областной думы помощником депутата. Автор книг «Страна отцовских грез», «Сон одинокого облака», «Тени цветов», «Слушая песни дождя». Член Союза писателей России.

Живет в Южно-Сахалинске.

Редакция журнала

уведомляет авторов о том, что к рассмотрению принимаются рукописи, выполненные на компьютере не мельче 12–14 кегля, с обязательным приложением дискеты с набором текста, либо первые экземпляры рукописей, отпечатанные на машинке через два интервала.

Тексты, присланные на дискетах, CD и по электронной почте, **без бумажных носителей не рассматриваются.** В переписку по этому поводу редакция журнала не вступает. Отклоненные рукописи не рецензируются и не обсуждаются, хранятся в архиве редакции в течение одного года.

Просим авторов сообщать о себе следующие сведения: фамилию, имя, отчество, домашний адрес, контактный телефон, данные паспорта, номер ИНН, номер пенсионного страхового свидетельства, а также краткие биографические данные для рубрики «Авторы номера».

Ответственность за достоверность фактов, изложенных в материалах, несут авторы. Мнение авторов не всегда и не во всем совпадает с мнением редакции.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Российский литературный журнал

Главный редактор — В. В. Сукачев
Отдел прозы — Т. Н. Савельева
Отдел поэзии — Е. Р. Добровенская
Отдел очерка и публицистики — В. И. Ремизовский
Секретарь — Н. Е. Черникова
Набор и верстка — Н. М. Соболь
Корректор — З. М. Бугрова
Специалист по маркетингу — А. И. Дудко

Учредители — Министерство культуры Хабаровского края,
Союз писателей Российской Федерации.

Журнал зарегистрирован в Мининформпечати РФ.
Свидетельство о регистрации № 349 от 15 ноября 1990 года.

Сдано в набор 06. 06 2011. Подписано к печати 05. 07. 2011.
Формат 70x108/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 21. Заказ № 282. Тираж 1000 экз.
Цена свободная.

Подписной индекс журнала:
в каталоге МАП — 14406; в каталоге «Роспечать» — 73103.

Адрес редакции и издателя:
680000, Хабаровск, пер. Капитана Дьяченко, 7а.

Телефоны: приемная — 32-59-68
зам. главного редактора — 31-20-02
отдел прозы, отдел публицистики — 31-24-01
Факс 32-59-68 E-mail: dvjournal@mail.ru

Хабаровская краевая типография: 680038, Хабаровск, ул. Серышева, 31.